МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Комплексный научно-исследовательский институт

им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

На правах рукописи

Салгириев Али Русланович

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭЛИТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Научная специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание учёной степени

доктора политических наук

Научный консультант:

Тишков Валерий Александрович,
доктор исторических наук, профессор, академик РАН

Грозный, 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ ……..… 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ……...…29

1.1. Эволюция идей о политических элитах в мировой и отечественной науке……29

1.2. Сущность и динамика политических элит……56

1.3. Структура, типология и особенности функционирования политических элит……..69

ГЛАВА 2. РЕСУРСНАЯ БАЗА И СТРАТЕГИИ АКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИ…….....88

2.1. Социально-экономические, административные и информационные ресурсы элит…….……...……..88

2.2. Структурный анализ политической элиты: доступ к ресурсам, влияние и легитимность в контексте региональной власти…….……..……100

2.3. Феномен харизматического лидерства в политике Северного Кавказа……..... 119

2.4. Кланы в политической системе Северного Кавказа: трансформация традиционных структур в институциональных акторов…….……..…...…135

ГЛАВА 3. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ …….……170

3.1. Исследование функционирования политических элит в субъектах Северо-Кавказского федерального округа……..…….……...170

3.2. Этноклановые структуры и политические элиты Республики Дагестан: механизмы формирования и функционирования……..……..……...……177

3.3. Особенности становления, функционирования и трансформации региональных элит в Республике Ингушетия: клановый фактор и кризисы легитимности……..……..……...……...200

3.4. Политико-административная эволюция и этнические балансы в элитах Кабардино-Балкарской Республики……..……...…….227

3.5. Этнополитические элиты Карачаево-Черкесской Республики: исторические предпосылки, современные механизмы циркуляции…….…….. 256
3.6. Северная Осетия−Алания: формирование политических элит, этноконфессиональная специфика и взаимодействие с федеральным центром.....279
3.7. Динамика рекрутирования и ротации региональных элит Ставропольского края в современный период……..…301
3.8. Политические элиты Чеченской Республики: эволюция в условиях вооружённых конфликтов и современная структура управления……323
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..362
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ …….370

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современной России деятельность политических элит в контексте общероссийских и региональных политических процессов недостаточно изучена. Элиты всегда выступают в роли стратегических акторов, играющих ключевую роль в процессе принятия решений и выработки стратегии развития государств и сообществ. Элиты, в том числе региональные, задают векторы социально-экономического развития территорий, напрямую определяя характер взаимодействия центра и регионов, формируя и реализуя политику государства на федеральном и местном уровнях.

Организационная значимость политических элит в регионе существенно возрастает в условиях многообразия этнических, конфессиональных и культурных идентичностей, характерных для многонационального государства, каким является Российская Федерация. Особенно отчётливо эта ситуация прослеживается на Северном Кавказе. Изучение специфики формирования, структуры и механизмов функционирования элит данного макрорегиона выходит за рамки узкорегиональной проблематики и становится составной частью решения общегосударственных задач по укреплению единства и территориальной целостности Российского государства.

Особенность Северного Кавказа заключается в наличии сложной сети социальных и этнополитических структур, в которых важную роль играют неформальные институты и традиционные модели власти. Нередко этноклановые и патрон-клиентские связи на Северном Кавказе существенно дополняют, а иногда подменяют формальные механизмы государственного управления. С одной стороны, сложившаяся конфигурация даёт региональным элитам возможность поддерживать социально-политическую устойчивость и своевременно реагировать на всплески этнополитической напряжённости. Неформальный характер элитных практик, с другой стороны, может создавать условия для роста политической

неопределённости и перманентной турбулентности, что приводит к возникновению кризисов легитимности.

Глобальные и внутригосударственные вызовы, сложная международная ситуация актуализируют необходимость углублённого изучения роли и места элит Северного Кавказа в контексте общероссийских политических процессов. Растущая вовлечённость региональных элит в федеральную повестку требует переосмысления прежних подходов к анализу их ресурсной базы, механизмов влияния, стратегий активности и политико-государственной ориентации. Сегодня региональные политические акторы располагают широким спектром экономических, административных и медийных ресурсов, позволяющих им оказывать значительное влияние не только на внутреннюю ситуацию в субъектах, но и на формирование общероссийской политической повестки.

Воздействие политических элит Северного Кавказа на процессы этнополитической мобилизации имеет неоднозначный, двойственный характер и проявляется как в стабилизирующих, так и в конфликтогенных формах активности. Обладая авторитетом, символическим капиталом, устойчивыми каналами влияния и возможностью прямого взаимодействия с локальными сообществами, региональные элиты могут снижать межэтническую и религиозную напряжённость, выступать посредниками в конфликтных ситуациях и обеспечивать согласование интересов между властью и обществом. Однако та же ресурсная база при определённых обстоятельствах может использоваться для защиты узкогрупповых интересов, усиления радикальных настроений, распространения антигосударственных установок и провоцирования политической дестабилизации. Предотвращение подобных сценариев требует анализа не только формальных институтов власти и официальных механизмов принятия решений, но и скрытых каналов рекрутирования, неформальных связей, способов внутригрупповой консолидации, функционирования и обновления элитных групп, так как латентные механизмы во многом определяют реальную политику.

Особый исследовательский интерес применительно к Северному Кавказу представляет вопрос доверия к региональным элитам, выходящий за рамки простой оценки отношения населения к власти. В данном случае речь идет о признании за правящими группами права принимать решения, распределять ресурсы и выступать посредником между государством и локальными сообществами. При сохранении такого признания политический порядок получает дополнительную основу. Поэтому институциональное доверие в северокавказском контексте следует рассматривать как самостоятельный ресурс легитимации элит и одно из условий политической устойчивости.

Изучение политических элит Северного Кавказа имеет значение не только для описания региональной специфики, но и для более широкого понимания механизмов власти в сложных полиэтничных и поликонфессиональных обществах. Анализ становления элит, способов функционирования, каналов влияния и участия в реализации общегосударственных задач раскрывает особенности взаимодействия центра и регионов, формальных институтов и неформальных практик, управленческих решений и локальных социальных ожиданий. Исследование расширяет представления о политических институтах и процессах, а также имеет прикладное значение для совершенствования государственного управления в условиях этнокультурной сложности Северного Кавказа.

Степень научной разработанности. Становление и развитие элитологии как самостоятельного научного направления связано с трудами итальянских исследователей конца XIX — начала XX вв. — В. Парето и Г. Моски[1], В. Парето разработал концепцию циркуляции элит, а Г. Моска обосновал представление о правящем классе как устойчивом меньшинстве, организующем политическую власть. Их работы заложили основу классической теории элит и сформировали научно-категориальный аппарат анализа властных групп. Развитие теории

[1] *Моска Г.* Правящий класс // Социс. − 1994. − № 10. − С. 187–198; *Mosca G.* The Ruling Class. – New York: McGraw-Hill Book Company. – 1939. − 514 p.; Pareto V. The Rise and the Fall of the Elite: An Application of the Theoretical Sociology. – N.Y.: Bedminster Press. – 1968 – 120 p.

продолжили Х. Лассуэлл, К. Мангейм, Дж. Шумпетер, Р. Михельс и К. Райт Миллс, сконцентрировав внимание на механизмах рекрутирования и распределения ресурсов между элитными слоями. Плюралистическую и институциональную проблематику элитных властных отношений раскрыли А. Бентли, Т. Дай, Р. Даль, акцентировав роль межгрупповой конкуренции и формальных организаций. В неоэлитарных и транзитологических исследованиях Г. О'Доннелл, Дж. Сартори и Ф. Шмиттер[2] внесли существенный вклад в осмысление взаимосвязи элит и демократического процесса, уделив внимание согласованности вертикальных и горизонтальных уровней властных групп.

С конца 1990-х гг. отечественная научная школа системно развивает элитологию в контексте российской трансформации. В работах О.В. Крыштановской, В.В. Радаева, А.В. Дуки[3] сформированы методы типологизации элит, описаны механизмы циркуляции властных групп и обозначены принципы их рекрутирования на федеральном и региональном уровнях. Вместе они создают основу для анализа формальных и социокультурных факторов, определяющих обновление элитного корпуса, его влияние на политическую динамику России.

В исследованиях Я.А. Пляйса, Л.М. Дробижевой[4], М.Ю. Мартыновой[5], Л.Р. Сагитовой, В.А. Тишкова[6], О.В. Гаман-Голутвиной, В.Г. Игнатова, Н.Ю. Лапиной,

---

[2] *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. − New York: Dover Publications. − 1959. − 416 p.; *Даль Р.* Демократия и ее критики. − М.: РОССПЭН. − 2003. − 576 с.; *Миллс Р.* Властвующая элита. − М.: «Иностранная литература». − 1959. − 543 с.

[3] *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров. – 2004. − 384 с.; *Крыштановская О.В., Комарова А.А., Захаров М.Ю.* Проблемы государственного регулирования культурной деятельности в России: взгляд экспертов // Вестник Университета (Государственный университет управления). − 2019. − № 1. − С. 163−170; *Kryshtanovskaya O.* The Legacy of Tandemocracy: Russia's Political Elite during Putin's third Presidency // Baltic Worlds. – 2014. – Vol. 7. − No. 2−3. – Pp. 14−21.

[4] *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей. − 2003. − 376 с.; *Дробижева Л.М., Даен Д.В.* и др. Социология межэтнической толерантности. − М.: Ин-т социологии РАН, Центр этнической социологии. − 2003. − 222 с.

[5] *Мартынова М.Ю., Грацианская Н.Н. и др.* Этнические проблемы и политика государств Европы. − М.: ИЭА РАН. − 1998. – 400 с.

[6] *Тишков В.А., Филиппова Е.И. [и др.].* Культурная сложность современных наций. М.: Издательство "Политическая энциклопедия". − 2016. – 384 с.; *Тишков В.А.* Общество в вооружённом конфликте: Этнография чеченской войны. − М.: «Наука». – 2001. − 552 с.; *Тишков В.А., Степанов В.В., Новикова*

В.П. Мохова, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, А.Е. Чириковой[7], Мацузато[8], Д.В. Бадовского, С.И. Барзилова, А.К. Магомедова, А.Г. Чернышова[9], Ж.Т. Тощенко[10], Д.С. Жукова, Д.Г. Сельцера[11] сформирован разносторонний методологический инструментарий изучения политической активности элит на федеральном и региональном уровнях. Данные работы создают надёжную теоретико-эмпирическую базу для сопоставительного анализа элитных систем и оценки их воздействия на политическую устойчивость Российской Федерации.

Н.И. [и др.] Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. − М.: «Наука». − 2011. – 462 с.

[7] *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Политические исследования. − 2004. − № 3. – С. 6−19; *Барзилов С.И., Чернышов А.Г.* Безумство власти: Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. − М.: «Ладомир». − 2005. − С. 158–217; *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. − М.: ИНИОН РАН. – 2000. – 200 с.; *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). − Пермь: «Пермское книжное издательство». − 2003. − 240 с.; *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). − М.: «Московский общественный научный фонд». − 2000. − 240 с.

[8] *Горшков М.К., Андреев А.Л.* [и др.] Российское общество и вызовы времени. Кн. 5. − М.: НИЦ «Соц. мониторинг». – 2017. − 427 с.; Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? / под ред. *К. Мацузато.* − М.: МГИМО-Университет. − 2004. − 368 с.; *Воронцов С.А., Понеделков А.В.* Инновационные ответы российской элитологии на вызовы современной политической ситуации // Северо-Кавказский юридический вестник. − 2019. − № 2. − С. 158–168*; Понеделков А.В., Игнатова Т.В., Воронцов С.А., Васьков М.А.* Социальные запросы и характер трансформации региональных политико-административных элит в условиях современных системных вызовов // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. − 2019. − № 1. − С. 11–19; *Аствацатурова М.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В., Игнатова Т.В.* Упрочение гражданского единства в этнополитическом контексте юга России (политико-управленческие идеи и экспертное мнение) // Власть. − 2018. − Т. 26. − № 7. − С. 17–23.

[9] *Пляйс Я.А.* О старой и новой элите России: проблемы трансформации // Элитология и стратегии развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. − М. − 2016. − С. 37–51; *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. − Воронеж. – 1996. − 223 с.; *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Охотский Е.В.* Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. − М.: «Экзамен». – 2001. − 607 с.; *Дискин И.* Элиты как субъекты российских реформ // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. − 1996. − № 1. – С. 10−17; *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. −М.: Захаров. − 2004. − 384 с.

[10] Т*ощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки. − М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). − 2003. − 432 с.

[11] *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Взгляд в будущее: системно-динамическое моделирование политической трансформации региональных элит (Россия, 2021 − 2035 гг.) // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. − № 3. – С. 23−55.

Исследования Г.С. Денисовой, Л.Л. Хоперской, В.А. Авксентьева, В.Х. Акаева, А.В. Баранова, А.Н. Мирновой, А.К. Алиева, Ю.В. Васильева, И.П. Добаева, Г.И. Юсуповой[12], А.А. Вартумяна, В.М. Юрченко, В.В. Черноуса[13] и

---

[12] *Денисова Г.С.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. − Ростов-на-Дону: «Ростовский педагогический университет». – 1996. − 224 с.; *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. − Ростов-на-Дону: «Сев.-Кавк. акад. гос. службы». – 1997. – 143 с.; *Вартумян А.А.* К вопросу о динамике этносоциальных процессов в российских регионах / Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования: материалы Международной научно-практической конференции. Адыгейский гос. Университет. Майкоп: ЭлИТ. – 2017. – С. 19−20; *Авксентьев В.А., Аствацатурова М.А., Балдано М.Н.* [и др.] Стабильность и конфликт в российском приграничье: этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. − М.: «Научно-образовательный форум по международным отношениям». – 2005. − 344 с.; *Смирнов А.Н.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. − М.: «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук». – 2001. – 112 с.; *Алиев А.К.* Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. Махачкала: «Издательство Дагестанского научного центра РАН». − 2003. − 620 с.; *Васильев Ю.В.* Этнополитические процессы на Юге России на рубеже XX–XXI веков: от конфликта к стабилизации. − Ростов-на-Дону: «Изд-во Рост. гос. ун-та». – 2004. – 234 с.; *Авксентьев В.А.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. *М.А. Омаров*. М.: РГГУ. − 2018. − С. 131–140; *Добаев И.П.* Основные направления усиления противодействия терроризму в молодежной среде России в идеологической сфере // Обзор. НЦПТИ. − 2018. − № 2 (13). − С. 24−33; *Добаев И.П.* Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе / Актуальные проблемы Северного Кавказа. Сб. науч. статей. Сер. «Южнороссийское обозрение». − Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования». – 2018. − С. 92−115; *Карабанова И.В., Голубева М.О., Газиев Д.Ж.* Проблемы и перспективы формирования политической элиты в республиках Северного Кавказа / Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы III Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием. − М.: ЮРИУФ РАНХиГС. – 2019. − С. 181−185; *Денисова Г.С., Баранов А.В., Викторин В.М.* [и др.] Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (итоги 2018 года): экспертный доклад / Под общ. ред. *В.А. Тишкова*. − Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования». – 2018. – 200 с.; *Поляков А.В.* Социальная сплоченность на Северном Кавказе как политический капитал и ресурс эффективности элит / Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете. Материалы Междунар. Конгресса / Под ред. *А.П. Лунева, П.Л. Карабущенко.* − Астрахань: Астраханский ун-т. – 2017. – С. 319−325; *Юсупова Г.И.* Влияние вызовов модернизации на императивы инновационного развития элит Северного Кавказа // Общество: политика, экономика, право. − 2016. − № 9. – С. 13−15; *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. − 2019. − Т. 89. − № 4. – С. 408−412.

[13] *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН *М.К. Горшкова*. М.: Альфа-М. – 2008. – 368 с.; Южнороссийское обозрение. вып. 26: Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе: сб. науч. ст. / отв. ред. *Ю.Г. Волков*. − Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. – 2005. – 247 с.; *Юрченко В.М.* Политика как фактор региональной конфликтности: автореферат дисс. … д. пол. н. − Краснодар. – 1998. − 37 с.; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. − Ставрополь: Изд-во СГУ. – 2001. – 267 с.; *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе: желаемое и действительное / Гуманитарные

других авторов углубляют знания о региональных этнополитических процессах Северного Кавказа. На основе эмпирического материала они исследуют механизмы этнической мобилизации, роль клановых сетей, конфигурацию межэтнических, межконфессиональных взаимодействий и динамику перераспределения ресурсов, определяющих характер политической конкуренции в субъектах макрорегиона. Ими анализируется влияние традиционных институтов и религиозных структур на легитимацию власти, эффективность управленческих практик, направленных на предотвращение и урегулирование конфликтов.

Проблематика этнополитической напряжённости и конфликтогенеза в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) раскрывается в трудах В.А. Авксентьева, А.В. Малашенко, Э.Ф. Шарафутдиновой, А.А. Вартумяна, М.А. Аствацатуровой, Т.Н. Литвиновой, С.В. Ушакова, А.А. Кадырова и др.,[14] где показано, как локальные факторы мобилизации и межклановая конкуренция усиливают либо ослабляют конфликты. Специфика политического процесса в Республике Дагестан исследована З.А. Махуловой[15], К. Мацузато, М.-Р. Ибрагимовым и А.-Н.З. Дибировым[16]. Авторы демонстрируют, что сочетание формализованных регуляторов с традиционными нормами формирует

и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник статей VII Международной научной конференции, посвященной 25-летию Ингушского государственного университета. ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». − 2019. − С. 8–12.

[14] *Малашенко А.В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. – М.: РОССПЭН. – 2009. − 150 с.*; *Кадыров А.А.* Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения: дисс. … к. пол. н. − М. – 2003. – 149 с.; *Ушаков С.В.* Социокультурный анализ этнополитического конфликта (На примере конфликтов в Чеченской Республике): дисс. … к. полит. н. − Ставрополь. – 2004. – 178 с.*; Шарафутдинова Э.Ф.* Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект / Отв. ред. *И.П. Дабаев*. − Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ. – 2008. – 173 с.; *Литвинова Т.Н.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход): дисс. … д. пол. н. − М. − 2016. − 406 с.; *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона): дисс. … д. полит. н. − М. – 2003. – 530 с.

[15] *Махулова З.А.* Современная региональная геополитика России (на материалах Республики Дагестан) / Отв. ред. *И.П. Добаев*. − Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. − 2007. − 169 с.

[16] *Ибрагимбеков М.-Р., Мацузато К.* Чужой, но лояльный: причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // Полис. Политические исследования. − 2005. − № 3. – С. 102-115; *Дибиров А.-Н.З.* Дагестан: кажимость и действительность // Регионалистика и этнополитология / Отв. ред. *Р.Ф. Туровский*. − М.: РОССПЭН. − 2008. – С. 148−164.

многослойную конфигурацию власти и идентичностей. Религиозно-политическое измерение трансформаций региона подробно рассматривается Э.Ф. Кисриевым, Д.В. Макаровым, В.Х. Акаевым и В.О. Бобровниковым[17], которые анализируют, каким образом религиозные структуры способны консолидировать или радикализировать социальные группы. Взаимодействие этнических, конфессиональных и административных акторов в Северной Осетии–Алании и Ингушетии изучается в работах А.Г. Здравомыслова, А.А. Цуциева, Б.У. Костоева, В.А. Соловьёва, Х.В. Дзуцева[18], Т.Н. Литвиновой, Б.Г. Койбаева и Ю.В. Усовой[19].

---

[17] *Акаев В. Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.: ИЭА РАН. – 1999. – 26 с.; *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. − М.: «Логос». – 2004. – 125 с.; *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. − М.: ИВ РАН. − 2000. – 84 с.; *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. − М.: «Восточная литература». – 2002. – 368 с.; *Кисриев Э.Ф.* Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред.: *И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев*. М.: Институт Африки РАН. − 2015. − С. 104−110.

[18] *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: Перспективы выхода из тупиковой ситуации. − М.: РОССПЭН. – 1998. – 128 с.; *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992−…): его предпосылки и факторы развития. − М.: «Российская политическая энциклопедия». – 1998. − 188 с.; *Костоев Б.У.* Кавказский меридиан. − М.: «Гуманитарный фонд Ингушетии». – 2003. – 639 с.; *Соловьев В.А.* Одиннадцать лет постконфликтного урегулирования осетино-ингушского конфликта: проблемы, опыт, рекомендации / Сб. материалов междунар. круглого стола «Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения». / Отв. ред. *В.Г. Игнатов*. − Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС. − 2003. − С. 311–323; *Дзуцев Х.В.* Осетино-ингушский конфликт: механизмы снижения напряженности / Сб. материалов междунар. круглого стола «Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения». / Отв. ред. *В.Г. Игнатов*. − Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС. – 2003. – С. 306−311; *Abrahamson P., Davydova N., George K., Manning N., Tikhonova N.E., Tsutsiev A., Veit-Wilson J., Zdravomyslov A.G.* Poverty and social exclusion in the new Russia. − London. − 2017. (2-е изд.); *Zdravomyslov A.G., Tsutsiev A.A.* Ethnic and cultural aspects of poverty // Poverty and Social Exclusion in the New Russia. London. − 2017. − Pp. 149–173.

[19] *Литвинова Т.Н.* Представительная власть на Северном Кавказе и Парламент Северной Осетии / Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы Международной научной конференции, Москва, 17–18 мая 2006 года / под ред. *В.В. Дегоева*. – М.: «Русская панорама». – 2007. − С. 127−147; *Койбаев Б.Г., Усова Ю.В.* Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. − Владикавказ.: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. – 2009. – 199 с.; *Усова Ю.В.* Современные политико-властные элиты республик северного Кавказа: проблемы функционирования в контексте социальных изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 2 (60). – С. 193–195; *Литвинова Т.Н.* Проблема доверия власти как предпосылка согласия в обществе на примере республик Северного Кавказа / Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / Под общ. ред. *О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой*. − М.: Аспект Пресс. – 2018. – С. 309–310; *Литвинова Т.Н., Железняков А.С.* Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте

Учёные подчёркивают значимость институциональной гибкости и роли негосударственных медиативных структур в предотвращении эскалации противоборств.

Большинство исследований концентрируется либо на макроуровне федеративного управления, либо на локальных кейсах отдельных субъектов, что сужает комплексное понимание многоуровневой элитарной циркуляции, затрудняя выведение общих закономерностей. Недостаточно разработаны междисциплинарные модели, позволяющие снимать аналитическую «двоичность» между формальными структурами и неформальными сетями персонального и корпоративного взаимодействия, увязывать их с конфликтогенным потенциалом этнополитического пространства.

Особый пробел наблюдается в исследовании дуальной функции элит и этнократий в условиях затяжных или латентных конфликтов. Можно сказать, что, с одной стороны, они способны выступать медиаторами и арбитрами в процессах управления этническим разнообразием. С другой стороны, при эрозии легитимности и деградации механизмов нормативного контроля превращаются в катализатор деструктивных сценариев, усиливая сепаратистские, экстремистские и даже террористические тенденции. Эмпирические данные о таких трансформациях накоплены фрагментарно, что ограничивает прогностические возможности политической науки.

Лишь в последние годы предпринимаются попытки систематического картирования новых очагов этнополитической напряжённости и территориальных споров на российском Северном Кавказе (Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия − Алания, Кабардино-Балкария, Чеченская Республика), а также оценки степени вовлечённости региональных элит в эскалацию или деэскалацию конфликтов. Усиление внешнеполитических факторов задаёт качественно иную среду принятия

трансцивилизационного взаимодействия // Социологические исследования. – 2019. – № 5. – С. 129–138; *Койбаев Б.Г., Зассеева А.М.* Классификация преступлений экстремистской направленности / VII Международный молодежный юридический форум «Экстремизму – отпор». – 2019. – С. 169–175.

решений, повышая роль субнациональных акторов в обеспечении внутренней безопасности.

Настоящее исследование направлено на преодоление выявленных пробелов, используя институционально-сетевой и ресурсно-мобилизационный подходы. При этом верифицируется авторская концепция формирования и эволюции политических элит Северного Кавказа. В диссертации детализируются их ресурсные портфели (экономический, административный, информационный и символический капитал), выявляются каналы элитарного рекрутирования и механизмы легитимации, оценивается способность конвертировать мобилизационный потенциал в профилактику религиозно-политического экстремизма и терроризма. Системный анализ взаимодействия элитных групп с регламентированной средой и гражданским обществом позволяет выстроить типологию стабилизирующих и дестабилизирующих стратегий, обладающих как фундаментальным теоретическим значением, так и прикладной ценностью для разработки превентивных мер в сфере региональной безопасности.

Терминологические рамки исследования исходят из понимания элиты как властного меньшинства. Понятия «элита», «политическая элита», «политико-административная элита», «властвующая элита» и близкие им обозначения правящего слоя используются как пересекающиеся аналитические понятия, отражающие концентрацию власти, ресурсов и управленческих возможностей в руках относительно узкой группы. Разграничение проводится лишь там, где этого требует исследовательская задача.

Объектом диссертационного исследования являются региональные политические элиты Северного Кавказа как субъекты власти и управления, осуществляющие свою деятельность в системе общероссийских и региональных политических процессов.

Предмет исследования – механизм формирования, рекрутирования, циркуляции и функционирования региональных политических элит Северного Кавказа, их ресурсной базы, установления форм взаимодействия с федеральным

центром, установления роли в обеспечении устойчивости региональных политических систем.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении специфики деятельности политических элит Северного Кавказа, включая установление моделей их рекрутирования, циркуляции и эволюции, определение стратегий политической активности, а также анализ конфликтогенного потенциала и возможностей его минимизации.

Сформулированная цель предполагает решение следующих взаимосвязанных **задач:**

1. Систематизировать и критически осмыслить основные зарубежные и отечественные концепции политических элит, выделив методологические положения, применимые к полиэтничным регионам, в том числе российским.
2. Определить сущностные характеристики и факторы эволюции элит в постсоветский период, установив движущие силы их трансформации в условиях многоуровневой российской политической системы.
3. Разработать типологию и описать структуру российских политических элит, зафиксировав особенности их функционирования и взаимодействия в вертикали публичной власти.
4. Охарактеризовать социально-экономические, административные и информационные ресурсы северокавказских элит, проанализировав механизмы их мобилизации.
5. Исследовать соотношение федеральных и региональных факторов в процессах рекрутирования и ротации элит, определив баланс централизованных и автономных практик.
6. Выявить механизмы формирования и политические последствия харизматического лидерства в условиях полиэтничных регионов Северного Кавказа.
7. Определить трансформационную динамику кланов в контексте региональной политической конкуренции.

8. Проанализировать конфигурацию этноклановых сетей и управленческую роль политических элит Республики Дагестан.

9. Рассмотреть влияние кланового фактора и кризисов легитимности на становление и трансформацию элит Республики Ингушетия.

10. Оценить роль этнических балансов в политико-административной эволюции элит Кабардино-Балкарской Республики.

11. Установить исторические предпосылки и современные механизмы циркуляции элит Карачаево-Черкесской Республики, оценить их конфликтогенный потенциал.

12.Определить специфику формирования элит Северной Осетии – Алании, учитывая этноконфессиональные факторы и характер взаимодействия с федеральным центром.

13. Выявить особенности рекрутирования, ротации и ресурсного обеспечения элит Ставропольского края.

14. Раскрыть эволюцию политических элит Чеченской Республики в контексте вооружённых конфликтов и последующей институциональной трансформации.

15. Обобщить и классифицировать технологии минимизации конфликтогенного потенциала и обеспечения устойчивости политических систем в политическом пространстве Северного Кавказа с целью определения механизмов воспроизводства управляемости и удержания регионального политического порядка в условиях этноконфессиональной и институциональной неоднородности.

Теоретико-методологические основы исследования сформированы в русле исторического неоинституционализма с привлечением элементов социологического неоинституционализма. Исторический неоинституционализм применяется для анализа зависимости современных моделей элитообразования в субъектах Северного Кавказа от предшествующих политических траекторий, институциональной инерции и последствий рецентрализации власти в условиях постсоветской трансформации. Элементы социологического неоинституционализма используются для выявления роли неформальных норм и

практик – этноклановых, патрон-клиентских, религиозных и земляческих, которые наряду с официальными институтами определяют характер рекрутирования, легитимации и функционирования региональных политических элит. Описанный подход даёт возможность рассматривать элитные процессы в единстве де-юре закреплённых правил и реально действующих механизмов функционирования власти. Эвристическую функцию в диссертации выполняет принцип аналитической экономии («бритва Оккама»), задающий минимально необходимый понятийный аппарат, исключая при этом внесистемные сущности из объяснительной модели**.**

Для анализа структуры элит используются структурно-функциональный и системный подходы: первый раскрывает распределение ролей внутри элитных групп, второй позволяет дать целостное представление о макрорегиональной политической системе, что позволяет построить модели элитного поведения, отражающие баланс сотрудничества, конфликта и обмена по вертикали власти. Эмпирическая часть основана на сочетании ситуационного анализа (case study), контент-анализа медиадискурса, обработки социологических данных, экспертных интервью и официальной статистики. Кросс-темпоральные и кросс-территориальные сравнения позволяют выявлять связи между региональными элитами и федеральным центром. Для обнаружения скрытых механизмов власти применяется принцип методологической трансгрессии (Ж. Батай, М. Фуко), предполагающий выход за пределы канонического инструментария и использование междисциплинарных концепций лиминальности и гибридного управления.

Важным авторским инструментом выступает интегральный статусно-десизионный подход, объединяющий позиционный анализ с реконструкцией реальных цепочек принятия решений. Сначала акторы ранжируются по занимаемым должностям, затем анализируются фактические процессы выработки стратегических решений. Сопоставление даёт возможность выделить несоответствия между формальной иерархией и реальными центрами влияния,

исключить «церемониальных» фигур и включить в исследование скрытую периферию. Методика, дополняемая принципами аналитической экономии и трансгрессии, строгой операционализацией понятий «элита», «влияние», «ресурсы», «конфликтогенный потенциал», а также введением категорий «диктиократическая элита» и «новые мусульмане», позволяет исследовать горизонтальные сетевые группы и внеинституциональных религиозно-политических лидеров. Диссертация опирается также на общенаучные методы – наблюдение, сравнение, индукцию и дедукцию, абстрагирование и моделирование, диалектический и историко-логический анализ, системный и структурно-функциональный подход – что создаёт многоуровневую методологическую базу и обеспечивает анализ элит Северного Кавказа как сложной системы, сочетающей формальные институты с неформальными сетями и традиционные факторы с современными политико-административными процессами.

Научная новизна. В диссертационном исследовании с новых позиций осмысливается деятельность политических элит Северного Кавказа. В нём впервые осуществлено целостное изучение региональных элит данного макрорегиона, которое охватывает механизмы формирования, рекрутирования, циркуляции и функционирования элит, их сетевые и ресурсные практики, степень конфликтогенности элитных отношений и стратегии взаимодействия с федеральным центром. При этом выявляются ранее не описанные в научной литературе взаимосвязи между традиционными (кланово-родственными, этноконфессиональными) факторами и современными политико-административными трансформациями, определяющими генезис и эволюцию элитной власти в полиэтничных обществах.

Комплексный анализ позволил сформулировать следующие элементы научной **новизны:**

1. Систематизированы и критически осмыслены основные зарубежные и отечественные концепции политических элит, уточнены их эвристические возможности применительно к полиэтничным регионам, в том числе к Северному

Кавказу. Обосновано, что традиционные теории элит не в полной мере объясняют политические процессы в условиях этноклановой фрагментации, патримониальных практик и значимой роли религиозных норм. На этой основе уточнены методологические положения анализа региональных элит, ориентированные на учёт взаимодействия формальных институтов и неформальных механизмов власти.

2. Определены сущностные характеристики и факторы эволюции политических элит в постсоветский период. Установлено, что трансформация элит Северного Кавказа происходит не в логике открытой конкурентной смены, а под воздействием согласования интересов региональных групп, вертикальной интеграции с федеральным центром и сохранения неформальных каналов доступа к ресурсам. Показано, что реформы 2000-х годов, усилившие централизацию кадровой политики, изменили формы элитного воспроизводства, но не устранили определяющую роль личных связей и теневых механизмов включения во власть.

3. Предложены типология российских политических элит и интегральный статусно-десизионный подход к их анализу в условиях Северного Кавказа. Обосновано понимание элиты как многоуровневой динамической структуры, включающей формальную, неформальную (диктиократическую) и гибридную составляющие. Сформирована теоретико-методологическая рамка анализа региональных элит, основанная на объединении статусного и десизионного подходов к изучению властных структур в условиях сетевой фрагментации и религиозной мобилизации. Установлено, что интеграция альтиметрического (структурно-функционального) и десизионного (решенческого) подходов придаёт исследованию комплексный и системный характер, а их апробация на материалах субъектов Северного Кавказа раскрывает реальные траектории циркуляции элит. В предложенной теоретико-методологической модели введена типологическая категория «новые мусульмане», под которой понимаются внеинституциональные мусульманские религиозно-политические группы и лидеры, оказывающие

заметное влияние на процессы политической мобилизации и легитимации власти в регионе.

4. Раскрыта ресурсная база региональных политических элит Северного Кавказа, включающая экономические, административные, информационные и сетевые возможности, а также механизмы их концентрации, распределения и преобразования. Установлено, что ресурсы элит образуют взаимосвязанную систему, в которой контроль над хозяйственными активами, бюджетными потоками, кадровыми назначениями и каналами публичного влияния дополняется использованием этномобилизационных, земляческих и конфессиональных связей. Показано, что способы накопления и перераспределения этих ресурсов определяют внутреннюю логику регионального управления и механизмы воспроизводства элитных групп.

5. Установлено соотношение федеральных и региональных факторов в процессах рекрутирования и ротации политических элит Северного Кавказа. Показано, что формально централизованные кадровые процедуры сочетаются с устойчивыми региональными практиками согласования, основанными на этноклановых, патрон-клиентских и сетевых механизмах политической инкорпорации. Обосновано, что устойчивость элитных конфигураций в макрорегионе обеспечивается не только кадровым контролем федерального центра, но и включением в управленческие коалиции локальных групп влияния, сохраняющих значительную роль в осуществлении власти.

6. Раскрыта специфика харизматического лидерства на Северном Кавказе как особого типа регионального управления, основанного на синтезе архаических традиций, этнополитической мобилизации и современных политико-административных технологий. Установлено, что харизматический лидер формируется преимущественно через культурные коды, символические конструкции и исторические мифы. Показано, что в условиях социальной нестабильности, ослабления институтов власти и конфликта идентичностей

возникает устойчивый запрос на сакрализованную фигуру лидера, частично замещающую регламентированные механизмы управления.

7. Выявлена трансформация кланов Северного Кавказа из традиционных родственно-земляческих объединений в устойчивые структуры политического влияния, встроенные в процессы рекрутирования, распределения ресурсов и внутриэлитной конкуренции. Установлено, что кланы выполняют функции консолидации, мобилизации, защиты групповых интересов, одновременно выступая фактором политической устойчивости и источником конфликтности.

8. Определена специфика функционирования политических элит в Республике Дагестан, обусловленная взаимодействием институциональных механизмов публичной власти с этноклановыми структурами. Установлено, что в условиях полиэтничности и отсутствия этнического большинства в республике сложилась модель консенсусной этнической демократии, основанная на принципах квотирования властных позиций. Показано, что данная модель, поддерживая политическую стабильность, одновременно воспроизводит клиентелистские практики, непотизм и коррупционную устойчивость элитных групп.

9. Концептуализирована цикличность кризисов легитимности в Республике Ингушетия как следствие дисбаланса между клановыми структурами, традиционными авторитетами и государством. Установлено, что устойчивость регионального режима зависит от характера элитной конфигурации: переход от инклюзивной модели к закрытой кланово-силовой системе сопровождается ростом протестного потенциала и снижением легитимности власти.

10. Обоснована концепция регионального этнополитического компромисса как устойчивого, но внутренне хрупкого механизма балансировки элит в Кабардино-Балкарской Республике. Выявлена динамика трансформации элитной конфигурации от кланово-патронажной модели к системе, включающей номенклатурный, бизнес-технократический и силовой сегменты. Показано, что этнический баланс выступает ключевым условием сохранения политической стабильности в республике.

11. Установлено, что устойчивость политического режима в Карачаево-Черкесской Республике обеспечивается гибридным механизмом циркуляции и согласования элит, основанным на неформализованном этническом паритете и негласном распределении властных позиций между представителями основных этнических групп – карачаевцев, черкесов, русских и абазин. Показано, что данная модель, сформировавшаяся как способ сдерживания межэтнической конфликтности, выполняет функцию предотвращения этнополитической дестабилизации и поддержания внутриэлитного баланса.

12. Раскрыта специфика формирования политической элиты Северной Осетии – Алании, сложившейся на пересечении федеральной интеграции и локальных традиций политической самоорганизации. Стабильность данной модели обеспечивается не только встроенностью в общероссийскую партийно-государственную вертикаль, но и сохранением авторитетных локальных структур, влияющих на механизмы согласования и легитимации решений. Определена двойственная природа осетинской элитной модели с характерной высокой лояльностью федеральному центру и сохранением региональной субъектности.

13. Выявлены особенности рекрутирования и ротации элит Ставропольского края в постсоветский период. Проанализировано, что эволюция краевой элиты шла от более конкурентной и разнотипной модели 1990-х годов к административно-централизованному порядку, связанному с усилением федерального кадрового контроля. Установлено, что ресурсное обеспечение элиты края опирается, прежде всего, на бюрократические и управленческие каналы, а этнополитический фактор, хотя и выражен слабее, чем в других национальных республиках, сохраняет значение в приграничных и конфликтно-чувствительных зонах.

14. Установлена специфика трансформации политической элиты Чеченской Республики в условиях постконфликтной реконструкции, выразившаяся в становлении неопатримониальной модели регионального управления. Раскрыты механизмы включения религиозно-традиционных структур во властную вертикаль, в том числе интеграция муфтията и родовых лидеров в административную систему.

Установлено, что синтез силового контроля, сакральной легитимации и финансовой кооптации формирует особый тип регионального режима, в котором элементы светско-бюрократического управления дополняются религиозно-традиционными механизмами власти.

15. Систематизированы технологии политической стабилизации, используемые региональными элитами Северного Кавказа в условиях этноконфессиональной сложности и социальной фрагментации. К их числу отнесены гибкие механизмы легитимации, адресное вмешательство в кризисные ситуации, выборочная кооптация оппозиции, опора на локальные сети влияния и персонализированные формы политического посредничества. Обосновано, что именно эта совокупность практик обеспечивает управляемость региональных систем, хотя одновременно закрепляет зависимость политического порядка от внепроцедурных способов регулирования.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Классические и современные элитологические теории, выработанные на материале относительно однородных обществ и строго регулируемых бюрократических систем, лишь частично раскрывают особенности политических элит Северного Кавказа. Их сущность устанавливается через объединение институциональной перспективы с вниманием к неформальным механизмам регуляции, этноклановым связям и патрон-клиентским отношениям.

2. Региональная элита Северного Кавказа представляет собой узкий круг акторов с непропорционально высоким влиянием на принятие решений и доступом к властным, материальным, финансовым, информационным и символическим ресурсам. Её воспроизводство обусловлено не только формальными критериями, но и непрозрачными каналами вхождения в элитарную среду.

3. Элитная структура макрорегиона проявляется как специфический гибрид, в котором официальные нормы сосуществуют с кланово-патримониальными, земляческими, родовыми и конфессиональными практиками. Обновление правящих групп чаще всего происходит не через открытые конкурсы, а благодаря

неформальным договоренностям, сетевым альянсам и вертикальному согласованию с федеральным центром. Клановые структуры фактически выступают институционализированными центрами влияния, участвующими в подборе и расстановке кадров.

4. Ресурсная база политических элит отличается сложной, многосоставной природой и включает экономический, административный, кадровый, информационный и неформальный потенциал. Степень влияния элитных групп зависит не только от объема накопленных ресурсов, но и от способности превращать один вид преимущества в другой, использовать административный доступ, социальные связи, кадровые возможности и информационные каналы в политической конкуренции.

5. Воспроизводство элитных структур складывается в постоянном согласовании федеральной вертикали и местных уровней власти. Федеральный центр сохраняет решающее значение при назначении наиболее значимых политических фигур, однако устойчивость региональных режимов обеспечивается не одним административным утверждением сверху, а реальным включением авторитетных представителей местных групп в процесс выработки и принятия решений.

6. В условиях институциональной хрупкости, политической напряженности и кризисов идентичности возрастает роль харизматических лидеров, способных концентрировать вокруг себя общественное доверие и выступать самостоятельным источником политической легитимности. Персональная популярность лидеров такого типа частично компенсирует слабость формальных институтов и одновременно усиливает зависимость локальных элит от личного авторитета, неформальных договоренностей и персонализированных механизмов управления.

7. В Дагестане сложилась устойчивая модель элитного взаимодействия, соединяющая политические институты с практиками этноклановогo согласования. Подобный порядок удерживает межэтническое равновесие, одновременно воспроизводя клиентелистские связи, непотизм и коррупционные механизмы распределения ресурсов.

8. В Ингушетии устойчивость политического управления зависит от включённости традиционных авторитетов и клановых групп в процесс принятия решений. Исключение локальных акторов из политического согласования снижает легитимность власти, усиливает протестный потенциал и формирует точки напряжённости, при которых стабильность достигается не через общественный компромисс, а посредством прямого вмешательства федерального центра и применения силовых мер.

9. Политическая система Кабардино-Балкарии опирается на хрупкий этнополитический компромисс, который требует постоянного согласования позиций между основными элитными сегментами. Этнический фактор проявляется в распределении политических ролей, кадровых назначениях и поддержании баланса влияния между ведущими группами республики.

10. В Карачаево-Черкесии устойчивость политического устройства держится на сложившемся этническом паритете и системе неформальных согласований между группами влияния. Распределение должностей с учетом этнического представительства снижает вероятность открытой дестабилизации и сохраняет привычный баланс внутри республиканской элиты.

11. Модель власти в Северной Осетии – Алании характеризуется тесным союзом региональной элиты с федеральным центром. При этом сохраняются локальные традиционные формы элитной самоорганизации, что делает систему одновременно встроенной в федеральную вертикаль и автономной в культурно-историческом плане.

12. Эволюция политической элиты Ставрополья демонстрирует переход от относительно конкурентной, разноформатной структуры 1990-х к централизованной кадровой вертикали. В отличие от этнически мозаичных республик Северного Кавказа, этнополитический фактор в крае выражен слабее, хотя всё же присутствует.

13. Политическая элита Чечни складывалась в условиях неопатримониальной системы власти, где административно-силовые методы сочетаются с религиозной

легитимацией и включением этнотрадиционных структур в официальную вертикаль. Данная модель обеспечивает высокий уровень контроля и усиливает персонифицированность политических процессов.

14. В северокавказском макрорегионе сформировался уникальный набор технологий политической стабилизации: совмещение официальных и неофициальных механизмов легитимации, оперативное вмешательство в кризисы, выборочное включение оппозиции в управленческое поле и активное использование сетевых ресурсов. От того, насколько прагматично и сбалансированно применяются эти методы, зависит, будут ли они способствовать стабильности или приведут к дестабилизации.

15. Интегральный статусно-десизионный подход раскрывает несоответствие между формальным устройством элиты и фактическими схемами принятия решений. Введение понятий «диктиократическая элита» (группы влияния, основанные на управлении горизонтальными сетями) и «новые мусульмане» (внеинституциональные религиозно-политические акторы) расширяет аналитические возможности элитологии и проясняет скрытые механизмы властных отношений.

Теоретическая значимость исследования заключается в существенном вкладе в развитие политологической теории, прежде всего – элитологии и этнополитических исследований. В научный оборот вводятся оригинальные понятия «диктиократическая элита» и «новые мусульмане» как особый религиозно-политический тип акторов, присутствующих в региональной политике. Понятие «диктиократическая элита» (от греч. diktyon – сеть и kratos – власть) обозначает властвующую группу, чьё влияние основано не только на формальных позициях или наследуемом статусе, но и на способности выстраивать и контролировать широкие сети неформальных связей и ресурсов. Такие элиты доминируют посредством управления горизонтальными взаимодействиями в политической, экономической и информационной среде. Данный концепт дополняет существующие теории элитологии, акцентируя роль неформальных сетей и

горизонтальных связей власти в региональных политических процессах. Обосновано понятие «новые мусульмане», под которым понимается новое поколение религиозно-политических лидеров и групп, ранее не представленных в официальных структурах власти, но играющих всё более заметную роль в политической жизни региона.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов для решения прикладных задач государственного строительства в переходных условиях. Выявленные модели рекрутирования, циркуляции и эволюции политических элит, а также факторы их легитимации формируют основу для прогнозирования и моделирования региональных конфликтов. Рекомендации, сформулированные на основе проведённого исследования, направлены на повышение устойчивости политической системы Северного Кавказа, укрепление доверия, совершенствование механизмов отбора и ротации элит, нейтрализацию кланово-этнических противоречий. Результаты работы могут быть использованы при разработке нормативных правовых актов и программ исследования, регулирующих этнополитические процессы, а также при формировании стратегий укрепления и развития общероссийской гражданской идентичности. Исследование одновременно обогащает научный дискурс новыми концепциями и эмпирическими выводами, а также предоставляет практические инструменты органам власти и институтам гражданского общества в деле обеспечения региональной безопасности и устойчивого развития.

Степень достоверности и апробация исследования. Достоверность выводов обеспечена опорой на верифицированные научные подходы, комплекс аналитических и полевых методов, а также эмпирический материал. В 2024 г. проведена экспедиция во все субъекты СКФО, в ходе которой собраны региональные материалы, статистические данные и проведены 42 глубинные интервью с экспертами и представителями элит. Полученные результаты дополнительно соотнесены с политической динамикой 2025 г.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлена на научных и экспертных площадках. Основные положения и выводы диссертации неоднократно представлялись научному сообществу. В ходе работы автор принимал участие в крупных научно-исследовательских проектах, поддержанных Российским научным фондом (РНФ) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). В частности, диссертационное исследование проводилось в рамках гранта РНФ (*проект № 24-18-20103 «Угрозы политической безопасности на Северном Кавказе: деятельность региональных элит», 2024-2026 гг.*), что обеспечило независимую экспертизу на этапах реализации проекта. Ряд результатов был ранее опробован при выполнении научных заданий, финансируемых РФФИ (*проект № 20-311-70005 «Политические элиты в обеспечении безопасности на Северном Кавказе: противодействие информационным угрозам», 2019-2021 гг.*). Автор выступал руководителем этих двух проектов, что подтвердило применимость методологии и обоснованность полученных данных.

Автор завершил обучение в докторантуре Института философии РАН (сектор философских проблем политики, 2022-2025 гг.). По итогам каждого полугодия основные положения и промежуточные результаты диссертации докладывались на заседаниях сектора философских проблем политики и Учёного совета Института философии РАН, где их активно обсуждали академики и член-корреспонденты РАН, ведущие политологи, философы и социологи страны.

Диссертационные материалы докладывались на международных и всероссийских конференциях, конгрессах, форумах, семинарах и круглых столах. Среди них: III и IV Международные научные конгрессы «Современная наука, человек и цивилизация» (г. Грозный, 2022, 2024 гг.); Международная научная конференция «Актуальные проблемы развития современной науки», посвящённая 30-летию Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный, 2023 г.); Кавказский инвестиционный форум, мероприятие «Единые цели: межнациональная гармония в сфере государства, бизнеса и общества» (г. Грозный, 2024 г.); XI Международный

форум историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура» (г. Ростов-на-Дону, 2024 г.); Межрегиональная научно-практическая конференция по вопросам реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы (г. Владикавказ, 2024 г.); XXVII ежегодный семинар Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (г. Ростов-на-Дону, 2024 г.); II Конгресс молодых учёных (Сириус, 2023 г.); форум «ЛОМОНОСОВ-2021» (г. Москва, 2021 г.); конференция «Перспектива – 2019» (г. Нальчик, 2019 г.); XVI Конгресс антропологов и этнологов России (г. Пермь, 2025 г.); VII Всероссийский социологический конгресс (г. Москва, 2025 г.). Обсуждение результатов с участием ведущих политологов, социологов и регионалистов подтвердило актуальность и научную новизну работы, позволило учесть высказанные замечания и укрепило её практическую базу.

Публикация основных выводов осуществлена в полном соответствии с требованиями ВАК РФ. По теме диссертации автором подготовлено в общей сложности 121 публикация, из них 2 монографии, 25 статей в журналах, рекомендованных ВАК, 12 – в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science. Опубликованы монографические разделы и аналитические обзоры, в том числе в ежегодных докладах Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ИЭА РАН, 2023, 2024 гг.), что отразило практическую значимость исследований для экспертного сообщества.

Структура диссертации состоит из введения, трёх глав, пятнадцати параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

1.1. Эволюция идей о политических элитах в мировой и отечественной науке

В современной науке термин «политическая элита» часто используется для описания групп лиц, обладающих значительным влиянием в политической сфере общества. Они занимают основные позиции в государственном управлении, политических организациях, влияют на формирование общественного мнения, ретранслируемое через СМИ, общественные организации, различного рода каналы власти. Концепция политической элиты связана не с самим фактом обладания властью, а со способностью влиять на выработку и принятие значимых тактических и стратегических решений. Элита выступает не просто носителем властных полномочий, а субъектом политической ответственности перед обществом и государством.

Исторически управление государством концентрируется в руках лиц и групп, обладающих властью, влиянием, ресурсами и правом участвовать в принятии важных решений. В разные эпохи подобные группы получают различные названия, занимают неодинаковое место в социальной иерархии, опираются на разные основания господства, однако выполняют сходную управленческую функцию. В античной Греции подобную роль играют аристократические круги, связанные с происхождением, статусом и традиционным авторитетом, а также состоятельные слои, способные превращать материальное богатство в политическое влияние. В Древнем Риме заметное положение занимают патриции, представляющие старшие знатные роды, и всадническое сословие, постепенно усиливающееся за счет военной службы, имущественного положения и участия в государственных делах. На Руси правящий слой, который можно условно рассматривать как предтечу позднейших элит, формировался вокруг боярства и дворянства. При различии происхождения, статуса и выполняемых функций боярство и дворянство явились

историческими формами политического господства, предшествовавшими современному пониманию политической элиты.

Следует уточнить, что сам термин «политическая элита» вошёл в научный оборот значительно позже — на рубеже XIX–XX вв., когда сложились классические теории элит и сформировался понятийный аппарат для анализа правящих групп. До этого времени использовались другие термины, отражающие реалии и наименования тех времен. Появление и закрепление термина «элита» связано с развитием социологии и политической науки, которые стремились более точно описать и анализировать структуры власти и акторов в современном обществе. До конца XIX – начала XX века можно говорить о существовании *предтечи элит*, которые отражали позиции правящих слоев, но не обозначались термином «элита». Эти исторические группы, обладавшие властью, закладывали основы для будущего понимания политической элиты, хотя и использовали иные наименования и концепции, соответствующие реалиям своего времени.

Однако понимание того, что составляет «политическую элиту», и как она функционирует, является предметом споров и исследований. Существуют различные подходы в определении критериев элитности, способов оценки влияния политической элиты на процессы принятия решений. В различных теориях и моделях объясняются структура и динамика политической элиты, определяется её роль в развитии и функционировании современных политических систем. Изучение политических элит и их влияния на общественное устройство началось еще в античные времена. Во времена Платона и Аристотеля уже существовали размышления о роли «лучших граждан» в управлении государством[20]. Платон, в описании своего идеального общества, выделял «философов-королей» как

[20] Платон. Законы // Соч. в 3-х томах. – Т. 3. – Часть 2. – М.: Мысль. – 1972. – С. 83–478; Платон. Государство // Соч. в 3-х томах. – Т. 3. – Часть 1. – М.: Мысль. – 1971. – С. 89–454; Платон. Политик // Соч. в 3-х томах. – Т. 3. – Часть 2. – М.: Мысль. – 1972. – С. 9–82; *Котляров И.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты. – Минск. – 2013. – 479 с.; *Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля //Ведомости прикладной этики. – 2004. – № 24. – С. 97–131; Аристотель. Политика / Аристотель; переводчик С.А. Жебелёв / под общей редакцией А.И. Доватура. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 297 с.

носителей высшей формы знания и, следовательно, единственно подходящих для руководства полисом. Аристотель, разделяя политические системы на правильные и неправильные формы, считал элиту важным элементом стабильности в «политии» – смешанном государственном устройстве, где власть делилась между многими.

В Средние века верхний слой общества формировался вокруг аристократии и духовенства. Крупные феодалы — графы, бароны, князья, сеньоры — располагали землей, военной силой, вассальными связями и занимали особое место в системе местного управления. Власть аристократии держалась не только на происхождении, но и на способности контролировать территорию, обеспечивать военную поддержку и участвовать в распределении политического влияния. Наряду со светской знатью значительное положение занимало духовенство, в основном высшая церковная иерархия, сосредоточившая в своих руках земельную собственность, книжное дело и право морального воздействия на общество.

Средневековая политическая мысль рассматривала подобное устройство через идею богоустановленного порядка. Так, Фома Аквинский, соединяя аристотелевскую философию с христианской теологией, обосновывал необходимость социальной иерархии как условия сохранения общего блага. Власть понималась не как право сильного на господство, а как обязанность перед Богом и обществом. От правящего сословия ожидалось сохранение справедливого порядка и нравственного равновесия христианского сообщества[21].

Представители церковной элиты (епископы и аббаты) участвовали в управлении, образовании и культурной жизни средневекового общества[22]. Под влиянием церкви находились основные учебные центры — монастырские и соборные школы, а позднее — университеты. Через образование, книжную

---

[21] *Аквинский Ф.* О сущем и сущности // Verbum. – 2000. – №. 2. – С. 221–249; *Аквинский Ф.* Сумма теологии = Summa theologiae // Святой Фома Аквинский / под ред. Н. Лобковица и А.В. Апполонова; пер. А.В. Апполонова. – М.: Signum Veritatis. – 2007.

[22] *Холюшкин Ю.П.* Образования в Западной Европе в средние века // Научный альманах. – 2017. – №. 3−2. – С. 248–256.

традицию и подготовку грамотных людей духовенство участвовало в формировании интеллектуальной элиты, сохраняя влияние на культуру, науку и политическую жизнь[23].

С усилением монархий в позднем Средневековье представления об элите постепенно менялись. Складывались основы национальных государств, а монархи стремились сосредоточить власть в своих руках, ограничивая самостоятельность феодальной знати[24]. Это приводит к изменению состава элиты: на смену традиционному аристократическому классу приходят придворные дворяне, чиновники и бюрократы[25].

В новое время, с развитием государственности и укреплением централизованных монархий, вопросы о природе и роли элит стали особенно актуальны. Мыслители начали активнее размышлять об элитах, их влиянии и механизмах управления обществом. В этот период были заложены основы теорий элит, которые сформировали политическую мысль Запада.

Никколо Макиавелли (1469-1527), чье имя часто ассоциируется с циничным реализмом в политике, на самом деле провозглашал идеи, имеющие большое значение для понимания природы элит. В своем труде «Государь» он предполагал, что для успешного управления государством правителю необходимо опираться на поддержку элиты, однако важно уметь ею манипулировать. Макиавелли видел в элите инструмент, с помощью которого правитель может достигать своих целей[26].

---

[23] *Ковальчук О.В., Римский В.П.* Диалог светского и религиозного и толерантность в средневековой культуре Западной Европы // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2012. – Т. 19. – №. 2 (121). – С. 330–338.

[24] *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / Перри Андерсон; пер. с англ. Ивана Кириллы. – М.: Территория будущего. – 2010. – 510 с.

[25] *Эриашвили Н. Д., Сарбаев Г. М.* Римское право в Западной Европе //Образование и право. – 2022. – №. 1. – С. 294–298; *Гордейчук С.С.* Российская историография социально-политического развития Священной Римской империи в XIV в. / Материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 70-летнему юбилею проф. В.А. Федосика «Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus» (Минск, 9 февраля 2021 г.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 306−314.

[26] *Макиавелли Н.* Государь / [вступ. ст. Р. И. Хлодовского; пер. с итал. Г. Д. Муравьевой]. − М.: РИПОЛ классик. − 2016. − 462 с.; *Разуваев В.В.* Комментарии к «Государю» Макиавелли − Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. − 2014. − 526 с.

Мысль о том, что не все люди одинаково способны управлять или принимать мудрые решения, была продолжена в работах других мыслителей. Томас Гоббс (1588-1679) в своей книге «Левиафан» утверждал, что из-за страха перед насилием и хаосом люди готовы отказаться от своей свободы в пользу мирного существования под властью абсолютного монарха. Элита в такой концепции выступает как небольшое число людей или даже один человек с безграничной властью, способный обеспечить порядок и стабильность[27].

Джон Локк (1632-1704), напротив, полагал, что гражданский строй должен базироваться на законах и правах индивидов, обеспечиваемых контрактом между людьми и правительством. Правящая элита в его понимании должна быть контролируемой и отвечать перед гражданами за соблюдение их естественных прав[28].

Политические идеи Жан-Жака Руссо (1712-1778) фактически приходят в противоречие с понятием элиты. В своем труде «Общественный договор» Руссо выдвигает концепцию общей воли (volonté générale), которая выражает интересы народа как целого, а не его части или отдельных лиц. Тем не менее, даже у Руссо есть место для элиты: он предлагает концепцию «правительства», то есть исполнительной элиты, которая действует в соответствии с общей волей и под её контролем[29].

В эпоху Просвещения философы уделяли значительное внимание роли элит и их влиянию на общество. Они ставили под сомнение традиционные представления о праве аристократии на прирожденный авторитет и подчинение нижних классов. В этот период философы начали разрабатывать теории, которые

---

[27] *Гоббс Т.* Левиафан. Рипол Классик / пер. с англ. А. Гутермана. – М.: Рипол Классик. − 2017. – 606 с.; *Трунов А.А.* Томас Гоббс и его политическая теория //Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – №. 27. – С. 16–27.

[28] *Локк Д.* Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз. – 1960. – Т. 1. – С. 647–648; *Локк Д.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. − М.: Социум. − 2020. − 420 с.

[29] *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. – М.: «Юрайт». – 2020. − 146 с.; *Кильдюшов О.В.* Руссо и национальная демократия: версия Карла Шмитта // Вопросы национализма. – 2012. – №. 4 (12). – С. 176–182.

бы подчеркивали значимость разума, образования и моральных качеств как основы для лидерства, а не просто происхождение или богатство[30].

Франсуа-Мари Аруэ, более известный как Вольтер, был одним из самых ярых критиков абсолютизма и неравенства, которые поддерживали элиты его времени. В его произведениях отчётливо прослеживается мысль о том, что подлинная элита должна быть образованной и просвещённой. Вольтер считал, что власть просвещённого монарха должна исходить из разума, закона и заботы о благе подданных. Произвол, тиранию и любые формы злоупотребления государственной властью он резко отвергал.[31].

Философы Просвещения видели подлинную элиту в образованных, разумных и общественно полезных людях, а не в носителях наследственных привилегий или знатного происхождения. Расширение доступа к знаниям приобретало особое значение. Они образование рассматривали как путь формирования новой, заслуженной элиты, способной вести общество к более справедливому и рациональному устройству[32]. Это заметно расходилось со средневековым представлением о богоустановленной социальной иерархии и создавало основу для дальнейших дискуссий о том, кто должен занимать ведущие позиции в обществе и на каких основаниях формируется политическое лидерство в современную эпоху.

От Макиавелли до Руссо менялось само понимание элиты и её место в государственном управлении. Для Макиавелли значимые группы и приближенные правителя выступали инструментом укрепления власти и политического маневрирования. У Руссо, напротив, сама идея обособленного правящего слоя подвергалась сомнению, предпочтение отдавалось народному суверенитету и прямому участию граждан в политической жизни. Расхождение между указанными

---

[30] *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. – М.: Изд-во Московского университета. − 1986. – 120 с.; *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). – М.: ИФ РАН. − 2006. – 251 с.

[31] *Кузнецов В.Н.* Франсуа Мари Вольтер. – М.: «Мысль». − 1978. – 223 с.

[32] *Кассирер Э.* Философия просвещения //Вестник культурологии. – 2003. – №. 1. – С. 87–112; *Липатов А.В.* Эпоха Просвещения: светские и духовные начала // Славянский альманах. – 1997. – №. 1996. – С. 169–173.

позициями обозначило разные линии дальнейшего осмысления элит: от признания управленческого меньшинства необходимым элементом власти до критики его обособления от общества.

Более системное изучение политических элит сложилось уже в XIX–XX веках, когда социология и политическая наука обратились к анализу механизмов отбора правящих групп, способов удержания власти и последствий элитного господства для государства и общества.

Становление элитологии в XIX–XX вв. связано с исследованиями социологов В. Парето и Г. Моски[33]. В последующем вклад в изучение теории элит внесли Г. Лассуэлл, Р. Миллс, К. Мангейм, И. Шумпетер, Р. Арон, Т. Дай, Р. Даль, Л. Зиглер, Р. Михельс, Р. Миллс, Дж. Сартори, Ф. Шмиттер[34] и другие. Они исследовали ресурсы и стратегии активности и функционирования региональных элит. Анализу циркуляции, рекрутированию, типологии и механизмов функционирования российских политических элит посвящены работы Г.К. Ашина, В.В. Радаева, О.В. Крыштановской, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дуки и др.[35]

Условия и механизмы конституирования и формирования элит изучены основоположниками классической элитологии Г. Моска, В. Парето, Р. Михельсом,

---

[33] *Моска Г.* Правящий класс // Социс. – 1994. – № 10. – С. 187−198*; Mosca G.* The Ruling Class. – New York: McGraw-Hill Book Company. – 1939. − 514 p.; *Pareto V.* The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. − Totowa: The Bedminster Press. − 1968. − 120 p.

[34] *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. − New York: Dover Publications. − 1959. − 416 p.; *Даль Р.А.* Демократия и ее критики [Пер. с англ.]. − М. Рос. полит. энцикл (РОССПЭН). − 2003. – 574 с.; *Миллс Р.* Властвующая элита. − М.: «Иностранная литература». − 1959. − 543 с.

[35] *Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. – М.: Междунар. Отношения. −1985. – 256 с.; *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М.: МГИМО-университет. – 2010. – 598 с.; *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров. – 2004. – 384 с.; *Крыштановская О.В., Комарова А.А., Захаров М.Ю.* Проблемы государственного регулирования культурной деятельности в России: взгляд экспертов // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2019. – № 1. – С. 163–170; *Kryshtanovskaya O.* The legacy of tandemocracy: russia's political elite during putin's third presidency // Baltic Worlds. – 2014. – Т. 7. – № 2–3. – С. 14–21.

М. Вебером[36]. Так, Гаэтано Моска классифицирует общество на класс правящих и класс управляемых, или на политический и неполитический классы. Устанавливает связь между меньшим числом членов первого класса и выполнением политических функций, а также монополизацией власти и извлечением выгод, которые она дает. В то же время, большая численность второго класса означает, по мнению Моски, что он подчиняется и контролируется первым классом по соответствующей форме, которая в настоящее время имеет легитимный характер. Это обеспечивает первому классу материальные средства существования и ресурсы для политической деятельности. Моска выделял интеллектуальное, моральное и материальное превосходство элиты. Актуальность взглядов этого классика элитологии очевидна и сегодня, ибо политическая дифференциация общества на два класса, установление субъектно-объектной связи в современном социуме сохраняется.

Г. Моска исследует причины, по которым элитарные слои общества обновляются. По его мнению, замена устаревшей властной группировки – это естественный процесс, важный для поддержания социального «здоровья», социальной стабильности. Он считает, что наличие групп, готовых взять на себя руководство, является вечным атрибутом общественной структуры. В то время как Вильфредо Парето склонялся к психологическому объяснению изменений в элитах, Моска же значительное внимание уделял интересам, возникавшим в обществе, и приводящих к появлению новых элитных групп. Эти новые силы, активно выражающие общественные интересы, становятся основными претендентами на властные позиции.

Г. Моска анализировал методы, по которым элита рекрутирует своих членов. Он выделяет основную роль – умение руководить людьми как фактор для включения в ряды элиты. Он содержит в себе не просто индивидуальную

---

[36] *Mosca G.* The Ruling Class. – New York: McGraw-Hill Book Company. – 1939. − 514 p.; *Pareto V.* Mind and Society. – New York: Harcourt, Brace and Company. – 1935. – 600 p.; *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс. − 1990. − 808 с.; *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. − New York: Hearst's International Library Co. − 1915. − 416 p.

способность к доминированию или профессиональные навыки управления, но также и адаптацию качеств личности к требованиям конкретного времени. Со временем критерии для лидерских позиций в правящем классе эволюционируют вследствие внешних факторов, влияющих на необходимые для управления характеристики.

Моска утверждает, что во всех обществах присутствует правящий класс, несмотря на то, как он влияет на общество, хорошо это или плохо, и независимо от его моральных качеств. Он считает, что предотвращение концентрации власти в руках одной группы является идеалом, достижимым через сохранение баланса между аристократическими и демократическими тенденциями. Скорость изменений в этих качествах определяет, какая тенденция доминирует: медленные изменения способствуют аристократии, тогда как быстрые изменения способствуют демократии. Даже после революционных изменений элементы старого режима обычно сохраняются в новом правящем слое, хоть и в разном количестве.

Концепция «элитаризма», предложенная В. Парето в начале XX века, утверждает[37], что общество должно быть разделено на элиты и массы. В соответствии с таким разделением элиты имеют более высокий интеллектуальный потенциал и способности к лидерству.

Парето рассматривал общество как систему, стремящуюся к постоянному равновесию. Нарушение порядка не уничтожает саму потребность в устойчивости, а запускает движение к новому балансу. Восстановление равновесия происходит нелинейно — через колебания, кризисы и смену соотношения сил; социальная динамика приобретает циклический характер. Главным механизмом данного цикла выступает циркуляция элит: одни правящие группы теряют энергию, способность к управлению и политическую волю, другие, напротив, поднимаются и занимают

[37] *Парето В.* Элиты и аристократия // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. 4. – №. 3–4. – С. 230–239; *Парето В.* Компендиум по общей социологии / пер. с ит. под науч. ред. М.С. Ковалевой. –М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. – 2008. – 576 с.

освободившиеся позиции. Для сохранения власти элита должна соединять два качества — умение убеждать и готовность применять силу в критических ситуациях. Когда правящий слой утрачивает способность пользоваться убеждением и принуждением, он уступает место более решительной и жизнеспособной элите.

В. Парето выстраивал концепцию циклического развития господствующих групп, проходящих стадии подъёма, укрепления, ослабления и последующего замещения. Он характеризовал политическую арену как арену постоянной смены элитных классов, изначально возникших среди низших слоев, затем через конфликт и борьбу взбирающихся на вершину социальной иерархии. Но, достигнув пика, эти группы теряют свои первоначальные качества, которые позволили им доминировать, а затем начинают постепенно разлагаться, тем самым уступая место новым элитам. Парето утверждал, что смена элит происходит из-за эволюции доминирующих качеств, приводя к появлению различных типов правящих классов, которых он символически называет «лисами» и «львами». Описанное явление он называет законом циркуляции элит.

В. Парето утверждает, что новая элита возникает в обществе в тот момент, когда действующая властная группа теряет свою управленческую эффективность, что влечет за собой смену элит.

Существенный вклад в развитие элитологии внесла политологическая концепция «плюрализма» (сторонники О. Штаммер, Д. Рисмен, Р. Даль и др.)[38], которая предполагает существование в обществе нескольких равных по значимости интересов и групп. Концепции «плюрализма» в современном политическом дискурсе отводится важная роль, она освещает важность множественности мнений, идей и интересов в обществе. Концепция исходит из демократического понимания власти, согласно которому она не сосредоточена в одном центре, а распределяется

[38] *Даль Р.* Демократия и ее критики. − М.: РОССПЭН. − 2003. − 576 с.; *Бирюкова Н.С.* Социально-философский анализ концепта «элита» в классических и постклассических теориях элитообразования // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – №. 4. – С. 3; *Очирова В.М.* Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества (на материалах республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва): дисс. … д. полит. н. – Улан-Удэ. − 2015. − 583 с.

между разными институтами и группами интересов. Законы и политический курс формируются через конкуренцию позиций, согласование требований и достижение компромисса между участниками общественно-политического процесса.

Концепция плюрализма описывает политический порядок, основанный на распределении власти между различными группами, институтами и центрами общественного влияния. В рамках плюралистического подхода политический процесс строится через конкуренцию интересов, участие разных социальных групп и поиск компромисса, без доминирования одной силы или идеологии. О. Штаммер связывал плюрализм с существованием автономных центров силы, поддерживающих общественное равновесие и развитие демократии. Полноценная демократия, по его мнению, возможна только при наличии множества групп, способных воздействовать на принятие политических решений. Д. Рисмен рассматривал плюрализм шире, распространяя данный принцип на социальную, экономическую и культурную сферы, связывая его с мирным сосуществованием различных этнических и культурных общностей. Р. Даль обращал внимание на значение плюрализма для защиты индивидуальных прав, ограничения абсолютной власти и представительства интересов меньшинств. В целом плюрализм является важной концепцией демократического устройства, поскольку позволяет учитывать многообразие общественных интересов и создавать институциональные механизмы согласования между ними[39].

К указанным положениям Даль добавлял и более критическую оценку плюралистической модели. Он сомневался, что постоянное соперничество групп интересов всегда способно обеспечивать устойчивость и результативность управления. При чрезмерной фрагментации политического пространства борьба между различными силами, по его мнению, могла приводить к затягиванию

---

[39] *Тарусина И.Г.* Элитисты и плюралисты в современной политической теории (историографический экскурс) // Полис. Политические исследования. – 1997. – №. 4. – С. 148–153.

решений, взаимным блокировкам и снижению способности власти своевременно реагировать на общественные проблемы[40].

Другая группа приверженцев плюралистического подхода (А. Бентли, Р. Даль, Р. Арон)[41] – акцентирует внимание на множественности элитных групп, обладающих относительной автономией и связанных с разными сферами общественной жизни. В научной традиции элита не рассматривается как единый монолит, она складывается из различных профессиональных, политических, экономических и интеллектуальных сегментов, интересы которых могут расходиться, пересекаться и вступать в конкуренцию.

Основные подходы к анализу деятельности современных элит образуют сложное и неоднородное поле концепций, направленных на объяснение природы политического управления, механизмов принятия решений и роли правящих групп в организации общественной жизни.

С позиции меритократического подхода, связанного с работами В. Парето, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Вебера, Л. Фройнда [42] элита рассматривается через призму заслуг, профессиональной состоятельности и личной компетентности. Принадлежность к высшему управленческому слою в данном случае объясняется не происхождением или формальным статусом, а уровнем подготовки, интеллектуальным превосходством, способностью принимать сложные решения и нести ответственность за развитие общества. Сторонники меритократии исходят из того, что продвижение наиболее квалифицированных и результативных людей повышает качество управления и усиливает ра-циональность political решений, а также создает условия для обновления общественных институтов.

---

[40] *Ашин Г. К.* Критика современных буржуазных теорий о роли народных масс и личности в истории. – М.: Высш. шк. − 1973. – 136 с.

[41] *Bentley A. The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Chicago: The University of Chicago Press. – 1908. − 501 p.*; *Dahl R.* Pluralist Democracy in the United States: Conflict and Consent. – Chicago. − 1967. – 471 p.; *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика». − 1993. – 606 с.

[42] *Mosca G.* The Ruling Class. – New York: McGraw-Hill Book Company. – 1939. − 514 p.; *Парето В.* Компендиум по общей социологии / пер. с ит. под науч. ред. М.С. Ковалевой. –М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. – 2008. – 576 с.; *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс. − 1990. − 808 с.

Критический подход, напротив, обращает внимание на устойчивые формы социального неравенства и рассматривает элиты как группы, заинтересованные в сохранении привилегий, контроля над институтами и доступа к ресурсам. К примеру, в отношении научной элиты критический анализ устанавливает механизмы, через которые удерживается влияние в академической среде, и определяет правила доступа к производству знания. Высокое положение может быть связано не только с достижениями и заслугами, но и с институциональными барьерами, закрытыми сетями и неравными возможностями участия для более широких слоёв общества[43].

В области науки сетевой анализ может использоваться для изучения того, как научные сообщества конструируются и поддерживаются через коллаборации, цитирование и профессиональные связи. Этот подход подчёркивает важность неформальных отношений и социального капитала, а также взаимного доверия[44].

Считается, что такие элементы, как университеты, академические издания и системы распределения грантов существенно влияют на то, кто получает признание и входит в состав научной элиты. Исследования в рамках этого подхода могут фокусироваться на процессах отбора, оценки и продвижения ученых[45].

Теория поля Бурдье представляет собой еще один существенный инструментарий для анализа деятельности научной элиты. Пьер Бурдье описывает социальное поле как сеть отношений между позициями, которые определяются объемом и структурой капитала (экономического, культурного, социального и

---

[43] *Дука А.В.* Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII. – № 4 (81). – С. 5–23; *Macey D.* The Penguin Dictionary of Critical Theory. – Penguin Books. − 2000. – 490 p.

[44] *Шенцева Е.А.* Сетевой подход в контексте философского дискурса // Философия и общество. – 2012. – № 8. – С. 42−49; *Bevir M., Rhodes R.A. W., Weller P.* Traditions of Governance: Interpreting the Changing Role of the Public Sector // Public Administration. – 2003. – Vol. 81. –No. – 1. Pp. 1–17; *Дзола Д.* Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина. – М.: Высшая школа экономики. – 2010. − 320 с.

[45] *Синютин М.В.* Институциональный подход в экономической социологии. – СПб.: Изд-во НИИХ Санкт-Петербургского государственного университета. – 2002. – 313 с.; *Гамильтон У.Х.* Институциональный подход к экономической теории // Terra Economicus. 2007. – Т. 5. – № 2. – С. 110–117; *Веблен Т.* Теория праздного класса / пер. В. Желнинова. М.: АСТ. − 2021. − 390 с.

символического) обладателей этих позиций. В контексте науки поле означает арену борьбы за научный капитал, авторитет и признание[46].

Можно сказать, что в современной политической науке анализ распределения власти смещается в сторону исследования ресурсных асимметрий. Приверженцы сетевого подхода (М. Кастельс)[47], постструктуралисты (П. Бурдье)[48] и неоинституционалисты (Дж. Коулман, В.Я. Гельман)[49] считают, что субъекты политики должны быть разделены на уровни в зависимости от доступности ресурсов. С точки зрения сетевой теории, постструктурализма и подходов нового институционализма, расстановка акторов в политическом пространстве определяется не только их формальным статусом, но прежде всего доступом к ресурсам, позволяющим оказывать воздействие на других. Степень вовлечённости в процесс обмена ресурсами и способность к их мобилизации предопределяют архитектуру властных отношений в публичной сфере.[50]

Социальный капитал по концепции П. Бурдье является совокупностью ресурсов, которые связаны с наличием устойчивой сети институционализированных отношений, основанных на взаимном знакомстве и признании[51]. Пересекаются различные сферы, что влияет на уровень социального

---

[46] *Bourdieu P.* Choses dites. – Paris: Minuit. 1987. – P. 113.

[47] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; науч. ред. О.И. Шкаратан. − М.: ГУ ВШЭ. − 2000. − 608 с.

[48] *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

[49] *Коулман Д.* Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Journal of Economic Sociology. – 2004. – Т. 5. – №. 3. – С. 35–44; *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – №. 4. – С. 20–32; *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. – 2003. – №. 4. – С. 6–25; *Гельман В.Я.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 2. – С. 91–105; *Гельман В.Я.* Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Политическая наука. – 2003. – № 1. – С. 53–78.

[50] *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. – М.; – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. − 2005. – 344 с.; *Салгириев А.Р.* Политические элиты современной России как субъект управления политическими процессами (на материалах Республик Северного Кавказа): дис. канд. полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет. − 2012. – 27 с.

[51] *Бурдье П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Радаев В.В. (науч. ред.). – М.: РОССПЭН. − 2004. – С. 529–521.

капитала отдельного человека. Размер его связей и объем капитала, которым обладают его знакомые, также имеют значение.

Потенциал трансформации и осуществления власти, который присутствует у элиты, согласно Э. Гидденсу, напрямую связан с контролем над различными «способами достижения цели». Способы классификации ресурсов, будь то индивидуальные или групповые, эффективно определяются введением соответствующего понятия. В политической сфере ресурс считается ключевым фактором, определяющим успешность осуществления власти элитой[52].

Учёных занимают вопросы, связанные с тем, каким образом индивиды и группы поднимаются до статуса элиты, как они сохраняют своё влияние и каковы их функции в социальной структуре. Подходы к определению элиты варьируются от классических теорий правящих классов до современных концепций меритократии и сетевой структуры власти. Это обозначает разнообразие углов зрения, каждый из которых предлагает уникальный аналитический инструментарий для понимания роли и места элит в динамично меняющемся мире.

Концепция элиты и ее роль в современном мире всегда вызывала споры и разнообразные трактовки среди учёных и философов. Несмотря на различные определения, общим является понимание элиты как выделенной группы людей, обладающих высоким статусом, властью или влиянием в определённых социальных сферах.

К. Мангейм рассматривал элиту как необходимый элемент общественного развития. Именно она выполняет функцию лидерства, задаёт направление политическим и культурным изменениям, берёт на себя ответственность за организацию коллективной жизни. Вместе с тем Мангейм подчёркивал опасность закрытости правящих групп. Утратив восприимчивость к новым людям, идеям и социальным запросам, элита превращается в консервативную силу и начинает тормозить развитие общества. Поэтому обновление, внутренняя подвижность и

---

[52] *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структурации. – М.: «Академический проект». – 2005. – 528 с.

способность воспринимать перемены выступают у Мангейма важными условиями общественного прогресса[53].

Т. Парсонс рассматривал элиту в логике функционального анализа. Для него наличие элит было связано с потребностью общества в управлении, координации и принятии решений, требующих специальных знаний, опыта и организационных способностей. В этом смысле элитные группы выступали не только носителями власти, но и элементом поддержания устойчивости, порядка и преемственности социальных систем[54].

Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» критически оценивал представление о том, что управление обществом может быть делом каждого. Он связывал значение элиты с культурным, интеллектуальным и нравственным развитием общества, подчеркивая необходимость слоя людей, способных сохранять высокий уровень ответственности и компетентности. Вместе с тем мыслитель предупреждал об опасности «тирании масс», способной привести к снижению требований к правящему слою и общему упадку качества элиты.

Политические элиты, выступающие в качестве носителей государственной власти и влияния, относятся к правящему слою. Политолог О.В. Гаман-Голутвина предложила модель политической элиты, включающую два компонента: бюрократию и политических лидеров[55]. Бюрократия в данном контексте представляет собой административный аппарат, который отвечает за выполнение и внедрение государственных решений. Она состоит из профессиональных чиновников, которые обладают специализированными знаниями и навыками в управлении государственными делами, обеспечивая непрерывность и последовательность в осуществлении государственной политики, независимо от изменений политического руководства.

---

[53] *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений-состязательность-экономические амбиции. – М.: ИНИОН РАН. − 2000. – С. 1-164.

[54] *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления. − 996. – 344 с.

[55] *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты современной России // Вестник Московского ун-та. – Сер. 18. – Социология и политология. – 1995. – № 4. − С. 22-32.

Все уровни государственного управления заняты постоянными оплачиваемыми должностями, которые включают административных руководителей и должностных лиц бюрократии. Политическая элита (О.В. Гаман-Голутвина), отличается от замкнутых профессиональных элит тем, что является открытой системой. В периоды социальных потрясений круг политической элиты расширяется за счет притока представителей из разных социальных слоев и с разным образовательным, профессиональным и имущественным статусом[56].

В заключение представляется важным подвести итог осуществленного анализа основных концепций деятельности элит в мировой и отечественной науке. Описанные концепции разнообразны, они сложились на основе выявления тех или иных важных свойств, характеризующих элиты, формирующих его базовые основы. В античности под элитами понимали лучших, мудрых граждан, способных управлять полисом. Вопросы возникновения российских политических элит, факторов их детерминации, циркуляции, рекрутирования, типологии и механизмов функционирования – важнейшая исследовательская задача отечественных политологов, философов.

С древних времен в качестве критерия элитарности выделились такие качества человека, как его происхождение, знатность рода. Между тем, этот критерий не способствовал самосовершенствованию индивида, поскольку признак элитарности был гарантирован самим его происхождением. Часто этот критерий в реальных политических процессах приводил к конфликту, возникавшим между представителями элиты, когда оспаривался вопрос, чей род более знатен и кто имеет больше прав на власть[57]. И этот критерий выступал в качестве сдерживающего фактора в процессе рекрутирования субъектов в элиту. Такая ситуация, например, была характерна в России в петровский период и в советское время. Как отмечает В.А. Тишков, во второй половине XVII в. в России

---

[56] *Гаман-Голутвина О.В.* Там же.

[57] *Лелюхин Д.Н.* «Тайная служба» в древнеиндийской политической истории // Политическая интрига на Востоке. – М.: Восточная литература. − 2000. – С. 35–44.

происходили не только миграционные процессы, но элита «иноверцев» была ориентирована на обретение повышенного статуса «на государственной службе, щедрые пожалования и привилегии, а простонародье бежало от собственной знати – от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни»[58]. А в советское время царская элита – дворяне, военные, помещики, чиновники – были лишены избирательных, политических прав. Советскую политическую элиту оставляли высококвалифицированные рабочие, крестьяне, творческая и научная интеллигенция, которая формировалась на основе признанных достижений в области производственной, политический, культурной деятельности.

В первое постсоветское десятилетие в условиях демократических процессов в российскую элиту рекрутировалась старая партийная элита, коммерсанты, предприимчивые люди, часто откровенные мошенники, в значительной мере ориентированные на решение не столько общественных, государственных проблем, сколько на реализацию партикулярных интересов. В этой ситуации сложился слой российских олигархов, составляющий часть современной российской элиты.

В контексте сказанного следует отметить, что активная регионализация, начавшаяся в России в 1991-1992 гг., вывела на политическую арену новый субъект – региональные правящие элиты. Данный процесс вызвал настоящий всплеск научного интереса, породив первую волну исследований, посвящённых генезису и адаптации региональных правящих групп к эпохе публичной политики. Примечательно, что часть этих работ была подготовлена региональными политологами, хорошо знакомыми с локальной спецификой. В центре внимания находились проблемы адаптации региональных лидеров к хаотичной фрагментации и неуправляемой регионализации 1990-х гг. Показательны труды Фарукшина М.Х., Магомедова А.К., Галлямова Р.Р., Борова А.Х., Дзамихова К.Ф., в которых

---

[58] *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: ИЭА РАН. – 2013. – 649 с.

анализировались конкретные примеры Татарстана, Калмыкии, республик Северного Кавказа и других регионов[59].

Вторую исследовательскую линию составили работы, направленные на теоретическое осмысление феномена политической элиты в постсоветской России. Наряду с разработкой категориального аппарата, внимание уделялось проблемам становления политического класса федерального уровня, кризису его формирования, а также возможным путям обновления. Ключевые публикации этого направления принадлежат Ашúну Г.К., Воронковой О.А., Сидоровой А.А., Крыштановской О.В., Гаман-Голутвиной О.В., Селезнёвой А.В., Шестопал Е.Б., Бурде М.А., Колеснику Н.В., Очировой В.М. Перечисленные исследования задали понятийные рамки и предложили индикаторы для анализа структуры, ценностных ориентаций и механизмов рекрутирования элит[60].

Отдельный пласт отечественной элитологии посвящён управленческой и политико-административной элите, рассматриваемой как особый слой политического класса. Здесь акцент сделан на карьерных траекториях, каналах рекрутирования, возрастно-поколенческой структуре, а также прогнозах динамики

---

[59] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 67–82; *Магомедов А.К.* Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 72-–80; *Магомедов А.К.* Корпорация «Калмыкия» – выражение идеологии калмыцкой правящей элиты // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 114-121; *Галлямов Р.Р.* Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 108-124; *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ (современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 3. – С. 192-208.

[60] *Ашин Г.К.* Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. – 2005. – № 7. – С. 23–43; *Бурда М.А.* Политическая элита современной России: кризис формирования // Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – Т. 4. – № 4. – С. 373–379; *Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В.* Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 66–79; *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 38–73; *Селезнева А.В.* Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. – 2016. – № Спецвып. – С. 149–169; Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: АРГАМАК-МЕДИА. – 2015. – 448 с.; *Колесник Н.В.* Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. – 2019. – Т. 28. № 4. – С. 30–48; *Очирова В.М.* Динамика политического развития России в оценках региональных политических элит // Власть. – 2018. – Т. 29. – № 9. – С. 141–146.

элиты на горизонте 2020-2030 гг. Важными являются работы Тева Д.Б., Борщевского Г.А., Крыштановской О.В. и др[61].

Третья, новейшая волна исследований вновь обратилась к проблематике региональных элит, но уже в контексте «зрелой» постсоветской трансформации. Особое внимание уделяется региональным руководителям нового поколения, включённых в политический процесс в современных условиях. Политико-психологический и сравнительный анализ каналов отбора и ролевых характеристик этого слоя представлен в работах Палитая И.С., Даниловой А.С., Матюсовой А.И. Эти исследования позволяют проследить эволюцию элит от постсоветских «старожилов» к «новичкам» федеральной эпохи[62].

В этой связи, в теоретическом плане представляется важным следующее высказывание: «Элиты, ответственные за формирование государственного образования, с высокой степенью вероятности будут и управлять им, но становление нового государственного образования, вполне возможно, повлечет за собой некоторую адаптацию к новым условиям. Может произойти расширение исходного элитарного круга (посредством кооптации, например) с целью обеспечения более широкой поддержки нового образования. Институты нового сообщества будут играть важную роль в воспроизводстве политических элит,

---

[61] *Крыштановская О.В.* 2020. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020-2030 гг. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – № 5. – С. 117–134; *Борщевский Г.А.* Социологический портрет политико-административной элиты современной России // Социология власти. – 2018. – Т. 29. – № 4. – С. 148–171; *Тев Д.Б.* Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 115–130; Политическая элита современной России: проблемы становления и развития: коллективная монография / Под ред. Л.Г. Титовой. – Ярославль. − 2021. − 195 с.

[62] *Палитай И.С.* Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 90–100; *Палитай И.С., Данилова А.С.* Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 54. – С. 252–262; *Палитай И.С., Матюсова А.И.* Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования “новичков” и “старожилов”// Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 4. – С. 114–130.

приобретении ими законного статуса и их обеспечения политическими инструментами»[63].

Можно заключить, что эволюция представлений о политических элитах позволяет сделать следующие выводы:

- идея неравного распределения власти имеет глубокие исторические корни. Ещё мыслители древности и классической эпохи (например, Полибий, Платон, Никколо Макиавелли) отмечали, что в любом обществе выделяется относительно малочисленная группа правителей и широкие массы подвластных. Данные воззрения предвосхитили появление научных теорий элит, утвердив понимание того, что политическая власть неизбежно концентрируется в руках меньшинства. Такая историческая перспектива задаёт фундамент: на протяжении веков признавалось, что общество делится на «правящий класс» и управляемое большинство, а, следовательно, феномен политической элиты универсален для всех эпох и культур;
- классические теории элит заложили научную основу понятия политической элиты. В конце XIX – начале XX века сформировалась итальянская школа элитизма (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс), систематизировавшая знания об элитах. Гаэтано Моска ввёл понятие *«правящего класса»*, подчеркнув, что в каждом обществе всегда существуют два неравных по статусу слоя: правящие немногие и подвластное большинство. Вильфредо Парето развил идею «*круговорота элит»*, считая социальное неравенство и психологические различия источником разделения на элиту и массы. Он выделял правящую и неправящую элиты и показывал, как со временем одна элита сменяется другой. Роберт Михельс сформулировал «*железный закон олигархии*», согласно которому даже в самых демократических организациях власть неизбежно сосредоточивается у немногих лидеров. Классические

[63] *Котта Маурицио*. Политические элиты и становление политической системы на примере европейского Союза // Сравнительная политика. – 2012. – № 3 (9). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-elity-i-stanovlenie-politicheskoy-sistemy-na-primere-evropeyskogo-soyuza (дата обращения: 05.07.2024).

концепции обосновали центральные характеристики политической элиты: малочисленность, непропорционально большой объем власти и влияния, особые организаторские качества и способность контролировать ресурсы общества;

- развитие теории элит в XX веке шло через осмысление взаимодействия элитизма и демократии. Появились концепции, пытавшиеся примирить факт существования элит с принципами народовластия. Так, социолог Р. Михельс, исследуя европейские социал-демократические партии, показал, что даже прямая демократия порождает тенденции к олигархии. Впоследствии Й. Шумпетер предложил модель *«демократического элитизма»*, где демократия понимается как конкуренция между элитами за голоса избирателей, а не непосредственное правление народа. Аналогично, другие политологи (например, Р. Даль с концепцией полиархии) указывали, что современные демократии фактически представляют собой *систему с участием нескольких конкурирующих элит*, сдерживающих друг друга. В рамках этой эволюции возникли компромиссные доктрины – олигархическая демократия, теория конкурентных элит, которые признали: народное участие важно, но практическое управление осуществляют элиты. Тем самым теория элит вошла в синтез с теорией демократии, породив представление о демократическом правлении как о соревновательном отборе и смене элит при формальном суверенитете народа;
- анализ раскрыл реальную структуру власти в современных обществах. В середине XX века ряд исследований в западной науке сфокусировался на эмпирическом изучении распределения власти в демократических государствах. Так, Ч.Р. Миллс в работе «Властвующая элита» (1956) показал, что в Соединённых Штатах сформировался триумвират элит – политической, военной и корпоративно-экономической, объединённых общими интересами. Исследования Ф. Хантера и последователей выявили, что на уровне города или отрасли решения принимаются не столько формальными институтами,

сколько неформальными сетями влиятельных лиц. Данные работы подтвердили вывод: даже в массовых демократиях значимые решения зачастую принимаются небольшим кругом лидеров вне прямого контроля рядовых граждан. Наличие подобных механизмов указывает на олигархические черты, сохраняющиеся в современных политических системах. Анализ власти не может ограничиваться только формальными институтами и официальными процедурами, особое значение приобретает изучение состава элитных групп, характера внутренних связей, каналов влияния и способов воздействия на принятие политических решений;

- теория элит обладает значительным концептуальным потенциалом применительно к разным типам политических режимов. Наличие политической элиты является закономерностью как для демократических, так и для авторитарных систем. Различия проявляются в способах рекрутирования, степени открытости правящего слоя и механизмах обновления власти. В демократиях конкуренция элит и периодическая ротация через выборы создают условия для притока новых представителей из общества, хотя на практике правящий слой нередко закрепляется в форме устойчивого истеблишмента, сохраняющего влияние независимо от смены правительства. В авторитарных и тоталитарных режимах элита, как правило, носит более закрытый и стабильный характер. Власть концентрируется в руках ограниченного круга лиц, партийных, военных, династических или бюрократических групп, тогда как доступ новых акторов к высшим позициям остается строго ограниченным. Теоретические модели помогают понять, как внутренний баланс внутри элиты определяют долговечность режима. Политическая стабильность или перемены часто зависят от консолидации или раскола элит;
- в отечественной политической науке концепция политических элит прошла свой особый путь развития. В советский период термин «элита» практически не применялся в официальной науке по идеологическим причинам

(марксистско-ленинская доктрина провозглашала равенство и отрицала наличие привилегированных групп). Тем не менее, на практике в СССР существовала своя закрытая номенклатурная элита, включавшая партруководителей и высший управленческий аппарат. Постсоветские исследования показали, что эта группа обладала всеми признаками классической политической элиты – монополией на власть, привилегиями и контролем над ресурсами. С распадом СССР понятие «политическая элита» прочно вошло в лексикон российской политологии. Отечественные учёные 1990-2000-х годов, опираясь на мировую теорию элит, проанализировали трансформацию власти в новой России. Было установлено, что существенная часть современной российской элиты – прямые наследники советской номенклатуры. Постсоветская политическая элита сформировалась из числа бывших партийных и советских кадров, а экономическую элиту страны пополнили выходцы из комсомольско-хозяйственной среды. Российский опыт подтверждает многие положения теории элит (принцип преемственности элит, адаптации к изменениям) и обогащает её эмпирическим материалом о смене элит в условиях системного перехода;

– ретроспективный анализ показывает, что теория элит сохраняет устойчивое концептуальное ядро и актуальность. В разных исторических условиях она исходит из признания сравнительно узкой группы, концентрирующей власть, ресурсы и управленческие функции в своих руках. Различия между классическими подходами связаны с расстановкой акцентов: у Парето — на качествах и типах правящих групп, у Михельса — на организационной логике власти и тенденции к олигархизации, у Моски — на роли организованного меньшинства, управляющего большинством. В дальнейшем теория элит впитала в себя новые эмпирические данные и подверглась критике со стороны плюралистических и марксистских концепций, но сумела адаптироваться. Она учла наличие разных сегментов элиты (политической, экономической, военной, медийной и т.д.), ввела понятия «*контрэлита»* и

«механизмы циркуляции/ротации элит», а также признала возможность ограничения всевластия элит посредством институтов демократии. Эволюция идей свидетельствует о высокой теоретической ценности концепции элит: она объясняет фундаментальный механизм власти, оставаясь релевантной при анализе как традиционных, так и новейших политических процессов;

– для современной политической науки концепция политических элит сохраняет важное значение как в теоретическом, так и в прикладном плане. Теоретически она напоминает исследователям, что за формальными институтами и правовыми нормами стоят реальные социальные группы – элиты, чьи интересы и взаимодействия во многом определяют государственную политику. Это предупреждает от упрощенного взгляда на демократию как на царство всеобщего равноправия, раскрывая скрытые механизмы влияния и принятия решений. С прикладной точки зрения теория элит предоставляет инструменты для анализа функционирования современных элит в разных типах государств. Например, сравнивая открытость рекрутирования элит, можно понять, почему одни демократии более динамичны и ответственны перед обществом, а другие страдают от «застоя» и олигархизации. В авторитарных режимах применение концепции элит помогает объяснить, как персоналистские диктатуры опираются на узкий круг приближённых, и предсказывать уязвимости таких режимов (раскол элиты, утрата лояльности силовиков и пр.).

Вместе с тем, опираясь только на западные теории элит, нельзя не заметить, что традиционные подходы западной политической науки не в полной мере объясняют специфику природы, строения и эволюции политической элиты России, Северного Кавказа. Северокавказский макрорегион обладает уникальными чертами: этнической мозаичностью, сильными родоплеменными связями, пережитками традиционных форм власти и опытом затяжных конфликтов, которые слабо вписываются в шаблоны, выведенные на материале устоявшихся

европейских демократий. Классические модели элитологии обычно исходят либо из относительно гомогенного национального государства с единым центром власти, либо из общества, где господствуют формально-бюрократические механизмы отбора элит. В случае же Северного Кавказа мы наблюдаем сложное переплетение формального и неформального начал в элитообразовании. Здесь федеральные институты и законы сочетаются с негласными «правилами игры» местного происхождения, с системой кланово-родственных соглашений, этнических балансов и влиянием неофициальных авторитетов. Западные теории, описывающие либо полностью централизованный отбор элиты, либо автономную саморегуляцию региональных элит, оказываются излишне упрощёнными. Эмпирические данные свидетельствуют, что ни «миф о всесилии центра», ни представление о полной автономности местных элит не соответствуют северокавказской реальности. Так, назначение региональных лидеров формально зависит от решений федерального руководства, но для устойчивости системы необходимо негласное согласование этих решений с местными элитными группами, учитывающие их интересы. Более того, структура и эволюция элит на Северном Кавказе подвержены влиянию таких факторов, как этноклановые отношения, борьба кланов за ресурсы, даже особая роль харизматических вождей и т.п., что в должной мере не учитываются западными концепциями. Поэтому возникает потребность в новом методологическом подходе, выверенном с учётом региональной специфики. Настоящее исследование опирается на комбинирование общетеоретических принципов элитологии с пониманием локальных особенностей Северного Кавказа, что позволяет сформулировать более адекватную модель анализа его политической элиты. Методологическая новизна состоит в синтезе классических теорий (итальянская школа элит, теория «властной элиты» Миллса, плюралистические поправки Даля и пр.) с учётом факторов, уникальных для северокавказского региона, таких как неформальные практики рекрутирования, этническая фрагментация элит и их особые легитимационные стратегии. Только опираясь на такой комплексный подход, можно раскрыть истинную природу и закономерности

трансформации элиты Северного Кавказа, которые ускользают при механическом приложении западных схем.

Подводя итог, можно заключить, что эволюция теорий о политических элитах не только обогатила политическую науку пониманием структуры и динамики власти, но и дала прикладной ключ к пояснению того, как реально устроено и функционирует управление в современном мире, будь то в демократических государствах или в авторитарных режимах.

1.2. Сущность и динамика политических элит

В современной социально-философской, политологической литературе понятие «элита» выступает в качестве одной из узловых категорий, принципиально важной в плане изучения сущности, структуры и динамики государственной власти. Элиту в политике мы рассматриваем как привилегированную и господствующую социальную группу, обладающую ресурсами власти, влияния и участия в подготовке социально-политических решений. Анализ раскрывает устройство политических систем, механизмы управления, направления государственной политики, а также возможные зоны развития, напряжения или кризиса в различных формах общественного управления.

Динамика политических элит отражает изменения в распределении власти и влияния, характер приспособления правящих групп к новым вызовам, социальным изменениям и институциональным преобразованиям. В политической сфере речь идет не только о кадровых перестановках внутри государственных структур, но и об изменении состава элитного слоя под воздействием административных, финансово-экономических, информационных и технологических факторов. Поэтому изучение элитной динамики имеет значение для понимания того, как формируются правящие группы, каким образом сохраняются властные позиции и как происходит реакция на проблемы, возникающие перед обществом и государством.

Само понятие «элита» восходит к французскому élite, что означает «лучшее», «отборное». Однако применительно к человеку или социальной группе подобное толкование нуждается в уточнении. В политической науке элитарность определяется не абстрактным превосходством, а доступом к власти, возможностью влиять на принятие решений, распоряжаться ресурсами и участвовать в определении направлений общественного развития. Политическая элита понимается не просто как верхний социальный слой, а как группа, реально

включенная в управление и обладающая способностью воздействовать на политический процесс.

Политическая элита занимает особое место в системе власти, участвует в формировании государственной политики и принятии значимых решений. Ее положение связано с доступом к административным, экономическим, информационным, социальным и культурным ресурсам, за счет которых сохраняется влияние и укрепляются позиции в обществе. Представители элитного слоя могут занимать государственные должности, работать в законодательной, исполнительной или судебной власти, а также воздействовать на политические процессы через партии, общественные организации, экспертные сообщества и неформальные сети. Высокий статус обычно подкрепляется образованием, профессиональным опытом, имущественным положением, общественным признанием и включенностью в значимые каналы коммуникации. Одновременно обладание властью предполагает не только право на принятие решений, но и ответственность за последствия политического выбора перед обществом и государством.

Современные исследования предлагают несколько подходов к пониманию элиты. Меритократическая традиция связывает элитный статус с заслугами, профессиональными достижениями, компетентностью и способностью к управлению, что прослеживается в работах В. Парето, Х. Ортеги-и-Гассета и ряда других авторов. Плюралистический подход рассматривает элиту как совокупность различных центров влияния, действующих в политической, экономической, административной, научной и общественной сферах. Критическая традиция обращает внимание на способность правящих групп сохранять привилегии, контролировать ресурсы и ограничивать доступ к власти для более широких слоев общества. Институциональный подход связывает формирование элиты с государственными структурами, политическими партиями, образовательными организациями, бюрократическими механизмами и другими устойчивыми

институтами, через которые осуществляется отбор, продвижение и закрепление управленческих групп.

Относительно сущности и функций элиты в политологии отсутствует единое мнение. Одним из дискуссионных вопросов является роль нравственной ответственности. Парето утверждал, что элита должна обладать высокой нравственной ответственностью, тогда как другие исследователи считают, что достаточно иметь властные полномочия и уметь их эффективно реализовывать. В современной литературе существует точка зрения, согласно которой понятие «элита» устарело и его следует заменить на «политический класс» или «*establishment*» (сильные мира сего). Эта концепция предполагает, что в условиях современного общества традиционные элиты утратили свою исключительность, и политическая власть распределяется более равномерно среди различных групп влияния.

Оппоненты данной теории, опираясь на работы Парето и Моска, отвергают возможность существования современной элиты, утверждая, что политическая власть должна рассматриваться в контексте более широкого понятия политического класса. Они полагают, что власть в современных обществах распределена более сложно, и различные группы и действующие структуры играют в этом процессе определяющую роль. Важное значение для настоящего исследования имеет определение границ понятия политической элиты применительно к смежным акторам, влияющим на политический процесс, таких как негосударственные организации, бизнес-структуры, популярные блогеры и лидеры общественного мнения. Современный политический процесс действительно характеризуется возрастающим влиянием этих неполитических субъектов. Крупный бизнес, медиамагнаты, гражданские активисты и сетевые лидеры мнений способны оказывать заметное давление на власть, формировать общественные настроения и даже инициировать изменения повестки. Однако в рамках данного исследования мы не включаем их в состав политической элиты, строго придерживаясь критерия институционального участия во власти. Политическая элита – это, прежде всего,

носители официальных властных полномочий и связанные с ними лица, имеющие привилегированный доступ к управленческим ресурсам государства. Напротив, лидеры некоммерческих организаций (НКО), журналисты или интернет-авторы, хотя и влияют на политику, не обладают формальными властными должностями и не входят в замкнутый круг распределения государственно-властных привилегий. Их можно рассматривать как часть широкой сети влияния или даже как потенциальную «контрэлиту», возникающую на периферии власти, но не как часть собственно правящего класса.

Важно сохранить понятийную границу между политической элитой и более широким кругом влиятельных акторов. В рамках настоящего исследования к элите относится группа, непосредственно участвующая в принятии управленческих решений и обладающая властными полномочиями. Представители бизнеса, экспертного сообщества, медийной сферы, общественных объединений, также способны воздействовать на власть, однако чаще делают это опосредованно — через капитал, общественное мнение, профессиональную экспертизу или неформальные каналы коммуникации. В реальной политической практике граница между элитой и внешними группами влияния остается подвижной. Например, крупный предприниматель, оказывающий устойчивое влияние на власть, может со временем войти в политическую элиту через получение официальной должности или включение в систему принятия решений. Тем не менее в теоретико-методологическом плане политическая элита в настоящей работе ограничивается кругом властных субъектов. Такой ракурс учитывает взаимодействие элит с внешними акторами, сохраняя при этом исследовательский фокус на самих элитных группах. В данной связи важна позиция Ж. Т. Тощенко, который наряду с понятием «элита» предлагает использовать и другие обозначения, включая «политический класс» и «истеблишмент», что помогает точнее описывать различные уровни политического влияния.

Учет разных теоретических позиций расширяет понимание механизмов формирования и функционирования политической элиты, характера ее воздействия

на общественное развитие. Разнообразие подходов делает анализ политической динамики более объемным, помогает увидеть не только формальные институты власти, но также неформальные связи, социальные ресурсы, каналы рекрутирования и способы закрепления влияния. Для исследования современных элит особенно актуально соединение различных научных перспектив, поскольку политическая власть редко ограничивается официальными должностями и установленными процедурами.

В эпоху Возрождения структура правящих слоев постепенно усложнялась. Наряду с наследственной аристократией заметное значение приобретали купечество, городская верхушка, банкиры, чиновничество и представители образованных слоев. Монополия знатного происхождения на власть уже не выглядела безусловной. Богатство, деловая активность, личные способности и доступ к управленческим функциям становились самостоятельными основаниями для продвижения в политическое пространство.

Промышленная революция существенно изменила состав и ресурсную базу элит. На политическую арену вышли промышленники, предприниматели, владельцы крупных производств и финансовых структур. Контроль над экономическими ресурсами давал возможность влиять на государственную политику, социальные отношения и направления общественного развития. В результате рядом с традиционной аристократией укреплялась новая элита, базировавшаяся на капитале, предпринимательской инициативе, организационных способностях и участии в модернизации экономики.

В XX веке, на фоне массовой политики и расширения избирательных прав, элитные группы стали более разнородными. В политической жизни возросла роль профессиональных политиков, партийных лидеров, профсоюзных деятелей, лоббистов, представителей социальных движений и общественных организаций. Легитимность элиты, то есть её общественное признание и авторитет всё теснее связывались со способностью мобилизовать поддержку, формировать

политическую повестку, воздействовать на массовое сознание и предлагать обществу убедительные идеологические ориентиры.

Современные политические элиты отличаются сложной структурой. На принятие решений влияют не только государственные институты и органы власти, но и транснациональные структуры, бизнес, экспертные сообщества, медийные фигуры. В условиях возрастающей глобализации и роста цифровых коммуникаций элиты формируются уже не только в национальных рамках — они включены в более широкие сети власти. Информационные технологии, социальные сети и новые формы публичной коммуникации изменили саму расстановку сил в политическом участии. Блогеры, активисты, IT-предприниматели и лидеры общественного мнения получили возможность напрямую входить в политическое пространство, влиять на общественные настроения без традиционных каналов партийной или бюрократической карьеры. Это усиливает конкуренцию за влияние и требует переосмысления привычных представлений о составе, ресурсах и механизмах функционирования политических элит[64].

На субнациональном уровне проблемы этнополитической напряжённости и конфликтов на примерах субъектов федерации освещаются в работах В.А. Авксентьева, А.В. Малашенко, Э.Ф. Шарафутдиновой, А.А. Вартумяна, М.А. Аствацатуровой, Т.Н. Литвиновой, С.В. Ушакова, А.А. Кадырова и др[65].

---

[64] *Гаджиев М.М., Магомедов А.К.* Политическая элита глобального Юга: обретение политической субъектности в контексте гуманитарных катастроф XXI века (факторы пандемии Covid-19, глобальной бедности и климатического кризиса) // Вопросы элитологии. – 2024. – Т. 5. – № 3. – С. 61–74.

[65] *Малашенко А.В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. – М.: РОССПЭН. – 2009. − 150 с.; Кадыров А.А.* Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения: дис. к. полит. н. – М. – 2003. – 149 с.; *Ушаков С.В.* Социокультурный анализ этнополитического конфликта (На примере конфликтов в Чеченской Республике): дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. – 2004. – 178 с.; *Шарафутдинова Э.Ф.* Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. – Ростов н/Д. – 2008. − 173 с.; *Литвинова Т.Н.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход): дисс. … д. полит. н. – М. – 2016. − 406 с.; *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона): дисс. … д. полит. н. – М. − 2003. – 530 с.

Политический процесс в Дагестане исследуется З.А. Махуловой и др.[66]. Религиозно-политические процессы, касающиеся политических элит, отражены в исследованиях В.Х. Акаева, В.О. Бобровникова, Э.Ф. Кисриева, Д.В. Макарова[67]. Политические процессы в Дагестане в контексте деятельности политических элит изучены в работах А.-Н.З. Дибирова, К. Мацузато, М.-Р. Ибрагимова[68]. Деятельность региональных политических элит, установление точек этнополитической напряженности в Северной Осетии-Алании и Ингушетии анализируется в исследованиях А.Г. Здравомыслова, А.А. Цуциева, Б.У. Костоева, В.А. Соловьева, Х.В. Дзуцева[69], Т.Н. Литвиновой, Б.Г. Койбаева и Ю.В. Усовой[70]. В

---

[66] *Махулова З.А.* Современная региональная геополитика России (на материалах республики Дагестан) / Отв. ред. И.П. Добаев. − Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. – 2007. − 169 с.

[67] *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.: ИЭА РАН. – 1999. − 26 с.; *Акаев В.Х.* Суфизма и ваххабизм. Конфронтация и компромисс? – Махачкала: ИЭА РАН. – 1999. – 46 с.; *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М. – 2000. – 84 с.; *Кисриев Э.Ф.* Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы Материалы конференции «круглого стола» / отв. ред.: И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: Институт Африки РАН. − 2015. – С. 104−110.

[68] *Ибрагимбеков М.-Р.*, *К. Мацузато.* Чужой, но лояльный: причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // Полис. – 2005. – № 3. – С. 102−115; *Дибиров А.-Н.З.* Дагестан: кажимость и действительность // Регионалистика и этнополитология / Отв. ред. *Р.Ф. Туровский*. − М.: РОССПЭН. − 2008. – С. 148−164.

[69] *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: Перспективы выхода из тупиковой ситуации. − М.: РОССПЭН. – 1998. – 128 с.; *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992−…): его предпосылки и факторы развития. − М.: «Российская политическая энциклопедия». – 1998. − 188 с.; *Костоев Б.У.* Кавказский меридиан. − М.: «Гуманитарный фонд Ингушетии». – 2003. – С. 311–323; Дзуцев Х.В. Осетино-ингушский конфликт: механизмы снижения напряженности // Там же. – С. 306–311; *Abrahamson P., Davydova N., George K., Manning N., Tikhonova N.E., Tsutsiev A., Veit-Wilson J., Zdravomyslov A.G.* Poverty and social exclusion in the new Russia. – London, 2017. (2-nd edition); Zdravomyslov A.G., Tsutsiev A.A. Ethnic and cultural aspects of poverty // Poverty and Social Exclusion in the New Russia, ed. by Abrahamson P., Davydova N., George K., Manning N., Tikhonova N.E., Tsutsiev A., Veit-Wilson J., Zdravomyslov A.G. – London. – 2017. – С. 149–173.

[70] *Литвинова Т.Н.* Представительная власть на Северном Кавказе и Парламент Северной Осетии / Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы Международной научной конференции, Москва, 17–18 мая 2006 года / под ред. *В.В. Дегоева*. – М.: «Русская панорама». – 2007. − С. 127−147; *Койбаев Б.Г., Усова Ю.В.* Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. − Владикавказ.: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. – 2009. – 199 с.; *Усова Ю.В.* Современные политико-властные элиты республик северного Кавказа: проблемы функционирования в контексте социальных изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №10 2 (60). – С. 193–195; *Литвинова Т.Н.* Проблема доверия власти как предпосылка согласия в обществе на примере республик Северного Кавказа // Политика развития, государство и мировой порядок Материалы

рамках выстроенных теоретических концепций складывается целостное представление специфики регионального политического процесса, а также деятельности политических элит.

Анализ современного состояния исследований элит свидетельствует о постепенном становлении и развитии научных школ. Важно отметить, что анализ уровней федеральных и региональных этнополитических элит, политических процессов, управляющих взаимодействий, конфликтов порою осуществляется разрозненно, фрагментарно. Мало системных научных исследований, в том числе с применением социологических, политологических подходов. Недостаточно изучена стабилизирующая и деструктивная роль политических элит и этнократий в социально-политических конфликтах, ~~в~~ профилактике сепаратизма, экстремизма и терроризма. Только начинаются системные исследования в области возникновения новых точек этнополитической напряжённости и территориальных споров на Северном Кавказе (Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесия).

Региональные элиты способны детерминировать сложные внутригосударственные конфликты и точки этнополитической напряженности и конфронтации[71]. К примеру, в конце XX века начался российско-чеченский кризис, вызванный острой борьбой между федеральными политико-административными

VIII Всероссийского конгресса политологов / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс. − 2018. – С. 309–310; *Литвинова Т.Н., Железняков А.С.* Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте трансцивилизационного взаимодействия // Социологические исследования. – 2019. – № 5. – С. 129–138; *Койбаев Б.Г., Зассеева А.М.* Классификация преступлений экстремистской направленности / VII Международный молодежный юридический форум «Экстремизму – отпор» // Сборник научных статей материалов Международной научно-практической конференции / Под редакцией Кокоевой Л.Т., Цалиева А. – М. − 2019. – С. 169–175; *Байсангурова А.Р., Койбаев Б.Г.* Проблемы противодействия экстремистским и террористическим проявлениям в СМИ и интернет-пространстве // VII Международный молодежный юридический форум «Экстремизму – отпор» // Сборник научных статей материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. Кокоевой Л.Т., Цалиева А. – М. – 2019. – С. 243–250.

[71] *Ачкасов В.А.* Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 2021. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/severnyy-kavkaz-mnogofaktornost-etnopoliticheskoy-napryazhennosti (дата обращения: 02.02.2023).

элитами и региональными этноэлитами, усиленный на фоне нестабильной социально-политической обстановкой и сложной социально-политической ситуацией в стране и на Кавказе. Этому способствовали политические ошибки руководства страны того периода.

В контексте сказанного представляется интересным мнение Г.К. Ашина: «Современная политическая элита активно стремится выработать новые механизмы и процедуры рекрутирования сторонников в свои ряды. Вместе с тем наличие авторитарного сознания у ряда политиков и одновременно желание формировать демократические нормы противоречат друг другу и неизбежно приводят к проблемам и конфликтам. Нет еще завершенной, отлаженной системы пополнения элиты, и это говорит о том, что в целом политическая система России еще далека от совершенства»[72]. В определенной мере эти сложные политические процессы тормозят формирование демократически развитой политической элиты, совершенствование политической системы в России, в том числе и на региональном уровне. Для такого развития требуется преодоление проблем и конфликтов, которые ныне бытует на Кавказе. Череда тлеющих точек этнополитической напряженности, незавершенность процесса элитогенеза в регионе приводит протестную активность населения в перманентное состояние.

Анализ современных отечественных работ, посвящённых политическим процессам на Северном Кавказе, особенно ценно дополняют фундаментальные коллективные исследования, в которых наряду с теоретическим обобщением представлен и богатый эмпирический материал. Одним из наиболее значимых примеров является монография под редакцией В.А. Тишкова «Российский Кавказ: книга для политиков» (2007)[73], в которой представлен междисциплинарный анализ социокультурной динамики региона, где традиционные формы власти и этноклановые структуры переплетены с современными институтами управления.

---

[72] *Ашин Г.К.* Наука об элитах и элитном // Власть. – 2004. – № 1. – С.46−57.

[73] Российский Кавказ: книга для политиков / Под ред. В.А. Тишков. – М.: ФГНУ «Росинформагротех». − 2007. – 384 с.

Внимание уделено механизмам воспроизводства региональных элит. Высокая сплочённость и контроль над распределением ресурсов позволяют элитам как поддерживать стабильность, так и блокировать реформы и развитие. Характерно наблюдение авторов, что «многие решения в регионе блокируются узкими экономическими и политическими интересами и действиями коррумпированных региональных элит», вследствие чего федеральный центр вынужден искать с ними компромиссы как с «единственной силой, способной предотвратить социальный взрыв».

Для понимания роли региональных элит в эскалации и урегулировании конфликтов требуется обращения к работам, изданных в период наиболее острого проявления кризисных тенденций. Одним из документов такого рода стал независимый экспертный доклад *«Пути мира на Северном Кавказе»* (1999)[74]. В докладе дана системная оценка природы конфликтов, затронутых этнополитической, религиозной и внешнеполитической динамикой региона. Основной акцент сделан на роли региональных элит. Авторы указывают, что радикализация и сепаратистские тенденции часто исходили от местных лидеров, использовавших этнический и религиозный факторы для мобилизации населения. Работа построена на сравнительном анализе, предлагая вернуть регион в национальную систему через восстановление легитимных институтов, развитие гражданского общества и политическую интеграцию. Методологически доклад опирается на конфликтологический и структурно-факторный анализ, показывая, что этнополитические кризисы имеют не только культурно-идентификационную, но и ресурсно-властную основу. Концептуальный вывод исследования заключается в том, что долговременная стабилизация возможна лишь при включении региональных элит в общероссийское политическое пространство, а силовое доминирование без политических компромиссов ведёт к воспроизводству нестабильности.

---

[74] Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад // *Н.С. Авдулов, Ю.Д. Анчабадзе, Д.Д. Гакаев* [и др.] / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН. – 1999. – 184 с.

На Юге России сложились элитологические школы, исследующие региональные политические элиты Северного Кавказа в различных аспектах. Можно выделить наиболее видное элитологическое направление – ростовскую школу, которая сложилась на базе РАНХиГС и представлена А.В. Понеделковым, А.М. Старостиным, С.А. Кислицыным и др.[75] Представители ростовской школы в основном изучают политико-административные политические элиты, коррупциогенность региональных управленческих акторов, особенности определения элиты. Они выделяют этнополитические элиты, относя к ним «родоплеменные (тайповые) или национально-земляческие группы, занявшие места в системе властных и экономических отношений»[76]. Ряд исследований подтверждают (Тощенко Ж.Т. и др), что вертикальные политические структуры формируются под влиянием теневых и мощных этнократических групп и гильдий, которые функционируют как региональные этнополитические элиты. Эти высокостатусные группы (этнократии), защищающие интересы «титульного» этноса, активно лоббируют интересы своих регионов и групп в высших эшелонах власти. Они целенаправленно продвигают своих представителей на значимые позиции в государственных структурах[77]. Можно говорить, что региональные этнополитические элиты обладают значительными ресурсами и возможностями,

---

[75] *Понеделков А.В., Жученко Е.Н., Фасс Ю.С.* Место и роль ростовской научной элитологической школы в изучении региональных административно-политических элит // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2012. – №. 3. – С. 102–110; *Воронцов С.А., Понеделков А.В., Усманов Р.Х.* Роль и влияние административно-политических элит в процессе обеспечения национальной безопасности на Юге России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – №. 2. – С. 234–244; *Понеделков А.В.* Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России: (Региональный политологич. анализ): автореферат дисс. … д. полит. н. – М. – 1995. – 64 с.; *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России: дисс. … д. полит. н. – Ростов-н/Д. − 2003. – 351 с.; *Кислицын С.А.* Большевистская политическая элита 20-30-х гг.: Личность и власть: дисс. … д.ист. н. – Ростов-н/Д. − 1994. – 351 с.

[76] Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь). – Ростов-н/Д. − 2003. – С. 576.

[77] *Тощенко Ж.Т.* Этнократия // Политическая энциклопедия. – 1999. – С. 654–655; Романовский Н.В. Лики этнократии // Россия и современный мир. – 2000. – №. 3. – С. 124–134.

что способствует формированию и укреплению сильных этнократических групп[78]. Национальная окрашенность несет в себе высокие риски устойчивости региональных политических систем, формируя перманентное напряжение и конкуренцию внутриэлитных групп[79].

В заключение нужно отметить, что политическая воля элит реализовывается посредством использования широкого спектра ресурсов – политического, административного, законодательного, финансового, медийного, которыми они обладают. Ресурсы позволяют политической элите преобразовывать властные структуры, социальную реальность в соответствии с их представлениями. Во властные структуры проникают представители силовых ведомств и спецслужб. Существует разные подходы понимания масштаба проникновения представителей силовых структур во власть[80].

Элиты оказывают глубокое воздействие на принятие решений, нацеленных на развитие общества, его экономики, социально-политической и культурной сфер. Действия и стратегии элит могут как способствовать прогрессу, так и вызывать конфликты, социальное недовольство. Понимание динамики политических элит позволяет основательнее раскрыть механизмы управления государством, предсказать возможные траектории социально-политического развития.

Современные вызовы меняют требования к политическим элитам: от них ожидается не столько приспособление к новым условиям, сколько готовность к обновлению управленческих практик и проведению структурных реформ. Характер политической элиты постепенно эволюционирует. Если ранее на первый план выходили стабильность, преемственность и сохранение сложившегося порядка, то в современных условиях возрастает значение гибкости,

---

[78] *Аракелян Э.А*. Роль этнополитических элит в стабилизации политических процессов: на примере Южного федерального округа: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2007. – 182 с.

[79] *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. – М.; – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. − 2005. – 344 с.

[80] *Абелинскайте В.Э.* Влияние политической элиты на трансформации властных институтов современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 82–95.

восприимчивости к новациям, способности оперативно реагировать на социально-политические, экономические и технологические изменения, действовать в ситуации международного давления.

1.3. Структура, типология и особенности функционирования политических элит

Политическая элита занимает то положение в социальной иерархии, где сосредоточено право принимать решения, влияющие на направление общественного развития. Ее значение определяется не только доступом к власти, но также составом правящего слоя, характером внутренних связей, способами обновления и готовностью реагировать на изменения политической среды. Через названные характеристики раскрывается реальная система властных взаимодействий, в которой соединяются стратегическое управление, ценностные ориентиры и практики воспроизводства политического влияния. Анализ этой системы требует комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего политологический и социологический инструментарий.

В целях выявления сущности и функций политической элиты, необходимо рассмотреть её структуру и типологию, которые могут быть проанализированы по нескольким основаниям. Типология элиты может быть рассмотрена по функциям власти. Здесь можно выделить три основные категории: законодательная власть включает в себя членов парламентов, депутатов, сенаторов, то есть тех, кто занимается разработкой и принятием законов. Исполнительная власть состоит из министров, губернаторов, мэров городов. Судебная власть включает в себя судей, чья задача заключается в осуществлении правосудия.

Типологию политической элиты можно рассмотреть и по уровням власти: федеральная политико-административная элита состоит из высших государственных должностных лиц, руководителей органов власти, членов центральных аппаратов политических партий. Региональная элита включает в себя руководителей субъектов федерации, региональных политических лидеров и представителей местных органов власти. Местная элита включает глав муниципалитетов, местных депутатов.

Можно говорить, что региональная политическая элита формируется под воздействием трех факторов: культурного, структурного и институционального. Культурный фактор охватывает процессы легитимации элит, осуществляемые в системе норм[81]. В итоге происходит согласование действий элиты с существующими культурными моделями, что способствует укреплению их авторитета. Структурный фактор определяет распределение власти внутри общества, что влияет на доступ к политическим позициям. Институциональный фактор включает правила и процедуры, регламентирующие политическую деятельность, институциональные механизмы.

Структура политических элит коррелируется с моноцентричной моделью, в которой ядро принятия решений определяется административной или экономической основой. Отличительной чертой российской политической элиты являются ее отраслевые и территориальные признаки, придающие ей выраженный гетерогенный характер. Процессы функционирования и формирования политических элит проходит по следующим территориальным уровням: федерального, регионального и местного[82].

Формирование и рекрутирование региональных этнополитических элит идет по гильдийской системе, которая характеризуется закрытостью, традиционализацией, латентностью и архаизацией. В рамках этой системы вхождение в элиты идет медленно, постепенно, из числа небольшого круга селектората[83]. Процесс отбора сильно институционализирован, формализован и сопряжен с большим кругом требований, его ведёт узкий круг руководителей и

---

[81] *Салгириев А.Р.* Политические элиты современной России как субъект управления политическими процессами (на материалах Республик Северного Кавказа): дис. канд. полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет. − 2012. – 27 с.

[82] *Гриценко Н.П.* Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс // Социум и власть. – 2010. – № 1 (25). – С. 64–69.

[83] *Покатов Д.В., Антонова О.Г., Дыльнова З.М.* Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 419–425; *Водопетов С.В.* Инновационное развитие управленческого инструментария политической элиты в процессе современной модернизации России: дисс. … к. полит. н. – Нижний Новгород. − 2014. – 169 с.

доверенных лиц, аффилированный с неформальными лидерами[84]. В условиях Северного Кавказа этот процесс выстроен на основе этноклановости, тайповости, фамильности, тукумности, кумовства[85]. Подобная элитная система характерна для стран с авторитарными режимами, социуму со слабым развитием демократических и гражданских институтов[86].

Тем временем, антрепренерская система рекрутирования элит характеризуется своей открытостью, меньшими формальными требованиями к кандидатам, состязательностью, меньшей степенью формализованности процедуры отбора, значимостью профессиональных и личностных требований, креативностью[87].

Особенности функционирования политических элит отражаются в специфике национальных политических систем, культурных традициях и исторически сложившихся практиках власти. Важность изучения данной темы обусловлена необходимостью понимания механизмов легитимации власти, а также способов воздействия элит на социально-политические процессы. Научный интерес к данной теме обусловлен стремлением раскрыть влияние элит на стабильность и эффективность политической системы, чему способствуют разработки теоретических моделей политического развития. Много работ посвящено изучению структуры политических элит и особенностям их

---

[84] *Субботин П.А.* Развитие формальных и неформальных механизмов формирования политической элиты. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12−3 (62). – С. 161–165.

[85] *Salgiriev A.R., Osmaev A.D., Betilmerzaeva M.M.* [et al.] Structuring political elites // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: Conference: SCTCGM 2018. – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Grozny, 01-03 ноября 2018 года. – Future Academy: Published by the Future Academy. − 2019. – Pp. 2605–2610.

[86] *Фишман Л.Г.* Создают ли демократию элиты? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 2. – С. 61–70.

[87] *Вартумян А.А.* Политические элиты постсоветской России: основные подходы и прикладной анализ // Современная наука и инновации. – 2014. – № 2 (6). – С. 94–101; *Salgiriev A.R., Osmaev A.D., Betilmerzaeva M.M.* [et al.] Structuring political elites // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: Conference: SCTCGM 2018. – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Grozny, 01-03 ноября 2018 года. – Future Academy: Published by the Future Academy. − 2019. – Pp. 2605–2610.

функционирования. В исследованиях Я.А. Пляйса, Л.М. Дробижевой, М.Ю. Мартыновой, Л.Р. Сагитовой, В.А. Тишкова, О.В. Гаман-Голутвиной, В.Г. Игнатова, Н.Ю. Лапиной, В.П. Мохова, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, А.Е. Чириковой, Мацузато[88], Д.В. Бадовского, С.И. Барзилова, А.К. Магомедова, Н.Ю. Лапиной, А.Г.

[88] *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М. − 2003. – 376 с.; Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. − М.: Изд-во Института социологии РАН. − 2003. − 222 с.; *Горшков М.К., Андреев А.Л. и др.* Российское общество и вызовы времени. Книга 5. – М.: Весь Мир. – 2017. – 427 с. – URL: https://www.isras.ru/publ.html?id=5071; *Тишков В.А., Филиппова Е.И. и др.* Культурная сложность современных наций. – М: Политическая энциклопедия. – 2016. – 384 с.; *Мартынова М.Ю., Грацианская Н.Н. и др.* (отв. ред.) Этнические проблемы и политика государств Европы. М.: «Старый сад». – 1998. – 400 с.; *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте // Этнография чеченской войны. – М.: Наука. − 2001. – 552 с.; *Тишков В.А., Степанов В.В., Новикова Н.И.* [и др.] Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. − М.: «Наука». − 2011. – 462 с.; Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? / под ред. *К. Мацузато.* − М.: МГИМО-Университет. − 2004. − 368 с.; *Воронцов С.А., Понеделков А.В.* Инновационные ответы российской элитологии на вызовы современной политической ситуации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 158–168; *Понеделков А.В., Игнатова Т.В., Воронцов С.А*., *Васьков М.А.* Социальные запросы и характер трансформации региональных политико-административных элит в условиях современных системных вызовов: по материалам межрегионального социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 1. – С. 11–19; *Аствацатурова М.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В., Игнатова Т.В.* Упрочение гражданского единства в этнополитическом контексте юга России (политико-управленческие идеи и экспертное мнение) // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 7. – С. 17–23.

Чернышова[89], А.Е. Чириковой[90], Ж.Т. Тощенко[91] анализируется политическая деятельность элит России, а также особенности участия элит в региональных политических процессах.

Региональные этнополитические процессы на Северном Кавказе рассмотрены в монографических исследованиях и статьях Г.С. Денисовой, Л.Л. Хоперской, В.А. Авксентьева, В.Х. Акаева, А.В. Баранова, А.Н. Мирновой, А.К. Алиева, Ю.В. Васильева, И.П. Добаева, Г.И. Юсуповой[92], А.А. Вартумяна, В.М.

---

[89] *Пляйс Я.А.* О старой и новой элите России: проблемы трансформации / В сборнике: Элитология и стратегии развития современной России // Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием / ред.- изд. гр.: А.Ю. Шутов (руков.) и др. – Ростов: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. − 2016. – С. 37–51 (https://www.isras.ru/publ.html?id=5232); *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Охотский Е.В.* Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. − М.: «Экзамен». – 2001. − 607 с.; *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН. – 2006. – 446 с.; *Дискин И.* Элиты как субъекты российских реформ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. – Политические науки. – 1996. – № 1. – С. 10-17; *Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. и др.* Взаимодействие элит в социально-политическом процессе современной России. – Ростов н/Д. – 2001. – 352 с.; *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров. − 2004. – 384 с.

[90] Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 6−19; *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). − Пермь: «Пермское книжное издательство». − 2003. − 240 с.; *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). − М.: «Московский общественный научный фонд». − 2000. − 240 с.

[91] Т*ощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки. − М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). − 2003. − 432 с.

[92] *Акаев В.Х.* Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Т. 17. – № 1. – С. 89–102; *Вартумян А.А.* К вопросу о динамике этносоциальных процессов в российских регионах // Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования. Материалы Международной научно-практической конференции. Адыгейский государственный университет / отв. ред. Р.Д. Хунагов. − Майкоп: ЭлИТ. – 2017. – С. 19−20 *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. − Ростов-на-Дону: «Сев.-Кавк. акад. гос. службы». – 1997. – 143 с.; *Васильев Ю.В.* Этнополитические процессы на Юге России на рубеже XX–XXI веков: от конфликта к стабилизации. − Ростов-на-Дону: «Изд-во Рост. гос. ун-та». – 2004. – 234 с.; *Авксентьев В.А.* Стабильность и конфликт в российском приграничье: этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. – М. – 2005. – 344 с.; *Добаев И.П.* Основные направления усиления противодействия терроризму в молодежной среде России в идеологической сфере // Обзор. НЦПТИ. – 2018. – № 2 (13). С. 24–33; *Он же.* Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Актуальные проблемы Северного Кавказа // Сборник научных статей. Сер. «Южнороссийское обозрение». – Ростов н/Д. − 2018. – С. 9−22; *Карабанова И.В., Голубева М.О., Газиев Д.Ж.* Проблемы

Юрченко и В.В. Черноуса[93] и др. В них особое внимание уделяется строению и эволюции элит на Северном Кавказе.

Проблемы строения, институционализации элит на Северном Кавказе в различных аспектах рассмотрены в диссертационных исследованиях таких специалистов как Вартумян А.А., Старостин А. М., Ахметов А.А., Санглибаев А.А., Марзоев И.Т., Поляков Е.М., Халюзин В.А., Аракелян Э.А., Новиченко А.И., Хоперская Л.Л. и др.[94]

и перспективы формирования политической элиты в республиках Северного Кавказа / Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы III Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием. − М.: ЮРИУФ РАНХиГС. – 2019. − С. 181−185; *Денисова Г.С., Баранов А.В., Викторин В.М.* [и др.] Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (итоги 2018 года): экспертный доклад / Под общ. ред. *В.А. Тишкова*. − Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования». – 2018. – 200 с.; *Поляков А.В.* Социальная сплоченность на северном Кавказе как политический капитал и ресурс эффективности элит // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете. Материалы Международного конгресса / Под ред. А.П. Лунева, П.Л. Карабущенко. – Астрахань: «Астраханский университет», 2017. – №. 10 (41). – С. 319−326; *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. − 2019. − Т. 89. − № 4. – С. 408−412.

[93] *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. − Ставрополь: Изд-во СГУ. – 2001. – 267 с.; *Юрченко В.М.* Политика как фактор региональной конфликтности: автореферат дисс. … д. полит. н. − Краснодар. – 1998. − 37 с.; *Черноус В.В.* Современные геополитические факторы конфликтогенности на Юге России // Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. – Ростов н/Д. − 2005. – С. 237–247.

[94] *Ахметов А.А.* Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления: дисс. … к. полит. н. – М. − 2013. – 184 с.; *Чуб О.П.* Социокультурная специфика элиготенеза в современных республиках Северного Кавказа: дисс. … к. соц. н. – Ростов н/Д. − 2004. – 138 с.; *Санглибаев А.А.* Современный политический процесс на Северном Кавказе: проявление этностатусной асимметрии: дисс. … к. полит. н. – Ростов н/Д. – 2001. – 169 с.; *Марзоев И.Т.* Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – начало XX вв.): дисс. … к. ист. н. – М. – 2006. – 168 с.; *Поляков Е.М.* Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990–2000-е годы): дисс. … к. полит. н. – Воронеж. – 2009. – 167 с.; *Халюзин В.А.* Динамика политической жизни традиционного общества (на примере Северного Кавказа): дисс. … к. полит. н. – Пятигорск. − 2011. – 151 с.; *Новиченко А.И.* Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической деятельности (на примере ЮФО): дисс. … к. полит. н. – Ростов н/Д. – 2009. – 156 с.; *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы Северо-Кавказского региона: проблемы политического управления: дис. Диссертация в форме научного доклада на соискание учёной степени д. полит. н. – М. − 1997. – 68 с.; *Лубский А.В. и др*. Элиты Северного Кавказа: опыт польско-российского сотрудничества // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elity-severnogo-kavkaza-opyt-polsko-rossiyskogo-sotrudnichestva (дата обращения: 01.08.2023).

Проблемы управления в полиэтничных регионах рассматриваются в работах: Н.Ф. Бугай и А.М. Гонова, В.Д. Дзидзоева[95]. Особенности политического управления Северного Кавказа исследуются в публикациях В.А. Самедова, М.А. Аствацатуровой, Э.Т. Майборода[96].

В рамках анализа политической элиты важным аспектом является осмысление её структуры. Элита, как правило, представляет сложную систему, включающую в себя различные группы и страты, которые занимают иерархические позиции в существующей политической системе общества. Структура элит может быть дифференцирована по множеству критериев, в том числе по функциональной специализации, степени влияния на политические процессы и доступу к властным ресурсам.

Важно отметить, что структура политической элиты не является статичной, она постоянно трансформируется под воздействием внутренних и внешних факторов. Изменения структуры элит могут быть обусловлены как социально-экономическими процессами, так и индивидуальными стратегиями акторов внутри самой элиты. Региональные элиты Северного Кавказа особенно подвержены трансформациям и вынуждены коррелировать свои стратегии активности с элитами федерального центра, но опираясь на традиционалистские ориентации.

---

[95] *Мукомель В.И. и др.* Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. – 2017. – Т. 1. – С. 37–46; *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М.: Гриф и К. – 2011. – 440 с.; *Дзидзоев В.Д.* Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. 2-е изд. – Владикавказ. − 2004. – 359 с.

[96] *Самедов В.А.* Аппарат полномочного представителя Президента РФ в ЮФО как медиатор конфликтов на Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. В.Г. Игнатов (отв. ред.) и др. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. − 2003. − С. 69; *Аствацатурова М.А. и др.* Императивы формирования гражданского единства: экспертные оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 2. – С. 11–16; *Аствацатурова М.А.* Этноконфликтологический менеджмент: некоторые обобщения в региональном контексте // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира: сборник научных материалов / науч. ред.: Г. М. Гогиберидзе, Э.Т. Майборода, Е.И. Степанов. – М.; Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та. − 2006. − С. 286–295; Майборода Э.Т. Поливариантность федеративного устройства как фактор государственного управления этнополитическими процессами // Там же. С. 306–314; *Авксентьев В.А. и др.* Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Монография под ред. Г.Г. Матишова. − Ростов-н/Д. − 2011. − 328 с.

Типология политических элит предполагает выделение различных видов элит на основе определённых характеристик. К примеру, можно говорить о разделении на правящую элиту, которая непосредственно принимает решения, и не на правящую, чья роль заключается скорее в формировании общественного мнения и контроле за действиями правящей группы. Под правящей элитой понимается группа, способная принимать и реализовывать политические решения[97]. Нужно понимать, что в условиях традиционных обществ сложно классифицировать региональных акторов, так как сама логика отнесения к региональным элитам тех или иных субъектов выстроена на демократических началах. Однако в рамках использования только институционального подхода сложно установить региональных акторов политического управления, для этого следует коррелировать его с десизионным подходом, не отходя от институционального подхода.

Функционирование политических элит тесно связано с их способностью к адаптации и выработке эффективных механизмов управления. В то же время они могут способствовать как прогрессивным переменам, так и консервации устаревших порядков. У политологов нет единого мнения, какую же роль играют региональные элиты, в частности на Северном Кавказе: позитивную или негативную. Чего больше в их деятельности? Способны ли они сдерживать этнополитическую ситуацию на местах, блокировать проявления терроризма и экстремизма, сохранять мир и стабильность, или же они действуют исключительно в собственных партикулярных интересах?[98]

Структура элит определяет не только распределение власти и ресурсов, но и механизмы вертикальной мобильности. Важным аспектом является баланс между

---

[97] *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс. − 1995. – 295 с. (Прогр. «Обновление гуманит. образования в России») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 1996. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/96-03-010-tsygankov-a-p-sovremennye-politicheskie-rezhimy-struktura-tipologiya-dinamika-uchebnoe-posobie-m-interpraks-1995-295-s-progr (дата обращения: 28.09.2023).

[98] *Гриценко Н.П.* Формирование региональных политических элит в современной России: теоретические аспекты исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион // Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 28–35.

открытостью элиты для «новых» членов и её закрытостью, что влияет на динамику социальных лифтов в обществе. В целом, структура политической элиты формируется под воздействием исторически сложившихся традиций, экономических условий, культурных особенностей и ряда других факторов, что обуславливает уникальность каждой политической элиты, требует индивидуального подхода при анализе её функционирования.

Проникновение в сущность политических элит предполагает анализ их структуры и типологии. Структура элит характеризуется внутренним устройством, иерархией и взаимоотношениями между её членами. Типология политических элит представляет собой систематизацию различных видов элит по определённым критериям.

Согласно теории легитимности М. Вебера, классификация политических элит может базироваться на разнообразных основаниях, среди которых выделяются следующие: 1. Происхождение власти: традиционные, харизматические и рационально-правовые элиты. Традиционные элиты опираются на устоявшиеся обычаи и нормы, харизматические – на личное влияние и авторитет лидера, рационально-правовые – на законодательство и бюрократические процедуры[99]. 2. Способ формирования: закрытые и открытые элиты. Закрытые элиты ограничивают доступ новых членов, базируясь на критериях крови, богатства или принадлежности к определённой социальной группе. Открытые элиты более демократичны и позволяют социальный подъём на основе достижений и личных качеств. 3. Отношение к переменам: консервативные и прогрессивные элиты. Консервативные элиты стремятся сохранить существующий порядок, в то время как прогрессивные выступают за инновации и социальные изменения.

Функционирование политических элит не сводится к обладанию властью. С ним связана ответственность за стратегические решения, выработку

---

[99] *Бадретдинов И.Р.* Легитимность: еще раз о понятии и типологии // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 20–24; *Керимов А.А.* Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. – Общественные науки. – 2015. – № 1 (137).

государственной политики и сохранение общественной устойчивости. Элиты занимают промежуточное положение между государством и обществом, переводя социальные запросы, групповые интересы и управленческие задачи в политические решения и институциональные действия. Включение новых представителей в элитную среду идет через разные каналы: образование, партийную деятельность, государственную службу, профессиональные сообщества, экспертные и общественные структуры. По указанным каналам правящий слой обновляется, получает новые кадры, опыт и способы реакции на изменения социально-политической ситуации.

Типология политических элит даёт возможность глубже понять природу власти, различия в управленческих практиках и поведение правящих групп в разных исторических и культурных условиях. Любая классификация остается условной, поскольку реальная политическая жизнь сложнее теоретических схем. Тем не менее типологический анализ особенно эффективен для сопоставления форм политического управления, выявления устойчивых черт элитных групп и понимания логики взаимодействия власти, общества и институтов.

В контексте изучения структуры, типологии и особенностей функционирования политических элит особый интерес представляет анализ политических элит Северного Кавказа. Данная территория характеризуется уникальным сочетанием традиционных и современных элементов политического управления, что в значительной мере определяет специфику местных элит и механизмы их влияния на процессы принятия решений и на саму общественную жизнь.

Структура элит данного региона формируется под воздействием нескольких факторов: этническая мозаичность, исторически сложившиеся патриархальные отношения, сильное влияние клановой системы, а также централизованное регулирование со стороны федерального центра. В результате возникает сложная и многоуровневая система власти, где традиционные авторитеты (старейшины,

религиозные лидеры) сосуществуют и взаимодействуют с официально назначенными представителями государственной власти[100].

На федеральном уровне, фигуры, составляющие политическую элиту, могут включать: 1. Высшее государственное руководство: президенты, премьер-министры, члены правительства и главы администраций. 2. Парламентарии: спикеры, лидеры партий, комитетов, фракций. 3. Судебная власть: судьи конституционных и верховных судов. 4. Руководители региональных и местных органов власти: губернаторы, мэры крупных городов. 5. Лидеры крупнейших политических партий и движений, даже если они не занимают официальных государственных должностей. 6. Влиятельные советники и помощники. 7. Руководители крупных негосударственных организаций и лоббистских групп.

Для количественного определения региональных элит можно проанализировать структуру законодательных собраний (парламенты) субъектов Северо-Кавказского федерального округа и представительность политических партий (таблица 3).

Данные показывают, что «Единая Россия» имеет значительное преимущество в каждом из регионов СКФО. Наибольшее количество представителей ЕР наблюдается в Республике Дагестан (68 депутатов), наименьшее – в Республике Ингушетия (27 депутатов). Это свидетельствует о сильных позициях ЕР в политической системе региона. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) имеет представительство во всех субъектах, кроме Республики Ингушетия. Наибольшее число депутатов КПРФ находится в Республике Дагестан (10 депутатов). Электоральное «поле» Северного Кавказа демонстрирует крайне фрагментарное присутствие партий, традиционно позиционирующих себя «оппозицией системного толка». Так, Либерально-демократическая партия России фактически сведена к символическому участию в региональном парламентаризме: по два мандата

---

[100] *Черноус В.В.* Этнонационализм и геополитические игры на Кавказе // Философия права. – 2011. – №. 2. – С. 114–123; *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте // Этнография чеченской войны. – М. – 2001. – 552 с.; *Тощенко Ж.Т.* Этнонациональная политика: плюсы и минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. – 2002. – № 1. – С. 5–19; *Тощенко Ж.Т.* Элита? Кланы? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – № 11. – С. 123–133.

удерживаются лишь в Кабардино-Балкарии и Ингушетии, что в суммарном измерении едва фиксируется на статистической «карте» округов.

«Справедливая Россия — За правду» демонстрирует близкую картину, хотя с несколько более выраженной региональной вариативностью. В большинстве субъектов Северного Кавказа партийные фракции сокращаются до одного-двух депутатов, исключением остается Дагестан, где партия получает 11 мандатов. Распределение мандатов говорит не столько об исчерпанности идеологических лозунгов, сколько о своеобразии региональных рынков политической лояльности. Протестная ниша здесь нередко занята локальными элитными проектами, независимыми кандидатами или ситуативными блоками, вследствие чего федеральным партиям достаются лишь ограниченные сегменты представительства. Отсутствие других партий в парламентах рассматриваемых субъектов указывает и на слабую электоральную поддержку альтернативных политических сил либо на высокую эффективность конкуренции со стороны доминирующих партийных структур[101].

Общее число депутатов в парламентах субъектов СКФО различается по регионам: в Чеченской Республике — 41 депутат, в Республике Дагестан — 89, в Кабардино-Балкарской Республике — 68, в Республике Северная Осетия — Алания — 70, в Республике Ингушетия — 32, в Ставропольском крае — 49, в Карачаево-Черкесской Республике — 48 депутатов.[102]. Общее число депутатов в парламентах субъектов СКФО составляет 397 человек. «Единая Россия» сохраняет доминирующее положение во всех регионах округа, что говорит о прочной организационной базе партии и значительном влиянии на региональном уровне. КПРФ остается заметной политической силой в большинстве субъектов, несмотря на явное преимущество партии власти. ЛДПР и «Справедливая Россия — За правду» представлены значительно слабее, преимущественно через небольшие

---

[101] См. подробнее – URL: https:// nsrd.ru/; https://parlamentri.ru/; https://parlament.kbr. ru/; https://parlament.alania.gov.ru/; https://www.dumask.ru/; https://parlament09.ru/; https://parlamentchr. ru/ (дата обращения 01.04.2024).

[102] Там же.

фракции или отдельных депутатов. Отсутствие иных партий в региональных парламентах указывает на ограниченность электоральной поддержки альтернативных политических сил и на высокие барьеры политической конкуренции.

В политической науке обычно выделяются два уровня элитной структуры, различающиеся по месту в системе власти и выполняемым функциям. Верхний эшелон (decision-makers) образуют лица, принимающие стратегические решения и определяющие общий политический курс. На данном уровне сосредоточены полномочия, связанные с выработкой направлений развития, контролем за реализацией управленческих решений и поддержанием устойчивости политической системы.[103].

С другой стороны, низший слой элиты, часто именуемый административной элитой, занимается реализацией принятых решений. Она обеспечивает информационно-аналитический мониторинг политических процессов и эффективность их выполнения, что важно для поддержания функционирования государственного аппарата. Их вклад в государственное управление исследуется в рамках теорий организационного поведения и публичной администрации.

Кавказские элиты, как и любые другие региональные элиты, имеют свои особенности, которые учитываются при исследовании политических систем. Традиционно властные структуры на Кавказе характеризуются высоким уровнем консолидации и персонализации власти, что отражено в работах таких исследователей как В.А. Авксентьев, В.М. Юрченко, В.В. Черноус[104].

---

[103] *Попонов Д.В.* Процесс формирования региональной политической элиты в современной России: дисс. … к. полит. н. – Саратов. − 2004. − 232 с.

[104] *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ. – 2001. – 268 с.; *Юрченко В.М.* Политика как фактор региональной конфликтности: автореферат дисс. … д. пол. н. − Краснодар. – 1998. − 37 с.; *Черноус В.В.* Современные геополитические факторы конфликтогенности на Юге России // Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 2005. – С. 237–247; *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН *М.К. Горшкова*. М.: Альфа-М. – 2008. – 368 с.

В заключении следует отметить, что открытые системы, характерные для антрепренёрского типа, более гибкие и динамичные: успех в них зависит от личных достижений и заслуг актора. Однако для Северного Кавказа свойственна «закрытая система рекрутирования» (или система гильдий), склонная к сохранению статус-кво внутри иерархий и основанная на клановости. Элиты на Северном Кавказе участвуют в урегулировании конфликтов и стабилизации региона, но принимают решения с опорой на неформальные сети, формируя патронажные отношения. Региональные политические элиты мобилизуют население для активного участия в выборах и массовых мероприятиях. Следовательно, политическая элита является сложной многоуровневой системой, выполняющей функции управления и стабилизации. Для понимания её динамики требуется глубокий анализ. Политическая элита должна периодически адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя свою роль управления, консолидации общества.

Выводы по главе 1. Комплексный анализ концепций деятельности политических элит, проведённый в главе I, выявил, что классические элитологические теории (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и др.), а также более поздние плюралистические и неоинституциональные подходы (А. Бентли, Р. Даль и др.), недостаточно учитывают специфические для Северного Кавказа неформальные факторы властных отношений. Ориентация только на традиционно-бюрократические модели анализа элит не раскрывает в полной мере значение этноклановых связей, неформальных договоренностей и горизонтальных сетей влияния в воспроизводстве власти. Поэтому в исследовании применяется более широкий теоретико-методологический ракурс, соединяющий анализ формальных институтов с изучением неформальных социальных практик, сетевых ресурсов и латентных каналов политического влияния. Для решения этой задачи используется принцип методологической трансгрессии, то есть сознательный выход за пределы привычного исследовательского инструментария в тех случаях, когда классические схемы не

фиксируют скрытые механизмы власти. Междисциплинарное расширение анализа устойчивых неформальных связей остаётся вне поля традиционного институционального подхода, за счёт этого северокавказская специфика элитообразования получает более точное теоретическое описание.

Элиты Северного Кавказа — это сравнительно узкий круг акторов, получивший монопольный доступ к основным ресурсам власти, включая административные, финансово-экономические и информационные возможности, что делает элиту центральным фактором региональной стабильности. Формальные показатели (уровень образования, должностной статус, профессиональный опыт и др.) не являются решающими критериями включения в элиту. Динамика циркуляции и обновления правящих групп в регионе обусловлена преимущественно экстраординарными обстоятельствами (смены власти, политические кризисы, конфликты, угрозы безопасности), а не открытой конкурентной меритократией. Это свидетельствует о преобладании реактивных сценариев трансформации элит, когда их ротация происходит в ответ на кризисные ситуации, а не в результате планомерного эволюционного отбора по заслугам.

В рамках исследования разработана структурно-типологическая модель региональных элит, учитывающая одновременное влияние традиционных (кланово-патримониальных) и современных институциональных элементов на их функционирование. Показано, что власть элит Северного Кавказа носит гибридный характер: формально она опирается на государственные структуры и федеральную вертикаль власти, тогда как на практике поддерживается за счёт неформальных обязательств, родственно-земляческих союзов и персональных каналов доступа к ресурсам. Универсальные модели «смены элит» лишь частично применимы к данному макрорегиону. Установлено, что обновление элитного состава на Северном Кавказе связано не столько с прозрачными выборными процедурами, сколько с закрытыми договоренностями между сетевыми группами влияния и вертикальным согласованием с федеральным центром. Эта особенность уточняет пределы применения классических элитологических схем к северокавказским

реалиям, где формальные институты дополняются, а в отдельных случаях замещаются неформальными каналами кадрового продвижения и распределения власти.

Важным концептуальным результатом исследования становится введение понятия «диктиократическая элита». Оно обозначает группы влияния, власть которых основана преимущественно на способности выстраивать, удерживать и контролировать широкие сети неформальных связей, обязательств и ресурсных обменов. Для диктиократических элит решающее значение имеют не столько официальные должности или наследуемый статус, сколько доступ к устойчивым горизонтальным отношениям в политической, экономической и информационной среде. Влияние сохраняется через управление сетевыми взаимодействиями, согласование интересов разных акторов и использование социального капитала как самостоятельного ресурса власти. Введение этого понятия расширяет рамки классической теории элит и точнее описывает механизмы воспроизводства власти в северокавказском региональном контексте. В отличие от традиционных представлений о правящей верхушке и современных глобальных моделей сетевого господства (например, концепции «нетократии»), предложенный подход «диктиократической элиты» адаптирован к постсоветским реалиям Северного Кавказа. Он конкретизирует механизм власти в условиях сильных этноклановых уз и патримониальных практик, заполняя лакуны в объяснении того, каким образом неформальные сети поддерживают устойчивость и воспроизводство региональных элит.

Также в работе обосновано выделение особой типологической категории «новые мусульмане», под которой понимается новая генерация религиозно-политических лидеров и групп, ранее не входивших в официальные структуры управления, но приобретающих заметное влияние на политику региона. Введение этой категории позволило описать трансформацию конфессионального пространства Северного Кавказа: от длительного доминирования традиционного духовенства (суфийских братств, официальных муфтиятов) – к появлению в 2010-е

гг. новых исламских движений и авторитетных лидеров, включая представителей салафитского спектра. Хотя «новые мусульмане» действуют вне рамок классической бюрократии, они активно вовлечены в процессы политической мобилизации и легитимации власти.

Религиозное измерение становится частью анализа элитогенеза на Северном Кавказе, где ислам занимает особое мировоззренческое значение[105]. Сегодня в поле влияния входят исламские авторитеты новой волны, не всегда обладающие официальным статусом, но имеющие доверие и сетевую поддержку. Феномен «новых мусульман» расширяет типологию региональных акторов и фиксирует появление новых, альтернативных центров влияния на пересечении религии, политики и общественной мобилизации.

Применённые и проанализированные в главе I теоретико-методологические подходы существенно углубили понимание сущности, структуры и динамики политических элит Северного Кавказа. Синтез классических элитологических концепций с учётом сетевых и внеинституциональных факторов, а также введение новых дефиниций позволили диссертационному исследованию сформировать инновационный аналитический инструментарий. Полученные выводы не только конкретизируют специфику деятельности региональных элит в полиэтничном обществе, но и вносят весомый вклад в развитие общей теории элит, предлагая более гибкую модель анализа элитной власти в контексте современных трансформаций и многоуровневых политических процессов.

Данная глава закладывает теоретико-методологический фундамент исследования политических элит Северного Кавказа, опирается на структурно-функциональный и системный подходы, что позволяет рассматривать элиту

---

[105] *Добаев И.П.* Последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Мусульманский мир. – 2015. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-raskola-musulmanskoy-elity-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 14.01.2022); *Добаев И.П., Понеделков А.В., Гаджибеков Р.М.* Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 4 (262). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-raskola-musulmanskoy-elity-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 18.02.2022).

одновременно как внутренне дифференцированную иерархию ролей и как элемент региональной политической системы. Для обобщения материала использованы индукция и дедукция, историко-логический метод проследил эволюцию представлений об элитах, а сравнительный анализ сопоставил зарубежные и отечественные подходы. Многоуровневый характер Северного Кавказа потребовал именно такого междисциплинарного инструментария: стандартных монотеоретических схем оказалось недостаточно.

Критическая переоценка существующих теорий об элитах показала, что модели, разработанные на материале унифицированных национальных государств, слабо учитывают этническую фрагментацию, клановую солидарность и религиозные влияния, характерные для региона. Формальные институты анализировались параллельно с патронажно-клановыми сетями, клиентелизмом и этноконфессиональными нормами и практиками.

Методологическая логика главы ориентирована на выявление не только институционально закреплённых, официальных позиций, но и скрытых, теневых связей, через которые реально распределяются влияние и ресурсы. Разработан интегральный статусно-десизионный подход, объединяющий стратификационное изучение открытых позиций с исследованием цепочек принятия решений. Данная модель охватывает вертикаль управления и влияния, преодолевая жёсткое противопоставление институтов и сетей. Дополнительно используются косвенные индикаторы политической устойчивости.

Полученные выводы подтверждают исходную гипотезу. Без учёта сетевых факторов анализ элитной власти остаётся неполным и не раскрывает реальную логику функционирования политических элит Северного Кавказа. Интегральный подход заранее предсказал расхождения между формальным статусом и реальным влиянием, впоследствии зафиксированные в полевых данных. Сформированная концептуальная рамка универсальна и пригодна для исследования элит в других полиэтничных регионах и асимметричных федеративных системах. Понятия «диктиократическая элита» и «новые мусульмане» расширяют инструментарий

политической науки и помогают выявлять скрытые закономерности власти. Первая глава тем самым задала понятийную строгость, методологическое единство и аналитическую глубину, необходимые для получения надёжных научных результатов.

ГЛАВА 1. РЕСУРСНАЯ БАЗА И СТРАТЕГИИ АКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

2.1. Социально-экономические, административные и информационные ресурсы элит

Высшие слои общества – элитарные группы – концентрируют в своём распоряжении весомые экономические, управленческие и информационные ресурсы. Проанализировать структуру и механизмы аккумуляции и распределения данных ресурсов является важной исследовательской задачей, решение которой поможет понять основы регионального управления и природу управляющих взаимодействий.

В регионе социально-экономические и административные ресурсы элит обретают черты, обусловленные как традициями, так и современными вызовами политической системы. Региональные политические элиты характеризуются повышенной этнократичностью и теневизацией, что подразумевает доминирование определенных групп в политической, социальной и экономической жизни общества. Это отражает трансформацию этнополитических элит, которые активно используют ресурсы активности для поддержания своего статуса-кво в структурах власти и государственного управления.

Перечень ресурсов в руках элит в последнее годы только расширяется. Социальная архитектура элит нацелена на сохранение политической устойчивости и на удержание власти. Промышленные и природные ресурсы, распределенные между властными кланами, формируют основу экономики, от которой напрямую зависит способность этих групп влиять на властные процессы в политической системе. Наравне с материальными активами, информационные ресурсы играют не менее значимую роль, особенно в эпоху цифровизации. Контроль за медийными каналами помогает элитам не только тиражировать нужную информацию, но и формировать общественное мнение, что особенно ценно в регионе с высокой этнической мобилизацией. Результатом такого влияния можно признать

возможность манипулировать выборами, митингами и другими формами коллективных действий, благодаря чему политическая устойчивость в регионе поддерживается на уровне, соответствующем интересам доминирующих групп.

Весьма широкий спектр ресурсов может быть задействован и использован элитами для укрепления своего положения в политическом поле (экономическом, культурном, социальном и символическом). Комбинация этих капиталов определяет влияние и статус политического актора. Экономический капитал включает материальные ресурсы и финансовые средства, культурный капитал – образование и знания, социальный капитал – сети социальных связей, а символический капитал – престиж и признание, которые могут быть конвертированы в другие виды капитала[106].

Анализ медиа-индекса региональных лидеров Северного Кавказа в 2023 году[107] четко характеризирует уровень информационного присутствия глав регионов СКФО в СМИ и степень их влияния. Медиаактивность региональных лидеров значительно варьировалась, отражая как локальные события, так и более широкие политические процессы. Так, глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров имеет самый высокий медиа-индекс (791 734 пунктов), что связано с его активной информационной политикой, особенно в контексте СВО. Губернатор Ставропольского края Владимир Владимиров (197 939 пунктов) и глава Республики Дагестан Сергей Меликов (87 553 пунктов) занимают второе и третье места соответственно, благодаря своим публичным выступлениям и участию в значимых региональных и федеральных проектах. Сергей Меняйло, глава Республики Северная Осетия – Алания (67 625 пунктов) и Рашид Темрезов, глава Карачаево-Черкессии (58 990 пунктов) также демонстрируют высокий медиа-индекс,

---

[106] *Бурдье П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Радаев В.В. (науч. ред.). – М.: РОССПЭН. − 2004. – С. 529−521; *Bourdieu P.* et al. A social critique of the judgement of taste // Traducido del francés por R. Nice. – Londres. – Routledge. −1984. – 613 с.

[107] Эксперты СКФУ изучили Медиаиндекс глав регионов СКФО на 2023. См. подробнее: https://ncfu.ru/novosti/glavnaya/eksperty-skfu-izuchili-mediaindeks-glav-regionov-skfo-na-2023-god/ (дата посещения 02.04.2024 г.).

особенно в контексте встреч с федеральными лидерами. Махмуд-Али Калиматов, глава Республики Ингушетия (48 963 пунктов) и Казбек Коков, глава Кабардино-Балкарской Республики (34 927 пунктов) имеют относительно низкие показатели медиа-индекса, что связано с меньшей частотой и масштабом медиаактивности. Наибольшее внимание медиа и общественности привлекают те региональные лидеры, чья деятельность связана с крупными федеральными проектами, военными действиями или значимыми социальными инициативами. Нужно отметить, что в условиях кавказской повестки еще одним важным атрибутом власти является репутация, авторитет и личная харизма главы региона. Это означает, что историко-культурный контекст Кавказа генерирует дополнительные признаки элит.

Можно кратко классифицировать и охарактеризовать перечень ресурсов в реалиях Северного Кавказа. К экономическим ресурсам можно отнести: промышленность, сельское хозяйство, малый и средний бизнес, природные ресурсы (нефть, газ и др. полезные ископаемые); к финансовым и административным ресурсам – региональные бюджеты, инвестиционные потоки, государственные и частные гранты, федеральные и региональные органы власти, местное самоуправление, административные аппараты и их кадровый состав; к информационным и сетевым ресурсам – региональные телеканалы, радиостанции, печатные издания (газеты, журналы), интернет-СМИ, социальные сети и мессенджеры. Каждая из этих категорий ресурсов играет значимую роль в формировании и поддержании активности политических элит на Северном Кавказе, обеспечивая их влияние и контроль над различными аспектами общественной жизни региона.

Еще одним специфическим ресурсом активности региональных акторов можно назвать этно-мобилизационный ресурс – совокупность факторов, механизмов и стратегий, используемых политическими акторами для активизации, консолидации и мобилизации этнических групп в политическом процессе. Этот ресурс включает в себя использование этнической идентичности, культурных традиций, религиозных верований и социальных структур для достижения

политических целей, укрепления власти и влияния в конкретном регионе. Для усиления своего влияния и власти элиты встроены в политическую систему через социальные институты, в частности, через взаимодействие с клановыми, родовыми и семейными структурами как важными компонентами стратегии политических элит на Северном Кавказе. Эти структуры глубоко укоренены в социальной и культурной жизни региона, и их поддержка часто является ключом к политической легитимности власти.

На Северном Кавказе правящие круги последовательно опираются на привычный уклад – родовые, религиозные и общинные структуры, превращая их в инструмент укрепления коллективной сплочённости и параллельно накапливая собственный политический ресурс. Аналогичным формам организации и нормам придаётся важное значение в жизни местного населения – они влияют на социальные, культурные и политические процессы. Используя организационные и финансовые механизмы поддержки традиционных социальных структур, элиты принимают участие в их функционировании и развитии. К примеру, создание при органах государственной власти консультативных комитетов, состоящих из представителей советов старейшин, общественных организаций. Предоставляют финансовые средства для реализации проектов, связанных с сохранением культурного наследия, традиционных ремесел и обрядов.

Политические элиты Северного Кавказа тесно взаимодействуют с религиозными лидерами и духовенством, используя финансовую и административную поддержку как один из инструментов укрепления легитимности власти. Поддержка проявляется в строительстве и ремонте мечетей, развитии медресе и исламских образовательных организаций, материальном обеспечении имамов и других религиозных деятелей, выделении грантов и субсидий на духовно-просветительские проекты. В Чеченской Республике при участии региональных властей возведены крупные мечети и религиозные комплексы, ставшие заметной частью общественно-политического пространства. Власти участвуют в организации религиозных праздников и обрядов, включая Ураза-байрам и Курбан-

байрам, поддерживают проведение массовых мероприятий, связанных с исламской традицией, финансируют или частично субсидируют паломнические поездки в Мекку, в том числе хадж и умру[108].

Административная поддержка также включает в себя институционализацию взаимодействия, в частности, создание при органах государственной (муниципальной) власти консультативных (совещательных) советов по делам религии, в которых активно участвуют представители духовенства: имамы, настоятели храмов и др. Указанные советы способствуют формированию и проведению заданной религиозной политики, их лояльность и подконтрольность является важным стабилизационным ресурсом в руках власти. И мы наблюдаем, что ислам сегодня сильно смыкается с государством. Вовлечение религиозных лидеров в политический процесс происходит, в основном, через регулярные консультации с муфтиями, духовными управлениями, структурами Русской православной церкви и другими религиозными лидерами по вопросам, связанных не только и не столько с религией, а социальным порядком.[109].

Поддержка религиозного образования также играет значительную роль, включая интеграцию религиозных дисциплин в программы образовательных учреждений и поддержку религиозных учебных заведений. Административная помощь в лицензировании и аккредитации медресе и исламских университетов позволяет им официально функционировать и развиваться. Можно сказать, что к числу значимых факторов взаимодействия региональной власти с религиозной сферой относятся религиозные форумы, конференции, просветительские встречи и иные публичные мероприятия с участием духовных лидеров и религиозных организаций. Событийная практика и политика выполняют не только коммуникативную, но и легитимационную функцию, поскольку они укрепляют

---

[108] *Акаев В.Х.* Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Т. 17. – № 1. – С. 89–102.

[109] *Эфендиева Д.А.* Социально-экономические проблемы как фактор нестабильности на Северном Кавказе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2004. – № 3. – С. 34–37.

взаимодействие власти и религиозных авторитетов, демонстрируют согласие между политическим и религиозным уровнями управления.

На примере Северного Кавказа можно наблюдать динамику, когда административные и экономические ресурсы становятся эффективным инструментом политического маневрирования, достижения политических целей. Этнополитические элиты используют доступные им ресурсы для удержания своей власти, статуса, влияния, одновременно стремясь поддерживать уровень экономической зависимости корреспондирующих акторов от центральной власти. Концентрация экономических ресурсов в руках элит в сочетании с административным ресурсом приводит к делегитимации региональных акторов и коррупции.

К примеру, производственные предприятия, топливно-энергетические комплексы, торговые объекты и сфера услуг находятся в руках региональных элит, что носит практически наследственный характер. В качестве примера можно привести эпизод с арестом 32-летнего сенатора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова, который, по сведениям следствия, через предприятие своего отца ООО «Газпром межрегионгаз» создал организованную группировку, которая занималась вымогательством, запугиванием свидетелей, убийствами. Следственные органы подозревают Р. Арашукова, что тот дал указание в 2010 году ликвидировать лидера молодежного движения «Адыгэ Хасэ» Аслана Жукова и советника главы республики Фраля Шебзухова. Вслед за Р. Арашуковым были объявлены в розыск либо арестованы директор АО «Ессентукигоргаз» Алан Кятов, директор АО «Будённовскгазпромбытсервис» Уали Евгамуков и директор филиала ООО «Газпром межрегионгаз Ставрополь» в Невинномысске Умар Калмыков.

Функционирование столь могущественного клана в Карачаево-Черкессии, члены которого входили даже в верхнюю палату парламента России, длительное время контролировавшие доходы от продажи газы и ресурсов, сложно представить себе без соответствующего покровительства. По разным оценкам, ущерб государству

от продажи и недоимок газа в КЧР составил 30 мрд. рублей. Р. Арашуков и его отец Рауль Арашуков осуждены на пожизненное заключение[110].

В 2013 году был демонстративно задержан и арестован действующий мэр города Махачкала Саид Амиров. В июне того же года Амирову, его племяннику Юсупу Джапарову и Магомеду Кадиеву Следственным комитетом страны было предъявлено обвинение в убийстве следователя Арсена Хаджибекова. По версии правоохранительных органов, заказ на убийство Амиров сделал через помощника прокурора города Кизляр Магомеда Абдулгалимова. Как выяснило следствие, к услугам этих людей Амиров прибегал неоднократно[111]. Кроме того, клан Амирова готовил покушение на главу Пенсионного фонда Дагестана и борца Сагида Муртазалиева. Восемь уголовных дел было соединено в одно производство. В 2014 году Северо-Кавказский окружной военный суд приговорил экс-мэра Махачкалы Саида Амирова к 10 годам лишения свободы. Бывший мэр и его племянник Юсуп Джапаров «были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. “а” ч. 2 ст. 205 УК РФ (приготовление к совершению террористического акта). Амиров был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 222 УК РФ (организация незаконного оборота оружия), Джапаров – ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 222 УК РФ (пособничество в незаконном обороте оружия, совершенном группой лиц по предварительному сговору)»[112]. Позднее, по вновь открывшимся обстоятельствам, 27 августа 2015 г. Амиров был приговорен к пожизненному заключению.

В конце 2022 года стало известно, что сотрудники ФСБ задержали лидера влиятельного клана Ингушетии, руководителя контрольно-счетной палаты республики Мустафу Белхороева. Алихан, сын М. Белхороева, проходил по делу убийства начальника центра противодействия экстремизму (ЦПЭ) МВД Ингушетии

---

[110] Суд приговорил отца и сына Арашуковых к пожизненному заключению. РБК. Взято 5 мая 2023, см.: https://www.rbc.ru/society/27/12/2022/63aab0b29a79472a211c0c1a.

[111] Дело Саида Амирова. РИА Новости. Взято 1 сентября 2020, см.: https://ria.ru/20150827/1206580513.html.

[112] Там же.

Ибрагима Эльджуркаева в ноябре 2019 года. В 2020 году Мустафа Белхороев был задержан с братом Курейшом[113]. Летом 2020 года правоохранительные структуры задержали депутата Народного собрания республики Ингушетия Якуба Белхороева. Все фигуранты этого дела относятся к религиозному клану баталхаджинцев, имевшего значительные политические и финансовые рычаги воздействия на органы государственной власти в Ингушетии.

Клановая структура Кабардино-Балкарии менее криминализована, имеет черты аристократизма и признаки наследственной передачи власти. Как утверждают гражданские активисты, «последние 10-30 лет республикой управляют одни и те же 10-12 кланов, в то время как представители других фамилий как правило не допускались в исполнительные либо законодательные структуры».

21 февраля 2019 года по подозрению в получении взятки в размере 605 млн рублей задерживается заместитель начальника Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Северной Осетии Альберт Козонов. По версии следствия, он требовал от местного чиновника взятку в размере 100 тыс. долларов, чтобы не допустить привлечение его к уголовной ответственности[114].

Административные ресурсы представляют собой совокупность инструментов, доступ к которым обладают лица, занимающие важные позиции в государственном управлении. На Северном Кавказе политическая система остро реагирует на «нюансы» этнополитических процессов. Административный ресурс в регионах СКФО становится одним из устойчивых механизмов воспроизводства элитного влияния. Через кадровые назначения, поддержку лояльных политических сил, контроль над бюджетными потоками и распределением социальных благ правящие группы закрепляют патрон-клиентские связи и сохраняют управляемость на разных уровнях власти. Системное использование административных

---

[113] ФСБ задержала лидера одного из самых влиятельных на Северном Кавказе кланов // Lenta.ru. 2022. 28 окт. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/28/belkhoroev/ (дата обращения: 25.05.2023).

[114] Высокопоставленный антикоррупционер задержан за взятку в Северной Осетии // PASMI.ru. 2020. 9 авг. – URL: https://pasmi.ru/archive/228997/ (дата обращения: 09.08.2020).

возможностей не ограничивается только удержанием уже занятых позиций, оно еще и расширяет зону политического контроля, усиливает зависимость локальных акторов от региональных центров влияния и укрепляет сложившуюся расстановку сил.

Доступ к правоохранительным органам, судебной системе, финансовым потокам и социальным программам даёт региональным элитам действенные инструменты влияния на территории, население и конкурирующие группы. В многонациональной среде административный ресурс приобретает дополнительное значение, поскольку включается в борьбу за символическое представительство и контроль над идентичностями (игра идентичностей) [115]. Элитные группы обращаются к этническим, национальным и локальным чувствам в ходе внутриполитического соперничества, стремясь получить поддержку этнополитических авторитетов и укрепить позиции в системе местного управления. На практике административный ресурс проявляется в широком диапазоне действий — от легального распределения общественных благ и кадрового продвижения до давления на оппонентов, ограничения конкуренции и вмешательства в избирательные процедуры. Делинквентные практики создают риски для демократической легитимности и открытости политической системы. В условиях Северного Кавказа, где вопросы безопасности нередко ставятся выше процедурной конкуренции, административные инструменты частью общества и политических акторов воспринимаются как средство удержания порядка. Анализ данного ресурса важен для понимания того, как региональные элиты закрепляют властные позиции, регулируют конфликты, выстраивают постоянный торг с федеральным центром, обеспечивают длительное пребывание у власти и в последнее время всё заметнее ориентируются на семейно-клановую преемственность.

---

[115] *Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А.* Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО) // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2025. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-makroregionalnoy-identichnosti-na-severnom-kavkaze-po-materialam-ofitsialnyh-telegram-kanalov-glav-regionov-i-polnomochnogo (дата обращения: 08.07.2025).

В современной политической системе Северного Кавказа информационный потенциал элитной активности имеет особое значение для поддержания политической устойчивости и повышения управленческой эффективности. Доступ к средствам массовой информации, социальным сетям, аналитическим материалам и экспертному знанию становится важным инструментом влияния и контроля, что особенно заметно в регионах с высокой политической мобилизацией и сохраняющейся этнополитической напряжённостью.

Политические элиты Северного Кавказа используют информационные ресурсы для консолидации власти в рамках этнократий – политических систем, где в ключевых позициях находятся представители одной этнической группы. Манипулирование информационными потоками позволяет этнополитическим элитам формировать публичное мнение, что необходимо для поддержания социального консенсуса и нейтрализации оппозиционных настроений.

Особая роль в информационной стратегии политических элит заключается в контроле за распространением информации о внутриполитических конфликтах, социально-экономических проблемах и межэтнических отношениях. Эффект от такого контроля часто приводит к формированию официального нарратива, который поддерживает или при необходимости изменяет общественное восприятие каждой из этих проблем, тем самым сдерживая возможные протестные настроения.

Рассмотрение вопроса эффективности использования информационных ресурсов активности не может обойтись без анализа роли инновационных технологий. В последнее десятилетие цифровые медиаплатформы, блокчейн-технологии и искусственный интеллект начали активно внедряться в политический процесс региона. Такие технологии предоставляют политическим элитам возможности для более точечного и персонализированного воздействия на избирателей, что в свою очередь способствует повышению лояльности и политической пассивности населения.

В контексте международной политики информационные ресурсы служат инструментом для внешнеполитической агитации и дипломатии. Элиты Северного

Кавказа стремятся использовать их для формирования и поддержания благоприятного имиджа региона на международной арене, что необходимо для привлечения иностранных инвестиций и поддержания экономического развития.

Очевидно, что информационные ресурсы активности политических элит Северного Кавказа не просто способствуют сохранению контроля над общественно-политическими процессами в регионе, но открывают новые возможности для манипулирования общественным мнением и международной изоляции. Такая ситуация требует постоянного мониторинга и анализа.

Социально-экономические, административные и информационные ресурсы региональных элит играют ключевую роль в траекториях их развития, и, как следствие, влияют на политическую систему общества. Присущие данному региону этнократии, то есть формы правления, в которых властные позиции занимают представители определённых этнических групп, создают уникальные предпосылки для функционирования и развития политических элит.

В условиях Северного Кавказа этнополитические элиты сталкиваются с целым рядом проблем, которые сдерживают их потенциал в управлении доступными ресурсами. Одна из основных проблем заключается в недостаточной социально-экономической развитости региона, что ограничивает ресурсы активности, доступные для использования. Экономическая база, ограниченная слабо развитыми промышленностью и сервисными секторами, подрывает способность элит генерировать достаточный уровень экономической поддержки и, как следствие, политическую устойчивость.

Кроме того, взаимодействие между различными этнополитическими группами осложняется отсутствием эффективных административных структур, что зачастую ведет к конфликтам и напряженности. Наличие сильных, но неформально структурированных властных узлов, характерное для этнократических систем, подрывает прозрачность управления и ведет к централизации власти, что затрудняет процессы демократизации и модернизации политической системы.

Информационные ресурсы, в свою очередь, представляют собой еще один критический аспект, в который необходимо инвестировать для укрепления положения политических элит и улучшения их способности к управлению. Развитие цифровых технологий и медиасреды в регионах Северного Кавказа остается неравномерным и во многом ограниченным. Недостаточная развитость информационной инфраструктуры сужает возможности региональных элит в сфере публичной коммуникации. В результате снижается качество обратной связи между властью и обществом, усложняется управленческая реакция на социальные запросы, возрастают риски недоверия к политическим институтам.

2.2. Структурный анализ политической элиты: доступ к ресурсам, влияние и легитимность в контексте региональной власти

Северо-Кавказский федеральный округ занимает около 1% территории Российской Федерации. Административным центром СКФО является город Пятигорск (Ставропольский край). Территория округа – 172,4 тыс. кв. км. СКФО включает в себя следующие субъекты: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край. Численность населения на 1 января 2024 года составляет 10 251 083 человек[116]. По результатам переписи населения 2020 года[117] национальный состав представлен следующим образом[118]: русские – 2 857 851 (28%); чеченцы – 1 586 720 (15,6%); аварцы – 972 703 (9,5%); даргинцы – 582 255 (5,7%); кумыки – 532 848 (5,2%), кабардинцы – 502 817 (5%), ингуши – 501 544 (5%), осетины – 455 765 (4,4%), лезгины – 426 869 (4,2%), карачаевцы – 222 211 (2,2%), лакцы – 165 737 (1,6%), армяне – 156 417 (1,5%), азербайджанцы – 136 950 (1,3%), табасараны – 135 694 (1,3%), балкарцы – 122 831 (1,2%), черкесы – 88 075 (0,86%), ногайцы – 80 040 (0,78%), цыгане – 45 035(0,44%), абазины – 40 478(0,39%), турки – 36 041 (0,35%), агулы – 31 012 (0,3%), рутульцы – 29 200 (0,28%), татары – 15 276 (0,15%), другие – 447 065 (4,4%).

Для оценки степени влияния различных социальных и этнических групп на принятие стратегических и тактических решений, а также на формирование

---

[116] Оценка численности постоянного населения на 1 янв. 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты её изменения // Федеральная служба государственной статистики. 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 25.08.2024).

[117] Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г.: в 10 т. Том 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 30.08.2024).

[118] Национальный состав не учитывает изменение численности населения округа по уточненным оценкам Ростатата на 1 января 2024 года.

политического курса, проанализирована социально-демографическая структура административно-политической элиты СКФО. Основные цели такого исследования могут включать в себя следующие компоненты: выявление каналов рекрутирования политических элит и узучение механизмов, с помощью которых формируется административно-политическая элита региона, что даёт нам общее представление о том, насколько траспарентен и открыт данный процесс. Такой подход показывает степень влияния неформальных (теневых) сетей и связей на карьерные траектории; прогнозирование политической стабильности и развития региона. Анализ структуры элиты позволяет прогнозировать дальнейшие политические тенденции, уровень стабильности региона, так как элиты непосредственно участвуют в управлении и профилактике конфликтов. Данный показатель устанавливает степень воздействия федеральных властей на региональные элиты, и как это влияние может изменяться в зависимости от социально-демографических характеристик и статусных позиций акторов.

Таблица 1. Социально-демографическая структура административно-политической элиты СКФО (%)

Категории	**Образование**		**Профессиональное образование**				**Возраст, лет**					**Предшествующая работа**		
	Высшее	Уч. степень	Инженерно-тех.	С/х	Гуманитарное	Военные	До 30	31-40	41-50	51-60	60 и выше	Хоз.	Госуправ., соц. сфера, иное	Силовые структуры
Главы субъектов	100	14	14	14	43	29	0	0	42	29	29	28	14	58
Руководители высших органов исполнительной власти (Правительств)	100	14	44	14	28	14	0	0	28	44	28	29	43	28

Источник: Салгириев А.Р. Экспедиция по регионам СКФО. 12 августа – 12 сентября 2024 года. «Угрозы политической безопасности на Северном Кавказе: деятельность региональных элит» (неопубликованные материалы). https://kniiran.ru/index.php/77-novosti/2616-nauchnaya-ekspeditsiya-ali-salgirieva-na-severnom-kavkaze. Дата посещения 20 сентября 2024 года.

Согласно таблице № 1, 100% как главы субъектов СКФО, так и руководители высших органов исполнительной власти регионов имеют высшее профессиональное образование. Показатель соответствует установленным требованиям для высших должностей в государственной службе. 14% глав субъектов федерации и 14% руководителей высших органов исполнительной власти имеют учёную степень, что не является значимым и существенным. Обладание ученой степенью не является важным фактором для продвижения по карьерной службе. Теперь обратимся к профессиональной подготовке. Среди глав субъектов наибольшее число руководителей (43%) имеют гуманитарное или социальное образование, тогда как среди руководителей высших органов исполнительной власти (44%) имеют инженерно-техническое образование. Эти различия могут объясняться спецификой управленческих задач, стоящих перед руководителями высшего звена. Для руководителей субъектов большее значение могут иметь социальные и управленческие навыки, стратегическое мышление, в то время как для руководителей региональных правительств важны технические и инженерные компетенции, особенно для решения хозяйственных, практических задач.

Возрастная категория элит показывает, что среди глав субъектов 42% от 51 до 60 лет, тогда как среди руководителей высших органов исполнительной власти наибольшая возрастная группа (44%) в категории 41-50 лет. Руководящие должности требуют большого опыта пребывания во власти, а наиболее распространенным возрастом для достижения таких позиций является период зрелости между 40 и 60 годами. Молодые специалисты до 40 лет в данных категориях не выявлены.

Предшествующий опыт работы также важен для понимания профессионального пути руководителя. Среди глав субъектов 28% имели опыт работы в хозяйственной сфере, а 58% пришли из силовых (правоохранительных) структур. Среди руководителей высших органов исполнительной власти картина почти схожа: 29% имели опыт в хозяйственной деятельности, а 43% работали в

государственном управлении. В большом количестве в структурах власти работают выходцы из силовых структур, которых принято называть «силовиками». Глава Дагестана С.А. Меликов – генерал-полковник, экс-первый заместитель директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации (2016–2019 гг.), участник боевых действий. Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров – генерал-полковник. Глава Республики Ингушетия М-А.М. Калиматов в прошлом прокурор Ингушетии и Самары (1997–2007 гг.). Высока доля силовиков в числе глав муниципальных районов, органов исполнительной власти, особенно в Дагестане и в Чечне. К примеру, глава администрации города Дербент А.А. Кулиев 40 лет работал в органах внутренних дел, А.А. Айдиев, глава Советского района Республики Дагестан, подполковник, участник боевых действий и др. И в Чечне схожая ситуация: председатель Правительства М.Х. Даудов – генерал, а мэр города Грозного Х-М.Ш. Кадыров возглавлял Управление внутренних дел по городу Грозному. Таких примеров очень много, когда ключевые административные должности занимают «силовики», бывшие работники правоохранительных структур, работники специальных служб.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что нам удалось установить критерии принадлежности к элите. К ним относятся:

- влияние на принятие решений;
- доступ к ресурсам;
- легитимность и признание;
- привилегии и статус;
- стабильность и долговременность положения;
- уровень образования и профессиональный опыт.

Данные критерии характеризуют различные аспекты влияния, власти и социального положения членов политической элиты. Они помогают объяснить как

особенности функционирования элит, так и факторы, обеспечивающие их устойчивое положение[119].

Рассмотрим названные критерии подробнее. Влияние на принятие решений характеризует способность политической элиты задавать направление развития субъекта. Данный признак можно считать центральным элементом власти на Кавказе, через принятие решений элитные группы реализуют собственные интересы, определяют региональную политику, влияют на распределение ресурсов и задают общую логику управления. Доступ к ресурсам означает наличие у представителей элиты административных, финансово-экономических и организационных возможностей. Речь идет о влиянии на формирование регионального бюджета, контроль над государственными предприятиями, распределение финансовых и материальных потоков, дотаций и субвенций из федерального бюджета. Ресурсный доступ укрепляет положение правящего слоя и поддерживает внутригрупповую лояльность, а также формирует зависимость значительной части населения от властных решений[120]. *Легитимность и общественное признание* отражают уровень доверия к политической элите. Устойчивость управленческой системы зависит от того, воспринимает ли общество правящий слой как законного и приемлемого носителя власти или нет. Именно признание может опираться на результативность управления, правовой характер полномочий, личный авторитет, харизму или способность обеспечивать порядок. Привилегии и статус связаны с преимуществами, которыми пользуются представители элиты благодаря занимаемому положению. К ним относятся высокий уровень жизни, доступ к престижным кругам, особые каналы коммуникации и повышенное символическое значение в обществе, престиж. В северокавказском контексте данный критерий приобретает дополнительный смысл

---

[119] *Ханин Д.И.* Политическая элита и политическое лидерство: истоки возникновения и современность // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 9. – С. 10–14.

[120] *Боров А.Х.* Проблемы социальнокультурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 2–1. – С. 175–183.

и коннотацию, поскольку власть, достаток и социальное признание традиционно воспринимаются как важные признаки высокого общественного положения. Стабильность и долговременность положения характеризуют способность элитного пула сохранять влияние на протяжении длительного времени. Именно эта устойчивость создает систему, где власть передается внутри ограниченного круга групп, снижая вероятность резких политических трансформаций. Сохранение статус-кво обеспечивается не только институциональными механизмами, но и личными связями, семейно-клановыми отношениями, патронажем и устойчивыми каналами неформального влияния. Уровень образования и профессиональный опыт, в свою очередь, характеризуют управленческую компетентность, подготовленность к принятию решений и способность работать в сложной социально-политической среде. В совокупности перечисленные критерии раскрывают, каким образом политическая элита распоряжается ресурсами власти, принимает решения, сохраняет влияние и поддерживает легитимность в глазах общества. Они помогают определить круг лиц, относящихся к региональной элите, а также понять внутреннюю логику политической системы: распределение ресурсов, механизмы продвижения, факторы успешной карьеры и условия закрепления во властном пространстве.

В таблице 2 представлены критерии принадлежности к политической элите, оцененные экспертами и лидерами общественного мнения, проживающими в СКФО[121].

1. Влияние на принятие решений — 100 %. Критерий получил максимальную оценку экспертов и определяется как базовый признак принадлежности к политической элите. Способность реально влиять на принятие решений отличает элиту от других акторов.

2. Доступ к ресурсам — 100 %. Эксперты придают максимальное значение доступу к материальным и нематериальным ресурсам.

---

[121] *Алексеева О.В.* Классические теоретические основы исследования политических элит // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 6. – С. 224–227.

3. Легитимность и признание — 5 %. Удивительно, но эксперты отводят критерию очень малое значение. Формальная легитимность и общественное признание в оценке элитности крайне несущественны.

4. Привилегии и статус — 100 %. Те, кто обладает высоким положением в обществе, автоматически включаются в элиту или ассоциируются с ней.

5. Стабильность и долговременность положения (100%). Эксперты считают, что стабильность позиции во власти и её долгосрочный характер являются решающими для принадлежности к элите. Постоянство во власти важнейшая характеристика элиты.

6. Уровень образования и профессиональный опыт (5%). Подобно легитимности, уровень образования и профессиональный опыт не имеют существенного влияния на оценку элитности, как видно из таблицы 2.

Таблица 2. Критерии принадлежности к политической элите (%)

Источник: *Салгириев А.Р. Экспедиция по регионам СКФО. Указ. соч.*

Можно сделать теоретический вывод, что принадлежность к политической элите определяется не только формальными критериями[122], но прежде всего через контроль над важнейшими ресурсами и способностью влиять на принятие решений. Это свидетельствует о существовании гибридного подхода к элитности, где нормативные параметры, такие как легитимность, профессиональная квалификация, опыт работы занимают подчинённое и второстепенное значение по сравнению с реальным доступом к рычагам власти. На главной позиции стоят исключительно трайбалистские, клановые каналы инкорпорации в высший слой общества.

Кроме того, нужно отметить, что при проведении глубинного интервью подавляющее большинство экспертов в условиях Кавказа наполняли понятие «элита» свойством обладания властью, в то время как обладание особыми качествами и достижениями в жизни не оценивались в качестве признаков элитности. Здесь можно говорить о локальной интерпретации понятия «элита», которая акцентирует внимание на политико-властных аспектах её природы, а не на культурных, профессиональных параметрах. В реалиях Северного Кавказа социальные представления об элите строятся вокруг приоритета, примата политической власти над личными достижениями, профессиональным успехом или публичным признанием. Элита существует внутри особой, замкнутой системы ценностей, иерархий и норм политической культуры, где главным признаком высокого положения становится не столько индивидуальная заслуга, сколько доступ к власти, управленческим решениям.

Результаты анализа соотносятся с логикой реальной политики и прагматическим пониманием власти в регионе, где решающее значение имеют не формально-юридические основания статуса, а способность воздействовать на ход политических процессов. В северокавказском контексте представитель

---

[122] *Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // ПОЛИС. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 77–95; *Наронская А.Г.* Теоретико-методологические подходы к изучению «политической элиты» // PolitBook. – 2012. – № 4. – С. 87–95.

политической элиты может не обладать выраженной публичной легитимностью или высоким образовательным капиталом, однако сохранять влияние благодаря участию в принятии решений, контролю над ресурсами, включенности в сети лояльности и доступу к административным механизмам. Содержание элитной власти раскрывается через практическую способность принимать решения и обеспечивать исполнение политической воли.

С позиции социологических теорий стратификации подобное распределение признаков элитности связано с неравным доступом к ресурсам, каналам мобильности и механизмам закрепления социального статуса. Власть становится главным стратификационным ресурсом, через который формируются привилегии, политическое влияние и устойчивое положение внутри региональной иерархии. Политическая элита выступает не как статичная группа, обоснованная формальными характеристиками, а как динамическая структура, основанная на возможностях удержания и расширения своего влияния[123].

В целях конкретизации состава элит, которые относятся к региональным политическим элитам, экспертам были заданы вопросы:

1. Какие группы или категории лиц Вы относите к элите в Вашем субъекте?
2. Кто, на Ваш взгляд, входит в состав политической элиты в Вашем регионе?

По результатам эксперты выделили следующие группы:

- главы субъектов;
- члены правительств;
- представители субъектов в федеральных органах власти;
- духовенство.

Главы субъектов федерации – элемент элиты весьма логичен, поскольку они имеют значительные административные полномочия в управлении регионом.

---

[123] *Батуренко С.А.* Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 92–108.

Включение членов региональных правительств также разумно, поскольку они участвуют в реализации политики на уровне региона. Представители субъектов в федеральных органах власти – данная категория подчеркивает важность взаимодействия между региональными и федеральными властями; к ним относят в основном членов Совета федерации, депутатов Госдумы. Представители региона в общероссийских структурах обеспечивают согласование интересов субъекта на федеральном уровне. Духовенство – это неожиданная категория для современного политического анализа, так как оно традиционно не связано напрямую с формальными органами государственной власти. Однако, данное обстоятельство указывает усиление роли религии и религиозных лидеров в политической жизни конкретного региона, в основном в Чечне и Ингушетии.

Так же следует отдельно отметить, что, несмотря на значимость законодательной власти в системе разделения властей, депутаты региональных парламентов не попали в число групп, выделенных экспертами в качестве элиты. Это может свидетельствовать о нескольких важных аспектах политической жизни в регионах. Депутаты региональных законодательных органов не воспринимаются как самостоятельная и влиятельная группа в политической элите. В теории они должны активно участвовать в общественной жизни, контроле за деятельностью исполнительной власти, однако их реальная роль может быть ограничена. Исполнительная власть (в лице глав регионов и членов правительств) доминирует над законодательной в политической системе региона. Отсутствие депутатов в перечне элиты отражает ограниченные полномочия региональных законодательных органов. Депутаты могут не обладать достаточной самостоятельностью и фактически служить инструментом реализации решений исполнительной власти, что лишает их элитного статуса в глазах экспертов.

Таблица 3. Представленность политических партий в парламентах субъектов СКФО

Субъекты федерации	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	НЛ	РППС	Ябл
Чеченская Республика	36	1	0	4	0	0	0
Республика Дагестан	68	10	0	11	0	0	0
Кабардино-Балкарская Республика	50	9	2	7	0	0	0
Республика Северная Осетия – Алания	51	9	0	10	0	0	0
Республика Ингушетия	27	0	2	3	0	0	0
Ставропольский край	43	4	0	2	0	0	0
Карачаево-Черкесская Республика	34	6	2	6	0	0	0

Данные таблицы № 3[124] «О представленности политических партий в парламентах субъектов СКФО» позволяют провести детализированный политологический анализ. В частности, партия «Единая Россия» (ЕР) занимает доминирующее положение во всех субъектах, демонстрируя наибольший уровень

[124] *Салгириев А.Р.* Ресурсы активности региональных политических элит на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 2. – С. 110–115.

представленности в Республике Дагестан (68 мандатов) и Кабардино-Балкарской Республике (50 мандатов). В Чеченской Республике «Единая Россия» располагает 36 мандатами, в Ставропольском крае — 43, что обеспечивает партии абсолютное большинство в обоих парламентах.

Политическая культура северокавказских регионов отличается слабой партийной конкуренцией и заметным влиянием этнических, религиозных и клановых структур на избирательный процесс. Позиции «Единой России» укрепляются не столько за счёт идеологического доминирования, сколько благодаря включённости партии в систему административного управления и региональных договорённостей. В Чеченской Республике отсутствуют представители ЛДПР и малых партий, а КПРФ располагает лишь одним мандатом — это фактически закрепляет монопольное положение партии власти. Оппозиционные партии, включая КПРФ, ЛДПР и «Справедливую Россию — За правду», представлены в парламентах СКФО ограниченно. Более вариативная картина наблюдается в Дагестане: там КПРФ имеет 10 мандатов, а «Справедливая Россия — За правду» (СРЗП) — 11. В Кабардино-Балкарии КПРФ занимает 9 мандатов, что также является значительным показателем. Тем не менее, в ряде республик, таких как Ингушетия, оппозиционные партии представлены гораздо слабее: КПРФ и ЛДПР занимают по 2 мандата. Присутствие ЛДПР в ряде регионов также ограничено. В Кабардино-Балкарской Республике и Ингушетии партия получила по 2 мандата, в то время как в других субъектах либо вообще отсутствует, либо ее влияние минимально. ЛДПР традиционно опирается на протестный электорат, однако, по всей видимости, протестные настроения в Северо-Кавказском регионе слабо выражены, что объясняет незначительное присутствие партии в региональных парламентах.

Особое внимание следует обратить на практически полное отсутствие малых партий в парламентах региона. Партии «Новые люди», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» (РПСС) и «Яблоко» не имеют ни одного мандата в большинстве республик, что свидетельствует о слабости новых политических сил и отсутствии реальной конкуренции. В большинстве республик малые партии не пользуются поддержкой избирателей, что, вероятно, связано с

существующими электоральными механизмами и фильтрами на выборах, которые ограничивают их доступ к власти.

Региональные различия также играют важную роль в партийной структуре[125]. Например, в Чеченской Республике практически отсутствует политическая оппозиция, за исключением 1 мандата у КПРФ и 4 мандатов у СРЗП. В Дагестане и Кабардино-Балкарии наблюдается сравнительно большее число мандатов у условно оппозиционных партий. В частности, в Дагестане «Справедливая Россия — За правду» (СРЗП) получила 11 мандатов и занимает второе место по численности представителей после «Единой России». Данные отражают тенденцию к централизации политической власти в субъектах СКФО: поддержка «Единой России» способствует укреплению лояльности местных элит к федеральной власти [126] — это экзистенциальное условие их выживаемости.

Политическая система Северного Кавказа сильно централизована и вертикально интегрирована[127]. Основываясь на анализе списочного состава парламентов СКФО, можно сделать вывод, что роль партий на региональном уровне носит скорее символический характер. Наличие нескольких партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия — За правду») формально свидетельствует о существовании многопартийной системы, но на практике партийная конкуренция минимальна, они выступают как элемент внешней легитимации политической системы. Доминирование «Единой России» в парламентах указывает на монополизацию политического процесса. Влияние оппозиционных партий минимально, а в некоторых республиках,

---

[125] *Туровский Р.Ф.* Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 82–92.

[126] *Лавров И.А., Крыштановская О.В.* Регионы — основные поставщики кадров в российскую элиту // Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего: сборник статей международной конференц-сессии, Москва, 20-24 мая 2024 года. – М.: ООО «Издательский дом “Научная библиотека”», 2025. – С. 300–307; *Коряковцева О.А.* Особенности становления региональной политической элиты // Социально-политические исследования. – 2024. – № 3 (24). – С. 6–16; Быстрова А.С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации // Власть и элиты. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 98–138.

[127] *Магомедова М.У.* Порядок назначения глав республик российской федерации на примере Северо-Кавказского федерального округа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 4. – С. 87–90.

например в Чечне, их роль сведена к единичным мандатам. В результате складывается иллюзия политического многообразия при фактической концентрации реальной власти в руках одной партии. Малые партии, такие как «Новые люди», РПСС и «Яблоко», практически не представлены в региональных парламентах. Их редкое присутствие носит сугубо декоративный характер и не оказывает влияния на процесс принятия решений. Данное явление можно объяснить с точки зрения теорий авторитаризма и симулятивной демократии[128]. В политических режимах многопартийность часто используется для поддержания легитимности власти в глазах как внутренней, так и внешней аудитории. Внешне многопартийная система может быть демонстрацией приверженности к демократическим нормам, но реальная политическая конкуренция и свобода выбора отсутствуют. Политические партии действуют в рамках контролируемого пространства, где любая угроза монополии власти подавляется, а оппозиция ограничена в своих возможностях. Партийная система в парламентах Северного Кавказа носит символический характер, призванный создавать видимость политического разнообразия и демократической конкуренции. Реальная власть и принятие решений сосредоточены в руках «Единой России», а остальные партии, включая оппозиционные, играют декоративную роль, укрепляя существующую политическую структуру, основанную на централизованном контроле и подавлении реальной политической конкуренции. Позиция опрошенных экспертов, которые не относят региональные парламенты к элитам, может быть объяснена через проведенный выше анализ структурной роли парламентов в системе власти и их фактического влияния на принятие политических решений.

Теперь рассмотрим факторы, влияющие на инкорпорацию в региональную элиту на Северном Кавказе (рис. 1). Формирование и воспроизводство региональных элит — сложный, многослойный процесс. Северный Кавказ отличается уникальным историко-культурным контекстом, который во многом определяет процесс элитообразования. Ключевыми элементами, влияющими на

[128] Летняков Д.Э. Попытка обобщения // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 129–142.

элитогенез, являются этнические, конфессиональные и трайбалистские факторы. Важным механизмом, обеспечивающим доступ к политической власти, по-прежнему остаётся неформальная (закрытая) система связей, основанная на личной преданности, лояльности, партикуляризме и доверии. Для более глубокого анализа процессов элитообразования целесообразно рассмотреть их через политологическую призму — то есть с опорой на научные концепты, раскрывающие внутренние механизмы функционирования элитных групп. Одним из таких понятий является «патрон-клиентская система», характеризующая отношения между элитами и их клиентами. В условиях Северного Кавказа патрон-клиентские сети являются основополагающим элементом организации политической жизни. Их можно выразить как систему взаимных обязательств, уступок, где патроны обеспечивают своим клиентам доступ к ресурсам, а клиенты/клиентелы, в свою очередь, гарантируют поддержку патрона, рассчитывая свое «перемещение» вместе с патроном на новые должности. Такая система функционирования элитных групп становится свойственной не только для традиционных обществ, но и для современной политической элиты России.

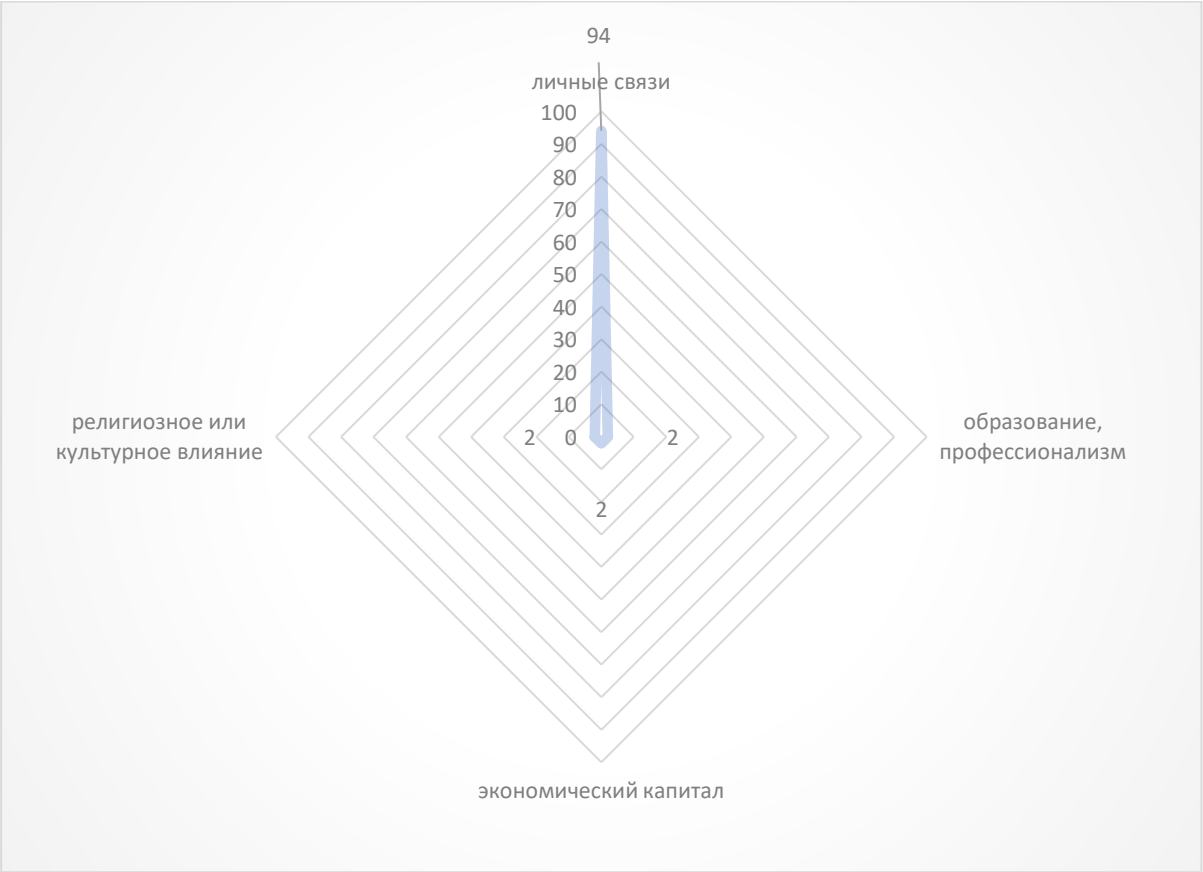

Рисунок 1. Факторы, способствующие попаданию (вхождению) в элиту (%)

Одним из важных выводов, который можно сделать, опираясь на проведенные экспертные интервью, является высокий уровень зависимости элит Северного Кавказа от неформальных связей. Как показали данные, более 94% респондентов отметили (см. рис. 1), что личные связи, преданность и лояльность играют решающую роль в процессе инкорпорации в элиту. Формальные критерии – образование, профессиональная компетентность или экономический капитал, мягко говоря, имеют второстепенное значение в данном контексте.

Экономический капитал, который в других регионах России[129] может играть более значительную роль, на Северном Кавказе оказывается подчиненным административной и бюрократической системе, где основные финансовые потоки

[129] *Попиков А.А.* Креативный человеческий капитал как фактор развития инновационной экономики страны // Власть. – 2016. – № 3. – С. 36–40.

распределяются через бюрократические механизмы. Слабая формализация политической системы означает, что наличие экономических ресурсов не всегда гарантирует доступ к элите, если отсутствуют соответствующие клановые и семейные связи (сети). В результате экономические ресурсы оказываются зависимыми от политической власти, а не наоборот. Эту ситуацию можно рассмотреть через призму концепта «клиентелизма»: экономическая (финансовая) активность в таких условиях регулируется через неформальные каналы распределения ресурсов, что ведёт к сращиванию экономической и политической сфер.

Религиозные и культурные факторы остаются важной частью социальной организации Северного Кавказа, но в формировании элит не имеют определяющего значения[130]. Религиозные и культурные факторы также влияют на формирование идентичности, поддержание социальной сплочённости и закрепление норм коллективной солидарности, но сами по себе не открывают прямого доступа к власти. Они, скорее, встроены в широкую сеть родственных, территориальных, патронажных и статусных связей, через которую воспроизводятся региональные элиты. Их целесообразно рассматривать через призму категории социального капитала — как совокупность доверия, обязательств, репутации и устойчивых контактов. На Северном Кавказе подобные связи укрепляют неформальную ткань общественных отношений, но становятся ресурсом элитогенеза лишь в сочетании с административным влиянием, доступом к распределению ресурсов и участием в принятии политических решений[131]. Данный тип политической системы обеспечивает управляемость и относительную стабильность, однако одновременно

---

[130] *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – Ростов н/Д. − 2001. – С. 51.

[131] *Гаджиев К.С.* О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика. – 2011. – № 9 (60). – URL: https://www.imemo.ru/publications/info/o-prirode-politicheskih-rezhimov-natsionalynih-respublik-severnogo-kavkaza-elektronniy-resurs-ks-gadzhiev-mir-i-politika-2011-9-60#:~:text=О%20природе%20политических%20режимов%20национальных,–%20№%209%20%2860 (дата обращения: 15.09.2023).

несёт риски стагнации, закрытости элитного поля и ослабления реальной политической конкуренции [132].

Взаимодействие региональных и федеральных элит занимает особое место в политической динамике Северного Кавказа. Местные правящие группы получают опору в родственных, территориальных, клановых и административных сетях, но одновременно зависят от поддержки федерального центра — его кадровых решений, финансовых потоков и политического доверия. В результате складывается режим двойной ориентации: региональная элита вынуждена учитывать ожидания местных групп влияния и требования федеральной власти. Успешное вхождение в элитное поле предполагает не только наличие ресурсов на местах, но и способность выстраивать отношения с центром, согласовывать интересы разных уровней власти, избегать открытых конфликтов и сохранять управляемость в сложной этнополитической среде.

Исследование северокавказских элит неизбежно выводит к вопросу о пределах реформирования сложившейся политической системы. Патронажные связи, закрытые каналы рекрутирования и зависимость от неформальных договорённостей затрудняют переход к более прозрачной модели доступа к власти. Вместе с тем долгосрочная устойчивость региона требует укрепления именно формальных институтов, расширения участия разных социальных групп в политическом процессе и постепенного снижения роли закрытых распределительных практик. Особое значение приобретают образовательные, профессиональные и управленческие критерии продвижения в элиту, а также более чёткие правила распределения ресурсовспособствующие уменьшить зависимость политической карьеры от личной лояльности, клановой принадлежности и неформального патронажа.

Политические преобразования, ориентированные на упорядочение системы управления в регионе, должны учитывать специфику региона и его социальные

---

[132] *Кондратьев В.А.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте российского федерализма: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2005. – 198 с.

структуры[133]. Попытки реформирования наталкиваются на сопротивление со стороны сложившихся элитных групп, заинтересованных в сохранении привычных правил игры. Ситуацию можно рассматривать через призму концепции институциональной инерции: устойчивые управленческие практики, неформальные договорённости и патронажные связи продолжают воспроизводиться, даже когда обновление системы становится необходимым для повышения её эффективности.

[133] *Колесников Ю.С., Дармилова Ж.Д.* Совмещение принципов эффективности и социальной справедливости в региональной экономической политике как императив управления пространственным развитием России // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2014. – Т. 5. – №. 2. – С. 70–81.

2.3. Феномен харизматического лидерства в политике Северного Кавказа

Северный Кавказ представляет собой полиэтничный и поликультурный регион России, характеризующийся сложной исторической памятью, неоднородной социальной структурой и многослойным политическим ландшафтом [134]. Этническое и религиозное разнообразие региона с выраженными элементами традиционализма ведет к этнополитическому напряжению и постоянной турбулентности. Данные процессы обусловлены географическим положением, исторической памятью и цивилизационными особенностями Кавказа. На этом фоне политический процесс может определяться феноменом харизматических лидеров, способных мобилизовать людей, артикулировать общественное мнение и обладающих особыми, в какой-то степени сакральными, личными качествами для достижения своих тактических целей. Можно сказать, что такие лидеры выступают медиаторами между традиционными укладами и современными тенденциями, синтезируя архаику и модерн.

Харизма, происходящая от греческого слова «*charisma*» – «божественная милость», «дар», «помазание», понимается как феномен, осмысливаемый еще со времен античности. Этот термин использовался для описания выдающихся, уникальных качеств личности, которые позволяют человеку привлекать к себе окружающих и оказывать на них влияние. Понятие «харизма» исследовалось с давних времен в различных контекстах, включая лидерство и особые личностные качества. Одним из первых философов, который занимался изучением харизмы, был древнегреческий философ Платон. В своих работах «Диалоги», «Воспоминания о Сократе», «Сократические сочинения» и «Государство» он осмысливал влияние выдающихся личностей на общество, их способность

---

[134] *Бетильмерзаева М.М.* Проблемы и вызовы поликультурного общества в условиях глобализации // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Грозный, 08-09 декабря 2023 года. – Грозный: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ». − 2023. – С. 241–250.

вдохновлять и вести за собой людей. Ксенофонт, современник Платона, обращался к вопросам харизмы и личного авторитета, в том числе в «Апологии Сократа» и других сочинениях. У него харизма предстаёт как соединение природного дара, нравственной силы, способности к убеждению и тех качеств, которые делают человека признанным лидером в своём социуме. Иной взгляд на данную проблематику представлен в комедии Аристофана «Облака»: здесь лидерство и харизматические свойства личности получают сатирическое осмысление. В произведении показано, что сила слова, внешняя убедительность и личное обаяние могут служить не только общественному признанию, но и манипуляции, обману, достижению частных целей. Феномен харизмы имеет глубокие корни в античной философии и литературе, где он рассматривался в разных смысловых контекстах — от нравственного лидерства до опасности злоупотребления личным влиянием.[135].

Харизма как политический и психологический феномен связана с управлением, влиянием, признанием и характером взаимодействия между людьми и политическими акторами. В научной литературе выделяются различные теоретико методологические подходы к изучению харизматического лидерства. Одним из первых исследователей, вернувшим понятие харизмы в поле социально политического анализа, был немецкий социолог Макс Вебер. Обращаясь к истокам данного явления, восходящим к античной традиции, он определял харизму как особое качество личности, воспринимаемое окружающими как исключительное и наделяющее лидера признаками сверхъестественной способности к влиянию. М. Вебер выделял три типа легитимности власти: традиционную, легальную и харизматическую. Харизматическое лидерство, по М. Веберу, основано на исключительных личных качествах лидера и его способности вдохновлять и мобилизовать своих последователей[136]. Сам термин «харизма» ввел в научный оборот теолог Эрнст Трёльч, который в основном развивал религиозно-

---

[135] *Гениндоржиева Д.Б.* Античное понимание феномена харизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – №. 6−2. – С. 12–15.

[136] *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. New York: Free Press; Simon & Schuster. − 2009. − 448 p.

культурологические основания харизмы, синтезируя теологические и социологические концепты общественного развития.

Мы рассматриваем данный феномен условно в рамках двух научных подходов: психологического[137] и социологического. Психологический подход к изучению харизмы сосредоточен на личностных характеристиках харизматических лидеров. На наш взгляд, к ним можно отнести такие качества, как уверенность в себе, коммуникационные способности, эмпатия, способность оказывать воздействие на окружающих и обладание ресурсами. В контексте исследования одной из узловых теорий в этой области является теория трансформационного лидерства, предложенная Бернардом Басом в рамках понятия «транзакционного руководства» Джеймса Макгрегора Бернса. Согласно этой теории, харизматические лидеры вдохновляют своих последователей на достижение высоких целей и трансформацию их убеждений и ценностей[138]. Данный подход прочно и основательно укладывается в логику управляющих взаимодействий на Северном Кавказе, где на институциональном уровне начали придавать личности выдающиеся качества и способности.

М. Вебер вводит понятие «рутинизации харизмы», под которым учёный понимает транзит харизматической власти к устойчивым формам политического господства (традиционным или институциональным). Личный авторитет лидера закрепляется в нормах, процедурах и механизмах преемственности. Феномен харизмы усиливается в периоды кризисов, когда прежние формы власти теряют убедительность и запрос на сильного лидера возрастает. В такие периоды люди могут искать лидера с исключительными качествами, способного предложить новые решения и направления развития. Социологи в своих работах изучают, как харизматические лидеры возникают в различных обществах и исследуют

---

[137] *Conger J.A., Kanungo R.N.* Charismatic leadership in organizations. – Sage Publications. − 1998. 228 p.

[138] *Khanin D.* Contrasting Burns and Bass: Does the transactional-transformational paradigm live up to Burns' philosophy of transforming leadership? // Journal of leadership studies. – 2007. – Т. 1. – № 3. – Pp. 7–25.

механизмы их взаимодействия. Специалисты в этой области включают в поле исследовательского внимания анализ социальных структур и процессов, способствующих возникновению и распространению феномена харизмы в различных социальных системах и обществах[139].

Важное место и роль отводится культурному подходу, который рассматривает харизму как социокультурный феномен[140], фундирующий проявления харизмы в контексте конкретной культуры. В разных обществах харизматические качества и поведение воспринимаются и оцениваются неодинаково, отражая разнообразие норм и ценностей. Харизматические лидеры на Кавказе действуют в рамках отмеченных культурных контекстов, адаптируя свое поведение к ожиданиям и потребностям конкретных социумов с учетом популярного в данное время историко-культурного тренда. Народы Кавказа исторически развивались неравномерно, гетерогенно, сочетая в себе различные формы и особенности ментальной и правовой идентичности. В то время как на большей части Кавказа развивались феодальные структуры с наличием князей и аристократии, в Чечне и Ингушетии преобладали более горизонтальные родоплеменные структуры и коллективные формы диспозиции. В такой системе координат на протяжении веков складывались устойчивые национальные и субнациональные особенности организации общественного уклада. Сложившаяся организация предполагала более равноправные отношения между членами общества, что разительно отличалось от феодальной иерархии, которая была характерна для отдельных народов Кавказа.

На большей части Кавказа, где обитали грузины, армяне и аварцы, существовали феодальные структуры. Эти общества характеризовались наличием аристократии (эриставы в Грузии, мелики в Армении), которые владели землей и обладали значительной политической и военной властью. В отличие от горских

---

[139] *Фреик Н.В.* Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 5–24.

[140] *Collins R.* Weberian sociological theory. – Cambridge University Press. − 1986. − 356 p.

свободных сообществ, феодальные отношения предполагали строгую иерархию. Но княжеские фамилии существовали и на Северном Кавказе. Важно отметить, что отсутствие знати, например, в Чечне и Ингушетии детерминировало объективными факторами: географическими условиями (сложный ареал проживания), традициями (важность коллективной ответственности и равноправия) и внешними факторами (менее интенсивное влияние иных цивилизаций)[141]. В данном случае комбинируются культурный и социологический подходы в корреляции с теоретическими концепциями Макса Вебера, Бернарда Басома и Джеймса Макгрегора Бернса[142]. Применение выбранного теоретико методологического подхода и политологического инструментария представляется оправданным, они позволяют учитывать специфику властных отношений на Северном Кавказе, роль неформальных связей, локальных норм и особой политико культурной среды региона.

Лидеры Северного Кавказа часто апеллируют к категориям чести, совести, мужества, верности роду, народу и этнической традиции. В публичной политике активно используются символические формы выражения идентичности: национальный костюм, танец, ритуалы памяти, образы исторических героев, легенды и героический эпос. Через обращение к великим предкам и сюжетам коллективной памяти укрепляется чувство принадлежности к народу, поддерживается национальная солидарность и усиливается авторитет лидера как хранителя традиции.

Вместе с тем подобная символическая политика способна приобретать конфликтогенный характер, особенно в случаях искусственного «удревления» истории, споров о первенстве, происхождении, чистоте рода или историческом праве на территорию. Показательным примером является полемика вокруг

---

[141] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х томах / М.М. Ибрагимов, А.И. Хасбулатов, Д.Б. Абдурахманов [и др.]. – Грозный: ГУП «Книжное издательство». − 2008. − 830 с.

[142] *Bass B.M., Bass Bernard M*. Leadership and performance beyond expectations. – New York: Free Press. − 1985. – 256 p.

наследия древних алан, которая сохраняет чувствительность для Ингушетии и Северной Осетии — Алании и может усиливать территориальные притязания, исторические обиды и межэтническое напряжение. Наблюдается появление большого числа национальных публицистов, в основном не профессиональных историков, осуществляющих исследования в жанре фолк-хистори, что способствует усилению этнополитической неустойчивости. В Интернете идет широкая дискуссия, а на государственных национальных каналах освещаются научные конференции, круглые столы и презентуются книги в стиле исторического ревизионизма. Сказанное повышает конфликтогенный потенциал, повышает градус межнациональной розни, усиливая эмоции. Подобные «исследования» могут часто использоваться региональными элитами для взаимных территориальных претензий, повышения собственного политического авторитета[143].

Харизматики появляются в различных сферах, включая политику, религию, экономику и другие общественные структуры. Важными критериями их появления являются: опора на национальную историю и историческую несправедливость, отрицание предыдущих элит, наличие противоречий с федеральной властью, культурная идентичность и факторы, способствующие коллективным действиям этнических групп. Так, наиболее ярко эти качества проявлялись у Д.М. Дудаева (1944–1996), президента Чеченской Республики Ичкерия, в прошлом советского генерала. Ему удалось мобилизовать вокруг себя значительное число гражданского населения. Личная уверенность Д. Дудаева, решительность и постоянное обращение к национальному самосознанию, исторической памяти, травмам, мифам

---

[143] *Евстифеев Р.В.* Межнациональный и межконфессиональный мир: от глобального к локальному (по результатам социологических исследований) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 26-29 июня 2024 года. – Казань: Академия наук Республики Татарстан. − 2024. – С. 56–58; *Магомедов А.К.* Оптимизация межэтнических отношений в Республике Дагестан: роль политических технологий // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-mezhetnicheskih-otnosheniy-v-respublike-dagestan-rol-politicheskih-tehnologiy (дата обращения: 25.03.2024); *Магомедов А.К.* Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты и региональный политический вызов в посткоммунистической России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 61–71.

и несправедливости в отношении чеченского народа — эти качества объединили многие силы. В глазах чеченского общества он представлялся выразителем надежд на самостоятельное будущее, достоинство и экономическое возрождение в сложные 90-е годы, в годы всеобщего обнищания и конфликтов. Дудаев умел говорить с обществом на понятном языке, переводить сложные политические идеи в яркие образы и эмоционально насыщенные формулы, обладал артистизмом. Его выступления опирались на метафоры, символы, мифологемы, юмор и апелляцию к коллективным чувствам[144].

Джохар Дудаев активно обращался к культурным и историческим символам, стремясь укрепить собственное влияние и консолидировать вокруг себя политические силы. В его риторике особое место занимали чеченские традиции, память о депортации 1944 г., представления об исторической обиде и экономической несправедливости советского периода. Через обращение к подобным сюжетам формировался сильный эмоционально протестный фон, в котором борьба за независимость связывалась не только с текущей политической ситуацией, но и с более широким историческим опытом народа. Значительную роль играли мифологемы и образы будущего, обещания скорого благополучия, рассказы о чудесной защите, пророчествах и предзнаменованиях победы, передававшихся в устной среде. Подобные сюжеты усиливали сакрализацию конфликта и способствовали мифологизации массового сознания. Высказывания Дудаева превращались в элементы политической мобилизации и идеологического противостояния с Москвой: «Раб, не стремящийся выйти из рабства, заслуживает двойного рабства», «Если трусость нынешних отцов называют осторожностью, обязательно наступит время, когда рабство детей назовут преданностью». Подобные формулы воздействовали на общественные настроения, усиливали недоверие к федеральному центру и закрепляли образ Москвы как внешней силы, ответственной за исторические и современные беды чеченского народа. Влияние

---

[144] *Цепляев В.В.* Первая чеченская война // Война и мир в Отечественной и мировой истории. – 2020. – С. 1134–1137.

Дудаева складывалось на фоне тяжёлой социально экономической ситуации, распада прежних норм, роста сепаратистских настроений, травматической исторической памяти и серьёзных просчётов федеральных политико административных элит.[145].

Джохар Дудаев сумел синтезировать накопленные в чеченском обществе исторические травмы с конкретной политической ситуацией начала 1990-х годов. В его риторике тема многовековой несправедливости связывалась с памятью о репрессиях, депортации, вооружённых конфликтах и опыте подчинённого положения в составе Российской империи и Советского Союза.Одновременно происходила героизация чеченской истории и культуры: подчёркивались стойкость народа, воинская традиция, верность свободе, способность сохранять идентичность вопреки внешнему давлению. Через архетипические образы, мифы и символы коллективной памяти формировался мобилизационный нарратив, направленный против федерального центра. В политической речи Дудаева постепенно закреплялось противопоставление «мы — они», где чеченское общество представлялось как общность, борющаяся за национальное освобождение, а Москва — как источник исторического принуждения и современного политического давления. Такая конструкция усиливала внутреннюю консолидацию, переводила социальное недовольство в форму национально-политической мобилизации и делала идею независимости эмоционально значимой для значительной части населения. Он пробудил чувство национальной гордости и стремление к восстановлению исторической справедливости, прибегая к приёмам когнитивного диссонанса и эмоционального подъёма. Дудаев трансформировал накопившиеся обиды и героические нарративы в мощный инструмент политической борьбы. Эмоциональный и идеологический заряд, который он внёс в своё движение, способствовал разжиганию национальной

[145] Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Отв. ред. Д.Д. Гакаев, А.Д. Яндаров. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республики. − 2001. − 277 с.

розни и усилению сопротивления федеральным властям. Роль и функция Дудаева в этом процессе стали одной из центральных причин эскалации и продолжения вооружённого конфликта в Чечне[146], последствия которого ощущаются и сегодня.

Ахмат-Хаджи Кадырова, главы временной администрации и первого президента Чеченской Республики (2000-2004 гг.), бывшего муфтия Чеченской Республики, мы также относим к личности харизматической направленности. Он сыграл ключевую роль в постконфликтной реконструкции Чеченской Республики и налаживании мирной жизни, остановив войну. Духовное образование и смелость выделяли его среди региональной элиты того периода. Эволюция политических взглядов А.-Х. Кадырова была рискованной и требовала огромной харизмы и политического чутья. В 1999 г. А.-Х. Кадыров заявил о поддержке российской власти и выступил против террористических группировок. Важной представляется его способность вести религиозную полемику с радикальными проповедниками и экстремистами, апеллировать к исламской доктрине: он смог соотнести богословские положения с политической реальностью. Роль А.-Х. Кадырова в стабилизации общественно-политической ситуации в Чеченской Республике имеет особое значение для всего чеченского общества.

К числу харизматических лидеров, безусловно, относится и глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, поскольку его политическое влияние и авторитет выходят далеко за пределы Северного Кавказа и воспринимаются даже в международном контексте, в том числе в отношениях со странами Ближнего Востока. Стиль управления Р. Кадырова строится на демонстративной решительности, уверенности, религиозной риторике и готовности открыто высказываться по вопросам внутренней и внешней политики, безопасности и морали. Его манера поведения формирует образ сильного и решительного лидера, действующего без оглядки на внешнюю критику. Р. Кадыров часто позиционируется как защитник ислама и национальных традиций, активно

---

[146] *Фурман Д.* Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. – М.: Полинформ-Талбури. − 1999. – С. 5–15.

поддерживает строительство мечетей и культовых объектов. Одним из важных харизматических качеств Рамзана Кадырова является его способность к адаптации в условиях сложной конъюнктуры и политическая маневренность. Сюда же относится мастерство поддерживать баланс в отношениях с федеральной властью и местными этнополитическими элитами и группами давления. Политические позиции главы Чеченской Республики прочно основываются на личных, доверительных отношениях с Президентом России[147].

Основы харизматического начала в лидерстве Рамзана Кадырова зиждутся на наличии практически неограниченных ресурсов: политических, экономических, информационных и административных[148]. Концентрация широкого комплекса ресурсов и жесткий подход в управлении в сочетании с личными отношениями с федеральной политико-административной элитой, формируют в Рамзане Кадырове харизматического лидера, который действует без особой оглядки на внутреннюю региональную повестку и протестные запросы. Подобная диспозиция сил в региональном политическом управлении несёт в себе признаки транзиторности и флуктуации, что заставляет элиты находиться в состоянии высокой активности и поддерживать событийный характер своей деятельности[149]. Подобная организация политической жизни в республике и выстроенность органов республиканской власти генерируют высокий уровень протестного потенциала и противоречий, что в итоге может вызвать дальнейшую эволюцию конфликта.

---

[147] *Evseev A.Yu.* Dynamics of the Media Image of the Head of the Chechen Republic Ramzan Kadyrov in the Context of Political Media Communication in Russia // Administrative Consulting. − 2023. − No.1. − Pp. 91–99.

[148] *Аствацатурова М.А.* Трансформация этномобилизационных факторов в современном политико-управленческом процессе на Северном Кавказе // IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская полития и вызовы современности» / отв. науч. ред. Р.А. Пупыкин. – Ростов-н/Д.: Перо. − 2019. – С. 29–36.

[149] *Малашенко А.В.* Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. – М.: РОССПЭН. – 2009. − 150 с.; Russell J. Chechen Elites: Control, Cooption or Substitution? // Elites and Identities in Post-Soviet Space. – Routledge. − 2013. – С. 149–163; *Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В.* Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 21. – № 5. – С. 63–73.

К числу харизматиков можно отнести Руслана Аушева, президента Ингушетии с 1992 по 2002 год, генерала, который мог принимать непростые решения в экстремальных ситуациях. Его военная карьера, уверенность в себе, способность вести диалог как с населением, так и с представителями разных политических и социальных слоев общества, политическое чутье и наличие личного мнения делали его очень интересным и привлекательным политиком на Кавказе. Руслан Аушев принимал активное участие в урегулировании осетино-ингушского конфликта в 1992 году и в разрешении гуманитарных последствий российско-чеченского конфликта, когда большое число беженцев из Чечни проживало на территории Ингушетии во время второй чеченской кампании 1999 года. Он лично приезжал в зону боевых действий, вел переговоры и уговаривал стороны прекратить огонь. Его деятельность во многом способствовала снижению политической напряженности и предотвращению больших жертв в те годы. Лидерские качества, личная решительность и способность действовать в кризисных ситуациях закрепили за ним статус значимой фигуры в политической жизни Кавказа и связали его деятельность с восстановлением управляемости и стабилизацией обстановки в регионе [150].

На Северном Кавказе, особенно в его северо-восточной части, ислам на разных исторических этапах был не только религиозным, но и политическим фактором. В суфийских общинах харизматический лидер — устаз, шейх, духовный наставник — нередко выходил за пределы собственно религиозной роли и приобретал особый общественный статус. В 1990-е годы, как и в современной политической практике, представители исламских кругов, связанные с суфийскими тарикатами, участвуют в общественно-политических процессах, влияют на формирование властных решений и взаимодействуют с государственными институтами. В настоящее время заметно сближение религиозных организаций, муфтиятов и региональной власти. Авторитетные исламские лидеры сохраняют

[150] Маркедонов С.М. Политическая ситуация в Ингушетии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 11. – С. 52–64.

значимость в общинах Северного Кавказа благодаря способности соединять духовное наставничество, социальное посредничество и участие в регулировании общественных отношений.

Тревожным сигналом является этатизация исламских институтов, которая проявляется в интеграции муфтиятов и других религиозных организаций, что позволяет им участвовать в принятии решений на разных уровнях власти. Это сотрудничество способствует краткосрочному укреплению политической стабильности, но одновременно вызывает вопросы о балансе между религиозными и светскими аспектами управления. Исламские организации на Северном Кавказе сохраняют активное присутствие в политической сфере, способствуя выстраиванию специфической модели взаимодействия религии и государственной власти [151]. Властям приходится учитывать роль ислама и религиозных лидеров, особенно на фоне усиления религиозно-политического радикализма в Дагестане[152] и других регионах страны[153]. В современном политологическом дискурсе даже появился термин, описывающий отдельный тип региональных элит – религиозно-политические элиты. Как отмечает В. Акаев: «В период перестройки в мусульманских регионах Советского Союза начался процесс исламского возрождения, проявлявшийся в освобождении верующих от политико-идеологических ограничений. В это время широко распространились религиозные идеи, на основе которых формировались движения радикалистского и экстремистского характера»[154].

---

[151] *Акаев В.Х.* Ислам на Северном Кавказе: традиции, активизм и динамика / Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией / Под ред. Л.В. Сагитовой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. − 2023. – С. 72–80.

[152] Число погибших при теракте в Дагестане выросло до 25 человек. Русская служба The Moscow Times. Русская служба. https://www.moscowtimes.io/2024/06/25/chislo-pogibshih-pri-terakte-vdagestane-viroslo-do25-chelovek-a134902 (Дата посещения: 25.06.2024)

[153] Путин наградил погибшего в «Крокусе» сотрудника Внуково орденом. РБК. https://www.rbc.ru/rbcfreenews/668c096a9a794782dc6e0465 (Дата посещения: 08.07.2024)

[154] *Akaev V.* Religious and Political Elites in the Northern Caucasus: Formation, Ideological Contradictions, and Practical Opposition // Central Asia and the Caucasus. – 2014. – Vol. 15. – No.1. – Pp. 77–89.

В начале 1990-х годов в митингах и протестах против федеральных властей активно участвовали исламские проповедники, многие лозунги были религиозно окрашены, требования сводились к культурному и политическому самоопределению народов Кавказа. Исторически любые формы сепаратизма на Кавказе сопровождались политизацией ислама, переплетая религиозные и политические цели. Б. Кебедов, лидер ваххабизма на Северном Кавказе, в 1990 году был участником создания Исламской партии возрождения в СССР, участвовал в военных действиях в Чечне на стороне сепаратистов. М. Удугов, видный пропагандист Ичкерии, возглавлял Национальную службу информации Чеченской Республики Ичкерия, выдвигался на пост президента ЧРИ от партии «Исламский порядок», являлся идеологом джихадизма.

В регионе возникали острые этнополитические кризисы, а национальная принадлежность кандидатов на пост главы региона становилась центральным фактором, постепенно трансформируясь в сепаратизм. Примером служит политический кризис в Карачаево-Черкесии в 1999 году, вызванный противоборством двух кандидатов разных национальностей на пост главы: Владимира Семёнова и Станислава Дерева. Это противостояние вызвало серьезный внутренний конфликт в регионе, который привел к жертвам, насилию и способствовал разделению республики по национальному признаку. Даже вмешательство федерального центра в лице А. Волошина, руководителя Администрации Президента РФ и председателя правительства РФ С. Степашина, не смогло предотвратить трагические события.

Национальный вопрос на Кавказе был и остается ощутимым, влияя как на внутреннюю, так и на внешнюю политику. Регулярное возникновение новых точек этнополитической напряженности свидетельствует об отсутствии устойчивых гражданских механизмов и общего ментального единства в ряде регионов. Одним из ярких примеров таких конфликтов является межнациональное столкновение между кабардинцами и балкарцами, произошедшее 18 сентября 2018 года в селе Кенделен Кабардино-Балкарской Республики. Основой конфликта стал

исторический спор вокруг «Канжальской битвы», произошедшей в 1708 г. у одноименной горы. Это событие имеет знаковое значение для черкесов (в частности, для кабардинцев), так как они одержали победу над численно превосходящими войсками крымского хана Каплан-Гирея, требовавшего крупной дани. Для кабардинцев это сражение является символом их исторической и культурной идентичности. В то же время балкарцы и другие тюркские народы оспаривают факт существования этой битвы, утверждая, что она никогда не происходила в реальности. Конфликт 2018 г. вспыхнул после того, как балкарцы блокировали конный поход, организованный организацией «Шууей Хасэ» в память о «Кинжальской битве». Это привело к столкновениям и обострению национальной розни. Подобные события имели место и в 2008 г., что указывает на длительное и нерешенное противостояние между этими этническими группами.

Этот инцидент подчеркивает необходимость создания эффективных гражданских механизмов для разрешения этнополитических конфликтов и достижения ментального единства среди различных народов региона.[155]. Даже малейшие поводы могут перерасти в межнациональный конфликт в регионе. К примеру, 10 июня 2019 года из-за установки дорожного знака на границе Чечни и Дагестана возникла конфликтная ситуация, в которой участвовали представители региональных и федеральных властей[156].

Одним из очевидных примеров такого типа лидеров был Саид-Афанди Чиркейский, шейх тариката шазилийа, пользовавшийся авторитетом в Дагестане. Ему приписывали эзотерические знания, такие как предвидение будущего и исцеление, что можно рассматривать как проявление сакрального харизматического лидерства в веберовском смысле. На Кавказе это лидерство становится основой для политического влияния, так как доверие к шейху как носителю гносиса (глубинного и таинственного знания) укрепляет его позиции в

[155] Деловая газета Взгляд https://vz.ru/society/2018/9/20/396014.html (Дата посещения: 27.09.2024)
[156] Жители Чечни и Дагестана конфликтуют из-за дорожного знака на границе https://www.bbc.com/russian/news-48591622 (Дата посещения: 20.10.2024)

общине. Эпистемологическое доверие последователей к шейху переводит его харизму в политический капитал, способный мобилизовать массы и формировать общественное мнение.

Еще одной влиятельной религиозной фигурой является Хамзат Чумаков, имам мечети села Насыр-Корт в Ингушетии. Чумаков известен своими яркими проповедями, в которых он обсуждает проблемы насилия в семье, коррупции и злоупотреблений правоохранительных органов. Его оппозиционная линия по отношению к региональному руководству вызывает напряженность между ним и властями. Была силовая попытка его отстранения местным муфтиятом, что вызвало общественный резонанс внутри Ингушетии. Общественная деятельность Чумакова включает встречи с политическими элитами региона, такими как бывший глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров и глава Чечни Рамзан Кадыров. Чумаков активно участвует в жизни ингушских диаспор как внутри России, так и за рубежом[157].

Неразрывно связанные с народом, политическими процессами духовные лидеры выступают в качестве посредников между властными структурами и местным населением, влияя на принятие политических решений и распределение ресурсов. Их интересы выходят за рамки религиозных сообществ, становясь важным фактором в управлении и власти, что требует внимательного изучения и понимания их роли в контексте современной политики и социокультурных процессов. Лидеры религиозных общин, имамы и муллы исторически обладали религиозно-политической субъектностью на Северном Кавказе, и власти в значительной мере учитывали их общественную и гражданскую позицию. Нужно отметить, что в основном она была отличной от государственной и воспринималась населением как весьма авторитетная, альтернативная. Сегодня тесное сотрудничество муфтиятов,

---

[157] *Сиражудинова С.В.* Радикализация в современных условиях: гражданское общество в борьбе с экстремистской идеологией // Единство народов России: межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог / ред. колл. Е.В. Бабошина и др. – Махачкала: Апробация. − 2016. – С. 120–124.

духовных управлений и их структурных подразделений снижает этот социальный авторитет в обществе[158].

Можно сказать, что в самой системе политики Северного Кавказа функционируют и взаимодействуют различные региональные акторы[159], которые делятся по уровням, типам и особенностям развития. Политический процесс на Северном Кавказе отличается высокой напряжённостью, конфликтным потенциалом и периодической неустойчивостью.

Когда государственные и национальные подходы к управлению переплетаются, а правовые нормы становятся объектом интерпретации и коннотации, харизматические лидеры играют решающую роль в формировании региональной политики. В этом контексте постепенно преобладает политический оппортунизм, включающий элементы квазиполитических систем. Одними из главных угроз такого типа руководства являются формирование автаркии, авторитаризма, экономическая стагнация и преобладание персонализма в политике. При наличии множества переменных и главенствующей роли личности в процессе подготовки и принятия решений, затрудняется возможность политического прогнозирования, стратегического развития и обеспечения гражданских и демократических свобод. Одновременно со стабильностью и подконтрольностью политики такой подход постепенно аккумулирует риски и потенциальные конфликты, угрожающие остальной части страны.

---

[158] *Бритвин А.В., Семедов С.А.* Религиозный фактор в системе обеспечения региональной безопасности на Северо-Восточном Кавказе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №. 2 (484). – С. 25–34.

[159] Юсупова Г.И. Региональная элита как политический актор современной национальной политики на Северном Кавказе // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-elita-kak-politicheskiy-aktor-sovremennoy-natsionalnoy-politiki-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 22.07.2023).

2.4. Кланы в политической системе Северного Кавказа: трансформация традиционных структур в институциональных акторов

Северный Кавказ исторически характеризуется сегментированным обществом, где большую роль играли родоплеменные объединения – тайпы у чеченцев и ингушей, тухумы и другие локальные клановые группы у народов Дагестана, а также расширенные фамильно-земляческие сообщества у многих народов региона. Тайп в традиционном понимании – это общность, основанная на кровнородственных связях, часто включающая несколько селений и считающаяся основой социального устройства. Здесь необходимо сделать важное уточнение: в ряде исследований тайп рассматривается не как строго кровнородственная общность, а как более гибкое социополитическое образование. Его состав исторически мог расширяться за счёт представителей других тайпов, а в отдельных случаях — и выходцев из иных этнических групп. Поэтому тайп корректнее понимать не только как родовую структуру, замкнутую на происхождении, но и в качестве устойчивой формы социальной организации, объединённой памятью, нормами солидарности, взаимными обязательствами и политическим значением внутри локального сообщества [160]. В дореволюционный период и частично в советское время родственные и клановые объединения сохраняли значение неформальных механизмов самоуправления, взаимной поддержки и урегулирования конфликтов. Через них поддерживались нормы обычного права, распределялись обязанности внутри общины, обеспечивалась защита интересов семьи, рода, локальной группы. Советская модернизация и централизация власти заметно сузили политическую роль старейшин, заменив традиционные формы влияния партийно-государственными институтами.

Социокультурная специфика региона, вместе с тем, не дала родственным связям полностью исчезнуть из общественной жизни. Клановые отношения

---

[160] *Натаев С.А.* Чеченский тайп: сущность, структура и социальная динамика: дисс. … к. и. н. – Махачкала. − 2010. − 164 с.

изменили политическую конфигурацию и саму природу управляющих взаимодействий. Они выражались в адаптации к советской (атеистической) системе и одновременно продолжали действовать неофициально, основательно встраиваясь в кадровые, бытовые, хозяйственные и религиозные практики. В религиозной сфере возникало двоевластие: наряду с официально признанными духовными лицами существовали и фактические авторитеты. Особенно эти процессы обострились в конце 1980-х — начале 1990-х годов на фоне ослабления центральной власти и активизации национальных движений и других общественных групп. Например, в Ингушетии и сегодня ощущается сильная роль совета старейшин крупных фамилий при решении конфликтных ситуаций. Можно сказать, что Ингушетия — единственный регион на Северном Кавказе, где институты тайпа и совета старейшин имеют столь выраженный политический окрас: их влияние выходит за рамки символического присутствия на церемониях. Традиционные клановые структуры продолжают существовать в социальном субстрате, готовые адаптироваться к новым политическим реалиям.

Одним из центральных неформальных институтов, через которые аккумулируется и передаётся власть на Северном Кавказе, выступает клановая (родовая) организация. Тайпы, большие роды и землячества формируют своеобразные социальные «каркасы», на которых зиждется значительная часть ресурсов и механизмов доступа к власти. Г. Дерлугьян предлагает развёрнутое социологическое толкование роли тайпов, показывая, что они выполняют сразу несколько функций. *«Во-первых, они являются хранилищем коллективных репутаций, используемых в рамках своей этнической общины в качестве социального капитала. Во-вторых, тайпы служат сетями доверия»*[161], мобилизуемыми не только внутри семьи, но и за её пределами. Иначе говоря, через принадлежность к уважаемому роду элита получает символический кредит доверия. Репутация фамилии превращается в социальный капитал, который можно

[161] *Дерлугьян Г.* Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. – М.: Издательский дом «Территория будущего». − 2010. – 559 с.

вложить в политику: известное имя рода способно повысить статус политика в глазах сограждан, создать ореол легитимности. Одновременно тайп обеспечивает инфраструктуру доверия – широкий круг «своих», готовых поддержать, поручиться за члена клана, предоставить ему информацию или услуги.

Важно подчеркнуть, что репутационный ресурс клана не статичен, он постоянно воспроизводится и оценивается в повседневном взаимодействии. Г. Дерлугьян указывает, что характерные для кавказских сообществ продолжительные беседы о родне, шутливые сравнения достоинств разных фамилий или даже, на взгляд чужаков, хвастливые рассказы – это вовсе не пустое времяпрепровождение. На самом деле *«эти ритуалы являются средством установить относительную ценность социального капитала, связываемого с именем того или иного рода»*[162]. Происходит коллективная калибровка репутаций: община негласно ранжирует роды по престижу, отмечая заслуги предков, богатство семей, численность и сплочённость родственников, степень образованности или влиятельности представителей данного тайпа и т.д. Дерлугьян даже проводит параллель с мировыми элитными сообществами – выпускники знаменитых университетов, встречаясь, тоже предаются своего рода статусным «ритуалам» – обмениваются историями успеха, меряются достижениями, устанавливая неформальную иерархию. Подобно этим сетям выпускников, *«социальные сети горских родов предоставляют более-менее реальную надежду и пути-цепочки достижения практических целей – поиска работы, партнёра по бизнесу, или соответствующей социальному статусу невесты»*[163]. Иными словами, через родственные каналы молодому человеку могут помочь с трудоустройством, свести с нужными людьми, устроить выгодный брак. Более того, родовая сеть присматривается к перспективной молодёжи, она позволяет сообществу оценить нового человека и соотнести его качества с коллективной фамильной репутацией. Как пишет Дерлугьян, *«родовые сети позволяют оценить доселе ничем не проявившего себя*

---

[162] *Дерлугьян Г.* Там же.
[163] *Натаев С.А.* Ук. соч.

молодого человека, оценить его как потенциального зятя, либо завербовать его в бригаду отходников … или же в отряд боевиков». Даже неформальная структура (тайп) выполняет вполне практические институциональные функции – подбор кадров (через сватовство или земляческие рекомендации для найма), консолидацию экономической активности (координация выездной работы, бизнеса) и даже мобилизацию вооружённых отрядов. Последний аспект особенно проявился в периоды конфликтов – полевые командиры зачастую опирались на своих родственников и односельчан при формировании боевых групп. Клан как социальный институт обеспечивал начальный уровень организации, доверия и взаимопомощи, то есть превращался в канал доступа к силовым ресурсам.

Социальный капитал клана особенно востребован там и тогда, где ослаблены формальные механизмы порядка. Дерлугьян подчёркивает, что в ситуации разрушенного или неспособного обеспечить законность государства именно репутация рода выходит на первый план: *«там, где нет эффективной полиции … и отсутствует … архив личных дел и аттестатов, … репутация рода остаётся мерилом решения и позволяет построить доверие»*[164]. Другими словами, коллективная репутация начинает выполнять роль института, заменяя собой официальные удостоверения, суд и контрактное право. Известное происхождение служит своего рода гарантом, за человека ручается его семья и весь тайп. Большинство северокавказцев осознаёт эту взаимную ответственность. *«В плотной социальной среде местных контактов люди стараются не навредить чести своего рода каким-либо проступком, за который им придётся отвечать в первую очередь перед собственными родственниками»* – отмечает Дерлугьян[165]. Тем самым поддерживается высокий уровень внутренней дисциплины – страх опозорить фамилию и навлечь гнев старейшин сдерживает потенциальных нарушителей эффективнее, чем отдалённая угроза государственного наказания. Коллективная

[164] Там же.
[165] Там же.

честь и доверие внутри клана становятся важнейшими регуляторами поведения, что в конечном счёте укрепляет неформальные основы власти.

В то же время подобный механизм родовой репутации не лишён ограничений. Он действенен преимущественно в традиционной среде, где все участники связаны общими нормами, и сталкивается с трудностями по мере усложнения общества. Дерлугьян прямо указывает, что *«функция репутации далека от совершенства, поскольку существуют соперничающие формы социального капитала и различные типы сетей доверия, где клановое родство может отступать на второй план, особенно когда этого требует организационная логика более формальной среды»*[166]. В советский период такая логика исходила от централизации и бюрократии, для карьерного роста внутри партийно-государственного аппарата нередко требовалось демонстрировать лояльность абстрактным идеалам государства, а не родственным узам. Многие чиновники-выходцы из традиционной среды вынуждены были *«чураться своих нередко наивных однотайповцев, чтобы сделать карьеру»* – то есть держаться подальше от земляков, дабы не навлечь подозрений в «семейственности». Формальные институты (советская служебная иерархия, партийная дисциплина) в значительной степени подменяли собой родовую солидарность, вытесняя её в приватную сферу. Однако с ослаблением государственно-бюрократического контроля в конце 1980-х гг. родовые связи снова активизировались, заполняя собой вакуум доверия. В 1990-е гг. кланы и тайпы вновь выдвинулись как базовые единицы социально-политической жизни, особенно на локальном уровне. Тем не менее уже к середине 1990-х гг. появилась новая конкурирующая сеть лояльности – идеологическая и религиозная. Дерлугьян отмечает, что в новейшее время место клановых объединений частично заняли *«исламистские братства и отряды боевиков»*. Действительно, радикальные исламистские движения (например, в Чечне периода межвоенного анархического управления 1996-1999 гг.) строили свою легитимность на принципах уммы (религиозной общности), противопоставляя их родоплеменной раздробленности.

---

[166] Указ. соч. 169.

Молодёжь, втянувшуюся в джихадистские группы, объединяла уже не столько кровь, сколько общая идеология и военное братство, что ослабляло власть традиционных старейшин. Можно сказать, что постсоветская трансформация элит в регионе характеризовалась сложным взаимодействием старых и новых неформальных структур. Кланы не исчезли, но им пришлось приспосабливаться к изменившемуся контексту – искать своё место рядом с партийными сетями, религиозными братствами, олигархическими «семьями» вокруг влиятельных лидеров.

Если прилагать анализ Дерлугьяна на современную социально-политическую реальность, то он демонстрирует, что тайпы, родственные союзы, фамилии, односельчане, кланы, группы давления, клики, обоймы, гильдии Северного Кавказа эволюционировали в сторону институционализации, превратившись в устоявшийся социальный механизм, дополняющий официальную власть. По сути, клан можно рассматривать как своеобразный «капитал» доверия, передаваемый по наследству внутри элиты. В логике постсоветской гибридности это означает, что неформальные структуры (родственные, земляческие) продолжают играть существенную роль наряду с формальными институтами. Северокавказский политический режим носит характер неопатримониальный: личные и семейные связи пронизывают органы власти, превращая государственную службу в продолжение клановых отношений. Формально действуют законы и должностные инструкции, но неофициально многое решается «по своим каналам». Тайпы выступают не просто пережитком традиции, а важнейшим каналом социального капитала, через который постсоветские элиты получают доступ к ресурсам и власти. Это наглядно проявилось в переходный период, когда ослабла централизация, родовые сети взяли на себя функцию поддержания порядка и координации, заполнив институциональный вакуум.

Тут следует оговориться, что термин «тейп/тайп», хотя и остаётся распространённым в академических работах по Северному Кавказу – у историков, этнологов, политологов и социологов – сегодня утратил значительную часть

институциональной нагрузки и чаще выполняет символико-идентификационную функцию. В Ингушетии тайповая принадлежность сохраняет сравнительно большее практическое значение при регулировании социальных связей и распределении ресурсов, тогда как в Чечне её роль заметно ослабла и уже не является центральной, как в доиндустриальную эпоху, уступив место более гибким сетям кланово-семейной солидарности. В частности, в традиционных обществах Северного Кавказа – у чеченцев и ингушей с их тайпами, в Дагестане с тухумами и джамаатами, у кабардинцев и балкарцев с лъэпк и другими родо-территориальными группами – наследственные сегментные союзы долго оставались центральной «архитектурой» общественной и политической жизни. Именно они распределяли ресурсы, регулировали конфликты через адат и обеспечивали коллективную мобилизацию – от горских восстаний XIX в. до чеченских кампаний 1990-х гг. Однако массовая урбанизация, трудовая миграция, постсоветские войны и вертикальная интеграция федерального государства радикально сузили социальную «ёмкость» этих структур: они превратились скорее в культурно-идентификационный маркер, чем в базовый институт принятия решений. На их месте возникла более гибкая конфигурация клановости, где главным критерием служит уже не формальная принадлежность к крупному родоплеменному сегменту (только по рождению), а плотность горизонтальных связей: близкое кровное родство (братья, кузены), общая фамилия, происхождение из одного села или аула, отношения своячества и кумовства, совместный боевой или предпринимательский опыт, а в полиэтничной среде – ещё и общая этничность как гарант базового доверия. Именно такие сети сегодня формируют политические «обоймы» вокруг руководителей республик и силовых ведомств, распределяя посты, контракты и доступ к федеральным программам[167].

---

[167] *Натаев С.А.* К вопросу о количестве чеченских тайпов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kolichestve-chechenskih-taypov (дата обращения: 01.09.2024); *Осмаев А. Д., Горюшина Е.М.* Институционализация коллективной памяти тайпов/братств в постконфликтной Чеченской Республике // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19. – № 4. – С. 1110–1123; *Натаев С.А*. Интерпретации структуры чеченского тайпа в кавказоведческих исследованиях //

В академическом описании уместно использовать обобщающий термин «клан» как совокупность неформальных патрон-клиентских союзов, в которых могут переплетаться разные основания солидарности: локальное, этническое, корпоративное и семейное. Тайп, тухум или лъэпк остаются внутри этого поля как знаки происхождения, но уже не входят в «первую тройку» факторов социальной интеграции. Тем самым современные северокавказские кланы выступают посредниками между конкурирующими нормативными режимами и каналами ресурсного перераспределения, окончательно вытесняя классические сегментные институты в сферу символической репрезентации.

В контексте аналитики взгляда Дерлугьяна следует заключить, что в результате сложился гибридный порядок, где государственное управление опирается одновременно и на бюрократические процедуры, и на неформальное влияние клановых сообществ. Такой дуализм власти хорошо укладывается в рамки ресурсно-десизионного подхода, принятого в данной диссертации: для адекватного понимания природы элит необходимо учитывать не только формально-правовые рычаги, но и скрытые от официального зрения механизмы – репутацию, доверие, институты вроде тайпа, обеспечивающие интеграцию и мобилизацию групп на основе социального капитала. Именно эта гибридная сочетаемость формальных и неформальных элементов характеризует постсоветскую трансформацию элит Северного Кавказа, объясняя устойчивость и воспроизводство власти традиционных групп в новых политических условиях.

Распад СССР и связанные с ним радикальные политические изменения детерминировали в республиках Северного Кавказа вакуум власти, который, впрочем, быстро начали заполнять неформальные объединения местных элит[168].

Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsii-struktury-chechenskogo-taypa-v-kavkazovedcheskih-issledovaniyah (дата обращения: 30.09.2024); *Магомедова Р.М. и др.* Развитие института тухума у народов западного Дагестана в XIX веке // Образование и право. – 2021. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-tuhuma-u-narodov-zapadnogo-dagestana-v-xix-veke (дата обращения: 22.08.2024).

[168] *Борисов Н.А., Лабутина П.В.* Политические режимы личной власти: опыт постсоветских государств // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития:

Вопреки распространенному мнению, современные северокавказские *«кланы»* не всегда представляют собой прямое продолжение древних родоплеменных союзов. «Постсоветские кланы» – это скорее всего новые патронажные коалиции, возникшие в 1990-е годы, а не пережитки архаики и трайбализма. Их ядро составили влиятельные публичные политики, предприниматели (нередко с полукриминальным бэкграундом) и связанные с ними чиновники, которые объединялись для контроля над ресурсами и властью на фоне ослабления государства. То обстоятельство, что внутри указанных группировок лидерство часто принадлежало близким родственникам, придавало им внешнее сходство с традиционными родовыми объединениями. Однако, по сути, они стали *неформальными институтами* современного типа – сетями протекционно-сателлитных отношений, опирающимися на личную лояльность.

Кланы функционируют именно как неформальные институциональные акторы, не имея легального статуса. В массовом сознании сформировался образ «всесильной клановой системы», которая основательно пронизывает всю вертикаль власти. Одновременно преувеличивать монолитность и целостность кланов тоже не стоит: это динамичные группы. Вместе с тем игнорировать влияние кланов в условиях Северного Кавказа невозможно — иначе политическое прогнозирование теряет адекватность. Центральными механизмами функционирования кланов являются патронат (патронаж) и клиентелизм, то есть распределение благ и покровительство в обмен на лояльность. Глава клана — патрон — распределяет среди ближнего круга и родственников должности и финансы, обеспечивает защиту и неприкосновенность. Взамен клиенты (подчинённые) гарантируют верность и «решение вопросов» на местах. Патронажная вертикаль пронизывает многие сферы в регионе — от муниципалитетов до бизнеса и органов государственной власти. При формировании региональных правительств учитывается баланс между

Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05-07 декабря 2024 года / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеево. – М.: ООО «Издательство “Аспект Пресс”». 2024. – С. 92–93.

представителями разных клановых группировок, каждая из которых нацелена «прикормить» свой сектор экономики. Непотизм — семейственно-клановое фаворительство — сегодня в регионе становится обыденной практикой: родственники и земляки патрона занимают ключевые посты, образуя замкнутые сети влияния — клиентеллы. Здесь следует учитывать риски кланового перекоса в государственном секторе. Концентрация доверенных лиц вокруг одной фамилии фактически представляет собой модель персонализированного клиентелизма, в которой кадровая лояльность вознаграждается управленческими полномочиями. Это приводит к формированию параллельной системы принятия решений, где формальные процедуры подменяются кулуарными соглашениями. Клановые группы образуют сложную политическую систему, основанную на постоянных интригах, компромиссах и перегруппировках сил. Кланы могут формировать временные коалиции между собой, договариваться о разделении сфер влияния, совместно лоббировать интересы на федеральном уровне. Конфликты между кланами тоже нередки, особенно когда речь идет о перераспределении доходных должностей или денежных потоков. В таких случаях вспыхивают *партикулярные* споры, разрешаемые зачастую не в зале суда, а посредством силы, шантажа или вмешательства высшей (федеральной) власти.

Политические элиты северокавказских республик отличает выраженная *этноэлитарная сегментация*: структуры власти дробятся по этническим и клановым линиям, отражая многонациональный состав региона. В многоэтничных республиках – прежде всего в Дагестане, а также в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – исторически сложился принцип неформального разделения властных позиций между представителями разных этносов (и, как правило, связанных с ними кланов). Тут прослеживается *национально-клановый принцип* – каждая крупная этническая группа должна иметь «своих людей» в руководстве республики. Например, в Дагестане негласно соблюдался баланс: должность руководителя республики долгое время занимали попеременно представители двух крупнейших народов – аварцы и даргинцы, а ключевые министерские посты

распределялись между аварской, даргинской, кумыкской, лакской и другими элитами. Похожий подход наблюдался в Карачаево-Черкесской Республике, где президентский пост традиционно отдавался карачаевцу, а премьерское или спикерское кресло – представителю черкесского (адыгского) сообщества, либо наоборот. В Кабардино-Балкарии главой республики обычно становился кабардинец, а один из его заместителей – балкарец, что отражало двуэтническую природу региона.

Примечательно, что кланы в регионе не всегда строго совпадают с этническими границами. Бывали случаи, когда влиятельному лидеру удавалось заручиться поддержкой широкой коалиции, включавшей представителей разных народов. Так, в 1990-е годы черкесский предприниматель Станислав Дерев смог консолидировать вокруг себя значительную часть черкесского населения Карачаево-Черкесии и бросить вызов карачаевской политической элите, став мэром Черкесска и претендуя на пост руководителя республики. С другой стороны, внутри одного этноса нередко возникали несколько конкурирующих клановых группировок – например, у кумыков и лакцев в Дагестане существовали соперничающие лидеры, делившие сферы влияния. Этноэлитарная сегментация — это не примитивное деление по крови, а многонациональные союзы. Принадлежность к тому или иному клану приводит к этнической солидарности. Базовым фактором консолидации был и остаётся именно локальная, сельская, земляческо-родственная связь, позволяющая мобилизовать доверие определённой части населения. Политический процесс на Северном Кавказе долгое время представлял собой мозаичную картину сегментированных элит, которые были вынуждены постоянно договариваться друг с другом. Каждая этноклановая группа стремилась извлечь максимум ресурсов для своих клиентов и родственников, одновременно опасаясь нарушить хрупкий баланс. Неформальные элитные сделки обеспечивали относительную стабильность.

Например, в Дагестане в 1990-х — начале 2000-х годов существовал консенсус между лидерами основных народностей. Однако, периоды обострения

тоже случались: достаточно вспомнить Карачаево-Черкесию в конце 1990-х – начале 2000-х гг., где политическое противостояние карачаевского и черкесского элитных кланов привело к массовым протестам и федеральному вмешательству для урегулирования ситуации.

Хотя кланы по происхождению – структуры неформальные, за последние десятилетия они во многом приобрели устойчивые формы и встроились в систему власти, превратившись в неотъемлемый элемент политической системы. Формализация их роли понимается здесь двояко. Во-первых, сами клановые группы обрели устойчивость и внутренние правила, позволяющие им действовать по принципу организованных структур (с преемственностью лидерства, системой наказаний и поощрений, распределением ролей между членами). Во-вторых, государственные органы адаптировались к их присутствию: происходит своего рода сращивание, когда официальные должности занимают представители влиятельных семей, а неформальные договорённости становятся привычной частью политической практики.

Характерный пример институционализации – опыт Дагестана в 1990–2000-е годы. Председатель Госсовета Дагестана Магомедали Магомедов (руководивший республикой с советских времен до 2006 года) прослыл «гроссмейстером клановой политики». Он сумел встроить большинства новых постсоветских лидеров кланов в официальную власть на своих условиях: сохранил для них возможности кормления и контролируемые территории, но поставил их в зависимость от республиканского руководства. Фактически Магомедов институционализировал клановую систему через механизм *патронажа*: влиятельные семейно-земляческие группы получили квоты и посты (министра, главы района, руководителя госкомпании и т.д.), однако подчинялись «патриарху» (как его часто называли) республиканской политики. Тех же, кто отказался от интеграции или был признан непригодным, ждали репрессивные меры. Так, братья Надиршах и Магомед Хачилаевы – харизматичные лидеры лакского национального движения и по совместительству главы мощной криминально-политической группировки – в конце 1990-х гг. потеряли влияние под

давлением силовых структур. Один из братьев впоследствии был убит, другой – осужден, а их клановая организация распалась. Показательна и судьба Махачкалы: многолетний мэр столицы Дагестана Саид Амиров, создавший одну из самых сильных клиентельных сетей (по сути, личный городско-клановый «банк власти»), был арестован в 2013 году по обвинению в тяжких преступлениях. Его устранение стало, по оценкам экспертов, единственным по-настоящему *тектоническим* сдвигом в дагестанской клановой системе за последние годы. Финансово-экономическая база кланов осталась существенной и после отставки ряда старых лидеров, а сама система лишь видоизменилась, но не исчезла.

В других республиках наблюдались схожие процессы. В Чечне после окончания Второй войны клановые структуры были жестко перераспределены и подчинены, фактически произошла *монополизация* власти: Кремль делегировал полномочия в обмен на гарантии лояльности и стабильности. Действующая власть, опираясь на «своих» и союзников, встроил бывших полевых командиров и влиятельных лидеров в органы власти – в парламент, правительство, муниципалитеты – тем самым переведя вооруженные группы на положение официальных должностных лиц. Можно сказать, это особый путь институционализации: прежние конкурирующие сегменты либо уничтожены, либо кооптированы и обезврежены. Неформальные практики никуда не делись, но они персонифицированы в рамках одной пирамиды власти.

В ряде случаев клановые группы сами превращались во *властные институты* на местах. К примеру, упомянутый выше Станислав Дерев и его семья долгое время фактически контролировали мэрию Черкесска и ряд районов Карачаево-Черкесии, выполняя параллельно функции местного правительства. Другой пример – борец и бизнесмен Сагид Муртазалиев, возглавлявший отделение Пенсионного фонда РФ в Дагестане: он превратил родной Кизлярский район в свою вотчину, где его люди занимали все ключевые посты, а сам Муртазалиев стал неофициальным «хозяином» территории. Подобные анклавы, где *неформальная власть* клана почти полностью подменила официальную, были реальностью

“лихих 90-х” и 2000-х годов. Со временем федеральный центр постарался ликвидировать наиболее однозначные проявления «государства внутри государства»: Муртазалиев ныне в розыске и бежал за границу, клан Дерева утратил позиции после серии скандалов и смены руководства республики. Тем не менее *элементы институционализации* кланов сохранились: представители наиболее влиятельных семей по-прежнему присутствуют в верхах региональной власти (многие находятся там десятилетиями), а местная политика во многом сводится к взаимодействию между ними.

Следует отметить и роль федеральных реформ в трансформации клановых структур. Отмена в 2004 году прямых выборов глав регионов и переход к назначению усилила возможности Кремля вмешиваться в расклады на местах. В некоторых случаях это привело к частичной деинституционализации кланов – когда во главе республики вставал присланный «варяг» без локальной родоплеменной базы. Так произошло, например, в Дагестане: в 2013 году президентом там стал московский выходец Рамазан Абдулатипов, а в 2017-м – вовсе этнически чуждый генерал Владимир Васильев. Оба позиционировались как «разрушители клановой системы». Назначение Васильева – человека вне местных раскладов – в СМИ прямо называли началом крестового похода против укоренившихся дагестанских кланов. Однако, как показала практика, даже сильные внешние управляющие не способны мгновенно устранить неформальные структуры: Васильев провел масштабные чистки и отдал под суд ряд коррупционеров, но уже через несколько лет покинул пост, передав республику другому ставленнику центра. Клановые группы не исчезли, а лишь переформатировались, встроившись в новую вертикаль. По сути, центр добился *институционализации* кланов на своих условиях: теперь они действуют более скрытно и осторожно, стараясь не выходить за красные линии, установленные федеральными кураторами.

Для справедливости нужно отметить, что явление клановости не ограничивается только Северным Кавказом – элементы неформального патронажа и семейственности присутствуют и в других регионах России. Однако именно на

Кавказе эти процессы наиболее заметны из-за исторических, этнических и социальных особенностей.

В 2000-е годы федеральные власти все чаще вмешивались в дела северокавказских республик, стремясь ограничить автономность местных кланов, что объяснялось необходимостью борьбы с коррупцией, экстремизмом, и желанием центра усилить контроль над дотационным регионом. Так, Дагестан приобрел репутацию «региона дотаций и кланов». Кремль дальше не мог игнорировать тот факт, что коррупция и семейственность достигли там угрожающих масштабов, тормозя развитие. Назначение генерала В. Васильева в 2017 году, человека «равноудаленного от местных кланов» и не связанного родственно ни с одной из народностей Дагестана, стало сигналом решимости центра сломать прежние схемы. За этим последовала череда уголовных дел против чиновников разного уровня, связанных с прежним руководством: наблюдатели окрестили происходящее «наведением порядка» и «концом эпохи кланов». Подобные меры предпринимались и в других республиках – от отстранения долгожителей-губернаторов до смены элитных расстановок в парламенте.

Однако опыт последних лет показывает, что *полное искоренение* клановости – задача непростая. Клановые связи глубоко вплетены в ткань общества и бюрократии, и часто сами федеральные кураторы вынуждены вступать в негласные сделки с локальными группами. Более того, центр порой делает ставку на одного сильного кланового лидера, чтобы нейтрализовать остальных и тем самым упростить управление. В Чечне ставка была сделана на главу региона, в Ингушетии долгие годы федеральный центр поддерживал генерала Юнус -Бека Евкурова, противопоставляя его альтернативным влиятельным фамилиям. В итоге складывается компромисс: включение кланов в политическую систему происходит не путём их устранения, а через переподчинение вертикали власти. Кланы продолжают существовать, но играют по правилам. Если же они нарушают условия лояльности, следует показательная акция устрашения, как случилось, например, с дагестанским мэром С. Амировым.

В общероссийском масштабе клановость Северного Кавказа можно рассматривать как частный случай феномена *неопатримониализма*, присущего многим постсоветским режимам. Отличие лишь в том, что на Кавказе патримониальные отношения опираются на реальные кровнородственные и земляческие узы, придающие им особую стойкость. В других регионах России «кланы» скорее носят характер бизнес-групп или бюрократических фракций, которые могут конфликтовать, но не имеют той же социальной природы, что тайпы или тухумы. Тем не менее принципы клиентелизма, взаимной ответственности и распределения ресурсов «для своих» – универсальны. Поэтому борьба с клановостью на Северном Кавказе во многом созвучна общероссийской задаче построения правового государства: требуется замещение неформальных правил формальными, переход от *партикуляризма* к *универсализму* в принятии решений. Этот переход затруднен, но постепенная эволюция уже заметна. Например, расширение присутствия федеральных политических партий, развитие гражданского общества и независимых СМИ даже в кавказских республиках создают альтернативные центры влияния, вне контроля традиционных семей.

Подводя итог, можно констатировать: северокавказские кланы вписаны в политическую систему России как своеобразные агенты гибридного типа: они удерживают региональную стабильность, мобилизуя ресурсы и людей по неформальным каналам, но одновременно представляют вызов принципам государственной модернизации. Федеральный центр лавирует между сотрудничеством с этими неформальными акторами и попытками их трансформации, что делает Северный Кавказ лабораторией по выработке модели взаимоотношения государства и традиционного общества в современных условиях.

Феномен кланов на Северном Кавказе представляет собой яркий пример взаимодействия традиционных социально-культурных структур с современной политической системой государства. Анализ показал, что превращение родоплеменных объединений во влиятельные субъекты власти – процесс многогранный, включающий адаптацию неформальных норм к новым условиям,

сращивание патриархальных связей с бюрократическим аппаратом и формирование гибридных моделей управления. Трансформация происходит на фоне общей эволюции постсоветской политической системы России, где формальные демократические механизмы сосуществуют и порой конфликтуют с неформальными практиками клиентелизма, патримониализма и партикуляризма.

С теоретической точки зрения северокавказские кланы можно рассматривать как разновидность неформальных структур, чьё функционирование устойчиво повторяется и предсказуемо влияет на исход политических процессов. Подобно другим неформальным механизмам, кланы заполняют ниши, оставленные вакуумом формальных правил, и обеспечивают определённую предсказуемость (например, передачу власти или распределение ресурсов по понятным участникам схемам). Деятельность клановых и этнократических групп строится исключительно на системе взаимных обязательств, лояльности и обмена уступками, что сближает их с логикой функционирования патрон-клиентских сетей. В клановых взаимодействиях на Северном Кавказе отчётливо виден рудимент традиционного общества: иными словами, на первый план выходят кровные узы и землячество, то есть они имеют гибридную природу. Прослеживается сплав, симбиоз модернизационных и архаических элементов: современные органы государственности (главы республик, парламенты, суды) функционируют, но одновременно наполняются содержанием через неофициальные соглашения между «старейшинами» — будь то реальные аксакалы или новые неформальные лидеры, религиозные авторитеты и др.

Важным вопросом политической науки сегодня является оценка влияния неформальных институтов на стабильность и качество государственного управления: какую роль они играют в большей степени — стабилизационную или деструктивную? Или, быть может, их существование обусловлено тем, что «не с

кем договариваться» в рамках формальных институтов?[169]. Кланы Северного Кавказа иллюстрируют двойственную природу. С одной стороны, они могут повышать устойчивость системы в краткосрочной перспективе: выступая посредниками между обществом и государством, клановые лидеры способны мобилизовать поддержку, предотвратить открытые бунты, быстро “разрулить” локальные конфликты, опираясь на авторитет в своей группе. Исторически именно клановые структуры во многом предотвратили полный коллапс управления на Кавказе в 1990-е гг., взяв на себя функции поддержания порядка на местах. С другой стороны, долговременное господство кланов в политике ведет к *делегитимации* власти в глазах граждан и стагнации институтов. Исследования фиксируют прямую связь между уровнем клановости, коррупции и общественным недовольством: там, где власть воспринимается как «чужая» для простых граждан и замкнутая на узкий круг семей, растут протестные настроения, усиливается антагонизм в обществе. Клановая система порождает системную аномию – размывание формальных норм, что в долгосрочной перспективе препятствует развитию эффективного управления и экономики. С точки зрения *институциональной теории*, клановость выступает фактором, снижающим качество формальных институтов (верховенства права, демократическая подотчетность), хотя и выполняющим компенсаторную роль при их слабости.

Другой значимый теоретический аспект – проблема *легитимности* власти в условиях клановой политики. По Веберу, легитимность может базироваться на традиции, харизме или рационально-правовом порядке. Северокавказские режимы пытаются сочетать традиционалистскую легитимацию (через апелляцию к обычаям, уважение к старейшинам, этнический баланс) с элементами рационально-правового государства (конституции, выборы, законы). Однако на практике ни один из этих принципов не реализуется полностью: выборы часто носят квазисоревновательный характер, законы применяются избирательно, а

---

[169] *Борисов Н.А.* Пятилетие «Цветных революций»: последствия «Навязанных размежеваний» // Социология власти. – 2010. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pyatiletie-tsvetnyh-revolyutsiy-posledstviya-navyazannyh-razmezhevaniy (дата обращения: 29.11.2023).

традиционные нормы иерархии и справедливости тоже искажаются корыстными интересами. Возникает *гибридная легитимность*, когда власть держится на сочетании страха, материального поощрения и апелляции к стабильности. Кланы в этом контексте играют роль посредников легитимации: они “переводят” требования центра на язык местных лояльностей и одновременно обеспечивают для центра видимость поддержки снизу (например, организуя высокие проценты на выборах за нужных кандидатов с опорой на свой клиентельный ресурс). Теоретически это перекликается с моделями *неопатримониального государства*, где формализованные структуры служат ширмой для неформальных отношений власти. Северный Кавказ демонстрирует, что такая модель может быть удивительно живучей: она воспроизводится даже при давлении модернизации, изменив лишь внешний облик.

Вместе с тем, трансформация традиционных структур в акторов – не статичный, а *динамичный процесс*. Современные тренды указывают на постепенное уменьшение роли кланов по мере того, как укрепляются государственные институты (или по крайней мере их присутствие). Как отмечал К. Казенин, клановая система на Кавказе не уходит корнями в «глубины веков», а выросла из реалий 1990-х гг., и в ближайшем будущем она обречена на упадок независимо от желаний Москвы. Уже сейчас заметно, что новое поколение северокавказской молодежи менее лояльно к традиционным авторитетам и более ориентировано на общероссийские ценности или религиозно-идеологические альтернативы. Такая ситуация ставит кланы перед вызовом: либо адаптироваться, формально оформиться (например, превратив свои сети в политические партии, общественные движения, бизнес-ассоциации), либо постепенно утратить влияние. Отчасти мы уже видим попытки такой адаптации – представители клановых элит стремятся придать своим действиям легальный облик, участвуя в выборах, создавая фонды, ссылаясь на язык закона. Но полностью избавиться от *непрозрачности* и *патронажа* нелегко: слишком велика инерция сложившихся практик.

Для общероссийской политики преобразование клановых структур на Кавказе имеет важное значение: это проверка способности государства установить универсальные «правила игры» на всей территории при сохранении культурного многообразия. Если северокавказские республики сумеют эволюционировать к модели, где родственные связи не будут определять судьбу институтов, а теневые акторы трансформируются в прозрачные общественно-политические организации, это станет успехом как региональной, так и федеральной политики. В противном случае сохраняющиеся очаги клановости будут и далее выступать источником коррупции, конфликтов и угроз единству правового поля страны. Современная политическая наука предлагает различные рецепты – от постепенной *регламентации* (создания правил, заставляющих кланы соревноваться цивилизованно) до радикальных чисток и замены элит. Российская практика, скорее всего, пойдет эволюционным путем: шаг за шагом внедряя элементы верховенства права, повышая прозрачность управления и тем самым подтачивая материальную базу кланового могущества.

В последние десятилетия этнические, трайбальные структуры (кланы) подверглись трансформациям под влиянием множества политических, экономических, социокультурных изменений. Исследовательский вопрос заключается не только в том, каким образом северокавказские кланы сохраняют свои позиции, но и в том, как они эволюционируют, интегрируясь в формальные политические органы в итоге превращаясь в политических акторов, напрямую или опосредованно вовлечённых в процесс принятия решений на региональном и федеральном уровнях[170].

Кланам можно дать следующее определение – это устойчивые социальные группы, сложившиеся на базе кровнородственных, этнических, религиозных или территориальных связей, поддерживающиеся общими партикулярными

---

[170] *Гаджиев М.М.* Специфика патронажной модели межнациональных отношений: основные характеристики и особенности реализации на примере Северного Кавказа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – №. 7. – С. 119–122.

интересами и взаимной лояльностью. В традиционном понимании клан можно определить как некую замкнутую систему родственных отношений, в которой авторитет, влияние передаются по родовым линиям. В политическом контексте кланы могут выходить за рамки родоплеменных структур, интегрироваться в политические и экономические союзы, формируя сети влияния и занимая позиции в управлении и распределении ресурсов.

Социальная структура народов Северного Кавказа – крайне многослойная и многоаспектная система отношений, отличающееся высокой степенью дифференциации. Каждая республика характеризуется собственными уникальными формами социального устройства и историко-культурным контекстом, наполненной этническими и религиозными особенностями. Здесь благоразумно говорить о специфике социокультурной стратификации, сформированной на протяжении многих веков: это результат как внутренних процессов, так и внешнего воздействия, которому Кавказ был подвержен реалиями истории.

Одним из наиболее ярких примеров социальной сегментации и стратификации на Северном Кавказе можно выделить Дагестан. Социальная организация жизни в регионе построена вокруг этнических институтов, и тухумов – крупных родственных объединений, которые участвуют аккумулировании и в распределении ресурсов. Подобная форма организации характерна, в основном для аграрных, патриархальных обществ. Тухумы в Дагестане можно рассматривать как элементы неформальной политической структуры, они важны не только для понимания основ локальной политики, но и для понимания механизмов социального контроля[171].

Чеченскую Республику, в свою очередь, можно выделить специфической системой тайпов – родовых кланов, являющиеся социальными единицами в традиционной структуре чеченского общества. Тайпы не только определяют социальную идентичность индивидов, но и служат базой для социальной

---

[171] *Дейнека А.И.* Социально-политические размежевания электорального пространства: на материалах Юга России: дисс. … к. полит. н. – Краснодар. − 2012. − 223 с.

солидарности. В политологическом контексте тайпы можно рассматривать как архаичные формы социального устройства, которые продолжают оказывать влияние на политические, экономические процессы в республике, хотя в последнее время всё в меньшей степени. Сегодня элементы клановой структуры чеченского общества выстроены, в первую очередь, вокруг территориальной специфики, а политические кланы, за небольшим исключением, в рамках родственных связей.

В Ингушетии система социальной организации общества также имеет особенности – фамильность – понятие, включающее в себя родственные связи, и в основе определенной фамилии стоит тайп. Фамильность в ингушском обществе можно рассматривать как фактор социальной идентификации, в меньшей степени как фактор взаимодействия. В отличие от тукумов и тайпов, фамильные связи в Ингушетии имеют более узкую направленность. Однако это не умаляет их значения в социально-политических процессах Ингушетии.

В республиках Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии социокультурная сегментация проявляется через доминирование титульных национальностей, в основном двух. Национальные элиты, формирующиеся в рамках этих обществ, проявляются в сильной конкуренции. Безусловно, их можно рассматривать как главный компонент неформальной политической системы, влияющего на процессы организации власти, локальные конфликты и на общественное мнение. Тут этничность становится важным ресурсом для политической мобилизации.

Северная Осетия, хотя и не имеет столь ярко выраженной социальной структуры, как другие республики региона, также демонстрирует свою специфику, выраженную в существовании субэтнических групп: иронцы, дигорцы и кударцы. В данном случае можно говорить о наличии субэтнической идентичности.

Ставропольский край, несмотря на относительно низкий уровень кланового влияния по сравнению с соседними республиками, но несет в себе элементы клановости. В регионе нет таких выраженных форм социального сегментирования, но здесь всё же присутствуют неформальные социальные связи. Ставропольский

край можно рассматривать как регион, где традиционные практики трансформируются, адаптируясь к современным условиям.

В рамках географических границ данного исследования внимание можно уделить анализу наиболее влиятельных фигур и крупных кланов на Северном Кавказе, где межклановые отношения в разной степени определяют современный политический процесс. В частности, эксперты выделяют несколько доминирующих клановых группировок, влияющих на принятие решений в республиках. В Дагестане клановая система имеет особенно ярко выраженный характер, здесь можно выделить такие влиятельные группы как клан «Амировых», который на протяжении многих лет занимал значительные позиции в политической жизни республики, особенно в Махачкале. Клан «Умахановых» – этот клан, по мнению многих опрошенных экспертов, обладает весьма обширными связями на региональном уровне, что позволяет ему оказывать влияние на решение вопросов управления республикой во многих сферах. Также выделяется «Аварская группа Шамхалов», «Гунибская группировка», возглавляемая в свое время такими известными фигурами, как Даниялов и Юсупов. Выделяют клан «Хунзахская группировка» под руководством Алиева, «Тляратинская группировка», где доминирует Р. Абдулатипов, и «Казбековская группировка» под управлением Махачева. Каждая из них занимает свои собственные ниши в политической и экономической жизни республики. В числе наиболее влиятельных персон Дагестана следует выделить Сулеймана Керимова — в прошлом сенатора РФ, миллиардера, активно участвующего в политической жизни Дагестана. Более того, это фигура федерального значения: крупный предприниматель, чьи интересы простираются далеко за пределы республики. Ещё один важный игрок на политической сцене — Сайгидпаша Умаханов, депутат Государственной думы, который также активно участвует в формировании политики региона (все опрошенные эксперты называли его фамилию). Эти два примера ярко иллюстрируют трансформацию клановых связей в мощные политические и лоббистские структуры.

В Республике Ингушетия представлено большое количество влиятельных кланов и групп давления. Среди них можно выделить клан «Калиматовых» во главе с главой региона, клан «Цечоевых», «Костоевых», которые задействованы в политической жизни республики и контролируют ряд административных позиций.

В Кабардино-Балкарии клановая система представлена такими группами, как «Коковы», которые на протяжении многих десятилетий, практически на наследственной основе, занимают важные государственные посты. В регионе особенно сильны «Матримониальные кланы», представляющие собой своеобразный альянс нескольких крупных семейных группировок. Важными акторами остаются и «Баксанская партия», «Урваньская партия», «Зольский клан» и «Бабаевский клан», каждый из которых занимает важное место в экономической и политической структуре региона.

Этнополитическая ситуация в Северной Осетии – Алания в целом отражает сложное взаимодействие различных исторических, этнических, религиозных и социально-экономических факторов, присущих для всего Северного Кавказа[172]. Но можно выделить следующие характерные для региона аспекты:

– политическая элита региона обладает специфическими характеристиками, это, в первую очередь, зависимость от кланово-родственных связей, а также она имеет сетецентричный характер организации и функционирования. Связи функционирования, выживания формируются на основе территориального и семейного принципов, включая выходцев из одного ущелья, односельчан и родственников. Здесь формирование элиты в большей степени зависит от неформальных отношений и поддержки, чем от профессиональных достижений или финансовых ресурсов. Как особенность элит Северной-Осетии можно выделить важность наличия заслуг, в первую очередь, на федеральном уровне, а потом вхождение в региональные органы власти;

[172] *Батагова Л.Х.* Терроризм на Северном Кавказе: исторические выводы и поиски адекватных ответов (1991–2010 гг.): дисс. … к. ист. н. – Владикавказ. − 2010. – 206 с.

- роль парламента. Парламент в республике, по сведениям, полученным в этом регионе, выполняет скорее формальную, декоративную функцию и служит, в определенной степени, «лакуной для создания видимости элитарности». Реальная политическая субъектность парламента весьма ограничена, наблюдается слабая автономия в принятии решений;
- политическая стабильность и доверие к власти. Нынешний глава республики С.И. Меняйло, по словам экспертов, пользуется относительно высоким уровнем общественной поддержки, особенно по сравнению с его предшественниками. Одновременно, влияние федерального центра остаётся доминирующим, многие решения принимаются на уровне Москвы.

В целом, политическая ситуация в Северной Осетии характеризуется сочетанием институциональной слабости, клановой организации элит, этнической и религиозной фрагментации[173].

Клановая структура Карачаево-Черкесии занимает центральное место в социальной и политической жизни региона, нарушение паритета или представленности титульных наций в органах государственной власти может даже приводить к острым политическим кризисам[174]. Степень влияния родственно-сетевых групп на региональное управление и распределение ресурсов делает анализ клановой структуры одним из важных направлений изучения политической специфики Карачаево-Черкесии. В республике сложился особый баланс между карачаевскими, черкесскими, абазинскими и русскими элитными группами, каждая из которых занимает собственное место в системе власти и экономики. Значение этноэлит в первую очередь определяется не только доступом к административным и иным

---

[173] *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В. и др.* Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. – 2021. – Т. 8. № 2. – С. 2154.

[174] Сидаков А.М. Динамика развития и рекрутирования российской политической элиты / А.М. Сидаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 4. – С. 272–281.

ресурсам и позициям, но и способностью аккумулировать этномобилизационный потенциал.

Среди наиболее заметных групп в Карачаево-Черкесии эксперты выделяют семью Темрезовых — карачаевский сегмент республиканской элиты, занимающий центральное положение в политической системе региона. Поддержка на федеральном уровне и административный ресурс способствуют сохранению устойчивого ядра вокруг действующей власти, главы региона.

К карачаевскому элитному сегменту относится и семья Салпагаровых. Ахмат Салпагаров представлен в Народном собрании республики.

Семья Баташевых воспринимается преимущественно как экономически значимая группа. Её влияние связано в первую очередь с предпринимательской активностью, финансовыми ресурсами и участием в хозяйственной жизни республики и бизнес-структурах при более ограниченном прямом политическом присутствии.

Черкесский сегмент региональной элиты представлен семьёй Аргуновых. Мурат Аргунов занимает пост председателя правительства Карачаево-Черкесии. По оценкам экспертов, политическое влияние группы сегодня менее выражено по сравнению с рядом других элитных объединений.

Семьи Деревых и Арашуковых ранее рассматривались как одни из наиболее влиятельных, если не сказать самых влиятельных, черкесских групп. В последние годы их позиции заметно ослабли.

Абазинский сегмент представлен семьёй Экзековых, известной экономическими проектами и участием в формировании отдельных направлений региональной повестки.

Отдельное место занимает семья Ивановых, представляющая русский сегмент политической элиты Карачаево-Черкесии; их даже называют русским кланом. Александр Игоревич Иванов, занимающий должность председателя парламента, демонстрирует преемственность политических позиций внутри семьи, поскольку его отец тоже был председателем парламента.

Клановая система сохраняет важное значение и для политической структуры Ингушетии: родственные, тайповые, фамильные и патронажные связи заметно воздействуют на формирование региональной элиты, кадровую политику и работу государственных органов. Политическая конкуренция в республике разворачивается не между партиями или институтами, а между группами, обладающими разной степенью общественного авторитета.

Ахмед Исаевич Мальсагов занимает особое место в политической истории Ингушетии. Его деятельность связывается с личной харизмой и способностью к публичной мобилизации. Подчёркивали его умение обращаться к массовым настроениям в сложные периоды.

Али Яхьяевич Богатырёв, занимавший должность министра земельных и имущественных отношений, ассоциируется с управленческим опытом в сфере собственности.

Михаил Сафарбекович Гуциев — одна из наиболее известных и ярких фигур Ингушетии на федеральном и международном уровне. Семья Гуциевых считается одной из самых богатых семей в стране и участвует в благотворительных проектах региона. В современной политической конфигурации Гуциев воспринимается обществом скорее как символическая и ресурсная фигура, чем как непосредственный участник текущего регионального управления, в силу возраста.

Белан Багаудинович Хамчиев выделяется как самостоятельная фигура в ингушской политике. Опыт работы сенатором и председателем правительства закрепил за ним образ управленца.

С руководящими позициями в Ингушетии традиционно связываются семьи Точиевых, Мальсаговых, Аушевых и Евлоевых, хотя степень их политической активности различается. Точиевы известны связями в правительственных кругах и присутствием в экономической сфере. Мальсаговы представлены в исполнительной и законодательной власти — один из заметных элементов региональной элиты. Аушевы имеют высокий политический символизм, в первую очередь благодаря фигуре Р. С. Аушева и его роли в истории республики. Евлоевы, несмотря на широкую

представленность в регионе (высокую численность), обладают влиянием, которое в большей степени связано с родственными и социальными связями, чем с контролем над политическими институтами.

Костоев Иса. Бывший прокурор и помощник главы республики, Костоев является представителем системы, где влияние определяется не только личными достижениями, но и родственными связями. Его семья, включая сына, занимающего пост начальника управления судебных приставов, остается примером того, как родственные связи влияют на карьерный путь в регионе.

Помимо уже рассмотренных форм легитимизации элит, необходимо также учесть механизмы институционализации коллективной памяти, как важный символический ресурс. В этом контексте особенно значимой является концепция Пола Коннертона. Он в своей классической работе *«How Societies Remember»* (1989)[175] предлагает рассматривать память как культурно и социально конструируемый феномен, поддерживаемый через коллективные ритуалы и телесные практики. Его основной вопрос: «Каким образом группы «помнят» свое прошлое, как передаётся и закрепляется социальная память внутри сообщества?» Коннертон утверждает, что если вообще можно говорить о некой *«социальной памяти»*, то искать её следует прежде всего в практиках публичного воспоминания: «*If there is such a thing as social memory… we are likely to find it in commemorative ceremonies*». То есть, общая для группы картина прошлого живёт не только в текстах или индивидуальных воспоминаниях, но воплощена в совместных церемониях и обрядах, через которые сообщество регулярно переживает и транслирует свою историю. Центральная идея Коннертона – память укоренена в теле и *практикуется* через повторяющиеся действия. Он подчёркивает, что ритуалы памяти действенны постольку, поскольку они исполняются как повторяемые телесные практики. Как пишет Коннертон, «*commemorative*

[175] *Connerton P.* How Societies Remember [Электронный ресурс]. Cambridge: Cambridge University Press. – 1989. – 121 p. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/how-societies-remember/6CC86C87803676EB0559C10E0E228CC4 (дата обращения: 02.05.2025).

ceremonies prove to be commemorative only in so far as they are performative. Performativity cannot be thought without a concept of habit; and habit cannot be thought without a notion of bodily automatisms»[176]. Получается, что ритуал становится актом памяти лишь когда он реализуется в исполнении, исполнение опирается на привычку, а привычные действия укоренены в “телесных автоматизмах” – неосознанных навыках и жестах. Коллективная память, по Коннертону, носит, по сути, *телесный* характер: сообщества “помнят” прошлое, повторяя телодвижения, позы, церемониальные практики, из поколения в поколение. Так, в ритуалах воспоминания о прошлом огромную роль играет формализованное повторение одних и тех же действий – именно это придаёт церемониям свойство *перформативности*, благодаря которой они служат механизмом закрепления памяти.

Согласно подходу Коннертона, историческая память сохраняется не сама по себе, отдельно, а через устойчивые институциональные и культурные механизмы — церемонии, традиции, образовательные практики, — которые постоянно «напоминают» обществу о прошлом. Радикальные изменения политического курса или даже попытки «порвать» с прошлыми травмами сталкиваются с инерцией ранее укоренённых воспоминаний.

Коннертон отмечает, что ни одна новая власть не может начать с чистого листа. Его цитата: «The attempt to establish a beginning refers back inexorably to a pattern of social memories». К примеру, даже революционный режим и новые элиты, провозглашающие полный разрыв с предшественниками, вынуждены основываться на уже знакомых (понятных) аудитории символах и образах.

К примеру, Коннертон пишет, что Французская революция, желая утвердить «новое начало» и обновить всю систему, прибегла к театрализованному судебному ритуалу казни короля — то есть фактически к инверсии предыдущих коронационных церемоний. Получается, что новый порядок легитимируется через символическое переосмысление старого, «бывшего» порядка.

---

[176] *Указ. соч. 179*

Тем самым можно сформулировать мысль Коннертона так: всякое учреждение нового сопровождается отсылкой к уже имеющимся коллективным воспоминаниям — будь то их повторение или демонстративное «отречение» от них. В своих трудах Коннертон обращает внимание на намеренное конструирование и стирание (национальной) памяти как орудие власти, как инструмент управления. Институциональная передача памяти включает механизмы забвения: нежелательные для правящей элиты элементы прошлого могут целенаправленно вытесняться из публичного пространства, замалчиваться или намеренно критиковаться. Подход Коннертона релевантен для анализа властных практик на Северном Кавказе, так как государственная политика памяти после военных конфликтов и эскалации старых этнополитических и территориальных точек напряжённости является важнейшим каналом легитимации новых политических порядков.

Например, в Чечне после окончания активной фазы вооружённого конфликта последовательно выстроена регламентированная система политических ритуалов и нарративов, которая закрепляет интерпретацию причин и последствий войны (российско-чеченского конфликта) как «трагедии, преодолённой при поддержке центра», а лояльных центру властных акторов — как спасителей. Мемориальные комплексы, мечети, проспекты, школы, улицы, названные в честь политиков, парады, массовые молитвы и официальные митинги — всё это служит не только риторическим оформлением, но и телесным воспроизведением новой нормы прошлого (по Коннертону).

Аналогичные этнополитические процессы можно наблюдать и в других регионах СКФО. В Ингушетии, несмотря на меньшую интенсивность конфликта (осетино-ингушский конфликт 1992 г.), символическая политика власти после 2010-х гг. строилась на культивации памяти о депортации 1944 года как центральном элементе национальной идентичности — в школьных уроках, торжественных митингах 23 февраля, а также в музейной и монументальной политике. Региональная власть и граждане борются за контроль над ритуалами

памяти, поскольку именно они определяют, какие нарративы получают институциональное сопровождение в социуме. Коннертон подчёркивает, что «всякое учреждение нового сопровождается ссылкой на уже имеющиеся коллективные воспоминания — либо через их инверсию, либо через символическое продолжение»[177].

В Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии тоже наблюдаются устойчивые попытки государственной нормализации исторической памяти через телесно-ритуальные формы: празднование Дня народного единства, мемориальных церемоний, связанных с депортацией. Например, 8 марта — день депортации балкарского народа в КБР — стал важнейшим элементом этнополитического возрождения и точкой начала новых дискуссий. Несмотря на то, что ритуалы памяти выполняются в рамках формата официального траура, в них всегда содержится политическая импликация, связанная с перераспределением символического капитала внутри республиканской элиты.

Например, в современной политической повестке циркулирует множество конкурирующих мифов об аланском наследии, способных порождать новые очаги межрегиональной этнополитической напряжённости. Конкурирующие версии происхождения приобретают особую остроту по мере политизации межэтнических отношений, что ярко проявляется в Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Ингушетии, где «аланское» прошлое становится маркером статуса и символом исторических прав на территорию[178].

Перспектива Пола Коннертона позволяет по-новому интерпретировать трансформацию символических ресурсов власти в постконфликтной Чечне. После завершения чеченских войн официальная власть развернула масштабную политику памяти, опирающуюся на перформативные практики. В публичной культуре были

---

[177] *Connerton.* – 1989. – P. 12

[178] *Медушевский Н.А.* Территория как фактор этногенеза и принципы территориального разобщения и воссоединения этнической группы // Власть. – 2025. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/territoriya-kak-faktor-etnogeneza-i-printsipy-territorialnogo-razobscheniya-i-vossoedineniya-etnicheskoy-gruppy (дата обращения: 12.05.2025).

институционализированы новые ритуалы: памятные даты, государственные праздники, церемонии чествования «героев» и «жертв» войны, открытие мемориалов и мечетей, названных в честь лояльных режиму фигур. Коммеморативные практики выполняют функцию вытеснения прежних нарративов (например, памяти о лидерах сепаратизма или о политических репрессиях) и утверждения новой легитимности власти. Далее, следуя логике Коннертона, власть «переписывает» прошлое не только словами, но и через действия, поступки. Ежегодные массовые мероприятия — празднование Дня народного единства, траурные митинги, религиозные праздники, акции под эгидой государства — функционируют как перформансы и пытаются закрепить нужные смыслы на телесно-эмоциональном уровне. Новые привычки коллективного почитания одних символов (чествование погибших силовиков как мучеников) и забвения других (запрет на публичное упоминание прошлых лидеров) формируют изменённую, отформатированную «социальную память» о войне. При этом сама аудитория невольно усваивает эту память через участие в заданных церемониальных формах. Как подчёркивает Коннертон, повторяемые ритуалы создают эффект непрерывности и обще значимости определённых образов прошлого, превращая их в капитал символической легитимации. В случае Чечни власть конструирует повествование, где военный конфликт представлен как преодолённая трагедия и триумф новой стабильности, и это повествование закрепляется *телесно* – через архитектуру (мечети, музеи памяти), через массовые праздники, через систему образования (школьные уроки истории, воспитывающие лояльность).

Используя подход Пола Коннертона, мы видим, что борьба за власть после конфликта во многом становится борьбой за память, за контроль над тем, какие события и герои будут *ритуально вспоминаться*, а какие уйдут в небытие. Социальная память выступает стратегическим ресурсом, она может быть преобразована институционально (через политику государства) и воспроизводится *культурно* – в привычках и ритуалах повседневной жизни, которые либо укрепляют, либо подрывают легитимность новой власти.

Заключение. Клановые образования на Северном Кавказе возникли как адаптивный механизм традиционного общества в ответ на ограниченную эффективность государственной организационной системы. Со временем они эволюционировали в сложные социально-политические конфигурации, способные не только сосуществовать с официальной властью, но и проникать в её структуру. В условиях переходного периода подобные образования обеспечили относительную устойчивость, но с течением времени превратились в фактор инерции, сдерживающий институциональное обновление. Их текущая трансформация остаётся незавершённой: одни элементы постепенно закрепляются в качестве устойчивых норм, другие теряют значимость и уходят с политической сцены.

Анализ этого феномена даёт дополнительное основание для переосмысления теорий политических переходов: он демонстрирует, что альтернативные формы социального порядка способны выполнять как стабилизирующую, так и блокирующую функции по отношению к реформированию и развитию. В контексте российской государственности опыт Северного Кавказа подчёркивает необходимость тонкой настройки между уважением к региональной социокультурной специфике и продвижением универсальных принципов правопорядка и равноправия. Только при достижении подобного баланса возможно интегрировать традиционные формы организации в современную модель общественно-политических отношений – либо заменить их более эффективными структурами, соответствующими вызовам текущей эпохи.

Обоснована методология, позволившая эмпирически вскрыть действительные механизмы власти региональных элит Северного Кавказа и оценить их ресурсы. Методологическим решением стала комбинация структурно-позиционного анализа, ресурсного подхода и триангуляции — такой комплекс. Структурно-позиционный анализ фиксирует формальную иерархию, а ресурсный анализ выявляет капитал (экономический, административный, информационный, символический и сетевой) и стратегии активности элит. Именно такое методологическое решение продиктовано особенностями самого объекта

исследования. Северокавказские элиты действуют в гибридном пространстве и имеют сложную (многослойную) структуру, поэтому формальные институты тесно переплетены с патронажно-клановыми сетями и религиозно-культурными нормами. Применение монотеоретической схемы, ограничивающейся формальными регистрами, не способно охватить всю структуру элит.

Структурно-функциональный анализ позволил зафиксировать «скелет» власти, ресурсный подход демонстрирует обладание ресурсами, а триангуляция интегрирует все уровни анализа, в итоге создавая целостную трёхмерную картину. Можно сказать, каждый метод усиливает другие: к примеру, данные о бюджетных потоках подтверждают интервью экспертов, а кейсы харизматического лидерства иллюстрируют количественные корреляции между медиа влиянием и электоральной поддержкой. Методология не просто описывает статическое распределение должностей, а реконструирует процесс конверсии ресурсов в политическое господство.

Результаты, полученные с помощью описанного инструментария, подтвердили главные теоретические предположения диссертации. Во-первых, продемонстрирована главная зависимость реального влияния от ресурсной базы и неформальных сетей – формальные титулы без доступа к капиталам оказываются «пустыми оболочками». Во-вторых, установлено, что экономический и административный ресурсы взаимно усиливаются лишь при наличии информационного и символического сопровождения, созидающего легитимность в глазах целевой аудитории. Так, лидеры, контролирующие местные медиа и имеющие поддержку религиозных авторитетов, значительно расширяют собственную власть, даже если их формальные полномочия ограничены. В-третьих, эмпирически зафиксирована гибридная природа северокавказской модели управления. Модернизированная бюрократическая вертикаль пронизана клановыми договорённостями, а ключевые назначения по-прежнему зависят от патрон-клиентных соглашений, что объясняет устойчивость «двойного» характера власти.

Методологическая строгость обеспечена операционализацией шести критериев «элитности»: влияния на стратегические решения, доступа к ресурсам, легитимности, наличия привилегий, устойчивости статуса и компетентности. Разработанная автором метрика позволила соотнести формальные должности с фактической властью, выявить скрытые «центры силы» и проследить динамику их укрепления или ослабления. Проверка критериев на выборке из нескольких субъектов показала, что степень элитности теснее коррелируется с сетевым капиталом и контролем над символическими ресурсами, чем с официальным ранговым статусом.

Обоснованность выбранной методологии подтвердили и возможности прогнозирования. На основе ресурсно-сетевых показателей можно заблаговременно идентифицировать зоны потенциального конфликта, где дисбаланс между экономическим влиянием и символической легитимацией создаёт риск элитного раскола. Практическая применимость модели проявилась в рекомендациях по снижению напряжённости, к примеру: усиление прозрачности бюджетного распределения, институциональные механизмы обратной связи с религиозными и общинными лидерами, а также поддержка местных медиаплощадок для диверсификации информационных потоков.

Выводы по главе 2. Можно сказать, что вторая глава представила систематическое описание ресурсной архитектуры северокавказских элит, а также показала, что предложенный интегральный подход позволяет проводить воспроизводимую и верифицируемую процедуру анализа. Без многоуровневого инструментария было бы невозможно выявить скрытые закономерности, а без убедительных выводов методологическая конструкция осталась бы только гипотезой. В совокупности полученные данные обогащают теорию элитологии, демонстрируя, как универсальные концепты обретают объяснительную силу в полиэтничном и сетевом контексте Северного Кавказа, и дают прикладной инструмент для оценки власти в других сложных регионах.

ГЛАВА 3. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

3.1. Исследование функционирования политических элит в субъектах Северо-Кавказского федерального округа

Этнополитическая динамика на Северном Кавказе – сложный, комплексный процесс, сочетающий разнообразие этнических, культурных, религиозных и социальных факторов. В регионе проживает множество народов с различным историческим опытом и традициями, политические элиты формируются и развиваются под воздействием множества переменных: этнокультурные факторы, социально-экономические условия, институционально-правовая среда, исторические и политические традиции, внешние влияния и конфликты, уровень безопасности и стабильности.

В настоящее время межэтнические и этнополитические отношения в СКФО сохраняют относительную стабильность. Существенную стабилизирующую роль играют не только региональные органы власти, но и национально-культурные объединения, религиозные организации, национально-культурные автономии, советы старейшин, общественные активисты, структуры Русской православной церкви и муфтияты. Они поддерживают межобщинный диалог, снижают конфликтный потенциал и удерживают баланс между различными этническими и конфессиональными группами, что особенно актуально в условиях Северного Кавказа[179].

Важнейшими конфликтогенами остаются так называемые «тлеющие» точки этнополитической напряжённости («национальные проблемы»): черкесский, ногайский, ауховский и кумыкский вопросы. Они систематически приобретают эмоционально-политизированный характер: в любой момент можно надавить на

[179] Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. – М.: ИЭА РАН. − 2021. – С. 5–9.

них — и начнётся очередное столкновение этнических групп. Можно выделить негативные последствия осетино-ингушского конфликта — территориальный спор, который эволюционировал даже в формы оспаривания национальной истории. Особое значение приобретает негласное этническое квотирование, фактически этнократическое управление, когда федеральный центр поддерживает баланс между этническими элитами. Однако постепенно это приводит к «титулизации» власти и ограничению политического участия нетитульных групп, прежде всего русского населения[180].

Кроме того, в общественном и медийном дискурсе региона присутствуют проявления агрессивного национализма и религиозного экстремизма, а также попытки создания этнически однородных территорий. Важным фактором, влияющим на региональную стабильность, является слабое распространение российской гражданской идентичности[181], воспринимаемой частью населения как угроза традиционным этническим и религиозным ценностям. В результате этнокультурная и конфессиональная специфика Северного Кавказа требует комплексного подхода к управлению региональными процессами и осмыслению роли политических элит в их стабилизации.

Глубокий и комплексный анализ совокупности факторов и условий, определяющих генезис и функционирование региональных политических элит, является важной исследовательской задачей. Её решение предполагает не только вторичное изучение уже опубликованных материалов, но и использование первичных эмпирических данных, полученных в ходе полевых и экспедиционных исследований, а также применение методов включенного анализа. В свете сказанного, в августе-сентябре 2024 года была проведена научная экспедиция «Исследование процессов становления, развития, эволюции и функционирования

---

[180] Там же.

[181] *Бетильмерзаева М.М.* Роль государственно-цивилизационной идентичности в формировании региональной идентичности // Российская самобытная государственно-цивилизационная идентичность как ресурс общества в условиях современных вызовов: материалы всероссийской научно-практической конференции, Майкоп, 27-28 сентября 2024 года. – Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии». − 2024. – С. 98–103.

политических элит в субъектах СКФО: выявление факторов, влияющих на региональную безопасность и устойчивость политической системы» (далее – Экспедиция). Цель исследования – выявить критерии, по которым определяется принадлежность к политической элите в экспертном измерении, установить механизмы и особенности строения, формирования, циркуляции и эволюции региональных политических элит в субъектах округа. В рамках исследования изучается влияние современных политических процессов на региональную безопасность, устанавливаются новые риски и угрозы[182].

Задачи исследования:

- *Проанализировать строение политических элит в субъектах Северо-Кавказского федерального округа:* определить основные характеристики политической элиты СКФО, включая демографические, социальные и профессиональные параметры.
- *Выработать критерии принадлежности к политической элите:* разработать и обосновать критерии, по которым определяется принадлежность к политической элите, провести сравнительный анализ применяемых критериев в различных субъектах округа.
- *Исследовать механизмы формирования, циркуляции политических элит:* проанализировать процедуры и каналы, ведущие к формированию политических элит, изучить карьерные траектории и пути «попадания» в политическую элиту, а также исследовать факторы, влияющие на циркуляцию элит (смена власти, политические кризисы, экономические изменения и пр.).

---

[182] *Салгириев А.Р.* Экспедиция по регионам СКФО (12 августа – 12 сентября 2024 г.) «Исследование процессов становления, развития, эволюции и функционирования политических элит в субъектах Северо-Кавказского федерального округа: выявление факторов, влияющих на региональную безопасность и устойчивость политической системы» [Электронный ресурс] / неопубликованные материалы. – URL: https://kniiran.ru/naychnaia-ekspediciia-vedyshego-naychnogo-sotrydnika-knii-ran-a-r-salgirieva/ (дата обращения: 16.01.2025); URL: https://kniiran.ru/2024/08/22/ (дата обращения: 16.01.2025).

- *Изучить процесс эволюции политических элит на Северном Кавказе:* исследовать изменения в структуре элит на протяжении времени, выявить причины, следствия этих изменений для политической системы.
- *Проанализировать реалии функционирования политических элит:* исследовать роли и функции политических элит в управляющих взаимодействиях.
- *Оценить уровень влияния политических акторов на региональную безопасность:* проанализировать влияние политической элиты на состояние региональной безопасности и изучить принятые политические решения и их последствий на общество.
- *Установить основные угрозы региональной безопасности:* выявить и проанализировать потенциальные источники дестабилизации политического управления в регионе (коррупцию, конфликты элит и др.).
- *Разработать рекомендации:* предложить меры по укреплению политической устойчивости СКФО и повышению эффективности деятельности элит, а также рекомендации по оптимизации механизмов отбора и подготовки кадров.

В ходе исследования внимание было сосредоточено на характеристиках политических элит: демографических, социальных и профессиональных аспектах, на восприятии элит обществом. Важной частью проекта стало изучение функционирования региональных акторов, их влияния на безопасность и анализ потенциальных угроз стабильности всей политической системы. Применялся метод глубинных экспертных интервью. Было опрошено 42 эксперта, обладающих опытом в области государственного управления, общественной и научной работы, безопасности и имеющих различные кадровые траектории. Географические рамки исследования охватывают Республику Дагестан, Чеченскую Республику, Республику Ингушетия, Республику Северная Осетия — Алания, Ставропольский край, Кабардино-Балкарскую Республику и Карачаево-Черкесскую Республику. Среди экспертов были представлены

государственные и общественные деятели, научные сотрудники, эксперты в сфере философии, политологии, социологии, этнологии и смежных дисциплин (рис. 2)[183].

Рисунок 2. Распределение экспертов по категориям (учёные, политики, независимые специалисты)

На диаграмме (рис. 2) представляено распределение экспертов, опрошенных в рамках экспедиции. Большая часть экспертов – ученые (доктора и кандидаты наук) – 21 человек, что указывает на академическую направленность исследования и значительную роль научного сообщества в анализе политической ситуации, так как сам проект предполагает наличие опыта проживания в регионе и широких компетенций. Независимые эксперты составляют 11 человек, их присутствие важно для формирования объективной картины, так как они не связаны с государственными структурами. Министров и членов правительств – 6 человек, что

[183] *Примечание. 4 эксперта пожелали остаться анонимными*.

показывает, что исследование учитывает мнения официальных лиц, ответственных за принятие политических решений. Депутаты парламента представлены в наименьшем количестве – 4 человека. В целом, диаграмма демонстрирует междисциплинарный подход к изучению политических элит, где представлены как государственные чиновники, так и независимые аналитики, научные работники и общественные деятели.

В рамках Экспедиции применялся комплекс взаимодополняющих методологических подходов, позволяющих всесторонне изучить процессы формирования и функционирования политических элит в субъектах СКФО. Прежде всего, был проведён контент-анализ официальных документов разных уровней (законодательные акты, постановления, выступления), который позволил выявить общие смыслы и приоритеты региональной политики. Дополнительно к этому использовались социологические методы – опросы и глубинные интервью с экспертами и представителями политических элит, дающие качественную оценку мотивации, ожиданий и настроений участников политического процесса. Сравнительный анализ, охватывающий особенности функционирования элит во всех субъектах СКФО, внёс ясность в вопрос о сходствах и различиях регионального политического пространства, помог выявить характерные факторы, влияющие на специфику каждого субъекта. Исторический метод позволил рассмотреть ретроспективу формирования и развития элит, выявить глубинные традиции и институты, сохраняющие своё влияние на современные практики. Наконец, анализ рисков был направлен на оценку потенциальных угроз региональной безопасности, возникающих из деятельности элит (коррупция, клановые конфликты, внешнее вмешательство), и на определение мер, способствующих укреплению устойчивости политической системы всего СКФО.

В целях защиты персональных данных экспертов в тексте не раскрываются их имена, контактные данные и иные сведения, позволяющие идентифицировать респондентов. Интервью проводились на добровольной основе, участники заранее информировались о целях и задачах исследования, сохраняли право отказаться от

ответа на любой вопрос, а полученные материалы использовались с соблюдением принципов научной этики.

3.2. Этноклановые структуры и политические элиты Республики Дагестан: механизмы формирования и функционирования

Современный Дагестан представляет собой уникальный этнополитический регион, где переплелись традиционные общественные структуры и современные институты власти. Высокая полиэтничность и поликонфессиональность Дагестана, социокультурные трансформации обусловили формирование и функционирования современных региональных политических элит[184]. В контексте республики анализ субнациональных элит крайне актуален, именно элиты в значительной мере определяют направленность политики, влияют на подготовку и принятие решений, а значит – на стабильность региона. Одновременно на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, роль высокостатусных групп управления особенно заметна: элиты опираются на традиционные практики, обладают значительными ресурсами власти, способны как консолидировать общество, так и провоцировать конфликтную мобилизацию. Дагестан, как часть этого макрорегиона, исторически остается зоной повышенной политической турбулентности, требующей системного исследования его элитарных механизмов власти[185].

Одной из особенностей Дагестана является его крайне сложный этнический состав и отсутствие доминирующего большинства. По данным последней переписи, крупнейшая этническая группа – аварцы – составляет лишь около одной трети населения, далее следуют даргинцы (16-17%), кумыки (15-16%), лезгины (~13%), лакцы (~5%), табасараны (4%), азербайджанцы (3-4%), русские (~3%), чеченцы (~3%) и десятки более малочисленных народов. Совокупно более десяти

---

[184] *Саидов А.А.* Основные проблемы трансформирующейся политической системы Республики Дагестан: дисс. … к. полит. н. – Махачкала. − 2018. – 143 с.

[185] *Гриценко Г.Д.* Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы // Регионология. – 2024. – Т. 32. – № 3. – С. 446–462; *Altınsoy Z.D. Değer F., Açıkgöz A.* The ımpact of the ınstability and ımpunity problem associated with ethnic diversity on regional security: the case of Dagestan. Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2023. – No. 12 (2). – Pp. 834–848; *Адиев А.З.* Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2009. – 167 с.

групп имеют заметную долю, что делает Дагестан одним из наиболее этнически и лингвистически разнообразных регионов России.

Таблица 4. Этнический состав Республики Дагестан по переписи 2021 года

Народность	Доля населения (%)
Аварцы	30.5%
Даргинцы	16.6%
Кумыки	15.8%
Лезгины	13.3%
Лакцы	5.2%
Табасараны	4.0%
Азербайджанцы	3.7%
Русские	3.3%
Чеченцы	3.2%
Прочие	4.4%

Подобная мозаичная этническая структура предопределила формирование политических элит по принципу этноклановогo баланса[186]. В позднесоветский и особенно постсоветский период в Дагестане сложилась система негласного распределения власти между представителями основных этнических групп. Ранее этот принцип назывался квотированием, теперь его стали называть представительством каждой этнической группы в органах власти. Вместо концентрации полномочий в руках одной национальной группы (что могло бы вызвать недовольство остальных), был реализован коллегиальный принцип управления. Характерный пример – созданный в 1994 г. Государственный Совет Дагестана, куда входили представители разных народов. Подобная модель

[186] *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Северный Кавказ: диагностика и прогнозы регионального развития в третьем десятилетии XXI в. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 106–115.

гарантировала инклюзивность элит, позволяла каждой крупной общине чувствовать свою причастность к власти и тем самым снижала риск межэтнической конфронтации[187]. Как отмечает эксперт из дагестана, «в 1990-е годы региональная элита формировалась именно как совокупность «региональных групп влияния» – лидеров кланов, сумевших монополизировать те или иные сферы в республике. Они опирались на родоплеменные связи (в основном т.н. *тухумы, тайпы*) и одновременно стремились обеспечить присутствие своих ставленников во всех ветвях власти и секторах экономики.

Важно подчеркнуть, что под «кланами» в дагестанском контексте понимаются не столько формальные родовые союзы, сколько неформальные клиентельно-родственные сети вокруг влиятельных акторов. Эксперт из Дагестан – руководитель регионального центра этнополитических исследований – предлагает рассматривать дагестанский клан как «группу, консолидированную вокруг одного выдающегося лица, обладающего властью и ресурсами. Такой лидер собирает лояльный круг родственников и приближённых, чья преданность держится на доступе к благам и влиянию этого лидера[188]. Если же «стержень» исчезает, зачастую распадается и весь построенный вокруг него клановый механизм. По мнению эксперта, фактически речь идёт не о стабильных многопоколенных «кланах» в строгом смысле, а о группировках вокруг отдельных фигур – своеобразных центрах силы. Данная интерпретация во многом объясняет и современную динамику дагестанских элит: их преемственность зависит не только от родственных уз, но и от способности лидера удерживать ресурсы и сплачивать команду, материальные и политические ресурсы выступают источником их авторитета.

Тем не менее, многие исследователи и практики применительно к Дагестану традиционно употребляют термин «клановость», подразумевая именно

---

[187] Dagestan’s Threat: Tension Along Ethnic and Religious Lines [Электронный ресурс] // Robert Lansing Institute. 06.03.2025. – URL: https://lansinginstitute.org/2025/03/06/12952/ (дата обращения: 01.04.2025).

[188] *Зарипов А.Я., Гусейнов А.Г., Малучиев Г.С.* Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.) // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 2. – С. 85–101.

родственно-земляческие связи как основу элитарных групп. Эксперт подчёркивает, что «хоть официально дагестанские власти отрицают существование кланов, на практике влиятельные фамилии продвигают своих людей на разные должности – речь идёт о непотизме, семейственно-родственных сетях во власти[189]. Классические примеры – семьи Умахановых, Яралиевых, Амировых и другие, члены которых одновременно занимали посты в республиканском парламенте, муниципалитетах, правоохранительных и судебных органах». Как описывает наш эксперт, если «неким муниципалитетом руководит представитель известной семьи, то его родственная база присутствует и в законодательных структурах, и в судебной власти, и в исполнительной власти, и в территориальных органах федеральных структур – фактически родственники распределены «по вертикали» и «по горизонтали» власти, чтобы контролировать разные институты. Подобную практику он прямо называет непотизмом, который в дагестанских реалиях практически равнозначен клановости[190]. Причём клановые сети, как правило, строятся по кровнородственному принципу: альтернативные формы групповой солидарности (идеологические, партийные, профессиональные) играют второстепенную роль. Дагестанское общество во многом сохраняет традицию эндогамии – браков внутри своей этнической группы и рода – что усиливает значимость родственных уз. Родство и землячество остаются решающими факторами сплочения элиты.

Следствием доминирования кланового принципа являются особые механизмы рекрутирования новых членов элиты. Социальные лифты в республике функционируют в ограниченном режиме: продвижение по службе редко определяется исключительно личными заслугами или профессиональными

---

[189] *Pavlenishvili N.* Central State vs Regional Autonomy – Political Elite's Action Strategy: proceedings of the 2024 SoRes Paris – International Conference on Interdisciplinary Research in Social Sciences, 11-12 January 2024, Pullman Paris Centre. Bercy, Paris, France / N. Pavlenishvili // PEOPLE: International Journal of Social Sciences. – 2024. – Vol. 2024. – Pp. 5–21.

[190] *Никульченкова Е. В.* Концептуальные основы и предикторы коррупционного поведения // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21. – № 2. – С. 78–86.

качествами[191]. Гораздо важнее включённость в неформальные сети и протекция влиятельных покровителей. По словам эксперта, «вхождение в дагестанскую элиту, как правило, обеспечивается наличием личных связей, притом не только внутри региона, но и, что особенно существенно, связей с федеральным центром. Без такого «блата» – поддержки со стороны сильных фигур – ни образование, ни компетенции не дадут гарантий карьерного роста». Данную оценку косвенно подтверждают и эмпирические данные. Согласно проведённым опросам работодателей в Дагестане, лишь незначительная часть респондентов указала, что при приёме на работу решающим фактором для них является образование и профессиональная квалификация соискателя. Большинство же работодателей отдают предпочтение другим критериям, связанным с родственными, дружескими и протекционными связями. В результате меритократические принципы остаются слабо развитыми, а система рекрутирования элит сохраняет закрытый характер, способствуя воспроизводству уже сложившихся клиентельных сетей.[192]

Исторически сложившаяся этноклановая модель наложила отпечаток и на распределение ресурсов в республике. В 1990-е годы, на фоне ослабления центральной власти, дагестанские лидеры фактически разделили между собой контроль над экономическими и административными сферами. Председатель Госсовета М. Алиев (и его преемник М. Магомедов) стремились удержать баланс интересов, передавая отдельным влиятельным группам «кормления» – важные участки экономики или государственной деятельности. Эксперт отмечает, что «первый глава республики после распада СССР (имея в виду Магомедали Магомедова) был одним из тех, кто «разворовал Дагестан» совместно с этническими кланами. По его словам, этот руководитель раздал представителям

---

[191] *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Вертикальная мобильность в российской политике // Социологические исследования. – 2024. – № 10. – С. 25–39.

[192][192] *Кутаев Ш.К.* Неформальные отношения на рынке труда: причины возникновения и направления легализации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2023. – № 2. – С. 72–79; *Sanghi A., Freije-Rodriguez S., Posarac A.* Stemming Russia's Informality: Unearthing Causes and Developing Solutions [Электронный ресурс] / A. Sanghi, S. Freije-Rodriguez, A. Posarac. – Washington (DC): World Bank. − 2019. – URL: https://coilink.org/20.500.12592/25jpss (дата обращения: 07.11.2024)

различных групп – Хачилаевым, Карачаевым, Кумыковым, Махачевым и др. – контроль над целыми сферами, узаконив, по сути, кланово-олигархическую систему. В результате клановая коррупция в Дагестане стала государственной коррупцией, что имело тяжёлые последствия для экономики: были подорваны основы хозяйства, стремительно росла «теневая» распределительная система. Приватизация власти элитами сопровождалась приватизацией ресурсов – финансовых потоков, земель, госсобственности – в интересах отдельных семейно-групповых объединений».

Со временем федеральный центр осознал риск полной автономизации дагестанских элит и предпринял шаги к интеграции республики в общероссийское правовое поле, что привело к трансформации институтов и частичной смене элитных поколений, однако многие базовые черты системы сохранились. Функционирование дагестанских элит поныне совмещает формальные механизмы публичной власти с неформальными практиками закулисного согласования интересов. «С одной стороны, в республике выстроена чёткая вертикаль управления, аналогичная другим регионам РФ: от Главы Республики до глав муниципалитетов и сельских поселений действует субординация и единая административная иерархия. С другой стороны, внутри этой вертикали по-прежнему активно действуют клановые соглашения – распределение должностей и ресурсов происходит с оглядкой на неформальные договорённости между группами влияния» – отметил эксперт. Например, сохранилась описанная экспертом практика этнического балансирования кадров: если министр – представитель одной народности, то его первый заместитель, как правило, принадлежит к другой, что придаёт органу власти большую легитимность в глазах людей. Как отмечают специалисты, «учёт этнического фактора в формировании представительных органов государственной власти является ключевым условием политической стабильности многонационального Дагестана»[193]. Такой принцип впервые явно

[193] *Саидова А.С.* Этнический фактор в формировании органов государственной власти Республики Дагестан / А. С. Саидова // Социология власти. – 2009. – № 5. С. – 153–161.

проявился ещё в 1990-е годы и стал ответом на опасность этнической монополии[194]. Считается, что доминирование одной группы в каком-либо ведомстве чревато конфликтами, поэтому стараются обеспечить многообразие хотя бы на уровне руководящего состава. Тут прослеживается своеобразная неписаная квотная система, смягчающая острые углы межгрупповых отношений[195].

Важнейший вопрос функционирования любых элит – циркуляция и сменяемость руководящих кадров. Долгое время дагестанская элита отличалась высокой стабильностью: важные фигуры удерживались у власти десятилетиями, а родственные кланы последовательно «наследовали» посты. Однако в последние пятнадцать лет наметилась интенсификация кадровых перестановок, во многом стимулированная федеральным центром. С 2006 года, когда в Дагестане был упразднён коллективный принцип управления и введён институт единоличного главы республики, ни один руководитель региона не доработал положенный срок до конца[196]. Как напоминает эксперт, «три предыдущих главы Дагестана досрочно покинули свой пост, каждый – по своим причинам». Магомедсалам Магомедов (глава в 2010-2013 гг.) неожиданно подал в отставку на фоне достаточно стабильной ситуации, причины этого решения до сих пор неясны широкой публике. Его преемник Рамазан Абдулатипов (2013-2017 гг.) накопил большой антирейтинг – как среди населения республики, так и, вероятно, в глазах федерального центра – что сделало его положение непоправимым. В 2017 году Р. Абдулатипов был заменён на генерал-полковника В.А. Васильева, прибывшего из Москвы. Как отмечают исследователи, «в сложносоставных обществах эскалация региональных конфликтов относится к трудноразрешимым этническим спорам, что побуждает

---

[194] *Malakhov V., Osipov A.* Managing Ethnic Diversity in Post-Soviet Context: The Cases of Russia, Ukraine, and Kazakhstan // Problems of Post-Communism. – 2023. – Vol.71. – No.5. – Pp. 405–415.

[195] *Шахбанова М.М.* Факторы эскалации этнополитической напряженности в современном дагестанском обществе // История, археология и этнография Кавказа. – 2017. – № 2 (50). – С. 158–173.

[196] Мамараев Р.М. Муниципальная реформа в Республике Дагестан на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnaya-reforma-v-respublike-dagestan-na-sovremennom-etape (дата обращения: 22.12.2024).

федеральный центр усиливать силовой компонент управления» [197]. Назначение В. Васильева, не имевшего этнических корней в Дагестане, сопровождалось масштабной «чисткой» элит: за короткий срок были смещены и нередко привлечены к ответственности многие представители старой правящей гвардии – мэры городов, министры, вице-премьеры. Началась тотальная кадровая перезагрузка верхнего эшелона власти, в ходе которой завершилась политическая карьера множества «местных политических старожилов». По словам опрошенного специалиста, «эта чистка стала окончательным уходом ряда клановых баронов с политической сцены – часть получила реальные уголовные сроки, другие потеряли рычаги влияния, и их возвращение во власть оказалось невозможным». В результате целенаправленной кампании Москва продемонстрировала решимость сломать устойчивые неформальные клановые сети там, где они вошли в противоречие с федеральными интересами. Следует отметить, что подобные попытки предпринимались и раньше, но не столь эффективно.

После отставки В. Васильева в 2020 г. к власти в республике пришёл С.Г. Меликов – также выходец из силовых структур, генерал Росгвардии. Его правление знаменует определённый компромисс: с одной стороны, продолжена линия на опору на «варягов»-силовиков, не связанных узами родства с дагестанскими кланами, а с другой – С. Меликов имеет дагестанское происхождение (смешанного лезгинско-русского) и потому местной элитой воспринимается более приемлемо. В данном случае возникает обратная зависимость: кланы формируются вследствие того, что назначенные из Москвы губернаторы-«варяги» надолго закрепляются на своих постах и постепенно интегрируются вместе со своими командами в региональные структуры, срастаясь с местными элитами. Даже если формально происходит смена губернаторов, фактически они представляют один и тот же влиятельный клан. В целом в

[197] *Попов М.Е.* Социокультурная интеграция как способ разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 186–196.

последнее время прослеживается отчётливая тенденция усиления позиций силового блока в политической системе региона. Ряд аналитиков отмечают, что основной кадровый резерв власти ныне составляют бывшие или действующие силовики – сотрудники МВД, ФСБ, армии. Опрошенный политолог приводит показательную деталь: недавно мэром второго по значению города Дербента был назначен бывший замминистра МВД по республике. Схожим образом и на другие ответственные посты нередко ставятся выходцы из правоохранительных органов. «Силовизация» элиты преследует очевидные цели – укрепить управляемость региона, повысить дисциплину и бороться с коррупцией и экстремизмом. Сами новые лидеры-силовики легче находят общий язык с руководством местных управлений ФСБ, МВД, прокуратуры, ведь они «по сути коллеги, все выходцы из силового блока и говорят на одном профессиональном языке», как отмечает эксперт. Это обеспечивает более тесную координацию между политической властью и силовыми структурами, минимизируя риск раздробленности элиты. Фактор ведомственной корпоративности также играет на пользу консолидации: по выражению опрошенного специалиста, вопрос об автономной «собственной игре»[198] каких-то силовых структур не стоит – «все они делают общее дело». Вертикаль власти в Дагестане ныне интегрирована как никогда плотно, что должно позитивно сказываться на стабильности управления, если отбросить иные характеристики, определяющую политическую устойчивость в долговременной перспективе. Как отмечают специалисты, «федеральная политика по укреплению управленческой вертикали на Северном Кавказе нацелена на преодоление кланового партикуляризма через институциональную консолидацию[199].

Однако для устойчивости недостаточно полагаться исключительно на жесткую вертикаль. Крайне важна легитимность элит в глазах населения, наличие доверия к

---

[198] *Добаев И.П.* Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. – 2024. – № 3 (333). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-raskola-musulmanskoy-elity-na-severnom-kavkaze-1 (дата обращения: 06.12.2024).

[199] *Стародубровская И.В.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа / И. В. Стародубровская // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 1. – С. 92–113.

институтам власти. В Дагестане с институциональным доверием существуют противоречия. Исследования фиксируют низкий уровень доверия, что провоцирует социально-политическую напряжённость, протестные настроения и рост турбулентности[200]. Среди причин – чрезмерная централизация, коррупция при вертикальных связях протекции, социальная дифференциация и архаичные практики подбора кадров (трайбализм, землячество). Персистентность политической и судебной системы, закулисность в принятии решений также подрывают доверие граждан. Общество реагирует на эти дисфункции миграцией (оттоком активного населения), уклонением от участия в институтах (абсентеизмом), а иногда уходом в экстремизм и радикализм. Элиты Дагестана сталкиваются с двойным вызовом: им необходимо, с одной стороны, поддерживать контроль и порядок, а с другой – повышать свою легитимность посредством открытости, борьбы с коррупцией и учета интересов разных слоев. Без доверия управлять крайне сложно, особенно в таком сложном обществе. Показательно, что развитие гражданского диалога и политической культуры в республике тормозится дефицитом доверия к власти. Поэтому перед дагестанскими элитами стоит задача укрепления институтов и формирования более прозрачных правил игры, что стало бы залогом долгосрочной стабильности.

Неотъемлемой частью политической системы является религиозный фактор. Дагестан – преимущественно мусульманский регион, исторически центр исламской учености на Кавказе. Около 95% верующих здесь исповедуют ислам (в основном суннитского толка, с присутствием нескольких процентов шиитов и небольшой христианской общины)[201]. Ислам играет огромную роль в общественной жизни, что предопределяет влияние религиозных лидеров на политику. Как отмечают наблюдатели: «… ни одна этническая группа не составляет большинства. Само название “Дагестан” не является производным от названия

---

[200] Savin I. Challenges to Russia’s Civil Unity and Internal Stability from Religious, Ethnic and Regional Extremism // Politics and Religion Journal. – 2024. – Vol.18. – № 2. – Pp. 379–402.

[201] North Caucasus – Dagestan: People, Politics and Power [Электронный ресурс] / PPP Project. [б. м.], [б. г.]. PDF-файл. Режим доступа: file:///C:/Users/user/Downloads/PPP%20-%20North%20Caucasus%20-%20Dagestan%20EN%20(1).pdf (дата обращения: 23.02.2025).

какой-либо этнической группы, а просто означает “Горная страна”. Ислам является, по сути, главным объединяющим фактором для подавляющего большинства населения Дагестана. Вторым объединяющим фактором является русский язык, который в настоящее время служит общепринятым средством межэтнического общения среди дагестанцев, доминируя в городах, в то время как русские составляют всего 3,3% населения республики (перепись 2021 года).»[202]. Данное положение хорошо иллюстрирует концепцию надэтнической солидарности, базирующейся не на происхождении, а на функциональных и цивилизационных основаниях – религии (ислам) и языке (русский). В терминологии политической науки такая модель соответствует принципу «*civic integration through symbolic neutrality»* – интеграции через символическую нейтральность и функциональные культурные компоненты, что особенно актуально для полиэтничных субъектов с отсутствием этнического большинства, каковым является Дагестан в округе.

В республике действует официальная организация – Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД, Муфтият), представляющая традиционное духовенство. Оно исторически связано с суфийскими братствами (тарикатами) и пользуется поддержкой государства. Муфтият возглавляет муфтий Дагестана – фигура, обладающая и духовным, и определенным политическим авторитетом. Эксперт прямо относит «официальное мусульманское духовенство» к числу составных частей элиты Дагестана. По его мнению, «влияние муфтия в республике столь значительно, что порой слово авторитетного религиозного лидера способно либо снять общественное напряжение, либо, напротив, его спровоцировать. Духовенство, особенно нынешнее руководство ДУМД, в целом демонстрирует лояльность и конструктивное взаимодействие с органами власти, и власти это ценят. На официальных мероприятиях в Дагестане неизменно присутствуют наряду с представителями государственной элиты трое духовных лидеров – муфтий,

[202] Ethno-political profile of Dagestan [Электронный ресурс] // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 2024. – URL: https://besacenter.org/ethno-political-profile-of-dagestan/ (дата обращения: 05.09.2024).

православный епископ и глава еврейской общины». Подобное поведение подчёркивает формальный паритет конфессий, но фактически, конечно, исламское духовенство играет первостепенную роль, учитывая, что мусульмане составляют подавляющее большинство населения[203].

Вместе с тем роль религии в политической системе Дагестана неоднозначна и полна противоречий. Наряду с официальным муфтиятом, имеющим поддержку государства, в республике существует множество независимых исламских общин и течений. Исламская умма Дагестана крайне неоднородна. С 1990-х гг. усилилось влияние нетрадиционных для региона форм ислама, прежде всего салафизма (в официальной риторике именуемого «ваххабизмом»). Возникла оппозиция между «традиционным» суфийским исламом (ориентированным на ДУМД) и новыми течениями, призывавшими к очищению веры от народных новшеств[204]. В 1990-е противостояние приняло острый характер, доходило до вооружённых столкновений (известны события 1998-1999 гг., связанные с деятельностью Б. Хачилаева и вторжением отрядов Басаева и Хаттаба в Дагестан). Власти тогда даже ввели запрет на «ваххабитскую деятельность» (2000 г.), стараясь подавить радикальные общины силовым путём. Однако к началу 2010-х стало ясно, что жёсткий подход имеет пределы: радикальное подполье продолжало действовать, а часть молодёжи оставалась непримиримо настроена к официальному исламу. В последнее десятилетие картина религиозного поля еще более усложнилась. Бинарная схема «суфии и ваххабиты» утратила ясность – появилось множество промежуточных групп. Как отмечает эксперт, «теперь в Дагестане есть люди, которые не признают авторитет муфтията, но и сами не являются сторонниками радикального джихадизма, они противостоят «ваххабитам», оставаясь вне рамок официального духовенства. Такие верующие могут критически относиться к

---

[203] *Абдулагатов З.М.* Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности // Исламоведение. – 2024. – Т. 15. – № 3 (61). – С. 58–78; *Медушевский Н.А., Громова А.С.* Современные институты исламского права // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12. – № 5А-6А. – С. 89–100.

[204] *Schmoller J., Laruelle M.* What Does the Mufti Say? Internal and Public Debates about Islam in Russia // Problems of Post-Communism. − 2025. − Vol.72. − No.2. − Pp. 113–118.

ДУМД, но разделять мирные ценности и не поддерживать экстремизм – их трудно однозначно отнести к какому-либо лагерю»[205]. Можно сказать, что религиозная идентичность дифференцировалась: наряду с этнической самоидентификацией у части населения вышла на первый план исламская идентичность, которая может перевешивать национальные различия (формула «брат по вере превыше всего»)[206], что создает новые линии разлома и новые союзы, которые традиционные элиты вынуждены учитывать.

Влияние религиозного фактора проявляется как внутри республики, так и во взаимоотношениях Дагестана с федеральным центром. Муфтият Дагестана интегрирован в региональную власть, муфтий традиционно входит в число наиболее влиятельных лиц республики. Его мнение нередко запрашивается по социально значимым вопросам, а представители духовенства привлекаются к участию в общественных советах, комиссиях и т.д. Более того, духовное управление само стремится расширить своё влияние – по словам политолога из Дагестана: «ДУМД является единственной религиозной структурой в Дагестане, которая целенаправленно добивается власти и расширения своего присутствия в политике. Муфтият заинтересован иметь своих сторонников и «адептов» во властных органах, лоббировать их назначение на должности». По сути, духовенство выступает как ещё одна группа интересов, встроенная в общую элитную конфигурацию. Нынешнее руководство ДУМД полностью лояльно по отношению к государству – эксперты оценивают степень лояльности дагестанского муфтия федеральной власти в «100%». Можно констатировать, что между официальным исламским лидерством и светскими властями достигнуто своеобразное неформальное соглашение: духовные власти оказывают поддержку политическому курсу, проповедуя умеренность и патриотизм,

---

[205] *Шахбанова М.М.* Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 1. – С. 257–263.

[206] *Shakhbanova M.M.* Religiosity of Dagestan Youth. Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. – 2024. – No. 3. – Pp. 191–210.

взамен получая административный ресурс для укрепления своего положения среди уммы.

С другой стороны, наличие параллельных религиозных структур, не подчиняющихся муфтияту, создает для элит существенный вызов. Эксперт обращает внимание на тревожную тенденцию: значительная часть населения Дагестана демонстрирует нелояльность идеям и принципам светского государства. Иными словами, в обществе укореняется представление, что религиозные нормы выше светских законов. Новые поколения, особенно в сельских районах, воспитываются под влиянием авторитетов, которые отстаивают приоритет шариата над государственными институтами. По оценке опрошенного специалиста, «сейчас ДУМД непосредственно контролирует лишь около трети всех мечетей Дагестана, тогда как две трети находятся вне его влияния. Это вовсе не означает, что в них повсеместно царит экстремизм, однако факт остаётся: большая часть религиозной жизни уходит в неконтролируемое русло. Силовые структуры наблюдают за этим со стороны, вмешиваясь только при нарушении закона». Пока не совершается ничего противоправного, независимые общины свободно действуют, и государство не имеет механизмов влиять на их идеологию. В итоге формируется среда, где могут зреть протестные настроения на религиозной почве. Эксперт даже утверждает, что сегодня религия – первый и главный риск для целостности общероссийской идентичности в Дагестане. Он приводит недавний пример: группа верующих оказалась готова устроить беспорядки в аэропорту Махачкалы (имеется в виду инцидент осенью 2023 г., когда толпа напала на пассажиров прилетевшего рейса) – подобная агрессия, по его мнению, стала возможна из-за многолетнего «варения в собственном соку» изолированных общин, не признающих ни официальное духовенство, ни светскую власть. Действительно, ранее он указывал на районные анклавы, где местное сообщество создало свой совет имамов и отказывается идти на контакт с правительством и муфтиятом. Такая замкнутость затрудняет профилактику радикализации – власти порой просто не знают, что проповедуется внутри этих общин и во что это выльется.

Столкнувшись с подобной ситуацией, дагестанские элиты пытаются выработать эффективную модель государственно-конфессиональных отношений. С одной стороны, нельзя допустить параллельной теократической власти, с другой – бороться с религиозностью населения бессмысленно и контрпродуктивно. Опыт соседних регионов показывает разные подходы. «В некоторых республиках введён жёсткий авторитарный контроль: официальный муфтият провозглашается единственным легитимным представителем ислама, а все другие течения загоняются в подполье», – отмечает опрошенный специалист. Однако в Дагестане реализовать это затруднительно – слишком специфична история местного ислама, да и уровень религиозности в народе высок. Как считает тотже эксперт, «оптимальной стратегией было бы строгое следование принципам светского государства, заложенным в Конституции. То есть, государственные органы должны быть равноудалены от всех религиозных течений, не становиться на сторону только «своего» муфтия против условных оппонентов». В реальности же полный нейтралитет практически невозможен: муфтият – партнёр власти, тогда как альтернативные проповедники зачастую стигматизируются как нелегитимные. Тем не менее, в последние годы наметились попытки диалога. В 2011-2012 гг. при президенте Дагестана существовала Комиссия по адаптации бывших боевиков, куда привлекались и представители умеренного салафизма – это была попытка интегрировать часть нелояльной уммы в правовое поле. Хотя результаты комиссии оказались скромными, сам прецедент диалога был значим. В дальнейшем власти и официальный муфтият время от времени проводят совместные мероприятия с участием различных религиозных лидеров, акцентируя внимание на общие ценности – мир, порядок, традиционная этика. Пока рано говорить о полной гармонизации конфессиональной сферы: противоречия сохраняются, и духовные лидеры не стали панацеей от проблем. Как отмечает другой эксперт, «роль духовенства в урегулировании серьёзных конфликтов остается минимальной. Он не припоминает случаев, чтобы они вмешивались в масштабные противостояния или успешно гасили межгрупповые споры. На уровне бытовых конфликтов имамы,

конечно, помогают примирению отдельных людей, но, когда дело касается столкновения общин или районов, духовные лидеры часто оказываются на одной из сторон баррикад и потому теряют возможность быть арбитрами». Этот скепсис разделяют и другие наблюдатели. Тем не менее, потенциал религиозных авторитетов как мостиков между властью и обществом сохраняется. В идеале их авторитет можно было бы использовать для проповеди терпимости, предотвращения экстремизма, воспитания молодежи. Современный муфтият заявляет о такой миссии – духовно-нравственном воспитании, благотворительности, патриотических инициативах. Встраивание религиозного фактора в позитивное русло – одна из важнейших задач политической элиты Дагестана, ведь в противном случае он способен стать фактором раскола.

Вопросы религии тесно сплетены с темой безопасности и политической стабильности. Дагестан за последние десятилетия сталкивался как с межэтническими конфликтами, так и с вспышками религиозно-мотивированного экстремизма. Поэтому силовой блок – правоохранительные органы, спецслужбы, армейские структуры – играет чрезвычайно важную роль в жизни республики. Связи элиты с силовыми структурами многогранны. Во-первых, многие представители элиты сами вышли из силового сообщества (как отмечалось, идёт тенденция назначения силовиков на административные посты). Во-вторых, даже те руководители, кто не принадлежит к этому кругу, стремятся установить протекционные отношения с силовыми органами – включить их руководителей в свою «команду» на неформальном уровне. Здесь проявляется тот же клановый принцип: если влиятельная семья имеет своего человека, скажем, в республиканской прокуратуре или в местном отделе ФСБ, то она значительно укрепляет свои возможности. Эксперт прямо указывает, что клановое продвижение касается и территориальных органов федеральных структур[207] – силовых и

[207] *Соколова Л.Ю., Ханова Е. В.* Факторы межэтнической напряженности и конфликтов на территории России // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 149–164.

судебных). Расстановка родственников и приближённых на ключевых постах, в частности, эта линия ярко прослеживается в правоохранительных органах, судах, правительстве и органах республиканской власти, является гарантией безопасности клана (семьи) от юридических преследований и одновременно инструментом давления на оппонентов. Традиционные элиты и «силовики» сильно сращены, различие между ними весьма условно. К примеру, высокопоставленный полицейский может быть одновременно частью влиятельного тухума, а политик — иметь звание в запасе или кураторство от спецслужб либо центральных органов, что имеет двойной эффект. С одной стороны, тесное взаимодействие элит с силовыми структурами может повышать оперативность в принятии решений в сфере безопасности. В частности, в Дагестане налажена эффективная коммуникация между главой республики и руководством республиканских управлений ФСБ, МВД, Росгвардии и даже военными. Как «коллеги» по службе, они координируют усилия в едином ключе, говорят на одном языке. При возникновении угрозы террористического акта руководство региона и спецслужбы действуют слаженно, без явного соперничества за влияние, что существенно снижает уровень террористической активности по сравнению с 2000-ми годами.

Этнические конфликты также удаётся гасить на ранних стадиях: стоит вспыхнуть напряженности между общинами, как подключаются и МВД (для предотвращения насилия), и чиновники, и неформальные переговорщики. Показателен инцидент, упомянутый опрошенным экспертом: обычная драка школьников в одном из многонациональных селений грозила перерасти в массовое столкновение – до 10 тысяч человек с двух сторон были готовы выйти «разбираться». Вероятно, предотвратить катастрофу удалось именно благодаря вмешательству как правоохранителей, так и авторитетных местных лидеров, сумевших разрядить ситуацию. Подобные механизмы не афишируются, но они существуют: старейшины, депутаты, представители правительства выезжают на места конфликтов, договариваются о перемирии, обещают решения проблем. Часто задействуются традиционные способы урегулирования – примирительные сходы,

публичное прощение, выплаты компенсаций по обычному праву. Элитные кланы, хотя и конкурируют друг с другом, осознают общую выгоду в предотвращении открытого насилия, которое грозит всем потерей влияния и вмешательством Москвы.

С другой стороны, теснота связей элит и силовиков чревата и отрицательными последствиями. В первую очередь, это коррупция и произвол. Когда семейно-клановые интересы проникают в правоохранительную сферу, страдает объективность правосудия. «Свой» прокурор может закрыть глаза на злоупотребления родственников влиятельного политика, «свой» начальник полиции – вывести из-под удара участников клановых разборок. В итоге доверие общества к силовым институтам подрывается, что фиксируется в упомянутом низком уровне институционального доверия. Люди нередко воспринимают силовые структуры не как нейтральный орган порядка, а как инструмент в руках определенной группы. Данная ситуация питает ощущение несправедливости и может провоцировать протест или обращения к альтернативным формам защиты, в том числе к радикальным лидерам, обещающим «навести справедливость». Кроме того, смычка власти и силовиков затрудняет внешнюю подконтрольность: когда элиты «крышуют» друг друга, даже федеральному центру сложно оценить реальное положение дел, пока не случится громкий скандал. Так было, например, с мэром Махачкалы Саидом Амировым, который десятилетиями считался неприкасаемым, пока в 2013 г. не был арестован по обвинению в тяжких преступлениях[208]. Как подчеркивает эксперт из Дагестана: «Его клан имел обширные связи, хотя сам Амиров уже не вернётся в политику, но семья сохраняет ресурсы и присутствие на разных уровнях. Ликвидация подобных "феодалов" – дело нелёгкое и зачастую травматичное для всей системы».

---

[208] *Klyachkina S.* Governance under Polycentric Rule: Goods Provision, Dispute Resolution, and Symbolic Practices in Dagestan [Электронный ресурс] // Association for the Study of Nationalities. – 2019. – URL: https://nationalities.org/custom-content/uploads/2022/02/ASN19-K2-Klyachkina.pdf (accessed: 22.06.2023).

В последние годы в Дагестане просматривается тенденция постепенного укрепления стабильности (управляемости) за счёт интеграции элит: нейтрализация наиболее опасных «раскольников» практически завершена. Федеральная власть добивается от республиканских элит командной работы. Вместе с тем всё ещё сохраняются «горячие точки» и потенциальные конфликты, требующие постоянного внимания и профилактики. До сих пор не решён вопрос восстановления Ауховского района — даже возвращение исторического названия району является спорным моментом, а вопрос возвращения депортированных чеченцев аккинцев на земли прежнего проживания (где сейчас проживают лакцы и аварцы) всё ещё не решён[209]. Этот территориальный спор тянется с 1944 года и периодически обостряется, подпитывая межэтническое недоверие. Пока политико-административная элита откладывает радикальное решение, опасаясь взрыва недовольства любой из сторон. Подобных примеров несколько – распределение пастбищных земель между кочевыми кумыкскими хозяйствами и оседлым населением гор, спор хозяйств Хасавюртовского района и соседних территорий и т.д. Здесь от элит требуется высокая степень гибкости и готовность к компромиссу. Нередко они оказываются заложниками собственной прежней политики: дав одному клану преференции, затем трудно отказать другому, чтобы сохранить равновесие. Всё это делает управление безопасностью деликатным балансированием.

Резюмируя, политические элиты Дагестана представляют собой сложную социальную структуру, основанную на переплетении клановых связей, этнических квот, религиозных авторитетов и силовых ресурсов. Механизмы власти в республике носят во многом неформальный характер: личные договорённости, родственные обязательства и кулуарные соглашения часто значат больше, чем формальные законы и процедуры. Эта система сложилась исторически как адаптация к полиэтничности региона и слабости институтов, и на протяжении

---

[209] *Магомедова М.А.* Межэтнические конфликты и противоречия на Северном Кавказе в контексте региональной безопасности // Власть. – 2023. – Т. 31. – № 2. – С. 72–78.

длительного времени она обеспечивала относительную стабильность – по крайней мере, предотвращала открытую гражданскую войну и распад. В то же время, у данной системы есть издержки: коррупция, кумовство, низкая эффективность государственного управления, дефицит доверия граждан. Федеральный центр пытается модернизировать дагестанскую элиту, внедряя принципы единоначалия, меритократии и законности[210]. Отчасти эти усилия дают результат – наблюдается обновление кадров, усиление вертикали, снижение уровня насилия. Однако глубинные привычки и интересы элит меняются медленно. По-прежнему велика роль неформальных лидеров – будь то олигарх Сулейман Керимов, влияющий на республиканскую политику через связи в Москве, или популярный спортсмен Хабиб Нурмагомедов, способный своим словом вызвать общественный резонанс. Эти новые центры влияния свидетельствуют о том, что структура элит расширяется: кроме политико-административной, экономической, силовой и духовной элиты, появилась и элита общественного мнения (медийно-спортивная). Они не обладают властными полномочиями, но имеют широкий авторитет, и вынуждены действовать осторожно, осознавая ответственность за свои заявления. Для регионального управления всё это означает необходимость учитывать множественность акторов и каналов влияния. Более, того, сегодня формируется новый тип элит на Кавказе – спортивные элиты[211].

Опираясь на проведённый анализ, можно сделать вывод, что политические элиты Дагестана являются одновременно источником устойчивости и фактором риска.

Консенсус и взаимодействие с федеральными структурами власти обеспечивают элитам относительную устойчивость и сглаживание острых

---

[210] *Борокова И.Д.* Политическая модернизация в традиционных обществах (на примере Северного Кавказа) // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 45–51.

[211] *Белоусов Г.Ф.* Влияние профессиональных борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия — Алания: к постановке проблемы // Власть и элиты. – 2018. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-professionalnyh-bortsov-na-politicheskie-protsessy-v-respublike-severnaya-osetiya-alaniya-k-postavke-problemy (дата обращения: 18.08.2024).

этноконфессиональных противоречий. Элиты с помощью имеющихся ресурсов[212] поддерживают управление на местах и, более того, умеют мобилизовать этнополитический потенциал общества, когда это необходимо. Но, с другой стороны, те же самые ресурсы и влияние, как не раз бывало в истории Северного Кавказа, могут быть обращены против федерального центра: часть политической элиты, преследуя узкогрупповые интересы, способна дестабилизировать обстановку. И тут основная задача федерального центра — не допустить маргинализации элит, канализировать их амбиции в русло созидательной политики, ориентированной на поддержание мира и устойчивости. Для этого необходимы дальнейшая демократизация и открытость политической системы, повышение прозрачности в кадровой работе, укрепление институтов и верховенства права. Социальная структура элит должна эволюционировать от закрытых кланов к более меритократичным и публично ответственным группам. Только тогда влияние элит на региональное управление будет по-настоящему позитивным – направленным на развитие Дагестана и благополучие всех его народов, а не лишь на обслуживание узких семейно-групповых интересов. В конечном счёте, будущее политической стабильности Дагестана зависит от того, насколько успешно его элиты смогут трансформироваться, сохраняя лучшие традиции (гибкость, учёт многообразия, способность к компромиссу) и преодолевая негативные черты (клановость, коррупцию, закрытость) во имя общих целей региона и страны.

Представленный анализ демонстрирует, что политическая система Республики Дагестан – это гибрид институциональных и традиционных этноклановых механизмов управления, образующий специфическую модель, которая эффективно адаптирована к условиям полиэтничности и поликонфессиональности региона. Современный Дагестан характеризуется ярко

---

[212] *Дзахова Л.Х., Кадзова В*. Деструктивные сообщества в информационном пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14. – № 11 (116). – С. 3489–3494; *Лебедев С.В., Грачев М.Н.* Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2024. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnye-i-simvolicheskie-komponenty-obosnovaniya-etnopoliticheskih-konfliktov (дата обращения: 08.08.2024).

выраженной фрагментацией политического поля, обусловленной многообразием этнических и религиозных групп, которые организованы в виде традиционных социальных единиц – этносов, тухумов, кланов, а также тайпов, интегрированных в официальные институты публичного управления.

Этноклановый баланс, ставший фундаментальным принципом политического устройства Дагестана, сформировался в результате длительного историко-культурного развития и является примером консенсусной модели этнической демократии, в рамках которой обеспечивается равное представительство основных этнических групп в структурах власти. Ярким воплощением данного подхода стал Государственный Совет Республики Дагестан, созданный в 1994 году, который институционализировал принцип этнического квотирования и инклюзивности, способствовавший межэтническому согласию и политической стабильности.

Однако, указанная модель закрепила институциональные недостатки, такие как непотизм и патронажно-клиентельные сети, которые по-прежнему определяют процесс политического рекрутирования. В республике доминируют персоналистские и родственно-земляческие факторы над формальными, меритократическими критериями элитообразования. Клиентелизм привёл к формированию олигополистической структуры распределения ресурсов, укрепляя позиции некоторых этнических и территориальных элит. Федеральный центр в последние годы реализует стратегию институциональной интеграции Дагестана, активно стараясь деэтнизировать регион. Назначение силовиков и чиновников, не связанных с локальными клановыми структурами, призвано ослабить влияние местных элит.

Важной особенностью политического ландшафта является религиозный фактор. Ислам в Дагестане выступает основной мобилизационной платформой, особенно при отсутствии одной доминирующей этнической группы. В религиозной сфере наблюдается раскол между официальным духовенством и альтернативными

исламскими течениями, в частности салафизмом, однако он носит невооружённый характер.

Перспективы дальнейшей модернизации Республики Дагестан и её встраивания в правовое поле должны учитывать сложившиеся этнократические особенности — игнорировать их невозможно. Необходимо не только повышать прозрачность и меритократическую основу кадровой политики, но и формировать эффективные институты гражданского общества, парламентской демократии и независимых СМИ. Это позволит институционализировать механизмы общественного контроля, ограничить влияние неформальных клановых сетей и обеспечить сбалансированное представительство интересов различных социальных и этнических групп.

Долгосрочная политическая стабильность и устойчивость в Дагестане напрямую зависят от способности региональных элит осуществить переход от традиционно-клиентелистской модели к современным формам управления, сочетающим культурно-исторические особенности региона с универсальными институциональными стандартами демократического и правового государства.

3.3. Особенности становления, функционирования и трансформации региональных элит в Республике Ингушетия: клановый фактор и кризисы легитимности

Политические элиты Республики Ингушетия начали формироваться в начале 1990-х гг., с обретением республикой государственности после распада Чечено-Ингушской АССР. В 1992 г. ингушское общество оказалось перед необходимостью создания собственных органов власти в условиях острого межэтнического конфликта в Пригородном районе и общего политического кризиса. Отсутствие опытных управленцев и неспособность местной партийно-советской номенклатуры к новым реалиям привели к тому, что важную роль в становлении новой региональной элиты сыграли выходцы из силовых структур. Знаковой фигурой переходного периода стал Руслан Аушев – герой афганской войны, полковник Советской Армии. Именно харизма Аушева позволила ему получить широкую народную поддержку на первых выборах главы Ингушетии: по свидетельству государственного и общественного деятеля Ингушетии, опрошенного эксперта, «он не выдвигался – люди просто спонтанно вышли [с предложением избрать его], потому что в 1992 году вся местная элита не знала, что делать, ничего не умела и не ориентировалась на такой исход». В результате первых альтернативных выборов Руслан Аушев был наделён полномочиями президента республики (формально выборы состоялись в 1993 г.), став символом новой политической элиты[213].

Период президентства Р.С. Аушева (1993-2002 гг.) во многом определил базовые черты ингушской элиты того периода. Аушев выстроил относительно инклюзивную модель управления, пытаясь сочетать формальные институты с

[213] *Арапханова Л.Я.* 25 лет ингушской государственности: особенности формирования и развития //Современная научная мысль. – 2017. – № 3. – С. 67–74; *Миронов Б.Н.* Почему не распалась Российская Федерация в 1991 г.? // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. – № 44. – С. 678–704.

опорой на традиционные авторитеты. В состав элиты вошли как бывшие советские кадры, имевшие опыт работы в органах власти, так и новые лидеры, приобретшие влияние благодаря участию в национальном движении или боевому прошлому. Например, заметную роль играли депутаты первого созыва Народного Собрания и руководители, легитимированные участием в становлении республики. Одним из влиятельных деятелей 1990-х был Бембулат Богатырёв – депутат Верховного Совета РСФСР, чьи яркие выступления воспринимались народом как «программа к дальнейшему действию» (цит. эксперта из Ингуштии, историка). В этот период Ингушетия отличалась относительной политической открытостью и самостоятельностью в принятии управленческих решений. Президент Аушев пользовался большим доверием населения, о чём свидетельствует тот факт, что, спустя годы после его ухода, люди дважды собирали десятки тысяч подписей с призывом к его возвращению на пост главы. Под руководством Аушева республиканская власть стремилась учитывать мнение общества и религиозных лидеров: проводились регулярные встречи с советом тайпов (родовых объединений) и духовенством, кадровые назначения негласно согласовывались с влиятельными фигурами. По воспоминаниям эксперта, «в своё время… кадровое назначение [в 1990-е гг.] принимались с учетом религиозных деятелей», что указывает на значимость религиозной элиты в ранний период. 1990-е годы характеризовались формированием национальной политической элиты Ингушетии, в которой переплетались институты современной власти и традиционные лидеры.

В начале 2000-х гг. происходит смена региональной элиты под влиянием Москвы. В 2002 г. Руслан Аушев досрочно оставил пост президента под давлением федерального центра, и в республике утвердилась новая правящая группа во главе с генералом ФСБ Муратом Зязиковым. Приход Зязикова ознаменовал *курирование* Ингушетии из Москвы и усиление позиций «силовых» элит. Хотя формально М. Зязиков также был избран на всенародных выборах, его кандидатура была поддержана федеральной властью, вопреки альтернативным претендентам из

окружения Аушева[214]. В результате, в политической элите усилились черты, характерные для авторитарной *вертикали* власти: закрытость принятия решений, опора на личную преданность и семейно-клановые связи. Многие прежние соратники Аушева были отстранены, а важные посты заняли люди из ближнего окружения нового главы, в том числе его родственники и выходцы из силовых структур. Эксперты отмечают, что Зязиков, будучи «пришлым» лидером (большую часть жизни прожившим вне республики), комплектовал свою команду в основном по принципу личного доверия: «подбор кадров шёл по признаку родства, по признаку подсказок чьих-то заинтересованных» (цит. эксперта), что привело к тому, что в ингушской элите укрепились закрытые клановые группы[215]. Одновременно ослабло влияние независимых общественных институтов: духовенство, которое при Аушеве имело значимый голос, оказалось оттеснено на периферию политики. Зязиков демонстративно подчёркивал светский характер власти и, как отмечается, относился к духовенству с «абсолютным равнодушием», привлекая муфтият лишь для имиджа (и действующий глава Ингушетии состоит в родстве с Зязиковым, что характеризует преемственность элит). В обществе нарастало недовольство коррупцией, клановостью и ухудшением ситуации с безопасностью – в эти годы усилился террористический подпольный фронт, участились случаи похищения людей и нападений на чиновников. Легитимность новой элитной группы оказалась низкой: к середине 2000-х гг. Ингушетия вошла в полосу политической нестабильности, выражением которой стали массовые протесты[216].

В 2008 г. произошёл резонансный кризис, значительно повлиявший на эволюцию ингушской элиты: в августе того года силовиками был убит известный оппозиционный журналист М. Евлоев, открыто критиковавший администрацию

---

[214] *Гулиева М.М., Мерешков М.В., Нальгиев И.Р.* К вопросу формирования органов государственной власти и местного самоуправления республики Ингушетия // Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития / отв. ред. А.А. Сукиасян. – Таганрог: МЦИИ Омега Сайнс; Уфа: МЦИИ Омега Сайнс, 2019. – С. 124–130.

[215] Маркедонов С.М. Политическая ситуация в Ингушетии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – №. 11. – С. 52–64.

[216] *Новицкий И.Я.* Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар: Издательство "Здравствуйте". − 2011. – 270 с.

Зязикова, что спровоцировало волну общественного возмущения, и под давлением как населения, так и федеральных кураторов, Мурат Зязиков был отправлен в отставку[217]. Данный эпизод продемонстрировал уязвимость региональной элиты перед лицом массового недовольства и важность учета общественных настроений в управлении регионом. Президентом (с 2011 г. должность стала именоваться Главой Республики) был назначен Юнус-Бек Евкуров – выходец из Вооружённых сил РФ (спецназ ГРУ), герой России, этнический ингуш, хотя и не имевший прочных корней в местных кланах. Его приход ознаменовал частичное обновление элиты и попытки проведения умеренных реформ. Евкуров сменил значительную часть высших чиновников, дистанцировав от власти наиболее одиозных представителей прежней администрации. В отличие от предшественника, он стремился повысить эффективность управления и восстановить доверие общества. Так, Евкуров инициировал борьбу с коррупцией и начал кадровое обновление на основе профессиональных критериев. Например, отмечается, что при нём религиозные лидеры уже не допускались к участию в государственном управлении – была ликвидирована официальная должность муфтията и духовенство отстранено от влияния на кадровые решения. Вместе с тем, полностью преодолеть клановый принцип подбора кадров не удалось: сохранялось значение личной лояльности и рекомендаций влиятельных фамилий. Евкуров, не имевший собственной опоры в виде местного тайпа, вынужден был балансировать между разными группами. В его команду вошли как молодые технократы, так и представители старой элиты, чья лояльность была проверена. Постепенно Ю. Б. Евкурову удалось стабилизировать ситуацию с безопасностью – вооружённое подполье в значительной мере было нейтрализовано[218]. По оценкам

---

[217] *Сиражудинова С.В.* Формирование основ гражданского общества в традиционалистских условиях Северного Кавказа: дисс. … к. полит. н. – Ростов н/Д. − 2011. − 188 с.

[218] Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г: Экспертный доклад. Научное издание / *Р.И. Абакаров, В.А. Авксентьев, А.З. Адиев* [и др.]. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет. – 2018. – 167 с.; *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Д. − 2011. – С. 123.

экспертов, «в период с 2010-2017 гг. в Ингушетии существовал более либеральный политический режим, отличавший её от соседних республик. Ингушетия воспринималась как «одна из последних вольниц на Северном Кавказе…, сильные позиции были у представителей гражданского общества, НКО» (цит. эксперта). В эти годы в республике проходили митинги и акции протеста по различным социальным вопросам, которые власти в целом терпимо воспринимали, стараясь не допускать силовых разгонов. На фоне жёстких авторитарных моделей управления в соседних субъектах, ингушская элита временно выбрала курс на ограниченную либерализацию и диалог с обществом.

Таблица 5. Основные этапы смены политической элиты в Республике Ингушетия (1993-2023 гг.)

Период правления	**Лидер (должность)**	**Происхождение и легитимность**	**Ключевые черты правления и элиты**	**Исход смены власти**
1993-2002 гг. (первый этап)	Руслан Аушев, президент	Этнический ингуш, полковник ВС СССР, избран всенародно на волне народной поддержки	Инклюзивная элита: сочетание бывших советских кадров и новых лидеров, опора на авторитет традиционных институтов (старейшины, духовенство), относительная автономность от центра	Добровольная отставка под давлением центра (2002 г.), переход власти к ставленнику Москвы
2002-2008 гг. (второй этап)	Мурад Зязиков, президент	Этнический ингуш, генерал ФСБ, поддержан федеральным центром (избран в 2002 г.)	Закрытая элита: доминирование силовиков и родственников лидера, ослабление роли традиционных	Отставка по указу Президента РФ на фоне общественных протестов и кризиса

Период правления	Лидер (должность)	Происхождение и легитимность	Ключевые черты правления и элиты	Исход смены власти
			лидеров, рост коррупции и кризис безопасности	легитимности (2008 г.)
2008-2019 гг. (третий этап)	Юнус-Бек Евкуров, президент/глава республики	Этнический ингуш, офицер ВДВ РФ; назначен указом Президента РФ (2008 г.), утверждён парламентом (2009 г.)	Частично открытая элита: обновление кадров с упором на профессионализм; попытки снизить клановость; диалог с обществом, либерализация политической жизни; восстановление безопасности, но зависимость от федерального центра сохраняется	Добровольно-принудительная отставка после конфликта вокруг границы с Чечнёй (2019 г.), назначение временно исполняющего нового главы
2019 г. - н.в. (четвёртый этап)	Махмуд-Али Калиматов, глава республики	Этнический ингуш, выходец из органов прокуратуры РФ; назначен центром (врио с 2019 г., затем утверждён парламентом)	Закрытие политической системы: возврат к практике назначения по личной преданности; интеграция «варягов» (команды лидера из др. регионов); жёсткий контроль над общественно-политической сферой, «закручивание гаек»	*(На 2025 г. продолжает занимать пост, длительность и исход правления предстоят анализу)*

Период правления	Лидер (должность)	Происхождение и легитимность	Ключевые черты правления и элиты	Исход смены власти
			после протестов 2018 г.	

С 2019 г. власть в республике перешла к Махмуд-Али Калиматову, представляющему уже четвёртое поколение ингушской политической элиты. Его назначение характеризуется как продолжение политики централизации: новый руководитель прибыл из другого региона (большую часть жизни он проработал в Самарской области), что подчёркивало зависимость региональной элиты от федеральной. Калиматов привёз с собой команду соратников – «варягов» из тех же краёв. По словам эксперта, новый глава «привёз очень много [людей] из Самары… это его команда, знакомые», включая председателя правительства республики (К. Сластянина) и ряд ключевых чиновников. Тем самым, принцип личной лояльности лидеру вновь вышел на первый план при формировании элиты. Механизм «парашютизации» кадров извне, будучи неоднозначным, стал восприниматься частью местного общества как ослабление позиций собственно ингушских элит. Одновременно, после 2019 г. федеральные власти усилили контроль за политической сферой Ингушетии. Начался период авторитарной консолидации: как отмечает эксперт, «режим здесь поменялся с демократического на жёстко авторитарный… после [2018 г.] свободы стало меньше, и тенденции идут к тому, что их будет ещё меньше». Фактически, Ингушетия интегрировалась в общероссийский тренд на «закручивание гаек», потеряв статус относительно либерального анклава. Систематическое давление на независимые НКО и активистов, зачистка информационного поля и сворачивание публичной политики – всё это характеризует функционирование элиты в новейший период.

Структура и состав политических элит Ингушетии. Современная политическая элита Ингушетии – относительно узкая группа, отражающая социально-экономические и культурные особенности региона. Численность постоянного «ядра» элиты невелика, что связано с малым размером республики

(население 500 тыс. чел.) и ограниченностью управленческих позиций. В составе элиты можно условно выделить несколько подгрупп (типов акторов):

– *Высшая административно-политическая элита* – руководители органов власти. К ней относятся глава республики и ближайшее окружение (администрация главы), члены регионального правительства (премьер-министр, вице-премьеры, министры), руководители силовых структур, а также председатель Народного Собрания и наиболее влиятельные депутаты парламента. Эта группа фактически принимает ключевые решения и обладает властными ресурсами. Её ядро весьма узко: так, численный состав правительства Ингушетии невелик (около 20 министров), парламент состоит из 32 депутатов, однако реально влиятельных среди них – единицы, зачастую связанные с исполнительной властью. В рамках данной группы наблюдается высокая концентрация выходцев из силовых и управленческих структур. Примечательно, что все без исключения руководители Ингушетии (четверо глав подряд) имели силовое или военно-административное происхождение (военные или спецслужбы), что подчёркивает специфику рекрутации элиты в регионе. Еще одной характеристикой является относительно высокая доля женщин на важных постах. По экспертным оценкам, в последние годы «в республике большинство министров… женщины». Если в традиционном ингушском обществе роль женщин в публичной сфере исторически была ограниченной, то современная тенденция иная: женщины занимают значимые должности (министры финансов, экономики, образования и др.), составляя более половины руководящего корпуса. Согласно исследованию, порядка *75% семейного и производственного благосостояния в Ингушетии обеспечивается женщинами*, что объясняет их растущую представленность во власти. Данный феномен – результат социально-экономических сдвигов (мужская безработица, миграция мужчин на заработки, акцент на образовании женщин и др.) и осознанной кадровой политики: считается, что женщины-чиновники менее вовлечены в клановые конфликты и более лояльны начальству. Тем не

менее, несмотря на высокую долю женщин в среднем звене управления, верхние позиции (глава республики, премьер-министр, силовые ведомства) традиционно занимают мужчины, отражая патриархальный характер политической культуры.

– *Региональная экономическая элита* – крупные предприниматели и руководители предприятий. Экономический базис Ингушетии слаб, промышленность и бизнес мало развиты, а бюджет дотационный. Тем не менее, в 1990-2000-е гг. в республике сформировалась прослойка состоятельных людей, получивших капитал в торговле, строительстве, нефтяной промышленности. Самый известный представитель – миллиардер Михаил Гуциериев (уроженец Ингушетии), владевший нефтяной компанией и инвестировавший в регион. Гуциериев не занимал официальных постов, но обладал значительным неформальным влиянием и воспринимался населением как потенциальный лидер (его менеджерские способности и организаторский талант отмечались экспертами). В целом, экономическая элита в Ингушетии имеет ограниченное влияние на политику по сравнению с административной, однако может играть роль *«спонсора»* – поддерживать лояльных чиновников, финансировать социальные проекты, тем самым формируя ресурсную базу для политической элиты. Связи между властью и бизнесом строятся зачастую на родственно-земляческих основах: многие бизнесмены происходят из тех же семейных кланов, что и чиновники, либо являются их родственниками. Это усиливает сплоченность элитного слоя, но с другой стороны – снижает прозрачность отношений и способствует конфликтам интересов.

– *Традиционные лидеры и религиозная элита* – уважаемые старейшины родов (тайпов), лидеры общественного мнения из числа известных фамилий, деятели мусульманского духовенства. Ингушетия – моноэтничный (ингуши более 95%) и моноконфессиональный (ислам суннитского толка) регион, где исторически велики роль адатов (обычаев) и авторитет духовных лиц. Поэтому формально вне государственных институтов существует пласт влиятельных

лиц, чье мнение способно влиять на поведение масс. В 1990-е гг. совет тайпов и Совет старейшин активно участвовали в урегулировании конфликтов и даже в кадровых вопросах. Однако в 2000-е власть начала ограничивать их влияние, опасаясь конкуренции. Как отметил один эксперт, ныне «делается всё, чтобы раздробить ингушское общество на кланы… совет тайпов ничего не решает, он сделан искусственно». Тем не менее, традиционные авторитеты вновь проявили себя в 2018 г., когда именно они возглавили протестное движение, выступив от имени общества. После тех событий государственная элита постаралась нейтрализовать оппозиционно настроенных активистов: ряд глав тайповых союзов были арестованы. В результате этноэлита либо кооптирована во власть, либо вытеснена из публичной политики. Эволюция элит прослеживается и в отношении духовной элиты, в том числе влияния муфтията. Например, при Аушеве назначения согласовывались с духовенством. Далее роль духовенства ослабла; более того, при Евкурове муфтият Ингушетии был распущен. Религиозные лидеры потеряли рычаги влияния на политику, оставаясь лишь моральными авторитетами для части общества. Этот процесс усилил роль неформальных религиозных течений, таких как традиционные суфийские братства и тарикаты.

– *Общественно-информационная элита* – относительно новая категория, включающая лидеров негосударственных организаций, журналистов и блогеров. В условиях ограниченной партийной конкуренции (региональные отделения парламентских партий в Ингушетии не обладают самостоятельным значением и фактически входят в номенклатуру власти) именно гражданские активисты и медийные фигуры стали альтернативным каналом выражения интересов части общества. В 2010-е гг. появились известные общественные деятели, не занимавшие официальных постов, но имевшие влияние. К примеру, одним из народных лидеров считался Барах Чемурзиев (глава регионального отделения общественного движения), возглавлявший протестный комитет в 2018 г.; значительным авторитетом пользовался ветеран

политики Иса Кодзоев, остававшийся советником при главе и чьё мнение уважали многие ингуши. Кроме того, развитие социальных сетей породило «новые лица» – популярные ингушские блогеры, которые, обладая большой аудиторией, стали своего рода *околополитической элитой*, способной формировать общественное мнение. Официальная власть, хотя и не признаёт их частью политической элиты, вынуждена учитывать воздействие информационной повестки, исходящей от этих акторов. После 2019 г. влияние общественно-информационной элиты было существенно снижено репрессивными мерами (некоторые активисты арестованы, для СМИ введены ограничения), однако полностью этот сегмент не исчез и продолжает латентно влиять на политический процесс.

Политическая элита Ингушетии – сложное образование, включающее как формальное ядро власти, так и неформальные окружения (семейно-клановые сети, бизнес-лобби, традиционные и медийные авторитеты). В кадровом отношении ей присущи некоторые черты, сходные с общероссийскими (высокий уровень образования большинства представителей, преобладание мужчин на высших постах, сильное присутствие выходцев из силовых структур), но есть и выраженная региональная специфика. Последняя обусловлена историей ингушского народа, сохраняющей влияние родоплеменных связей и травму депортации, а также малым размером республики, где «все на виду». Практически все члены политической элиты знакомы друг с другом лично, многие связаны родством или многоуровневыми неформальными отношениями. Это обеспечивает высокой уровень сплочённости элиты, но одновременно создаёт риски клановости и кумовства.

*Механизмы циркуляции и функционирования элит. Од*ной из задач исследования политических элит является понимание того, каким образом элитная группа воспроизводит себя и пополняется новыми членами. В случае Ингушетии механизмы формирования и циркуляции элит сочетают формальные

институциональные процедуры с выраженным влиянием неформальных факторов. Можно выделить несколько основных механизмов:

1. *Назначения и «вертикальная мобилизация»*. В условиях современной России главы регионов фактически назначаются центром (через институт утверждения парламентом по представлению Президента РФ). Поэтому основной канал поступления в высшую элиту Ингушетии – это *вертикальная мобилизация по линии федерального центра*. Кандидатура руководителя республики определяется вне непосредственного влияния местных элит и населения. Как следствие, на высших позициях нередко оказываются лица, ранее не принадлежавшие к ингушскому политическому классу (пример – генералы Зязиков и Евкуров, направленные из федеральных структур). Этот фактор приводит к своеобразному разрыву: часть элиты носит «внешний» характер, т.е. воспринимается как присланная из Москвы и ориентированная прежде всего на федеральные задачи. По замечанию одного эксперта, такие лидеры «не жили здесь…, знали [республику] наездами и то через ограниченный круг родственников». Их управленческие решения зачастую принимаются под влиянием указаний «сверху» или исходят из федеральной целесообразности, что может вступать в противоречие с локальными интересами. Тем не менее, после назначения эти лидеры стремятся опереться на часть местных элит, чтобы обеспечить себе поддержку «*in situ»*. Это происходит через включение в обойму представителей влиятельных ингушских фамилий и кланов. К примеру, Ю. Евкуров, будучи Героем России и командиром ВДВ, заручился поддержкой ветеранов, авторитетов из числа бывших и нынешних соратников Р. Аушева, а М. Калиматов оставил на должностях некоторых чиновников прежней администрации. Получается, что механизм федеральных назначений формирует элиту только «сверху», что не обеспечивает её успешного функционирования и требует интеграции с элитой «снизу», приводя к неизбежному взаимопроникновению элитных групп.

2. *Местные выборы.* В Ингушетии прямые выборы главы региона отменены, но сохраняются выборные механизмы на уровне парламента. Народное Собрание Республики Ингушетия (парламент) формируется по партийным спискам. Подавляющее большинство депутатов представляют партию «Единая Россия». Окончательное решение остаётся за главой государства — здесь непредсказуемости не бывает. Тем не менее, выборы в парламент и местные советы дают возможность прохода во власть отдельных новых лиц – обычно это представители бизнес-элиты или местной знати, пользующиеся поддержкой в своих округах. Так, известно, что в парламенте Ингушетии традиционно присутствуют несколько депутатов из известных фамилий (Аушевы, Мальсаговы и др.), которые не занимают постов в правительстве, но входят в элиту как законодатели и *неформальные лоббисты* интересов своих тайпов. Однако, реальное влияние законодательной элиты ограничено, поскольку законодательный орган играет скорее вспомогательную роль при исполнительной власти. Муниципальные выборы – ещё один канал рекрутирования: успешные главы районов, городов могут со временем продвигаться наверх. Например, карьерный путь ряда министров начинался с руководства муниципалитетами. Тем не менее, во многом из-за небольших размеров республики кадровый резерв на местном уровне узок. К тому же, после протестов 2018 г. система муниципального самоуправления была фактически поставлена под контроль: неугодные главы администраций были смещены, полномочия местных Советов урезаны. Формальные выборные механизмы в современной Ингушетии лишь в ограниченной степени способствуют обновлению элит, будучи *фильтрованы через партию власти и административный ресурс*. Тем не менее, наличие выборов обеспечивает минимальную легитимацию политической системы и канализирует амбиции части активистов, предлагая им институционализированный путь в политику.
3. *Клановo-родственные сети и неформальная кооптация*. Неформальные механизмы, основанные на семейных, дружеских и земляческих связях,

играют едва ли не решающую роль в циркуляции ингушских элит. В республике сложился *традиционалистский тип элиты*, где принадлежность к определённой фамильной группе и наличие “своих людей” во власти существенно влияют на карьерный рост. Экспертные интервью подтверждают, что личные связи и родственные узы – главный фактор попадания во власть, превосходящий по значимости образование или профессиональные заслуги. Например, в 2020 г. ректором Ингушского государственного университета была назначена Фатима Албакова, которую называли близкой родственницей действующего главы республики. Этот случай иллюстрирует тенденцию: ключевые позиции часто получают члены семьи или клана руководителя. Анализ показывает, что в структурах власти Ингушетии представлены несколько влиятельных родов, представители которых занимают разные должности. К таким «династиям» относят, например, фамилии Аушевых, Мальсаговых, Точиевых, Цечоевых – их представители встречаются на уровнях от муниципальной власти до министерских постов. Таблица 6 обобщает некоторые примеры родственно-клановых связей в политической элите Ингушетии.

Таблица 6. Примеры родственно-клановых связей в структуре политической элиты

Должность/роль	**ФИО и период**	**Родственно-клановая связь и её характер**
Глава Республики (2002-2008 гг.)	**Мурад Зязиков**	Продвижение близких родственников на ключевые посты (семья Зязиковых); зять занимал высокую должность в силовых органах *(неофициально отмечалось)*.
Ректор Ингушского государственного университета (с 2020 г.)	**Фатима Албакова**	Родственница главы республики М.-А. Калиматова; назначение объяснялось доверием со стороны руководителя.

Должность/роль	ФИО и период	Родственно-клановая связь и её характер
Председатель Правительства (с 2019 г.)	**Константин Сластенин**	Соратник М.-А. Калиматова по прежней работе в Самарской обл. Приглашён в регион вместе с главой. Личный друг семьи Калиматовых.
Помощник главы республики (2019-2021 гг.)	**(имя не раскрыто)**	82-летний бывший прокурор, отец руководителя Управления ФССП (службы приставов). Использовался как советник благодаря своему авторитету и родственным связям.
Депутат Народного Собрания, лидер протестов (2018 г.)	**Багаудин Мальсагов**	Представитель тайпа Мальсаговых, одна из наиболее известных фамилий. Обладал семейными связями с рядом чиновников, что отчасти защитило его в период депутатской деятельности.

(Примечание: данные иллюстрируют типичные случаи, официально родственные связи редко декларируются, информация собрана из экспертных интервью.)

Как видно, родственные отношения пронизывают многие уровни власти. Клановая кооптация проявляется двояко: с одной стороны, приход к власти определённого лидера ведёт к продвижению его родственников и земляков (“команды”) на высокие посты; с другой – сами традиционные фамилии стремятся продвинуть своих представителей, используя связи и покровительство (*протекцию*). Эксперт отмечает: «назначают [на должности] тех, кто… просто потому, что родственник или протекция какая-то сильная». Причём протекция может исходить не только от местных, но и от федеральных покровителей. В ингушской элите есть понятие «Москвай» – ингуши, занимающие позиции в Москве и лоббирующие интересы своих родственников на родине. В 1990-е гг. именно таким образом были устроены многие кадровые назначения: федеральные покровители из числа ингушской диаспоры рекомендовали своих людей в руководство молодой республики. В последующие годы ситуация принципиально не изменилась: при подборе кадров формальные критерии (опыт, компетентность)

часто отступают на второй план перед соображениями личной верности и семейной солидарности. Подобная система порождает *замкнутость элитного круга*: «нет ни одного примера достойного назначения… всё назначается по родству или протекции… случайные люди без опыта попадают [во власть]» – констатирует эксперт. Отсюда – слабая институционализация преемственности: уход одного руководителя обычно ведёт к массовой смене команды, так как старая элита не готовила себе смену и не привлекала новых профессионалов.

4. «*Ротация сверху» и отбор по лояльности*. Ещё одним механизмом обновления элит является ротация, инициируемая вышестоящими структурами – будь то федеральный центр или сам глава республики. Такая ротация происходит, как правило, в двух случаях: а) при смене руководителя региона (новый глава приводит свою команду, устраняя предшественников); б) при возникновении политического кризиса или недовольстве работой конкретных чиновников. В Ингушетии в новейшее время отмечаются *волны смены кадров*, совпадающие с этапами смены лидеров (2002, 2008, 2019 гг.) – тогда происходила почти полная замена правительства, администрации и глав районов. Однако между этими крупными пертурбациями имеет место и *точечная ротация* как инструмент поддержания управляемости. Главный критерий – политическая лояльность. Например, после протестов 2018 г. и смены главы региона, новый руководитель провёл чистку среди муниципальных глав и чиновников, замеченных в симпатиях к протестному движению. Происходит исключение из элиты нелояльных элементов. По сути, в подобных случаях работает принцип негативной селекции: более самостоятельные и активные деятели устраняются, а остаются «серые личности, которые… готовы сказать «есть». Такая тенденция ведёт к деградации качества управления: во власти удерживаются лица не по профессиональным заслугам, а по умению не противоречить. Это отмечают сами представители элиты: «Во власти случилась полная дистрофия управленческой структуры… держат [на должности] человека, который

разваливает [работу], и любые попытки указать на это пресекаются, наказывают тех, кто заявил». Тем не менее, с точки зрения сохранения власти, данный механизм эффективен для правящей группы – он минимизирует риск появления внутриэлитной оппозиции. Стоит упомянуть также федеральный институт полномочных представителей Президента в округе (Полпред в СКФО), который теоретически должен осуществлять надзор за региональными элитами. Однако, по оценкам экспертов, в последние годы роль полпредства в СКФО стала формальной: «последние два-три полпреда… никакого влияния не оказывают… просто фиксируют и присутствуют на совещаниях». Это означает, что реальная ротация и контроль над ингушской элитой осуществляются напрямую администрацией Президента РФ, минуя промежуточные структуры. В итоге, местная элитная пирамида относительно автономна в своём внутреннем функционировании до тех пор, пока не нарушает «правила игры» и поддерживает нужный уровень лояльности центру.

В совокупности, описанные механизмы приводят к тому, что циркуляция элит в Ингушетии носит ограниченный и циклический характер, с преобладанием закрытых каналов рекрутирования. Молодые кадры и представители непубличных слоёв общества имеют затруднённый доступ в элиту. Типичная траектория карьерного роста — через государственную службу или через включение в клиентелистскую сеть. Вхождение «чужаков» практически исключается без покровительства. Исключение составляют периоды кризисов, когда возможен всплеск элитной ротации под общественным давлением, однако далее система стабилизируется, и начинается следующий цикл воспроизводства.

– Характер функционирования ингушской политической элиты не особо отличается от соседей: он определяется теми же ресурсами и вызовами. Тем не менее она действует в специфических условиях: территориальных проблемах с Северной Осетией, наличии сильных традиций народного самоуправления и др.

– *Противодействие терроризму и экстремизму (2000-е гг.):* в период правления М. Зязикова Ингушетия столкнулась с всплеском вооружённого подполья. Элитам не удавалось эффективно удерживать контроль: силовые ведомства действовали жёстко, но неадресно, что лишь увеличивало отчуждённость населения. Ситуация изменилась при Ю. Евкурове, который сам едва не погиб в результате теракта (покушение в июне 2009 г.) и извлёк уроки из прежних ошибок. Евкуров инициировал программу амнистирования боевиков, привлекая религиозных лидеров для убеждения молодых радикалов сложить оружие. Инклюзивный подход сочетал принуждение (военные операции против непримиримых экстремистов) с кооптацией (прощение сдавшихся, трудоустройство их через духовенство). В результате, к середине 2010-х гг. террористическая активность в Ингушетии заметно снизилась. Этот пример показал, что элита способна адаптироваться и применять комплексные меры, опираясь на авторитет духовной элиты (имамов, наставников) и учитывая местные социальные связи для восстановления мира.

– *Протесты 2018-2019 годов:* мирные массовые митинги против соглашения о границе с Чечнёй стали серьёзным вызовом для политической элиты. С одной стороны, эта ситуация продемонстрировала расхождение между элитой и народом. Решение, принятое узкой группой во власти, не получило поддержки большинства населения, что вылилось в организованное сопротивление. С другой стороны, реакция элиты высветила её внутренние противоречия. Изначально часть ингушских чиновников и депутатов симпатизировала требованиям протестующих (некоторые публично высказывались против передачи земель). Однако, под давлением федерального центра республиканская власть перешла к силовому сценарию, фактически расколов элиту: лоялисты сплотились вокруг главы, а несогласные были маргинализированы. Итогом стала перебалансировка элит – отстранение Евкурова, приход новой команды Калиматова, усиление роли силового блока. Данный кейс подчёркивает зависимость региональной элиты от федеральной: фактически, конфликт был разрешён по решению Москвы, а не через

компромисс элиты с протестующими. Это несколько снизило самостоятельность элиты, которая вынужденно пожертвовала частью своего общественного доверия ради сохранения вертикали власти.

Таблица 7. Основные политические кризисы в Ингушетии и реакция правящей элиты

Кризисное событие	Год	Причина и характер	Реакция и действия элиты	Итог и влияние на элиту
Осетино-ингушский конфликт (межэтнический)	1992 г.	Спор из-за Пригородного района; вооружённые столкновения ингушских групп с силовыми структурами Северной Осетии и МВД РФ.	Региональная элита слабо организована, практически устранена от влияния; руководство Ингушетии (в лице временного Совета) апеллирует к Москве. Президент Р. Аушев после конфликта добивается статуса гаранта мирного процесса, участвует в переговорах.	Территориальная проблема остаётся нерешённой; элита осознаёт зависимость от федеральных решений. Аушев укрепляет свой авторитет миротворца, что повышает консолидацию элиты вокруг него.
Рост террористического подполья, похищения людей	2004-2008 гг.	Активизация радикальных групп (особенно после вторжения боевиков в Назрань в 2004 г.); многочисленные	Президент М. Зязиков усиливает карательные меры: зачистки, привлечение	После убийства журналиста М. Евлоева (2008) центр снимает Зязикова. Новая элита (Евкуров)

Кризисное событие	**Год**	**Причина и характер**	**Реакция и действия элиты**	**Итог и влияние на элиту**
		похищения людей и убийства, рост недоверия к власти.	федеральных сил; ситуация выходит из-под контроля, рейтинги падают. Оппозиционная часть элиты (правозащитники, журналисты) привлекает внимание центра к проблеме.	меняет подход: сочетает силовое давление с амнистиями. К 2010-м году ситуация стабилизируется. Элита получает урок о необходимости диалога с обществом и гибкой тактики.
«Пограничный» протест против передачи части территории Чечне	2018-2019 гг.	Подписание соглашения об установлении границы с Чечнёй, предусматривавшего обмен территориями не в пользу Ингушетии (по версии протестующих); воспринято населением как уступка давления Р. Кадырова.	Глава Ю. Евкуров действует кулуарно, без обсуждения; парламент поспешно ратифицирует соглашение. После вспышки протеста элита разделяется: часть депутатов и чиновников выражает сомнения. Федеральный центр поддерживает Евкурова, вводятся войска; происходят	Элита понесла потери в легитимности: доверие народа подорвано. Произошла чистка оппозиционных элементов, централизация принятия решений. Фактически автономия региональной элиты сократилась, важные вопросы решаются с оглядкой на

Кризисное событие	Год	Причина и характер	Реакция и действия элиты	Итог и влияние на элиту
			столкновения (март 2019 г.). В итоге Евкуров подаёт в отставку, протест подавлен, лидеры арестованы. Новый врио М. Калиматов резко ужесточает политику.	Москву и соседнюю Чечню. Одновременно усилилась роль силовиков в элите.

Из таблицы 7 видно, что ингушская элита действует в режиме реагирования на острые вызовы, поочерёдно пытаясь балансировать между учётом народных настроений и верностью федеральному курсу. Если в 1990-2000-е гг. элита иногда могла позволить себе учитывать мнение общества (как в случае с амнистиями боевиков, частично удовлетворившими запрос религиозных общин на милосердие), то к концу 2010-х гг. приоритетом стал порядок и послушание центру любой ценой. Последнее выразилось в практике *«раздробления общества на кланы»*, чтобы не допустить консолидации оппозиции и персонализации ответственности за принятие решений. Так, современный стиль управления в Ингушетии предполагает минимизацию коллегиальности: решения часто принимаются узким кругом вокруг главы, без широкого обсуждения. Институты, призванные обеспечивать обратную связь (Общественная палата, Совет старейшин, Совет тайпов, консультативные комиссии), либо декоративны, либо находятся под контролем власти. Политическая элита, сохранившаяся после турбулентности 2018-2019 гг., характеризуется высокой степенью лояльности и осторожности. «Лидеры могут быть там, где есть относительная свобода. Сегодня здесь недопустима никакая политическая свобода… поэтому выраженных политических деятелей здесь нет», – констатирует экспертное мнение. Действительно, в Ингушетии фактически отсутствует ярко

выраженный неформальный лидер общенационального масштаба (как Р. Кадыров в Чечне). Даже действующий глава позиционируется скорее как технократ-управленец.

Несмотря на это, нельзя утверждать, что элита полностью оторвана от народа. Ингушская политическая культура, в основе которой лежат сильные родственные связи, обязывает элиту считаться с общественным мнением своих тайпов и округов. Например, депутаты парламента, представляющие определённые семьи, вынуждены периодически поднимать в повестке вопросы, волнующие их избирателей (земельные споры, социальные льготы для репрессированных и т.п.). Кроме того, элита использует традиционные ценности для легитимации своего правления. Риторика апелляции к исламу, патриотизму, исторической памяти о сталинской депортации регулярно звучит в выступлениях руководителей, хотя реальное влияние духовенства и старейшин на политику минимально. Эта двойственность – одна из черт функционирования элит на Северном Кавказе, отмечаемая исследователями: с одной стороны, элиты модернизируются и интегрируются в общероссийскую бюрократическую систему, с другой – сохраняют опору на локальную идентичность и неформальные практики.

Ресурсы и ограничения элит. Политические элиты Ингушетии располагают рядом ресурсов, от эффективного использования которых зависит устойчивость политической системы. К основным ресурсам относятся:

- *Административный ресурс*: концентрация власти в руках узкой группы позволяет элите мобилизовать государственный аппарат для реализации решений (назначения, перераспределение бюджета, контроль над СМИ и пр.). В ингушских условиях этот ресурс усилен отсутствием сильной оппозиции и поддержки со стороны федеральных силовиков. Ограничивает его применение лишь опасение вызвать новое недовольство населения.
- *Экономический ресурс*: республиканская элита контролирует значительные финансовые поступления из федерального бюджета (дотации составляют более 80% доходов региона). Распределение этих средств служит базой для

патронажной системы: лояльные элите группы получают субсидии, рабочие места в госсекторе, подряды на строительство и т. д. Это повышает зависимость населения от элиты. Однако слабость собственной экономики ограничивает возможности – элита вынуждена конкурировать за федеральные инвестиции с другими регионами, что не всегда успешно.

- *Информационный ресурс*: после 2019 г. практически все локальное медиапространство (телевидение, официальные интернет-ресурсы) контролируется властями. Информационная политика направлена на формирование образа стабильности и развития. Тем не менее, сохраняется фактор альтернативных источников (социальные сети, телеграм-каналы), поэтому элита вынуждена прилагать усилия для нейтрализации нежелательных информационных волн.
- *Силовой ресурс*: органы правопорядка (МВД, Росгвардия) и судебная система в значительной мере лояльны республиканской власти. Это было продемонстрировано, например, в ходе судебных процессов над лидерами протеста, когда ингушский суд вынес суровые приговоры активистам. Элитная группа активно использует силовой ресурс для пресечения оппозиционной активности, а также для поддержания внутренней дисциплины. Но есть и уязвимость – часть силового блока в Ингушетии подчиняется не региону, а напрямую федерации (например, ФСБ), что создаёт риск неполного контроля.

Наряду с ресурсами, у ингушской элиты есть и *системные ограничения*: узость социальной базы (молодёжь и образованное городское население слабо представлены в элите, что порождает отчуждение), межклановая конкуренция (латентные противоречия между тайпами могут вспыхнуть, если баланс интересов нарушен), геополитическое давление (соседняя Чечня во главе с влиятельным Р. Кадыровым способна воздействовать на расклад сил – эпизод с границей это продемонстрировал). Институциональное доверие действительно играет узловую роль в легитимности политических элит, и его дефицит может привести к

маргинализации власти и росту протестных настроений. Пример Ингушетии 2018 года подтверждает эту гипотезу: подрыв доверия к власти из-за соглашения о границе с Чечнёй спровоцировал массовые протесты, которые в итоге привели к отставке главы республики Юнус-Бека Евкурова.

На основе проведённого анализа можно сделать ряд обобщающих выводов:

- *Историческая преемственность и цикличность.* Сохраняется ядро семейно-клановых групп, и происходит циркуляция элиты по «закрытому кругу»: старые фамилии остаются, лишь чередуются в первых рядах. Каждая смена главы республики лишь инициирует новый цикл консолидации вокруг него, но структурно элита остаётся схожей, практически неизменной.
- *Дихотомия формальных и неформальных институтов.* Ингушская элита вынуждена лавировать между требованиями модернизированного государственного управления и давлением традиционного общества. Формальные должности часто занимают люди, легитимные в глазах федерации, а их неформальная легитимность внутри республики обеспечивается принадлежностью к важным социальным сетям (родству, религиозным общинам). Это делает систему управления одновременно формально бюрократической и, по существу, *патримониальной*. Такой дуализм является источником устойчивости (опора на традиции) и слабости (конфликт рационально-правовых норм с клиентелизмом).
- *Влияние внешних факторов и центра.* Политико-административная элита Ингушетии интегрирована в вертикаль власти РФ, вследствие чего крупные изменения (особенно кадровые) инициируются «сверху». Региональная элита во многом зависит от федеральных ресурсов – финансовых, силовых, легитимационных. В то же время, Северный Кавказ остаётся зоной, где центр допускает определённую специфику в управлении (учёт местных обычаев, особый статус ислама, клановость). Ингушская элита, по сути, служит *проводником политики центра*, стараясь вписать её в местный контекст. Мифы о полной автономии кавказских элит не подтвердились: как показал

опыт Ингушетии, без поддержки Москвы даже наиболее харизматичные лидеры (Аушев) вынуждены покинуть пост, а непопулярные решения могут быть навязаны извне.

- *Ресурсная база и легитимность***.** Устойчивая работа элиты обеспечивается доступом к важным ресурсам – административным, экономическим, силовым, информационным. Легитимность – ресурс не менее значимый, но им пренебрегали в последние годы. Если в 1990-е – 2000-е гг. элиты старались демонстрировать *результативность* (обеспечение мира, борьба с терроризмом) как основу легитимности, то к 2020-м гг. акцент сместился на *формальную лояльность*. Без повышения институционального доверия и включения общества в управление у элиты могут возникнуть новые кризисы доверия. Важнейшей социополитической задачей остается восстановление каналов коммуникации между властью и обществом, иначе разрыв будет воспроизводиться.
- *Особенности управления в Ингушетии.* Региональная специфика – малочисленность населения, сильные родственные связи, травматический исторический опыт – требуют от элиты деликатного подхода. Управление зачастую осуществляется методами *«ручного режима»*: личные встречи главы с населением (практика еженедельных приемов граждан), поездки по деревням, решение проблем отдельных семей – всё это призвано компенсировать недостаток институтов. Кейс-индуцированное управление стало характерной чертой: пока проблема не перерастёт в кризис (будь то протест или ЧП), системных решений не принимается. После 2019 г. управление стало более директивным, с упором на силовой контроль, однако и сам глава М. Калиматов, по отзывам, стремится «делать всё, чтобы поднять экономику республики и укрепить её политические институты». То есть, официально провозглашается курс на развитие и эффективность, хотя методы его реализации остаются дискуссионными.

Можно сделать вывод, что политическая эволюция Ингушетии с начала 1990-х гг. демонстрирует сочетание классических элитистских моделей власти с уникальными региональными особенностями. В республике наблюдаются явления элитизма (доминирование узкого круга правящей группы), патримониализма и клиентелизма (власть опирается на личную преданность, семейно-родственные связи и распределение благ по патронажному принципу), клановости (роль тайпов – родственных кланов) и действие «вертикали власти» (централизованной подчинённости региона федеральному центру). Ингушетия в целом демонстрирует общие подходы в организации власти, присущие и другим республикам. Можно сказать, управленческие институты носят формально бюрократический, но, по сути, неопатримониальный характер: официальные должности занимают люди из круга «своих», обладающие нужными связями и лояльностью, что превращает государственный аппарат в продолжение неформальных отношений. Такой дуализм формальных и неформальных институтов обеспечивает власти определённую устойчивость, опираясь на привычные обществу традиции, но и ограничивает институциональное развитие, порождая конфликты между рационально-правовыми нормами и клиентелистскими практиками. Традиционные источники легитимности сохраняют значение: первое постсоветское руководство во главе с Русланом Аушевым опиралось на харизму лидера и поддержку тайпов и духовенства, обеспечивая синтез институциональной (формально-выборной) и традиционной легитимности. В последующие годы баланс сдвинулся в сторону формальной, «вертикальной» легитимности власти – лидеры утверждались при решающей роли Москвы, однако без подкрепления местным доверием это нередко приводило к дефициту легитимности и росту народного недовольства.

Опыт Ингушетии во многом коррелируется с общероссийскими тенденциями, но отражает и специфический кавказский контекст. Подобно другим регионам, республика прошла путь от относительной политической открытости 1990-х гг. к усилению авторитарной «вертикали власти» в 2000-е гг.: федеральный центр всё более определял кадровый состав и политический курс, требуя от элиты

лояльности. Вместе с тем на Северном Кавказе сильны традиционные институты родства и авторитета старейшин, поэтому региональная элита должна была учитывать и традиционную легитимность. Ингушские руководители лавировали между требованиями модернизированного государственного управления и давлением традиционного общества. Формально институциональные решения подкреплялись неформальными соглашениями с влиятельными фамилиями, делая власть гибридной – одновременно рационально-бюрократической и патриархально-клиентелистской. Центр допускал местную специфику (клановость, особую роль ислама), что смягчало встраивание вертикали, но противоречие между федеральными приоритетами и ожиданиями общества периодически порождало кризисы легитимности. Эта противоречивость особенно проявилась в контрасте стилей правления: если харизматичный Р. Аушев в 1990-е гг. учитывал мнение общества, то ставленник Москвы М. Зязиков (2002-2008 гг.) опирался на узкий круг силовиков и родственников, отстранив традиционных лидеров и подорвав доверие населения.

Заключение. Эволюция ингушской элиты носит цикличный характер с ограниченной сменяемостью. Каждая смена главы республики запускала новый виток консолидации вокруг лидера, но структурное ядро элиты, по существу, не изменялось. В целом политичсекий режим в Ингушетии продолжает тенденции авторитарной консолидации: формальные институты слабы, реальные решения принимаются через закрытые каналы и партийно-кадровую вертикаль. «Единая Россия» фактически монополизировала власть – её депутаты внесли и утвердили кандидатуру Калиматова «за пять минут», а парламент полностью лоялен главе. Официальные структуры не противостоят неформальным – старые ингушские тайпы и патронажные связи по-прежнему определяют политику и распределение ресурсов. В региональной элите сохраняется «баталхаджинский» клан (депутаты Белхороевы – внуки шейха Батал-хаджи), что иллюстрирует клановый характер местной политики.

3.4. Политико-административная эволюция и этнические балансы в элитах Кабардино-Балкарской Республики

Политико-административная эволюция и этнические балансы в элитах Кабардино-Балкарии остаются малоизученным звеном в исследовательской картине Северного Кавказа. Между тем от того, как именно формируются и взаимодействуют региональные группы влияния, зависит устойчивость двунациональной республики, её способность интегрировать кабардинское большинство и балкарское меньшинство, а также конвертировать федеральные ресурсы в развитие[219]. Послевоенное восстановление балкарских районов, этнополитический кризис начала 1990-х гг., кланово-патронажная модель правления эпохи В. Кокова, приход «бизнес-элиты» в середине 2000-х гг. и последующее усиление силового компонента – все эти этапы не рассматривались до сих пор в единой логике смены элитных режимов[220]. Анализируя их в сопоставлении с запросами общества на справедливое представительство и с жёсткими требованиями федерального центра к лояльности, настоящее исследование позволяет проследить, как именно складывался современный компромисс между тремя ядрами влияния («кооковским», «каноковским» и силовым) и почему этот компромисс остаётся хрупким. Оно не только уточняет механизмы региональной элитности, но и вносит вклад в более широкий дискурс о политической стабильности многонациональных субъектов России.

В научном плане под элитой обычно понимают относительно малочисленную группу, обладающую диспропорционально большим влиянием на власть и общество. Так, эксперт отмечает, что формальным социологическим признаком

---

[219] *Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N.* Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? Psychology in Russia: State of the Art. – 2016. – No. 9 (1). – Pp. 57–73. – URL: https://psychologyinrussia.com/volumes/?article=4627&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 02.08.2024).

[220] Koehler J., Gunya A., Shogenov M., Tumov A. Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria // Perspectives on Terrorism. – 2020. – Vol. 14. – № 2. – Pp. 93–111. – URL: https://www.jstor.org/stable/26910410 (дата обращения: 02.01.2025).

принадлежности к элите является *«принадлежность к слою или группе, имеющей существенное влияние на те или иные стороны жизни данного сообщества»*. В то же время, существуют разные подходы к определению элиты: ценностный (элита как носитель выдающихся качеств) и функционально-ресурсный (элита как обладающие властью или ресурсами). На Северном Кавказе превалирует именно ресурсно-властный подход – как подчеркнул эксперт-этносоциолог, *«элита… на Северном Кавказе – это те, кто обладает властью и финансами»*, причем процесс формирования элит (элитостроение) еще далек от завершения. Иными словами, региональные элиты все еще находятся в стадии становления, их состав и структура продолжают эволюционировать под влиянием исторических, политических, этнических и экономических факторов.

Историческая эволюция элит с 1990-х годов. В первые годы после распада СССР в Кабардино-Балкарии происходила стремительная смена политических элит. Бывшая советская партийная номенклатура частично сохранила позиции, но одновременно возникли новые центры влияния, связанные с национальными движениями и зарождающейся рыночной экономикой. Начало 1990-х годов ознаменовалось острым этнополитическим кризисом, который поставил Кабардино-Балкарскую Республику (КБР) на грань распада. Здесь важное значение имел вопрос восстановления административно-территориальной структуры и территориальной реабилитации балкарского народа. В 1957 году, после возвращения балкарцев из ссылки (вследствие депортации 1944 года), были восстановлены четыре района — Эльбрусский, Чегемский, Черекский и Хуламо-Безенгиевский, — которые до 1944 года составляли ядро расселения балкарцев. Эти шаги по реабилитации балкарцев стали частью общей политики восстановления утраченных прав народа, однако уже в последующие годы (особенно в случае с Хуламо-Безенгиевским районом) наблюдалась тенденция к их административной реорганизации. Данное обстоятельство воспринималось значительной частью балкарской элиты как свертывание элементов территориальной субъектности, что в дальнейшем породило волны недовольства и

мобилизационных настроений, особенно в условиях этнополитической либерализации конца 1980-х – начала 1990-х годов. Описываемые этнополитические процессы и их природа подробно анализируются в ряде диссертационных исследований, посвящённых ситуации на Северном Кавказе, в частности в Кабардино-Балкарии[221].

Как напоминает опрошенный эксперт, «в начале 90-х годов… республика стояла на грани… раздела». Дискуссия тогда шла о том, по какой линии разделить Кабардино-Балкарию: кабардинская сторона апеллировала к историческим границам Кабарды и Балкарии, утвержденным ещё в дореволюционный период, а балкарская – оспаривала их, настаивая на собственной версии исконной территории. В основе противоречий лежали два вопроса – статус каждого народа и границы их проживания – и, как подчёркивает эксперт, «именно они лежали в основе кризиса начала 90-х годов, [который]… не был решён»[222].

Дополняя этот анализ, сам эксперт в другом контексте уточняет, что эти противоречия были не просто следствием конкретных политических решений, а результатом глубинных процессов, формирующихся на пересечении национальной и государственной консолидации. По его словам, «в условиях кризисного перехода

---

[221] *Аккиева С.И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике: постсоветский период: дисс. … д. ист. н. – М. – 2002. – 426 с.; *Апажева Е.Х.* Межнациональные отношения в процессах общественной трансформации в этнически родственных республиках Северного Кавказа: Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Республика Адыгея. 1985–2000 гг.: дисс. … д. ист. н. – Владикавказ. − 2003. – 391 с.; *Тетуев А.И.* Национальная политика на Северном Кавказе: политические и социально-экономические предпосылки межнационального согласия: 1990-е – начало XXI в.: дисс. … д. ист. н. – Нальчик. – 2006. – 411 с.*; Сулейманова Ш.С.* Самоопределение народов Северного Кавказа в процессе трансформаций российской государственности: историко-политологический анализ. дисс. … д. полит. н. – М. − 2011. − 367 с.; *Кашироков З.К.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: политико-правовой аспект: дисс. … к. юрид. н. – СПб. − 1998. – 200 с.; *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии: середина 1980-х – 1990-е гг. дисс. … к. ист. н. – Нальчик. − 2010. − 206 с.; *Тумов А.А.* Тенденции и проблемы политического развития республик Северного Кавказа в постсоветский период: опыт Кабардино-Балкарии. дисс. … к. ист. н. – Нальчик. − 2020. − 345 с.; *Сабанчиев Х.М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа: 1940-е – начало XXI в.: дисс. д. ист. н. – Ростов-н/Д. − 2007. − 411 с.; *Теммоев И.Ю.* Реабилитация репрессированных народов как фактор современного российского политического процесса. дис. канд. полит. – Армавир. − 2009. − 164 с.

[222] Неопубликованные материалы автора (НМА)

от советской к современной государственной и общественной системе в 1990-е гг. на первый план общественной и политической жизни полиэтничной и «двух-субъектной» республики выступили этнополитические проблемы и оформилась их современная специфика: переплетение процессов социально-политической консолидации Кабардино-Балкарской Республики и национальной консолидации её «титульных» народов как глубинный источник воспроизводства этнополитики в общественной жизни региона – [напряжённость], которое не изжито до сих пор»[223].

Описанное наблюдение позволяет интерпретировать этнополитический кризис начала 1990-х гг. не как завершённый исторический эпизод, а как точку кристаллизации тех напряжений, которые впоследствии проявлялись в различных формах – от дискуссий о кадровых назначениях до протестных мобилизаций. Формально закреплённое равноправие, установленное Конституцией КБР 1994 года, не сопровождалось институционализацией механизмов этнического паритета. Республика осталась единой, однако без формализованного способа интеграции двух национальных политических субъектностей в структуру власти. В результате этнополитика стала воспроизводимым фоном региональной жизни, встроенным в логику функционирования элиты и её способности к удержанию политического баланса[224].

В 1990-е годы политическую арену КБР во многом определяли советские кадры, сумевшие адаптироваться к новым реалиям[225]. В начале стоит отметить, что структура первой волны элит в КБР не особо отличалась от общекавказской динамики элитообразования. Президент республики Валерий Мухамедович Коков, возглавлявший КБР с 1992 года, являлся типичным представителем старой партийной элиты, его долгосрочное правление (до 2005 г.) заложило основы

---

[223] *Боров А.Х.* Этнополитика современной Кабардино-Балкарии: генезис и специфика // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 16–40.

[224] Там же

[225] *Боров А.Х., Тумов А.А.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elity-i-postsovetskaya-transformatsiya-politicheskih-rezhimov-v-respublikah-severnogo-kavkaza-sluchay-kabardino-balkarii (дата обращения: 07.10.2024).

нынешней элитной конфигурации. Кокову удалось обеспечить относительную стабильность в многонациональной республике и предотвратить эскалацию межэтнического противостояния[226]. По свидетельству очевидцев, вокруг Кокова сложилась собственная «команда» – круг доверенных лиц из числа бывшей номенклатуры и новых управленцев. Причём, как подчёркивает политик из КБР, *«эта элитная группа Валерия Кокова… интернациональная»*, то есть включала представителей разных национальностей. Многолетние соратники Кокова занимали наиболее значимые посты в администрации региона и бизнесе, и сохраняли свои позиции даже после его ухода. Преемственность элит позволила в значительной мере интегрировать балкарскую часть правящего слоя и снизить остроту вопроса о «двух народах», избежать дальнейшего раскола республики и эскалацию бинарного антагонизма на тот период. Балкарцы не получили формальных гарантий долевого участия во власти, однако на практике Коков придерживался политики кооптации балкарской элитной прослойки – в руководстве республики присутствовали заметные фигуры балкарской национальности (например, Хусейн Чеченов возглавлял правительство в 1990-х). Также определённую роль играли представители русскоязычного населения – в первые постсоветские годы выходцы из русского населения занимали позиции в экономическом блоке (так, первым премьер-министром КБР был Г. Губин, русский по национальности). Элита 1990-х в Кабардино-Балкарии сформировалась как патронажная сеть вокруг сильного регионального лидера, опирающаяся на баланс интересов основных общностей.

Однако относительная стабильность имела и оборотную сторону – закрытость и клановый характер власти. В конце периода правления В. Кокова республикой фактически управляла устоявшаяся группа, сформировавшая *«преемственную элиту»*, воспроизводящую себя из поколения в поколение. Доступ

---

[226] *Шорова М.Б.* Этнополитические процессы в современной Кабардино-Балкарии: конфликты и пути их преодоления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 13. – С. 66–70.

новых лиц был ограничен, что подготовило почву для будущих перестановок. К началу 2000-х гг. назрела необходимость обновления элитного слоя, связанная как с естественной сменой поколений, так и с изменением федеральной политики управления регионами.

Кардинальная трансформация политической элиты КБР произошла в середине 2000-х годов, когда усилилась роль федерального центра. В 2005 г., после смерти В.М. Кокова, Президентом Республики был назначен А.Б. Каноков – представитель новой волны северокавказских лидеров. Арсен Каноков существенно отличался от предшественника: молодой успешный предприниматель (выходец из кабардинского рода, сделавший карьеру в бизнесе в Москве), он символизировал приход «бизнес-элиты» во власть. Его назначение Кремлём вписывалось в общероссийский тренд укрепления вертикали власти: с 2004 г. главы регионов стали назначаться президентом РФ, и лояльность федеральному центру превратилась в решающий фактор политического выживания региональных руководителей. Действительно, по замечанию эксперта, *«без демонстрации лояльности, причём системной демонстрации [центру],… на сегодняшний день [ничего не достигается]»*. Каноков заручился поддержкой Москвы и начал осторожные реформы в республике, стремясь модернизировать экономику и управленческий аппарат.

Первые годы правления А. Канокова (2005-2010 гг.) ознаменовались определённой либерализацией и попытками привлечения инвестиций. Новый лидер частично обновил кадровый состав: появились люди из его московского окружения, молодые технократы и предприниматели на государственных постах. Это привело к временной разгрузке старых клановых механизмов – в элиту встраивались выходцы из бизнеса, обладающие собственными ресурсами. Эксперт отмечает, что наряду с наследниками номенклатуры (он насчитывает около *«десятка фамилий, которые… с советского периода по сегодняшний день… можно чётко отнести к элите»*, составляя ядро преемственной элиты), в Кабардино-Балкарии всё более заметной становилась и *«ситуативно формирующаяся»* элита.

Речь о новой волне функционеров и предпринимателей, которые благодаря своим должностям или капиталам получают влияние в республике. Особенно вырос удельный вес бизнес-сектора: *«очень много младопредпринимателей… появились, которые действительно в регионе определяют многое»*, – указывает специалист, подчеркивая, что *«любой капитал в объёме превращается во влияние политическое»*. В период Канокова произошла частичная ротация элит – к властной группе примкнули крупные хозяйственники, а внутри самой бюрократии усилилась роль выходцев из частного сектора.

Несмотря на позитивные сдвиги, в этот же период обострились и некоторые системные противоречия. Усиление одних групп элиты неизбежно затрагивало интересы других, сложившихся еще при прежнем режиме. К концу правления А. Канокова обозначился конфликт между его командой и частью балкарской этнополитической элиты. Эксперт свидетельствует, что *«в завершающей части его руководства… с балкарской элитой определённый раскол был»*. Причиной стали, в частности, разногласия вокруг экономических ресурсов и территорий традиционного проживания балкарцев (горные районы Приэльбрусья). В 2009-2011 гг. ситуация накалилась из-за реализации крупного федерального проекта туристического кластера на Эльбрусе: местные балкарские общины почувствовали угрозу своим экономическим интересам и традиционному укладу. Попытки республиканских властей навести порядок в горном бизнесе (ликвидация стихийных рынков, регистрация земельных участков, привлечение внешних инвесторов) были восприняты частью балкарского сообщества как *«нашествие с мечом и огнём»*. Он образно описывает реакцию населения: властям противопоставили массовые акции неповиновения – *«на передний план вывели женщин… начали перекрывать трассу [к Эльбрусу], пикетировать в Москве»*, что получило широкий общественный резонанс[227]. Оппоненты Канокова представили

[227] Президенту Кабардино-Балкарии выразили чувство ущемления: балкарцы перекрыли федеральную трассу // Коммерсантъ. – 2009. – 17 июня. – № 106. – С. 2. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1188288 (дата обращения: 25.02.2024).

его действия как силовое ущемление балкарских прав. Не исключено, что к разжиганию указанных протестов причастны и конкурирующие элитные группы, воспользовавшиеся удобным случаем «подлить керосина» в межэтнический огонь. Данный конфликт ясно показал уязвимость элитных позиций: лидер, потерявший поддержку значимой части региональной элиты (в данном случае – балкарской), быстро лишается устойчивости.

В итоге, в 2013 г. Арсен Каноков досрочно оставил пост руководителя КБР. Официально его отставка была оформлена как добровольная, но наблюдатели отмечали, что решение принималось не без давления из федерального центра на фоне накопившихся проблем безопасности и межэлитных трений. Парадоксально, но в целом итоги правления Канокова были неоднозначны. С одной стороны, в республику пришли инвестиции, строились туристические объекты, несколько оживилась экономика. С другой стороны – как критично оценивает опрошенный эксперт – республиканская казна и население получали мизерную отдачу от указанных проектов: *«поставили [федеральную] канатную дорогу, работает шикарно, безумные деньги получает [Москва], а республика… получает кошкины слёзы»*. Большая часть прибыли уходила внешним игрокам, тогда как социальные издержки (экологические проблемы, недовольство местных жителей) легли на регион. Подобные дисбалансы породили снижение доверия к региональной власти и усилили ощущение несправедливости у части общества. В условиях роста протестных настроений федеральный центр предпочёл сменить руководство республики, сохранив, однако, общее доминирование кабардинской элитной группы. Особенно показательной в этом контексте стала массовая акция молодежного протеста в Баксане в 2011 году, когда сотни молодых людей перекрыли трассу, выражая протест против произвола силовиков и общего политического курса.

Назначение в 2013 году новым главой КБР Юрия Александровича Кокова ознаменовало очередной поворот в циркуляции элит. Ю. Коков, несмотря на однофамильность с первым президентом (прямым родством они не связаны),

фактически представлял возвращение «силового» компонента элиты и укрепление прямого федерального контроля. Будучи генералом МВД и выходцем из системы федеральных органов безопасности, Юрий Коков сделал карьеру вне республики, но имел репутацию эффективного силовика. Его выдвижение руководить Кабардино-Балкарией свидетельствовало о приоритетности вопросов безопасности: к 2010-м годам регион столкнулся с всплеском радикального подполья и проявлениями экстремизма (апогеем стали вооружённые нападения в Нальчике в 2005 году). Новый руководитель жёстко взял курс на подавление терроризма и наведение порядка. Вокруг него сформировалась третья по счёту элитная группировка, ядро которой составляли представители силовых структур и чиновники «вертикали». По оценкам эксперта из КБР, группа Юрия Кокова также была полиэтнична, однако общественное мнение воспринимало её как более благожелательную к балкарцам в сравнении с командой Канокова. Вероятно, сказывался тот факт, что Ю. Коков не принадлежал к местным кланам экономических конкурентов, а пришёл как бы со стороны, воплощая нейтральную фигуру. В любом случае, его политика характеризовалась стремлением восстановить межэтнический баланс после конфликтов предыдущих лет. Были предприняты примирительные шаги навстречу балкарской общественности; наиболее острые земельные споры заморожены, а некоторые представители балкарской элиты вернулись во власть. В то же время усилилось влияние федеральных силовых структур, действовавших в значительной степени автономно от регионального правительства. По словам эксперта, ныне в республике правоохранительные органы – это «достаточно автономные… островки», и у региональной власти *«нет… реальных рычагов»* влиять на их действия. Данный феномен отражает общероссийскую тенденцию: вертикаль безопасности подчиняется прежде всего Москве, а глава субъекта федерации лишь координирует работу силовиков без прямого контроля над ними.

Правление Юрия Кокова (2013-2018 гг.) укрепило стабильность в Кабардино-Балкарии, но оказалось относительно недолгим. В 2018 г. произошла очередная

ротация: руководство республикой доверено Казбеку Валерьевичу Кокову – сыну первого президента. Этот шаг можно рассматривать как синтез преемственности и федерального протектората. С одной стороны, возвращение представителя фамилии Коковых символизировало реставрацию «традиционной» элиты, ностальгию по стабильным 1990-м гг. Казбек Коков (род. 1973 г.) генетически и политически связан с наследием отца; его фигура усиливает легитимность власти в глазах старой элитной гвардии и значительной части населения, сохраняющей уважительную память о В. Кокове. С другой стороны, новый руководитель совершенно лоялен Кремлю и действует в русле федеральной политики, не допуская вольностей. Современный этап характеризуется своеобразным консенсусом между старой региональной элитой и федеральным центром. Казбек Коков сумел консолидировать вокруг себя различные группы влияния в республике, выступив в роли компромиссной фигуры. По данным экспертов, сегодня в КБР по-прежнему выделяются *три основных элитных «клана»* или группировки интересов: 1. условно «кокoвская» группа – потомки и давние соратники первого президента (теперь реинкарнированная под руководством К.В. Кокова); 2. «каноковская» группа – сеть людей, близких к А.Б. Канокову (который, хотя и утратил должность, остался влиятельным сенатором и крупным бизнесменом и сохраняет в республике экономические активы и политические связи и 3. «силовая» группа, окрепшая при Ю.А. Кокове и интегрированная в федеральные структуры (сам Ю. Коков после отставки получил высокий пост в Совете Безопасности РФ, что свидетельствует о его включённости в общероссийскую элиту). Баланс между обозначенными тремя группами во многом определяет текущую конфигурацию власти. Причём, в отличие от периода 1990-х гг., когда межклановые конфликты происходили скрытно, сегодня установлено негласное разделение сфер влияния и поддерживается относительное согласие: по словам нашего эксперта, открытых столкновений между элитными группами нет, имеют место лишь *«латентные… точечные»* разногласия. Тем самым элитная система КБР в 2020-е годы достигла состояния устойчивого равновесия, хотя и

основанного больше на неформальных договорённостях, чем на институтализированных правилах.

Структура, типология и трансформация элит. Современная элитная прослойка Кабардино-Балкарии неоднородна по своему составу. В её структуре можно выделить несколько секторов: политико-административная элита (высшее чиновничество, руководители республики и органов власти), экономическая элита (крупные предприниматели, владельцы капиталов и ресурсов), силовая элита (руководство силовых ведомств), интеллектуально-культурная элита[228] (известные деятели науки, образования, культуры), а также традиционные и неформальные лидеры (старейшины родов, религиозные авторитеты и др.). Вместе с тем, границы между секторами размыты: одни и те же лица нередко обладают ресурсами в разных сферах (чиновники контролируют бизнес-активы, бизнесмены влияют на политику, выходцы из академической среды получают административные посты и т.д.).

Таблица 8. Основные группы элиты Кабардино-Балкарии и их особенности

Категории элиты	Характеристика и роль в КБР	Примеры и представители
Политико-административная элита (властно-управленческая)	Высший чиновничий корпус республики, обладающий формальными полномочиями принятия решений. Включает главу КБР, членов правительства, руководителей республиканских ведомств,	Главы КБР всех созывов (В. Коков, А. Каноков, Ю. Коков, К. Коков); основные министры и главы администраций. К примеру, нынешний премьер-министр Алий Мусуков (представитель балкарского сообщества) и

[228] *Кислицын С.А.* Роль политической, интеллектуальной и духовной элиты в становлении советской субцивилизации как закономерного этапа развития Российской евразийской цивилизации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1 (225). – С. 8–97; Ляушева С.А. Этническая и религиозная идентичность в ситуации духовного кризиса: прикладной анализ // Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Майкоп, 13-14 марта 2023 года / Р.Д. Хунагов (ред.). – Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии». − 2023. – С. 70–73.

Категории элиты	Характеристика и роль в КБР	Примеры и представители
	депутатский корпус. Опирается на административный ресурс и близость к институтам власти. Именно эта элита определяет стратегию развития региона и распределение государственных ресурсов.	председатель Парламента Татьяна Егорова (из русскоязычного населения) – свидетельство включения разных групп.
Экономическая элита (бизнес-элита)	Крупные предприниматели, финансово-промышленные группы, владевшие значительными ресурсами и влияющие на социально-экономическую жизнь. В КБР, не обладающей богатыми природными ресурсами, экономическая элита представлена в основном в сферах торговли, строительства, банковского сектора, туристической отрасли и агробизнеса. Многие бизнесмены тесно связаны с властью (через госзаказы, совместные проекты).	Арсен Каноков – яркий пример бизнесмена, ставшего главой региона (до назначения владел успешной девелоперской компанией). Также депутат Госдумы Анатолий Бифов (миллионер, совладелец предприятий, представитель КПРФ) имеет значительное лобби. Предпринимательские союзы молодежи, формируют слой новой бизнес-элиты.
Силовая элита	Руководители региональных подразделений силовых структур – МВД, ФСБ, прокуратуры, Росгвардии. Обладают реальной властью в вопросах безопасности, часто действуя автономно от местной администрации. Их влияние опирается на силовые ресурсы и	Юрий Коков – бывший министр внутренних дел по КБР, затем глава республики, ныне секретарь Совбеза – воплощает слияние силовой и политической элиты. Влияние силовых органов проявляют руководители МВД по КБР (например, ген.-лейтенант В. Волков в 2010-е гг.), УФСБ и др.

Категории элиты	Характеристика и роль в КБР	Примеры и представители
	доступ к закрытой информации. После 2000-х годов силовая элита Северного Кавказа существенно интегрирована в федеральные структуры и обеспечивает выполнение установок центра на месте.	Они не публичны, но их роль ощутима, особенно в кризисные моменты.
Интеллектуально-идеологическая элита (научно-культурная)	Общественные лидеры мнений, обладающие символическим капиталом – известные ученые, преподаватели, писатели, деятели культуры и СМИ. Вносят вклад в формирование идеологии и общественного мнения, сохранение национальной культуры. В КБР данная элита традиционно уважаема; некоторые ее представители участвовали в политике (через Народный фронт, творческие союзы и т. п.). Однако в последнее время их прямое политическое влияние сократилось, многие интегрированы в государственные институты.	Примеры – авторитетные ученые КБР, такие как профессор Х. Тамазов (академик, историк), писатели и поэты (И. Тарканов, Б. Ширданов и др.), деятели искусства.
Традиционно-неформальные лидеры (этно- и религиозные элиты)	Влияющие лица вне официальной власти: уважаемые старейшины родовых сообществ, главы тайпов, духовенство (имамы, кадии), лидеры общественных движений. Они имеют	Национальные движения 1990-х гг. возглавляли харизматичные фигуры: например, Валерий Хубулов (кабардинский общественный лидер) или Муса Мансуров (лидер балкарского национального совета).

Категории элиты	Характеристика и роль в КБР	Примеры и представители
	легитимность в глазах определенных групп населения и могут мобилизовать поддержку на основе этнической или религиозной солидарности. В КБР традиционные институты (советы старейшин, народные сходы) исторически значимы, но их политическая роль уменьшилась после 1990-х гг.	Религиозная элита представлена духовным управлением мусульман КБР (муфтий Х. Жанаев в 2000-е гг.) и неформальными духовными авторитетами (шейхи суфийских тарикатов, известные имамы).

Характерной чертой кабардино-балкарской элиты является сохранение семейно-клановых основ её формирования. Многие позиции передаются по принципу закрытой преемственности — «от формации к формации, от этапа к этапу», как отметил эксперт. С советских времён укоренившиеся фамилии по-прежнему присутствуют в системе госуправления. Например, политический «клан» Коковых включал самого Валерия Кокова, его родственников и соратников. Сегодня его позиции укреплены за счёт прихода к власти Казбека Кокова. По такому же принципу существуют и другие влиятельные группы — Каноковы, Мизиевы, Алиевы и др. Эксперт прямо указывает: «Ключевой фактор попадания в элиту — это принадлежность к определённой клановой группе», а образование и профессионализм выступают лишь дополнительными условиями. Действительно, «семейственность» и землячество в основном определяют кадровую политику в регионе. Нередко высокие посты занимают представители нескольких влиятельных семей по принципу квотирования между ними. Это способствует стабильности элитных договорённостей, хотя одновременно сужает приток новых людей (умеренная критика). Тем не менее, в последние годы наблюдаются и усилия по обновлению элит за счёт молодых профессионалов без «аристократического» происхождения – особенно на среднем звене управления. В определённой степени

формируются новые квазиклановые сети вокруг перспективных управленцев второго поколения, часто с опорой на общность образования или карьерного пути.

Этнополитические аспекты элиты. Кабардино-Балкария – одна из немногих республик РФ, где присутствует сразу два титульных этноса (кабардинцы и балкарцы), что предопределяет особую этнополитическую конфигурацию элиты. Вопрос представительства двух народов во власти исторически стоял остро. В советское время в республике существовал негласный паритет: как правило, первый секретарь обкома КПСС был кабардинцем, а второй секретарь – русским; балкарцы же после реабилитации 1950-х гг. были частично интегрированы в номенклатуру, но верхних позиций почти не занимали (сказался фактор депортации 1944-1957 гг.). После 1991 г. русское население, составлявшее значительную часть республики, стало постепенно утрачивать влияние – многие русские покинули регион в 1990-е гг., а остальные оказались вне этнополитических раскладов титульных групп. Кабардинцы же, будучи большинством населения (около 55-60%), заняли лидирующие посты: все главы КБР неизменно были кабардинцами по национальности. Балкарцы (около 12-13% населения) активно добивались расширения своего участия во власти. В начале 1990-х гг. балкарское движение даже ставило вопрос о выходе балкарских территорий из состава КБР и образовании отдельного субъекта РФ – «Республики Балкария». Несмотря на то, что эти требования не были удовлетворены, власти осознали необходимость учитывать интересы балкарской элиты. Неофициально выработался механизм этнополитического баланса, при котором важные государственные посты распределяются между представителями разных групп. Хотя, как подчёркивал эксперт, *«никакого институционального квотирования (сколько кабардинцев, сколько балкарцев) нигде не закреплено»*, фактически сложилась практика, при которой балкарцы получают значимое присутствие на уровне заместителей и вторых лиц. Например, должность председателя правительства КБР нередко занимал представитель балкарского народа (в 1990-е гг. – Х. Чеченов, в 2010-е гг. – А. Мусуков), тогда как пост главы республики оставался за кабардинцем.

Аналогично, в парламенте и правительстве присутствует определённая доля балкарских кадров. Это своего рода *«теневой компромисс»*, смягчающий ощущение монополизации власти большинством.

Современное распределение высших должностей наглядно отражает стремление к этнополитическому паритету: глава КБР Казбек Коков – кабардинец, премьер-министр Алий Мусуков – балкарец, председатель Парламента Татьяна Егорова – представитель русского населения. Подобное этническое «трио» на вершине власти возникло во многом стихийно, но оно символизирует единство республики. Конечно, реальное влияние групп измеряется не только формальными постами, но и неформальной мощью элит. Здесь кабардинская элита объективно доминирует – по численности, ресурсам и исторически сложившимся позициям. В структуре власти кабардинцы занимают большинство кресел, примерно пропорционально своей доле населения (а зачастую и превышая её). Балкарская элита, хотя и меньшая по масштабам, обладает высокой сплочённостью и мобилизационным потенциалом. Эксперт отмечает, что именно у балкарского этноса *«на сегодня мобилизационный ресурс гораздо выше, чем у всех остальных»* – сказывается и память о депортации, и статус меньшинства, вынужденного бороться за права. Этот ресурс балкарские лидеры способны превращать в организованное давление, если считают свои интересы ущемлёнными (пример – протесты в Приэльбрусье в 2010-х гг.). Кабардинская же общность, будучи более многочисленной и уверенной в своем положении, менее склонна к массовой мобилизации по этническому признаку – её интересы и так представлены во власти. Что касается третьей крупной группы – русского населения КБР (около 22% в 1989 г., сократившихся до ~15% в 2010-е гг.), то её политическое влияние сейчас минимально. Русская элита как таковая в республике практически исчезла: по словам нашего эксперта, *«в русско-этнической группе… мобилизационного ресурса практически нет»*. Лишь отдельные представители русских занимают посты (к примеру, упомянутая спикер парламента), но это скорее исключение, подтверждающее правило. Тем не менее, межэтнические отношения в КБР в целом

можно охарактеризовать как относительно благополучные в последние годы. После драматических 1990-х гг., когда баланс только вырабатывался, и турбулентных 2000-х гг., когда произошёл всплеск взаимных претензий, к 2020-м гг. установилось состояние *«устойчивого напряжения»*: вопросы статуса двух народов остаются чувствительными, но открытой конфронтации нет. Более того, прослеживаются позитивные интегративные тенденции. Например, участились межэтнические браки между кабардинской и балкарской элитами, что способствует сплочению правящего слоя. *«Межэлитные браки в последнее время — распространённое явление, и оно работает на укрепление элиты, но и опосредованно — на снижение напряжённости», —* подчёркивает опрошенный эксперт. Родственные связи между влиятельными семьями разных национальностей (например, браки между кабардинскими и балкарскими фамилиями) сглаживают потенциальные противоречия и формируют чувство единой судьбы правящего класса. Таких примеров достаточно много. В обществе постепенно укрепляется гражданская идентичность — понимание того, что Кабардино-Балкария является общей политической родиной всех её народов. Эксперт из КБР образно описал современную ситуацию так: *формально существует «одно полиэтничное, поликонфессиональное общество»*, *но под этой* оболочкой «*выделяются четыре общества» — кабардинское, балкарское, русское и исламское. Сегодня перед элитой КБР стоит историческая задача — осознать эту многосоставность и не допустить дробления общества. «Вопрос к политической элите: насколько она способна консолидировать такое общество и предотвратить возможные угрозы — это очень большой вопрос», —* предупреждает эксперт. Пока что элита КБР справляется с поддержанием этнополитического баланса, чередуя элементы конкуренции и сотрудничества.

Отдельно следует отметить роль религиозного фактора. Кабардино-Балкария – преимущественно мусульманский регион (суннитского толка), и духовенство обладает определённым влиянием, особенно в сельских сообществах. В 1990-е годы часть религиозных лидеров выступала как альтернативная элита,

апеллируя к исламской солидарности. Однако после всплеска радикализма в 2000-х гг. официальная исламская элита (Духовное управление мусульман КБР) заняла проправительственную позицию, а неформальные исламистские лидеры были в основном нейтрализованы. В результате, сегодня религиозная элита встроена во властную вертикаль и не противостоит светской власти. Тем не менее, как и в других республиках Северного Кавказа, духовенство остаётся важным социальным институтом, и власть учитывает мнение муфтията по вопросам, затрагивающим верующих. Религиозная идентичность в КБР часто пересекается с этнической (большинство кабардинцев и балкарцев – мусульмане), поэтому серьёзных противоречий между этнической и религиозной элитой не возникает. Скорее, духовные лидеры дополняют этнополитическую элиту, укрепляя легитимность власти среди населения традиционалистских взглядов.

Взаимодействие с федеральным центром. Эволюция кабардино-балкарской элиты неразрывно связана с изменением характера федерального влияния. Если в начале 1990-х годов регион пользовался значительной автономией в кадровых вопросах (избрание президента КБР на альтернативной основе, как в 1992 г.), то уже с 2000-х гг. центр фактически контролирует важные назначения. Москва выступает арбитром и гарантом баланса между группами, иногда склоняясь к поддержке той или иной элитной коалиции. Все главы КБР последних двух десятилетий были креатурами федеральной власти, и их карьерные судьбы решались в Кремле. Лояльность центральному руководству – необходимое условие сохранения элитных позиций. Как уже указывалось, демонстрация преданности федеральному центру носит не разовый, а системный характер: региональные лидеры подтверждают её как риторически (единая партийная линия, поддержка инициатив Президента РФ), так и практическими шагами (обеспечение нужных результатов выборов, отсутствие сепаратистских тенденций, стабильность). В Кабардино-Балкарии местная элита в целом характеризуется высокой управляемостью и лояльностью: откровенно оппозиционных Москве фигур в её среде практически нет. Даже парламентская оппозиция (например,

коммунистическая фракция) выступает с позиций конструктивной критики, не ставя под сомнение правильность федерального курса. КБР — дотационный регион, ежегодно получающий значительные трансферты из федерального бюджета, что предсказуемо формирует патронажную зависимость. Федеральный центр обеспечивает экономическую устойчивость, а региональная элита гарантирует политическую поддержку. Здесь простая логика: такой обмен укрепляет позиции действующих элит, но одновременно снижает их автономность. Решения по многим вопросам принимаются при непосредственном участии или по прямой инициативе центра. В частности, кадровая циркуляция элит нередко инициируется «сверху»: отставка А.Б. Канокова и назначение Ю.А. Кокова, а затем смена Ю.А. Кокова на К.В. Кокова. Иногда Москва вводит в регион «варягов» – чиновников из других субъектов РФ или федеральных органов – на ответственные должности, чтобы разбавить местные клановые связи. Так, посты министров силового блока традиционно занимают присланные кадровые офицеры, не связанные с местными семьями. Это препятствует излишней клановости, но порождает в элите ощущение внешнего контроля.

С другой стороны, федеральный центр выполняет и функцию гаранта межэтнического равновесия. Балкарская элита, будучи в меньшинстве, часто апеллирует к Москве в поисках защиты от возможной дискриминации. Известно, что активисты Балкарского общественного совета в 1990-е гг. напрямую обращались к федеральным властям, а в 2010-е гг. балкарские протестные делегации выезжали в Москву. Федеральные органы власти, как правило, реагируют с призывом к региональным властям найти компромиссное решение. Центр выступает арбитром между элитами разных групп, предотвращая одностороннюю гегемонию. Взамен от местных элит ожидается конструктивное сотрудничество и отсутствие «сепаратистских» устремлений. В Кабардино-Балкарии сепаратизм как таковой не получил развития – во многом благодаря тому, что и кабардинская, и балкарская элиты видят залог своей безопасности во взаимодействии с Москвой, а не в конфронтации с ней.

Следует отметить также влияние федеральных политических институтов на структурирование элиты. Доминирование в регионе проправительственной партии «Единая Россия» обеспечивает включение значительной части элит в общероссийскую партийную вертикаль. Руководящие посты в отделении партии занимают ключевые фигуры региональной администрации, что цементирует их статус. Оппозиционные партии (КПРФ, «Справедливая Россия») представлены главным образом формально – в лице отдельных депутатов, зачастую которые сами принадлежат к части местной элиты (например, депутат Госдумы от КПРФ А. Бифов, который одновременно является влиятельным предпринимателем). Федеральная партийно-политическая система адаптирована к региональным реалиям и служит инструментом интеграции местной элиты в российское политическое пространство.

Экономические ресурсы и элита. Экономическая составляющая играет фундаментальную роль в формировании и динамике элит КБР. Республика не обладает обилием природных богатств (нефтегазовых месторождений или крупных промышленных гигантов), поэтому основными ресурсами, контролируемыми элитами, являются распределение бюджетных средств, управление земельно-имущественным комплексом, а также доходы от торговли, строительства, туризма и аграрного сектора. В таких условиях центральным объектом конкурентной борьбы элит становится доступ к государственным финансам и собственности. Региональный бюджет КБР значительно зависит от дотаций: по разным оценкам, до 70% доходной части формируется за счёт федеральных поступлений[229]. Освоение указанных средств – важнейшая функция правящей бюрократии и связанного с ней бизнеса. Не случайно опрошенный эксперт характеризует местную элиту как состоящую из двух основных частей – властной и финансовой. Власть даёт контроль над распределением ресурсов, а финансовый капитал,

[229] *Егорова Т.В.* Парламенте КБР обсудили бюджет // РИА КБР. – 2023. – URL: https://kbrria.ru/politika/VParlamenteKBRobsuzhdalibyudzhet (дата обращения: 02.07.2024).

сконцентрированный в руках бизнес-элиты, обеспечивает независимые рычаги влияния.

В 1990-е годы экономическая база элит носила хаотичный характер: шла приватизация госимущества, зарождался полукриминальный бизнес, многие бывшие советские руководители сами становились предпринимателями (как упомянул эксперт, *«в период хаоса перестроечного… занимался бизнесом, выживанием»)*. К началу 2000-х гг. образовался слой «новых богатых», часть из которых впоследствии вошла в элиту (яркий пример – А. Каноков). Одновременно сохранялся и старый хозактив: руководители крупных советских предприятий, совхозов и колхозов, ставшие директорским корпусом при новой власти. Экономическая элита этого периода была разрозненной и сильно зависела от благосклонности администрации.

В эпоху Канокова предпринимательский класс получил больше возможностей. Республиканская власть стимулировала инвестиции, создавала совместные предприятия, развивала туристические зоны (особенно на Кавказском хребте). Многие бизнесмены – выходцы из кабардинских аулов и балкарских сёл – сумели масштабировать свои предприятия. Однако крупный бизнес в КБР зачастую концентрируется в руках родственников или доверенных лиц высокопоставленных чиновников, что характерно для *неопатримониальной* системы управления. Грань между государственными и частными интересами размыта: одни и те же элитные семьи могут распоряжаться и бюджетными потоками, и коммерческими компаниями.

Отдельного внимания заслуживает «кормовая база» региональной элиты – термин, который употребил эксперт, характеризуя конкуренцию за экономические ниши. Он отметил, что как только *«кормовая база… начала заканчиваться, … интересы федеральные пошли [в регионы]»*, имея в виду, что при сокращении лёгких источников дохода местные элиты вынужденно столкнулись с экспансией внешних игроков. В Кабардино-Балкарии таким поворотным моментом стало втягивание федеральных корпораций в освоение туристического потенциала (горнолыжные

курорты Эльбруса). Местные элиты столкнулись с тем, что прибыльные объекты переходят под контроль московских структур (госкорпорация «Курорты Северного Кавказа» и др.). Как уже упоминалось выше, это вызвало внутренний конфликт между элитами и перераспределение влияния. Экономическая конкуренция между элитными группами КБР нередко принимает форму борьбы за административный ресурс (получение госконтрактов, льготных кредитов и т.д.) и контроль над теневой экономикой (рынками, которым раньше покровительствовали некоторые чиновники первого уровня).

Коррупция и «теневая рента» — характерные черты экономического поведения элиты в КБР. В экспертной среде часто отмечается значительный объём неучтённых денежных потоков, особенно в туристическом и аграрном секторах республики. Наш собеседник, парламентарий, прямо указывает на существование *«большого серого нала», идущего мимо официальной кассы в курортных зонах*. Такое положение сохранялось долгие годы, поскольку устраивало локальных бенефициаров. Однако усиление федерального контроля (в том числе налогового и правоохранительного) постепенно сокращает пространство для неконтролируемой экономики. Часть региональной элиты адаптируется к новым правилам, легализуя бизнес и уплачивая налоги, другая часть теряет источники неформальных доходов и, соответственно, политическое влияние.

Несмотря на все проблемы, экономический фактор остаётся и центральным мотиватором для вхождения в элиту. Как отмечает эксперт, в 2000-е годы в обществе сложилась установка, что успеха можно достичь через бизнес, а уж затем попасть во власть, тогда как *«сейчас… предполагают идти в управленческие структуры, и управленческие позиции… дают и деньги, и статус»*. Иными словами, молодежь всё чаще стремится сразу занять должность, понимая, что доступ к административному ресурсу автоматически открывает экономические возможности. Это подтверждает, что власть и собственность в регионе тесно переплетены. Положение во властной элите гарантирует привилегированный доступ к ресурсам (земле, финансам), а владение ресурсами обеспечивает путь во

власть. Данная взаимозависимость поддерживает устойчивость существующей элитной конфигурации, но одновременно тормозит развитие конкурентной экономики и политической конкуренции.

Сравнительный контекст. Для более полного понимания специфики Кабардино-Балкарии полезно кратко сопоставить её элитную динамику с другими регионами Российской Федерации, прежде всего с соседними республиками Северного Кавказа. КБР нередко сравнивают с Карачаево-Черкесской Республикой (КЧР) – другой «двунациональной» автономией, где два титульных народа (карачаевцы и черкесы) примерно аналогично делят название республики. Однако имеются существенные отличия. В Карачаево-Черкесии численный разрыв между двумя этносами меньше (карачаевцев около 41%, черкесов (адыгских народов) суммарно ~11%, плюс крупная русская община ~30%). В конце 1990-х гг. КЧР пережила острую фазу борьбы элит: выборы президента 1999 года привели к межэтническому конфликту, когда карачаевский кандидат (В. Семёнов) победил, а черкесская община не признала результаты: вспыхнули беспорядки. В итоге компромисс был достигнут через раздел властных постов (Семёнов стал главой, но через несколько лет уступил место представителю черкесской стороны). В Кабардино-Балкарии подобных силовых столкновений не произошло благодаря более прочной вертикали власти и, вероятно, численному преобладанию одного этноса. Можно сказать, что элита КБР оказалась способнее предотвратить открытый конфликт, тогда как в КЧР элиты довели противостояние до уличной фазы. В настоящее время и там, и там установилась практика этнополитического баланса: например, ныне глава КЧР Р. Темрезов – карачаевец, а спикер парламента – черкес, что отдалённо напоминает ситуацию в КБР. Однако, в Карачаево-Черкесии федеральный центр иногда непосредственно вмешивался в местную политику, смещая неэффективных лидеров (в 2003 г. президент С. Дерев, черкес по национальности, после протестов был отправлен в отставку). В КБР же смена лидеров проходила относительно спокойно и «по плану» Кремля, без массовых выступлений, исключая разве что кулуарные балкарские акции протеста.

Данная ситуация сопоставима и с Республикой Дагестан, где обстановка иная: там нет одного или двух доминирующих народов, а есть полиэтничное сообщество из десятков народностей. В 1990-е гг. Дагестан практиковал *коллективное руководство* – Государственный Совет, представлявший основные этносы. Такая модель в определённой мере учитывала широкий спектр элит, но страдала от раздробленности и клановости. В 2006 г. в Дагестане вернулись к единоличному главе (М. Алиеву), и с тех пор федеральный центр фактически сам балансирует между дагестанскими кланами, периодически сменяя руководителей (за 15 лет – три смены главы). В Кабардино-Балкарии, с её двумя основными этносами, не требовались столь сложные коллегиальные схемы – здесь модель президентской власти при поддержке элит оказалась жизнеспособной. По уровню устойчивости элит КБР выгодно отличается от Дагестана: дагестанская элита известна высоким уровнем внутренней конкуренции и даже насильственных методов (политические убийства, война с терроризмом), тогда как в Кабардино-Балкарии элитные конфликты редко выходили за рамки политико-правовых интриг.

Особняком стоит Чеченская Республика – её опыт радикально отличается. После двух войн началась фактически персоналистское правление под эгидой Р. Кадырова, где классическая элита (в понимании плюралистического доступа к власти) практически ликвидирована. Правящий дом Кадыровых монополизировал власть и ресурсы, подавив любые альтернативные группировки. Этнополитический фактор во внутриполитическом плане там отсутствует (чеченцы составляют подавляющее большинство, русское население минимально), а федеральный центр делегировал значительную автономию в обмен на лояльность. В Кабардино-Балкарии ситуация более «нормализована»: здесь нет сверхконцентрации власти в одних руках, власть распределена между несколькими кланами, действует формальное республиканское законодательство, и федеральный центр сохраняет прямое управление без посредников. Если Чечня – крайний случай патримониальной «неофеодальной» модели, то КБР ближе к среднестатистической

модели региональной элиты в РФ, только усложнённой двунациональным компонентом.

Наконец, сравнение с северокавказскими республиками показывает, что Кабардино-Балкария относительно успешно миновала наиболее острые формы кризиса элит. Здесь не было ни полномасштабной гражданской войны (как в Чечне в 1990-е гг.), ни масштабного сепаратизма (как в Чечне или, в меньшей степени, в Ингушетии 1990-х гг.), ни тотальной «ваххабитской» угрозы, парализовавшей власть (как в некоторых районах Дагестана в 1999-2010 гг.). Хотя КБР сталкивалась и с терроризмом (нападение 2005 г. в Нальчике), и с социальными протестами, её элита, опираясь на поддержку центра, сумела удержать контроль. В этом смысле Кабардино-Балкария ближе к относительно стабильным субъектам типа Северной Осетии (где также правящая группа моноэтнична, а протесты ограничены). Специфика же КБР – необходимость постоянно учитывать баланс кабардинского и балкарского компонентов – делает её кейс уникальным. Можно констатировать, что кабардино-балкарские элиты выработали свой вариант *«регионального компромисса»*, позволивший сохранить целостность республики и относительную стабильность, хотя проблемы равноправия и справедливости окончательно не решены.

Современные тенденции и перспективы. На текущем этапе элитное развитие Кабардино-Балкарии характеризуется сочетанием преемственности и медленного обновления. Происходит постепенное *омоложение* элит: во властные структуры приходит поколение 30-40-летних управленцев, часто с хорошим образованием и опытом работы вне региона. Молодые технократы, как правило, лояльны сложившейся системе и продвигаются под патронатом старших кланов или по линии федеральных кадровых проектов (например, через участие в программе «Кадровый резерв»). Социальные лифты действуют преимущественно внутри элитной прослойки: потомки известных семей или приближённых лиц получают возможности для карьерного роста. В то же время наблюдается снижение роли независимых общественно-политических институтов. Как отмечают эксперты,

гражданское общество в республике ослаблено: *«общественные организации… перестали быть тем актором политических взаимодействий»*, – констатирует наш собеседник. НКО либо маргинализировались, либо поставлены под контроль власти. Это означает, что приток в элиту через общественную активность почти закрыт – лидеры организаций больше не рассматриваются как серьёзные претенденты на включение в элиту (в отличие от 1990-х гг., когда национальные движения выдвигали своих представителей во власть). Ротация элит происходит в основном по решению «сверху» или по естественным причинам (пенсионный возраст, утрата доверия центра). Конкуренция носит негласный характер и проявляется в форме кулуарного соперничества за влияние, а не публичных выборных схваток. Однопартийное доминирование «Единой России» гарантирует предсказуемость политического процесса – все основные элитные группы интегрированы в неё и распределяют между собой мандаты без реальной борьбы[230].

В управленческой культуре кабардино-балкарской элиты сохраняются патерналистские черты, унаследованные от советского времени и подкреплённые кавказскими традициями. Руководители часто выступают в роли своеобразных «патронов» для населения, решая социальные проблемы в ручном режиме, через личные договорённости. Несмотря на формальное наличие демократических институтов, их восприятие и принятие как элитой, так и населением, остаются неполными. Как отмечает Н.У. Ханалиев: «Сформировавшиеся в национальных республиках политические режимы и властная система все еще до конца не прошли путь формирования и принятия как правящей элитой, так и подавляющей частью населения, ценностей, институтов, норм и правил игры политической демократии и правового государства»[231]. «*Харизматическое лидерство, однако, выражено*

---

[230] Агентство политических и экономических коммуникаций. XII Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2024 году. – 2024. – URL: https://regcomment.ru/regions/rossiya/hii-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2024-godu/ (дата обращения: 02.02.2025 г.)

[231] *Ханалиев Н.У.* Политические режимы национальных республик Северо-Кавказского федерального округа: факторы формирования и системные характеристики: дисс. … к. полит. н. – М. − 2016. – 208 с.

слабо, – как отметил опрошенный специалист, – *по-настоящему яркой харизмой обладал только Коков-старший, тогда как последующие лидеры более технократичны и зависимы от Москвы* Управление республикой всё более отчётливо строится с опорой на бюрократические процедуры — в некоторой степени это фактор политической зрелости системы. Уровень институциональной устойчивости пока не абсолютен: он держится на консенсусе элит. Укрепление института доверия между властью и обществом остаётся актуальной задачей и для КБР. Доверие к институтам власти на Северном Кавказе тесно связано с представлением всех значимых групп интересов в институтах и органах власти. В случае КБР элита сохраняет свою легитимность: сегодня население видит в ней отражение основных компонентов общества — кабардинского, балкарского, русского, мусульманского. Любое ощутимое исключение или дисбаланс грозит подорвать сложившуюся легитимность и достигнутый общественный договор. Руководство республики тщательно следит за символическим равновесием — будь то кадровые назначения, языковая политика или поддержка культурных инициатив обоих народов. В этом направлении соблюдается подчёркнутый паритет двух титульных наций[232].

Подводя итог, можно отметить, что за последние три десятилетия политико-этническая элита Кабардино-Балкарии прошла сложный путь трансформации. От конфронтационных настроений начала 1990-х гг. она перешла к *консенсусной модели* 2020-х гг., основанной на квотно-договорном участии основных групп и тесной интеграции с федеральным центром[233]. Элитный слой существенно обновился поколенчески и профессионально, хотя и сохранил преемственность заметных фамилий и кланов. Ротация элит носила управляемый характер, позволив

---

[232] *Караева А.А.* Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности: кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2023. – № 3. – С. 45–59. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brending-regionov-i-ego-potentsial-v-ukreplenii-rossiyskoy-natsionalnoy-identichnosti-keysy-adygei-kabardino-balkarii-i-dagestana (дата обращения: 25.12.2025)

[233] Russia. Regional Elites in the Era of the «Special Military Operation». Re: Russia: Reinventing Russia Expertise. – 2023. – URL: https://re-russia.net/en/expertise/0224/ (accessed: 02 January 2025).

избежать дестабилизации. Этнополитический фактор, оставаясь чувствительным, ныне более не выражается в открытой борьбе, а уравновешивается через институциональные и неформальные механизмы. Федеральный центр играет роль и гаранта стабильности, и арбитра между элитами, направляя развитие региона в русло общегосударственных приоритетов. Экономическая основа элиты становится более прозрачной и легальной, хотя и сохраняются элементы теневых практик и неформальных привилегий. В целом, можно говорить о *сформированности региональной элитной системы* в Кабардино-Балкарии: она приобрела определённую зрелость, сочетая традиционные (патримониальные, этноклановые) основы с современными институтами государственного управления.

Дальнейшее развитие элитного слоя КБР будет зависеть от ряда факторов. Во-первых, от способности элиты адаптироваться к новым вызовам – экономическим (необходимость развития вне рамок дотационной модели), социальным (рост запроса общества на справедливость и прозрачность)[234], технологическим (цифровизация управления, информатизация общества). Во-вторых, от поддержания хрупкого межэтнического баланса в условиях смены поколений: молодые лидеры должны унаследовать культуру межнационального диалога своих предшественников. В-третьих, от продолжения конструктивного сотрудничества с федеральным центром на принципах партнёрства. При сохранении условий кабардино-балкарская элита имеет шанс эволюционировать в сторону большей открытости и эффективности, не растеряв стабильности. Как показывает сравнительный опыт, политическая стабильность на Северном Кавказе во многом обеспечивается *включённостью элит в систему управления и их ответственностью перед обществом*. В КБР эта включённость достигнута, теперь

---

[234] *Гринченко Е.А., Волков Ю.Г.* Социальная справедливость как социетальная ценность межэтнических отношений на юге России // Социология в постглобальном мире: Материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17-19 ноября 2022 года. – СПб: ООО «Скифия-принт». − 2022. – С. 516–517; *Волков Ю.Г.* Полиэтнический российский социум: этнические основания интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 11. – С. 36–41.

требуются дальнейшие шаги для повышения качества управления и доверия граждан. Региональная элита, пройдя через процессы строительства, циркуляции и трансформации, выработала бесценный опыт, который может быть использован для устойчивого развития республики в составе Российской Федерации[235].

[235] *Рыжова С.В.* Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // СНиСП. – 2023. – № 4 (44). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-i-tolerantnost-v-polikulturnom-obschestve-obscherossiyskaya-perspektiva-i-situatsiya-v-kabardino-balkarii (дата обращения: 02.09.2024).

3.5. Этнополитические элиты Карачаево-Черкесской Республики: исторические предпосылки, современные механизмы циркуляции

Анализ динамики формирования, эволюции этнополитических элит Карачаево-Черкеской Республики с 1990-х гг. и до сегодняшнего дня позволяет выявить тенденции и механизмы циркуляции властных групп, их влияние на стабильность и устойчивость политической системы. В условиях высокой полиэтничности и конфессиональной неоднородности республики они часто опираются на традиционные практики, включая сеть неформальных связей и этномобилизационный потенциал, что отличает их от элит других российских регионов. С одной стороны, от эффективной деятельности элит зависит политическая и социально-экономическая стабильность республики, а с другой – при определенных условиях те же ресурсы влияния элит могут быть обращены во вред, вплоть до дестабилизации обстановки. Данный двойственный характер элитной власти в КЧР обуславливает необходимость внимательного научного анализа их состава, ценностных ориентаций и эволюции. Следует отметить, что корни современных проблем региональной политической системы КЧР лежат не столько в последних десятилетиях, сколько в ошибках советского устройства (создания двухсубъектной автономии), которые в новых условиях проявляются в мутировавших и порой опасных формах.

Историческая динамика элит в 1990-е годы. До распада СССР кадровая структура управления в Карачаево-Черкесии формировалась под эгидой КПСС и во многом контролировалась краевым руководством Ставрополья. Местная номенклатура играла подчиненную роль «политического трамплина» для партийных функционеров, и этнический баланс в ней поддерживался в русле советской кадровой политики, что типично для многих национальных регионов. Лишь с началом перестройки и особенно после отмены в 1990 г. 6-й статьи Конституции СССР (о руководящей роли партии) партийная монополия пошатнулась. В КЧАО произошла серьезная реорганизация институтов власти:

первым лицом де-факто стал председатель исполкома областного Совета – с марта 1979 г. эту должность занимал Владимир Хубиев. Выходец из местной элиты (по происхождению карачаевец), уже к концу советского периода он аккумулировал значительный административный ресурс и, как показали дальнейшие события, сумел сохранить свои позиции при переходе к новой системе.

На волне роста национального самосознания и демократизации в 1990-1991 гг. в Карачаево-Черкесии возникли острые дискуссии о государственном устройстве республики. 30 ноября 1990 г. областной Совет народных депутатов принял решение о выходе из состава Ставропольского края и преобразовании области в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику (КЧССР) в составе РСФСР. В то же время обострился вопрос о возможном разделении этой многоэтничной территории на национальные субъекты. В декабре 1991 г. Совет народных депутатов КЧАО даже принял решение о воссоздании отдельной Карачаевской республики, отражая стремление карачаевской элиты к обособлению. Однако уже через два дня, 5 декабря 1991 г., под давлением противоположных сил (представлявших интересы черкесского населения и других групп) было решено провести референдум о сохранении единой Карачаево-Черкесии, а до его проведения отложить все выборы. Уже на заре постсоветской эпохи в регионе наметился раскол элит по этнополитическому признаку: карачаевская часть стремилась к созданию собственного национального субъекта, тогда как черкесская и русскоязычная общественность опасалась такого раздела. В конечном итоге КЧР сохранила целостность – в апреле 1992 г. Съезд народных депутатов России официально утвердил преобразование автономной области в Карачаево-Черкесскую Республику в составе РФ, тем самым узаконив единый статус региона.

Переходный период начала 1990-х гг. сопровождался адаптацией советских кадровых элит к новым реалиям. В условиях нараставшей неопределенности президент РСФСР Б. Ельцин 13 января 1992 г. назначил опытного В. Хубиева исполняющим обязанности главы администрации КЧР – фактически высшим

должностным лицом до проведения выборов. Данное решение отражало стремление федерального центра сохранить управляемость через проверенные кадры. Хубиев, являясь компромиссной фигурой, обеспечивал преемственность власти. Одновременно шли процессы институционального оформления новой республики: в январе 1993 г. бывший областной Совет преобразован в Верховный Совет КЧР, его председателем стал Виктор Савельев, а Хубиев возглавил Совет Министров. На протяжении первых лет постсоветского периода в КЧР де-юре устанавливалась республика, но де-факто власть оставалась в руках старой элиты – номенклатурного «патриарха» Хубиева и его окружения.

До конца 1990-х гг. высшее руководство КЧР формировалось не через всеобщее голосование, а назначалось сверху. В апреле 1995 г. указом Президента РФ, согласованным с Народным Собранием (новый парламент республики), В. Хубиев был официально утвержден Главой Карачаево-Черкесской Республики. Первая Конституция республики, принятая депутатами в марте 1996 г., закрепила институт главы республики и основы государственного устройства. Фактически КЧР в этот период развивалась по сценарию «управляемой демократии»: к концу 1990-х гг. Хубиев бессменно руководил республикой уже 20 лет (с учетом советского периода). Он олицетворял собой элиту «старого типа» – советскую управленческую интеллигенцию, адаптировавшуюся к новым условиям. Однако социально-экономические изменения и рост новых политических сил требовали обновления элитного слоя. В конце 1990-х гг. назрела необходимость конкурентной борьбы за власть, в том числе между представителями разных этнических и экономических групп.

Переломным моментом стала первая всенародная кампания по избранию президента КЧР в 1999 году. На эти выборы вышли два основных соперника, отражавшие разные сегменты элиты: генерал Владимир Семёнов – карачаевец по происхождению, бывший главнокомандующий Сухопутными войсками РФ, заручившийся поддержкой части федеральных кругов, и Станислав Дерев – влиятельный черкесский бизнесмен, мэр Черкесска и руководитель промышленной

группы «Меркурий». Фигура С. Дерева представляла собой новую постсоветскую бизнес-элиту: используя накопленный капитал (в том числе от основанного им холдинга, куда входил единственный в республике автозавод «Дервейс»), он попытался конвертировать экономическое влияние в политическую власть. Майские выборы 1999 г. оказались крайне напряженными и фактически прошли по этническому разлому: карачаевское большинство населения в основном поддержало В. Семёнова, тогда как значительная часть черкесского и абазинского населения симпатизировала С. Дереву. По официальным итогам второго тура, Семёнов одержал убедительную победу, набрав около 75% голосов против 18% у Дерева. Однако оппозиция во главе с Деревым не признала результаты, заявив о нарушениях, и в течение полугода оспаривала их в судах различных инстанций. Этот электоральный конфликт привёл к острому политическому кризису. В КЧР прокатились акции протеста сторонников Дерева, особенно активные в городе Черкесск. Среди требований митингующих было даже провозглашение отдельной Черкесской республики. Для урегулирования конфликта потребовалось прямое вмешательство федерального центра. В итоге федеральным центром была подтверждена легитимность победы на выборах Семёнова, и осенью 1999 года он официально вступил в должность президента КЧР. Последствия этого острого кризиса надолго определили этнополитическую атмосферу в республике: карачаево-черкесское общество оказалось расколотым. Принцип этнического баланса в распределении власти вышел на первый план как неформальный механизм стабилизации, который сегодня соблюдается с оглядкой на события 1999 года.

Трансформация элит в 2000-е годы. Президентство В. Семёнова (1999-2003 гг.) ознаменовало переход власти от ветеранов советской эпохи к новой волне региональных лидеров – выходцев из силовых структур и бизнеса. Одновременно федеральный центр при президенте В. Путине начал курс на укрепление «вертикали власти», что постепенно изменило условия функционирования региональных элит. В КЧР Семёнов старался удержать хрупкое равновесие: его

администрация включала представителей разных общин, однако конкуренция между кланами никуда не исчезла. К 2003 г., по истечении первого президентского срока, на фоне экономических трудностей и обвинений оппонентов в авторитаризме популярность Семёнова снизилась. На вторых президентских выборах (август 2003 г.) карачаевская элита раскололась: против Семёнова выдвинулся Мустафа Батдыев – председатель Национального банка КЧР, экономист по образованию, также карачаевец, но не связанный с командой Семёнова. Итоги первого тура оказались неожиданно не в пользу действующего лидера: Батдыев получил ~41,8% голосов, немногим опередив Семёнова (~40%). Во втором туре электорат, жаждавший перемен, отдал предпочтение М. Батдыеву. Так в результате конкурентной борьбы произошла мирная смена регионального руководства, что продемонстрировало начало циркуляции элит в республике: часть прежней команды потеряла позиции, победу одержала новая группа во главе с выходцем из банковской сферы.

Однако реальные механизмы власти в КЧР середины 2000-х гг. оставались во многом клановыми. В. Семёнов, уступив формальный пост, по некоторым данным, пытался сохранить влияние через лояльных силовиков и чиновников. Вокруг Батдыева быстро сформировался собственный ближний круг, включавший в основном родственников, друзей и представителей земляческих связей. Смена элит привела к переделу собственности. Кульминацией конфликта стал трагический инцидент: в ночь с 10 на 11 октября 2004 года на даче зятя президента М. Батдыева были жестоко убиты семь человек — группа влиятельных бизнесменов и депутат республиканского парламента. Преступление стало результатом разборок за контроль над промышленным активом — компанией «Кавказцемент». В организации убийства был обвинён Алий Каитов — бизнесмен и зять президента Батдыева. Преступление спровоцировало общественное недовольство: тысячи людей вышли на митинг в Черкесске с требованиями отставки Батдыева. Тогда ситуация грозила выйти из-под контролем и перерасти в межклановое насилие, междоусобицу. В ответ оперативно вмешались федеральные власти: Батдыев под

давлением Москвы отправил своего зятя в отставку. Были проведены аресты. Хотя президент Батдыев удержался у власти до окончания срока, но его репутация была подорвана. Данный кризис высветил риски, которые таит сращивание власти и бизнеса: элитные группировки в борьбе за экономические ресурсы готовы были переступить закон, ставя под угрозу стабильность во всём регионе. Аналитики отмечают, что в подобных случаях ресурсный потенциал элит оборачивается фактором дестабилизации – так произошло и в КЧР, где коррупция и клановая круговая порука привели к острому конфликту.

События 2004 г. ускорили пересмотр подхода федерального центра к кадровой политике на Кавказе. После трагедии в Беслане в сентябре 2004 г. по всей России были отменены прямые выборы глав регионов. Вместо этого с 2005 г. введён порядок, при котором Президент РФ предлагает кандидатуры руководителей субъектов, а региональные парламенты их утверждают. В КЧР новая схема впервые применялась в 2008 году, когда истёк срок полномочий М. Батдыева. Кремль не стал продлевать доверие дискредитировавшему себя лидеру. По представлению Президента Д. Медведева, парламент КЧР утвердил новым главой республики Бориса Эбзеева – уважаемого юриста, бывшего судью Конституционного суда РФ. Б. Эбзеев, несмотря на карачаевское происхождение, был фигурой скорее внешней по отношению к местным кланам, «технократом» из федеральной элиты, призванным оздоровить управленческую среду в КЧР. Его назначение можно рассматривать как попытку «импортировать» элиту извне – практику, которую исследователи элит отмечают в ряде случаев на Кавказе (когда успешный выходец из региона, сделавший карьеру в Москве, призывается возглавить родную республику). Предполагалось, что Эбзеев наведёт порядок, дистанцируясь от местных семейно-клановых раскладов. Действительно, в начале его правления произошёл ряд шагов по обновлению кадров: были заменены некоторые руководители районов, пересмотрены бюджетные приоритеты. Однако подобная «инъекция» нового лидера столкнулась с сопротивлением встроенных интересов. По свидетельству экспертов, команда Эбзеева нарушила сложившиеся негласные

договорённости о распределении должностей между представителями разных общин. Специалист из КЧР, возглавляющий общественное движение черкесского народа, вспоминает, что при президенте Эбзееве был нарушен неформальный этнополитический паритет в руководстве, и это в конечном счёте привело к его отстранению: «При Эбзееве нарушили [паритет], и это закончилось тем, что его вообще убрали…». Речь идёт о том, что Эбзеев, формируя команду из профессионалов, не учитывал в должной мере принцип представительства основных титульных групп (карачаевцев, черкесов, абазин), что вызвало недовольство локальных элит. В итоге уже в феврале 2011 г. Б. Эбзеев досрочно покинул пост по собственному заявлению (реально – по инициативе федерального руководства). Случай Эбзеева показателен: даже высококвалифицированный «варяг» не смог эффективно управлять без опоры на местные элитные союзы и учета сложившихся этнобалансов, что демонстрирует, насколько укоренены неформальные институты в политической жизни КЧР.

После отставки Эбзеева федеральный центр изменил подход, сделав ставку на более молодое поколение местных управленцев, лояльных Москве, но укорененных в республике. В 2011 г. главой КЧР был назначен Рашид Темрезов – представитель карачаевской элиты, 35-летний экономист, ранее работавший в строительном бизнесе и правительстве республики. Его кандидатура, предложенная президентом Д. Медведевым, была практически единогласно поддержана Народным Собранием. Через несколько дней после назначения врио парламент утвердил Р. Темрезова президентом республики на 5-летний срок. Примечательно, что впоследствии КЧР отказалась возвращаться к прямым выборам главы даже когда в 2012-2013 гг. такая возможность была вновь предоставлена регионам: в декабре 2013 г. в Конституцию КЧР внесены поправки, окончательно заменяющие всенародные выборы процедурой назначения президентом РФ с последующим голосованием парламента. Фактически политическая система КЧР к середине 2010-х гг. окончательно перешла в режим «назначаемой» демократии, где центральные посты распределяются по согласованию с федеральными властями,

что существенно ограничило формальную конкуренцию и открыло новую главу в истории региональной элиты – главу относительной стабильности состава власти, но одновременно – скрытой борьбы внутри узкого круга допущенных игроков.

Современное состояние и структура элит КЧР. В 2010-е годы в Карачаево-Черкесии сформировалась относительно устойчивая конфигурация элит, характеризующаяся доминированием одной группировки при наличии негласных механизмов включения основных этносов во власть. Во главе республики находится команда Р. Темрезова, который с 2011 г. бессменно возглавляет регион (в 2016 и 2021 гг. его полномочия продлевались практически автоматически, через единогласное утверждение парламентом). Темрезов, одновременно возглавляющий региональное отделение партии «Единая Россия», воплощает тип «новой» элиты: он сравнительно молод, технократически ориентирован, тесно интегрирован в федеральную политическую вертикаль. Его длительное нахождение у власти свидетельствует о высокой степени лояльности Москве и умении лавировать между местными интересами. Одной из главных особенностей современного элитного слоя КЧР является соблюдение этнополитического баланса. Хотя после 1999 г. все главы республики были этническими карачаевцами (Хубиев, Семёнов, Батдыев, Эбзеев, Темрезов), представители черкесского, абазинского и других народов традиционно привлекаются на вторые по значимости роли. Так, пост председателя правительства в последние годы занимают, как правило, черкесы: нынешний премьер-министр КЧР Мурадин (Мурат) Аргунов принадлежит к известной черкесской фамилии, которую эксперты относят к числу влиятельных элитных «кланов». В составе правительства и администрации также присутствуют абазины (например, министр нацполитики или руководители районов из Абазинского района) и, в меньшей степени, представители русского населения. Негласный принцип паритетного представительства способствует поддержанию межэтнического мира. Как отметил в интервью эксперт, возглавляющий черкесское общественное движение, сегодня «паритет какой-то соблюдается… он пока не нарушается». Нарушение этого баланса сразу приводит к конфликтам, пример

чего – уже упомянутый период правления Б. Эбзеева. Этническая компонента по-прежнему существенна в элитных взаимодействиях: она институционализирована не де-юре, а де-факто, через распределение должностей по квотному принципу и кооптацию лидеров этнических сообществ.

Структура современной элиты КЧР сочетает в себе черты традиционных клановых отношений и сетевых форм организации власти. С советских времён в республике существовали влиятельные фамильно-родственные группы, многие из которых продолжают играть заметную роль. Политолог (Карачаево-Черкесского Института гуманитарных исследований) отмечает, что в 1990-е – начале 2000-х гг. особо сильными были две семьи – Арашуковы и Деревы. Они существенно влияли на принятие решений и общественное мнение в республике. Семья Деревых (черкесская по происхождению) во главе со Станиславом Деревым контролировала крупный бизнес («Меркурий», завод «Дервейс» и др.) и имела политические амбиции. Семья Арашуковых (карачаевская) консолидировала влияние через энергетику и силовые структуры: глава семьи Рауль Арашуков был советником «Газпрома», его сын Рауф занял в 21 год пост депутата республиканского парламента, а позже представлял КЧР в Совете Федерации. Однако, по словам эксперта, спустя десятилетие этих кланов уже нет на авансцене: «сейчас… не могу назвать такую влиятельную черкесскую семью» – Деревы и Арашуковы сошли с политической арены. Действительно, С. Дерев после поражения на выборах отошёл в тень, а в 2020 г. его брат Вячеслав Дерев (экс-сенатор) был арестован по обвинению в мошенничестве. Рауф Арашуков, получивший в 2016 г. сенаторское кресло, и вовсе стал фигурантом громкого уголовного дела: в январе 2019 г. он был демонстративно задержан прямо в зале заседаний Совета Федерации по обвинениям в организации двух убийств и хищении газа на миллиарды рублей. Этот беспрецедентный случай показал, что криминальные практики могут укореняться даже в высших эшелонах региональной элиты и представлять угрозу не только региональной, но и федеральной безопасности. Аргуновы – другая черкесская фамилия – ныне считаются влиятельными, однако их влияние носит

более «тихий» характер, проявляясь через присутствие во власти (премьер М. Аргунов) и бизнес, но без открытой конфронтации с доминирующей группировкой.

В карачаевском сегменте элиты на первый план вышла семья Темрезовых. Р. Темрезов за годы своего правления укрепил позиции не только лично, но и продвинул многих своих соратников и родственников на ответственные посты. Его родной брат возглавляет один из районов республики, представители расширенной семьи занимают должности в бизнес-структурах. Также упоминается влиятельная карачаевская фамилия Салпагаровых – клан, давший республике нескольких высокопоставленных чиновников и парламентского депутата Ахмата Салпагарова. Кроме того, наблюдатели выделяют клан Батаевых (Баташевых) – тоже карачаевский род, представители которого занимают различные позиции в экономике и власти. Опрошенный специалист характеризует эти группы скорее, как экономические, нежели политические; хотя их представителей «называют» среди элиты, прямого решающего влияния на политику они не оказывают – их роль проявляется в сфере лоббирования бизнес-интересов. Произошла своеобразная дифференциация: наиболее ресурсные семьи, связанные с властью, перераспределили сферы влияния, избежав открытой конкуренции с доминирующей группой Темрезова. Современные элитные сети в КЧР можно описать понятием «диктиократия» – сетевого управления, где власть осуществляется не столько через формальные институты или чисто родовую иерархию, сколько через гибкую сеть союзов и договорённостей между основными фигурами. Указанный сетевой характер проявляется в том, что представители элиты занимают позиции в бизнесе, общественных организациях, региональном парламенте и поддерживают постоянную коммуникацию друг с другом и с федеральными центрами принятия решений.

Характерной чертой современного элитного слоя КЧР является высокая степень интеграции с федеральной элитой и зависимость от нее. В политическом поле республики практически отсутствует организованная оппозиция: правящая партия «Единая Россия» монопольно контролирует Народное Собрание (на выборах 2019 г. она получила свыше 80% мест). Депутаты-регионалы полностью

лояльны главе и федеральному курсу, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что в 2016 г. все 49 депутатов единогласно проголосовали за переназначение Р. Темрезова главой республики. Формирование элитного консенсуса во многом происходит под эгидой администрации Президента РФ и полпредства. Полномочный представитель президента в СКФО (в разные годы эту должность занимали А. Хлопонин, О. Белавенцев, А. Матовников и др.) координирует федеральную политику в регионе. Тем не менее, прямое повседневное влияние института полпреда на жизнь республики, по мнению ряда экспертов, ограничено. Так, эксперт-историк указывает, что не помнит случаев активного вмешательства полпреда в решения по республикам: «Никаких… случаев прямого участия полномочного представителя [в жизни республики] не знаю…, такое впечатление, что глава республики чаще встречается с президентом страны, чем с полпредом». Оценка эксперта иллюстрирует, что канал связи «республика – Кремль» зачастую минует промежуточные звенья, строясь на прямых контактах руководителя региона с высшим руководством РФ. Главным условием сохранения доверия центра является демонстрация полной лояльности. В. Путин дважды (в 2016 и 2021 гг.) продлевал полномочия Р. Темрезова, что явно свидетельствует о его удовлетворенности политической ситуацией в КЧР. Лояльность федеральному центру, по сути, стала краеугольным принципом воспроизводства элиты. Ещё в 1990-е годы, анализируя траектории кавказских руководителей, эксперты отмечали, что открытая и полная лояльность местных элит Москве – главный фактор их долговечности у власти. В КЧР это правило подтверждается: любые проявления самостоятельности или тем более конфронтации с центром пресекаются, а «удержание вертикали» гарантирует элите поддержку федеральной администрации.

В социально-экономической сфере карачаево-черкесская элита также претерпела значительную трансформацию, но сохраняет черты патримониальности. Экономика КЧР невелика по масштабам (регион – дотационный, ежегодно более половины бюджета составляют федеральные

трансферты), что обуславливает особую ценность контроля над распределением государственных ресурсов. Традиционно многие представители политической элиты одновременно являются крупными предпринимателями или покровительствуют аффилированному бизнесу. В 2000-е гг. наиболее ярким примером был промышленно-финансовый холдинг «Меркурий» семьи Деревых, включавший в себя автосборочный завод «Derways». Данный частный завод, начав в 2002 г. выпуск внедорожников «Дервейс-Ковбой» и впоследствии налаживавший сборку иностранных автомобилей, стал символом возможностей новой бизнес-элиты республики. Однако чрезмерная зависимость от административного ресурса и конъюнктуры привела к тому, что предприятие столкнулось с финансовыми проблемами – к 2019 г. завод обанкротился с долгами свыше 1 млрд руб., будучи фактически выкупленным структурами Сбербанка. Падение флагмана частного бизнеса КЧР показательно: оно продемонстрировало уязвимость региональных бизнесменов без постоянной поддержки государства и устойчивых рынков сбыта. Становится очевидным, что экономическая составляющая элиты во многом основывается на доступе к бюджету, госконтрактам, преференциям (налоговым льготам, субсидиям) и рентным доходам. Коррупционные риски при таком укладе весьма высоки, о чем свидетельствуют уголовные дела против ряда бывших чиновников и предпринимателей. Тем не менее, в последние годы руководство республики старается интегрировать бизнес-элиту в решение социальных вопросов, легитимируя её роль. Например, отмечается деятельность Мусы Экзекова – крупного предпринимателя абазинского происхождения, возглавляющего Международную абазинскую ассоциацию. Экзеков инвестирует средства в социальные проекты в КЧР (строительство объектов культуры, поддержка молодежных инициатив) при содействии главы республики. Его фигура соединяет экономический и этнополитический аспекты элиты: обладая авторитетом в абазинской общине и ресурсами бизнеса, М. Экзеков включен во власть (является депутатом Народного Собрания) и считается неформальным лидером абазин. Экономическая элита КЧР сегодня частично встроена в

государственно-политическую структуру и выполняет функции по поддержанию стабильности – через благотворительность, участие в советах по экономразвитию и т.д. В целом можно констатировать, что элитный класс республики постепенно приобретает более цивилизованные черты, отходя от прямого насильственного передела собственности (как это было в 1990-е гг.) к режиму корпоративного сотрудничества с государством.

Современные элиты КЧР существенно изменились по сравнению с 1990-ми годами и по своему составу, и по принципам функционирования. Если тогда происходила выработка критериев, кто относится к «новой элите», то сейчас можно говорить об относительной устойчивости элитного слоя. Как показывает экспертный опрос, в оценках понятия «элита» у местных специалистов существуют разные акценты. Ряд экспертов склоняются к ресурсно-властному определению. Так, наш эксперт, ведущий научный сотрудник по этносоциологии, считает, что на Северном Кавказе элита – это «те, кто обладает властью и финансами», причём процесс элитообразования ещё продолжается, не достигнув зрелости. Эксперт также отмечает, что в кавказском контексте политическая элита – это, прежде всего, группа людей с высоким уровнем властных полномочий и влияния, направляющая все основные процессы в республике. Вместе с тем другие респонденты включают в понятие «элита» не только должностных лиц, но и выдающихся представителей общества. Например, эксперт подчёркивает значимость личных достижений и авторитета: по его мнению, элиту составляют «люди, проявившие себя, что-то создавшие… наша интеллигенция, учёные – это всё элиты». На практике в КЧР оба этих подхода частично верны: реальную силу имеют те, у кого есть официальная власть или доступ к ресурсам (чиновники, олигархи), но для легитимации своего статуса им необходимо обладать и определёнными качествами – образованием, связями, умением вести диалог с обществом. Наступила эпоха, когда одних только родственных или клановых титулов недостаточно: современный элитный деятель вынужден соответствовать новым требованиям времени. Как образно заметил эксперт, министр, Кавказ «идёт от первого ко второму»: от чисто силовой власти –

к сочетанию власти с компетенциями и профессионализмом. В Карачаево-Черкесии подобный тренд также наблюдается: все больше представителей элиты имеют светское высшее образование, стаж управления, сетевые контакты за пределами республики.

При сохранении традиционных черт элита КЧР постепенно омолаживается и профессионализируется. В органы власти приходят люди нового поколения – например, опрошенный эксперт, министр, отмечает, что уже около 10 лет работает в структурах исполнительной власти, имея и научно-педагогический опыт. Такие кадры соединяют локальную укоренённость с современными взглядами на управление. Они придают большое значение эффективности государственного аппарата, реализации социально-экономических проектов. Так, он подчеркивает достижения последних 15 лет: по его словам, КЧР развивается качественно, построены десятки новых школ, дорог, больниц, отремонтированы сотни объектов социальной инфраструктуры. Он связывает это с выстроенной вертикалью власти и ответственным руководством, отмечая, что «элитарная составляющая [сегодня] именно та, которая должна быть». Конечно, в устах действующего чиновника подобная оценка носит апологетический характер, однако объективные показатели (рост инвестиций, снижение уровня бедности, улучшение благоустройства) действительно указывают на определённый прогресс. Часть элиты ориентирована на результаты и осознает свою ответственность перед населением. В то же время сохраняются и проблемы: уровень коррупции и кумовства по-прежнему высок, значительная доля экономики – «теневая», политическая конкуренция ограничена, что чревато застойными явлениями.

Баланс теории и практики развития элит КЧР таков, что, с одной стороны, налицо движение к более рациональной, сетевой модели элиты (диктиократии), а с другой – базовые основы элитного господства остаются прежними (контроль над ресурсами, близость к федеральной власти, опора на «своих» людей). Политико-административная элита республики сумела трансформироваться после бурных 1990-х гг., пережила кризисы смены власти 1999 и 2003 гг., адаптировалась к

федеральным реформам 2000-х гг. и закрепила своё положение в условиях «вертикали». Ретроспектива показывает, что первоначально элита была представлена преимущественно старым советским руководством (Хубиев и окружение), затем произошла циркуляция – приход во власть новых фигур из армии и бизнеса (Семёнов, Дерев), что привело к конфликтам, после чего федеральный центр усилил контроль, введя механизм назначения глав, тем самым трансформировав процессы элитообразования. В последние же годы наблюдается относительная стабилизация элитного состава и его эволюция в сторону большего профессионализма при сохранении теневой стороны в виде клановых связей.

Заключение. Политические и этнополитические элиты Карачаево-Черкесской Республики сегодня представляют собой сложную многослойную систему. В ней переплетаются официальные институты (глава республики, правительство, парламент), неформальные кланы и сетевые сообщества, этнические организации и бизнес-структуры. Роль федерального центра остаётся определяющей – от его решений зависит верхушка региональной пирамиды власти. Этнический фактор продолжает играть существенную роль в распределении статусов и ресурсов, хотя и завуалирован нормами «единой команды».

Тщательный экспертный мониторинг позволяет зафиксировать эти трансформации. Как отметил эксперт: «*Современный мир ускорился: то, что 20 лет назад можно было сделать в течение длительного времени, сегодня реализуемо за полчаса … всех оповестить, собрать – новые коммуникационные технологии меняют взаимодействие власти и общества*». Данная ситуация ставит перед традиционными элитами задачу повысить уровень открытости и оперативно откликаться на общественные запросы. В этом смысле будущее элит Карачаево-Черкесии будет зависеть от их способности меняться в ногу со временем – сохраняя лучший опыт прошлого (умение договариваться) и преодолевая прошлые издержки (клановость, коррупцию). Сочетание теоретического анализа и эмпирических данных, включая голос самих представителей элиты, помогает понять глубинные процессы, происходящие в правящем слое Карачаево-Черкесской Республики, и

выработать рекомендации для его дальнейшей эволюции в интересах устойчивого развития региона.

Таблица 9. Хронология этапов эволюции элит Карачаево-Черкесии (1990-2020-е гг.)

Период	Политическое руководство и события	Характеристика элиты и ее трансформации
1980-1991 гг.	Владимир Хубиев – первый секретарь обкома КПСС, с 1990 г. председатель исполкома (де-факто глава региона); повышение влияния нацдвижений (карач. и черкес.)	Доминирование советской номенклатуры; начало политизации этнических элит (требования разделения республики на нац. образования). Хубиев как носитель старой элиты удерживает власть, лавируя между группами.
1992-1998 гг.	Временное управление: В. Хубиев – глава администрации (назначен Б. Ельциным); преобразование КЧАО в республику (1992); отсрочка выборов; принятие Конституции (1996)	Плавная трансформация элиты: старые кадры закрепляются на важных постах. Формируется новая законодательная элита (парламент), но без оппозиции. Негласно устанавливается этнобаланс в кадровых назначениях.
1999 г.	Первые выборы президента КЧР: победа В. Семёнова, конфликт с С. Деревым, полугодовой кризис легитимности; вмешательство федерального центра	Начало циркуляции элит. Старый лидер (Хубиев) уходит, во власти борются новые акторы: генерал (силовая элита) и олигарх (экономическая элита) разных этносов. Обнажение этнического раскола. Возникновение модели этнополитического паритета как условия стабильности.
2000-2003 гг.	Президентство В. Семёнова; консолидация карачаевской элиты у власти; нарастающая оппозиция (Дерев и др.); выборы 2003 г. – победа М. Батдыева	Перетоки внутри элиты: часть окружения Семёнова сохраняет позиции, но бизнес-элиты и технократы вытесняют старую гвардию. Этнический квотный принцип соблюдается (черкесы получают пост премьера и др.). Элита все еще раздроблена на кланы.

Период	Политическое руководство и события	Характеристика элиты и ее трансформации
2004-2007 гг.	Президент М. Батдыев; кризис 2004 г. – убийство 7 бизнесменов (дело зятя президента), массовые протесты; вмешательство Москвы; ослабление позиций Батдыева	Кланово-корпоративный конфликт достигает пика. Элитные разборки приводят к насилию, что вызывает реакцию центра. Усиление контроля силовых структур над элитой. Репутация региональной власти подорвана, рост зависимости от центра.
2008-2010 гг.	Назначение президента Б. Эбзеева (вне конкурса); попытки реформ; досрочная отставка Эбзеева (2011 г.)	Внешняя коррекция элиты. Попытка внедрения «технократа» извне. Столкновение с негласными традициями – нарушение этнопаритета, конфликт с местными кланами. Итог – элита отвергает «чужака», возвращаясь к внутренним кадрам.
2011 г.-наст. время	Назначение (2011 г.) и переутверждение (2016 г., 2021 г.) Р. Темрезова – главы КЧР; период относительной стабильности и экономических проектов; отсутствие выборов главы	Консолидация нео-номенклатуры. Возникает устойчивая группа власти во главе с молодым карачаевским лидером. Элита принимает форму «диктиократии»: управление через сеть лояльных фигурантов (родственники, союзники) при поддержке Москвы. Этнический баланс поддерживается (черкесы, абазины во 2-м эшелоне). Оппозиционные элиты либо кооптированы, либо нейтрализованы.

Примечание: Составлено автором на основе анализа официальных хроник и экспертных оценок (интервью, материалы исследований).

Как видно из таблицы 9, каждый этап сопровождался определёнными изменениями в конфигурации элиты – от доминирования одной группы к временному двоевластию, затем к перераспределению влияния и, наконец, к новой централизованной модели. Вместе с тем сохранялась преемственность некоторых институтов (например, законодательного органа) и персоналий, особенно среди

административной элиты среднего звена, которая часто переживала смену руководителей и служила связующим звеном между поколениями элит.

Таблица 10. Основные элитные группы (кланы) КЧР и их характеристики на современном этапе

Элитная группа (основная этническая принадлежность)	**Ключевые фигуры**	**Сфера влияния и ресурсы**	**Текущий статус и роль**
Группа Темрезова (карачаевцы)	Рашид Темрезов – Глава КЧР с 2011 г.; ближайшие родственники (А. Темрезов и др.)	Политическая власть (глава региона, контролирует правительство и парламент через «ЕР»); экономические активы (строительство, госконтракты); федеральные связи (партия, Администрация Президента)	Доминирующая группировка. Определяет стратегию развития, распределяет ресурсы. Обеспечивает лояльность центру. Служит «ядром» сетевой элиты.
Карачаевские бизнес-кланы	Салпагаровы: Ахмат Салпагаров – депутат Госдумы РФ; Батаевы (Баташевы): несколько представителей в бизнесе и муниципалитетах; (бывш.) Арашуковы: Рауль	Экономика: контроль над предприятиями (энергетика, строительство, сельское хоз-во); представительство в законодательных органах; неформальное влияние в карачаевском обществе.	Салпагаровы и др.: влиятельны, но в тени доминирующей группы, интегрированы через должности и партнёров в правительстве. Арашуковы: дискредитированы и устранены от власти (после 2019 г. уголовного дела) –

Элитная группа (основная этническая принадлежность)	**Ключевые фигуры**	**Сфера влияния и ресурсы**	**Текущий статус и роль**
	Арашуков (экс-советник «Газпрома»), Рауф Арашуков (экс-сенатор)		пример краха некогда сильного клана.
Черкесские элиты	Аргуновы: Мурадин (Марат) Аргунов – Председатель Правительства КЧР; (бывш.) Деревы: Ст. Дерев – экс-мэр Черкесска, бизнесмен; В. Дерев – экс-сенатор; Другие черкесские фамилии (Бжании, Кардановы и др.)	Государственное управление (пост премьера, министры, муниципальные главы из черкесов); бизнес (торговля, промышленность, ранее – автозавод «Дервейс»); культурно-общественное влияние (Адыгэ Хасэ и др. организации).	Аргуновы: представляют черкесскую составляющую власти, достаточно влиятельны на региональном уровне, но лояльны главе. Деревы: утратили политические позиции после 2000-х гг., сохраняют лишь экономические активности; В. Дерев преследуется за эконом. преступления. В целом черкесские элиты сейчас обладают ограниченной самостоятельностью, действуя в рамках коалиции с группой главы.
Абазинская элита	Экзековы: Муса Экзеков – бизнесмен, глава Междунар.	Бизнес (инвестиции, торговля, благотворительность – проекты Экзекова;	Возросшее влияние благодаря поддержке со стороны главы КЧР (Экзековские

Элитная группа (основная этническая принадлежность)	**Ключевые фигуры**	**Сфера влияния и ресурсы**	**Текущий статус и роль**
	Абазинской Ассоциации, депутат парламента; Другие лидеры Абазинского района (К. Чич, М. Тайгинов и др.)	этнокультурное лобби (абазинская община); участие во властных структурах (депутаты Народного Собрания от Абазинского района).	инициативы курируются правительством). Абазины получили автономный Абазинский район (2006 г.) – платформу для развития элиты. Их элитная группа встроена в общереспубликанскую и выступает партнёром власти, представляя малочисленный, но важный сегмент.
Русская и казачья элита	Елена Лешова – председатель Общественной палаты КЧР; Иван Гертер (условно) – атаман казачества (не гос. должность)	Общественно-гражданская сфера (Общественная палата, советы старейшин, казачьи организации); частично – силовые структуры (некоторые руководящие посты МВД, ФСБ традиционно занимают выходцы из федеральных структур, часто русские по национальности).	В политическом руководстве доля русских минимальна (нет своих «кланов»). Влиятельны лишь отдельные личности, представляющие интересы русскоязычного населения в консультативных органах. Большинство русского населения не консолидировано в элиту, многие квалифицированные кадры уехали в 1990-е

Элитная группа (основная этническая принадлежность)	**Ключевые фигуры**	**Сфера влияния и ресурсы**	**Текущий статус и роль**
			гг. Их роль скорее вспомогательная, чем определяющая.
Федеральные представители	Полпред Президента в СКФО; руководители силовых ведомств (прокурор, начальник УФСБ, МВД) – часто назначенцы из центра; кураторы от федеральных партий	Административный надзор (контроль за исполнением указаний центра); обеспечение безопасности (борьба с экстремизмом, надзор за элитами – предотвращение сепаратизма, коррупции); канал коммуникации с Москвой (доносить проблемы региона).	Формально вне региональной элиты, но де-факто влияют на баланс сил. Их авторитет основан на полномочиях от Кремля. В обычное время влияние полпреда невелико, однако при кризисах (1999 г., 2004 г.) федеральные эмиссары играли решающую роль. Сейчас они выполняют стабилизирующую функцию, поддерживая статус-кво.

Примечание: Таблица отражает условное разделение элитных групп по преобладающему этническому признаку и источникам влияния, основано на интервью экспертов. Реальные границы между группами размыты: многие элиты сотрудничают между собой по принципу личных связей, входя одновременно в несколько сетей.

Как видно из таблицы 10, элитная структура Карачаево-Черкесии полицентрична: нет абсолютной монополии одной семьи или клана на все ресурсы. Вместо этого существует несколько групп, объединенных как общностью интересов, так и конкуренцией. Карачаевская элита (самая многочисленная по

базису) разделена на правящую группу вокруг Р. Темрезова и другие семейно-родовые объединения, которые вынуждены согласовывать свои амбиции с лидером. Черкесская элита, утратив прежних ярких лидеров, нашла нишу в виде надежного «младшего партнера» власти, получая определённые гарантии представительства. Абазинская община консолидировала свои элитные ресурсы вокруг фигуры мецената М. Экзекова, который, с одной стороны, инвестирует в развитие своей этнической общности, с другой – лоялен региональной власти, что повышает его статус. Относительно слаба позиция русского населения – как справедливо отметил эксперт из КЧР, русским «несвойственна клановость», поэтому они не образуют единого элитного блока. Их влияние скорее проявляется через институции, возглавляемые отдельными авторитетными русскими (например, Общественная палата). В итоге система элит КЧР функционирует как коалиционная, где различные сегменты объединены вокруг общего интереса – сохранения стабильности и доступа к ресурсам при ведущей роли карачаевского политического руководства.

Подводя итог, можно констатировать, что политические и этнополитические элиты Карачаево-Черкесской Республики за последние три десятилетия прошли через этапы становления, кризисной трансформации и относительной консолидации. Их эволюция наглядно отражает влияния как общероссийских тенденций (демократизация 1990-х гг., централизация 2000-х гг., кадровое омоложение 2010-х гг.), так и специфических региональных факторов (этническая мозаичность, клановые традиции, приграничное положение). Сегодняшняя элита КЧР – продукт компромисса между традицией и модернизацией: традиция проявляется в семейственно-земляческих связях и негласных договоренностях, модернизация – в стремлении отвечать требованиям эффективного управления и интегрироваться в общефедеральную элиту. Экспертные оценки в целом подтверждают, что ради устойчивости системы элиты готовы адаптироваться. Например, представители власти активно используют новые медиа для коммуникации, налаживают диалог с молодежью, вовлекают в управление образованных выходцев из региона, ранее работавших в центре. В тоже время, они

ревниво оберегают свою корпоративную сплоченность и привилегии, что выражается в отсутствии реальной конкуренции и прозрачности.

Для дальнейшего развития политической системы КЧР важным будет поддержание баланса между федеральным руководством и местной спецификой. Федеральный центр заинтересован в предсказуемости региона, поэтому будет и далее опираться на проверенные кадры и механизмы (партийный контроль, назначения). Местные же элиты, скорее всего, продолжат политику лояльности и внутреннего согласования интересов основных общин. Возможный приток новых акторов – например, возвращение в республику части молодежи, получившей образование и опыт вне ее пределов, – может привнести свежие импульсы. Уже сейчас практикуется кооптация успешных выходцев из КЧР: как отмечает эксперт, нередко власти приглашают наших людей, сделавших карьеру в Москве или Петербурге, вернуться и «принести пользу республике». Подобная политика «обратной миграции элит» способна повысить профессиональный уровень управления. В то же время, если социально-экономические проблемы (безработица, низкие доходы) будут оставаться острыми, это может породить новые точки напряженности, которые элита должна уметь нейтрализовать через реформы и диалог. Успешная адаптация элит к меняющимся условиям – залог прогресса и стабильности Карачаево-Черкесии. Исследование их исторического пути и современного состояния служит ценным уроком того, как многонациональное общество может выработать механизмы сосуществования элит, избегая раскола и конфликтов. В конечном счёте, именно от мудрости и ответственности элитного слоя во многом зависит будущее Карачаево-Черкесской Республики – сохранение гражданского мира, рост благосостояния и полноценная интеграция в общероссийское пространство при уважении богатого этнокультурного наследия региона.

3.6. Северная Осетия–Алания: формирование политических элит, этноконфессиональная специфика и взаимодействие с федеральным центром

В Республике Северная Осетия–Алания особый этнополитический ландшафт накладывает отпечаток на формирование и функционирование региональных элит. Этот небольшой горный регион на Северном Кавказе исторически был интегрирован в российское государство и выделяется среди соседей преимущественно христианским (осетинским) населением на фоне мусульманского окружения. Осетины составляют две трети жителей республики. Большими общинами являются русские и ингуши (около 4 %), наряду с меньшими группами — кумыки, армяне, грузины и др. Многоэтничность и многоконфессиональность (православие доминирует, но присутствуют ислам и традиционные верования) определяют высокую ценность межнационального согласия в республике. Северная Осетия исторически ориентирована на сильную связь с центральной властью в Москве как на гарантию безопасности. Это ярко проявилось в 1992 году, когда федеральный центр поддержал Осетию. Лояльность федеральному центру укрепилась и после распада СССР. Социальная структура республики отличается высоким уровнем образования и присутствием сильной интеллигенции. Ещё с советских времён республика славилась научными кадрами и особенно культурными деятелями. В этой уникальной среде региональные элиты вынуждены учитывать, как требования современной государственной политики, так и богатое этнокультурное наследие Осетии, включая институты вроде совета старейшин («*Стыр Ныхас*»), выполняющие неформальные регулирующие функции в обществе.

Политологический анализ североосетинских элит показывает, что они соответствуют базовым теоретическим определениям элиты как привилегированной группы, обладающей наивысшим статусом и влиянием на стратегические решения. Как отметил один из экспертов, «под элитой понимается ограниченный социальный слой, занимающий доминирующие позиции в структуре

управления государством и обладающий прямым доступом к формированию политической повестки. Сосредоточение нормативного влияния, финансовых потоков и сетевых ресурсов позволяет данной группе преобразовывать собственные предпочтения в общеобязательные решения, закрепляя зависимость массовых слоёв населения от выработанного ею курса». В контексте Северной Осетии это означает, что к элите относятся лица, определяющие стратегию развития республики и обладающие для этого достаточной властью и авторитетом. На основе проведённых экспертных интервью были выявлены основные критерии принадлежности к политической элите – признаки, по которым экспертное сообщество относит тех или иных акторов к элитной группе. Критерии объединяют как формальные, так и ценностно-статусные характеристики, представленные в таблице 11.

Таблица 11. Критерии идентификации политической элиты Северной Осетии – Алании: содержание и аналитическое значение

Критерий принадлежности	Содержание и роль
Влияние на принятие решений	Участие в определении государственной политики и стратегических решений. Лицо, реально влияющее на властные решения, тем самым де-факто принадлежит к элите.
Доступ к ресурсам	Контроль над значительными ресурсами – финансовыми, материальными, силовыми. Обеспечивает возможность продвигать интересы и удерживать власть.
Легитимность и общественное признание	Наличие признанного статуса власти, общественной поддержки или формального мандата. Легитимация через выборы, назначение или харизму усиливает позицию элиты.
Привилегии и статус	Обладание особыми правами, должностными привилегиями и высоким социальным положением. Элита выделяется по статусным маркерам (титулы, награды, ранг).

Критерий принадлежности	Содержание и роль
Стабильность положения	Долговременное удержание важных постов, политическая «долговечность». Если фигура находится у власти продолжительное время, она укореняется в элитном слое.
Высокий уровень образования и опыта	Наличие высшего образования, научных степеней, профессионального опыта управления. Рассматривается как необходимое условие компетентности элиты.

Как видно, эксперты подчёркивают комплексный характер понятия элиты: это не только формальное обладание должностью, но и реальная способность осуществлять власть, опираясь на ресурсы и признаваемую легитимность. В североосетинском контексте данные критерии проявляются особенно наглядно. К примеру, глава республики или влиятельный член правительства автоматически обладает и формальными полномочиями, и доступом к государственным ресурсам, и высоким статусом. Однако для полного признания элитного положения необходимы также долговременная успешная деятельность и определённое одобрение со стороны общества (или, по крайней мере, отсутствие активного неприятия). Последнее нередко требует демонстрации компетентности – уровня образования, профессионализма, соответствия представлениям общества о «достойном лидере». В Северной Осетии исторически высока роль интеллигенции, поэтому наличие научной степени или заслуг в сфере культуры может повышать символический капитал политика. В то же время власть сама по себе порождает легитимность: как отмечено, элита «создает нормы, по которым вынуждены жить все слои общества», то есть обладание реальной властью закрепляет за группой статус элиты и позволяет навязывать свои правила игры.

Состав и структура элитных групп. Региональные элиты Северной Осетии включают в себя несколько слоёв и групп, различающихся по функциям и ресурсам, но тесно взаимодействующих между собой. Ядро политической элиты образуют высшие должностные лица – руководители исполнительной власти и парламента, а

также представители республики на федеральном уровне. Экспертами прямо отнесены к элите *«главы субъектов, члены правительств, представители субъекта в федеральных органах власти»*, а также высшее духовенство. Последняя оговорка отражает реальность Кавказа: хотя в Северной Осетии религиозный фактор менее политизирован, влиятельные священнослужители (например, глава республиканской епархии Русской православной церкви) могут рассматриваться как часть элиты благодаря своему моральному авторитету и связям. Вокруг этого ядра существуют «околоэлитные» группы, обладающие значительным влиянием:

- *Экономическая элита.* Крупные бизнесмены, владельцы предприятий и финансовые игроки. В Осетии, как и везде в постсоветском пространстве, бизнес тесно переплетён с властью. Успешные предприниматели входят в окружение властных руководителей, нередко – через неформальные договорённости или совместные проекты. Например, бывший глава республики Вячеслав Битаров до прихода во власть сам был одним из крупнейших бизнесменов (владелец пивоваренного завода) и, заняв должность, опирался на свой экономический ресурс и связи в бизнес-среде. Экономическая элита обеспечивает материальную базу режима, инвестиции и рабочие места, взамен получая лояльность властей и преференции в бизнесе. Подобный симбиоз власти и капитала характерна для Осетии: крупные инвесторы и спонсоры мероприятий де-факто участвуют в политике, не занимая формальных постов.
- *Культурно-интеллектуальная элита.* Известные деятели науки, образования, культуры, искусства. Осетинское общество традиционно уважительно относится к интеллигенции; фамилии выдающихся ученых, писателей, артистов на слуху и могут оказывать влияние на общественное мнение. Эксперт, сам являясь исследователем, среди элиты упоминает интеллигенцию – «деятелей науки, культуры, писателей, артистов», а также новых медийных лидеров (популярных блогеров). Хотя такие лица не принимают государственных решений, они формируют интеллектуальный

климат и ценностные ориентиры, а нередко и напрямую вовлечены во власть в качестве советников или депутатов представительных органов. Яркий пример – всемирно известный дирижёр Валерий Гергиев, имеющий осетинское происхождение: он не занимает политических постов в республике, но его авторитет позволил создать во Владикавказе филиал Мариинского театра, влияя на культурную политику. Культурная элита обладает «мягкой силой», дополняя административный ресурс власти.

- *Традиционные лидеры и общинная элита.* В Осетии сохраняется институт советов старейшин (*ныхас*), особенно в сельских районах и внутри субэтнических сообществ. Эксперт отмечает существование общественной организации «Стыр Ныхас» – совета уважаемых старейшин-осетин, возглавляемого авторитетной личностью (Зелимом Ватаевым), которая способна влиять на общественное мнение. Хотя формально решения старейшин не обязательны для властей, их неформальная легитимность весьма высока: в традиционной культуре осетин слово аксакалов ценится, и власть учитывает этот фактор для укрепления социальной опоры. Традиционные лидеры (кланы, родовые авторитеты) в Осетии играют меньшую роль, чем в некоторых соседних республиках (например, чем тайпы в Чечне или тухумы в Дагестане), но полностью игнорировать родственные и земляческие связи нельзя. Социолог из Осетии подчёркивает характерную для Кавказа «горизонтальную сетевую структурированность» элиты, когда важны *«своя фамилия, свой тайп, наш мальчик… сидит [во власти]»*, и он затем «подтягивает свою сеть». То есть, принцип кланово-родственных связей, основанных на общности происхождения (родства, выходцев из одного села или ущелья), исторически присущ и североосетинской элите. Например, в период президентства Александра Дзасохова (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) сложилась группа из его приближённых – т.н. «дзасоховская обойма», которую наш эксперт относит к разновидности клановой структуры (хотя и оговаривается, что это скорее круг личных

протеже, а не клан в узком смысле). Аналогично можно говорить об окружении Теймураза Мамсурова в последующий период. Родственно-земляческие сети существуют, но в Осетии они не носят жёсткого характера феодальных кланов – скорее это патронажные группы, меняющиеся при смене лидера.

Присутствие указанных групп делает элиту многоуровневой сетью взаимодействующих акторов. На вершине – узкий круг высших чиновников, вокруг – полусамостоятельные сети влияния (бизнес, наука, традиционные сообщества). Эти сети могут как поддерживать правящую группу, так и сдерживать её. К примеру, экономическая элита заинтересована в стабильности, а традиционные лидеры выступают в роли посредников при конфликтных ситуациях, помогая властям гасить потенциальные кризисы — например, урегулировать общинные споры или предотвратить межэтнические столкновения. Наличие сильных неформальных авторитетов вне госаппарата детерминирует двойственность легитимности: политические элиты вынуждены делить символическую власть с общественными фигурами. В Осетии, например, параллельно существует влиятельный общественный институт «*Стыр Ныхас*», выносящий собственные автономные решения по важным вопросам.

Механизмы формирования и рекрутирования элит. Динамика элит Северной Осетии во многом определяется тем, какими путями люди попадают в руководящие круги. Экспертные оценки здесь несколько разнятся, отражая разные аспекты процесса. Большинство сходится во мнении, что в нынешних условиях ключевую роль играют личные связи и протекция. По словам эксперта, *«на первом месте, к сожалению, связи»* – только затем уже образование и профессионализм. Ему созвучно мнение другого эксперта: в Осетии, как и повсюду, продвижению во власть способствуют *«вхождение в те или иные группы… клановые [связи], которые могут выдвинуть [человека]»*, хотя она оговаривает, что подобная протекция часто делает выдвиженца лишь «калифом на час» без долгосрочной перспективы. Иными словами, аппаратный взлёт, основанный исключительно на

знакомстве или родстве, может быть быстрым, но не гарантирует устойчивости без реальных заслуг. Эксперт, напротив, ставит на первое место образование – по его мнению, *«без образования в сферу политики навряд ли можно попасть»*, а нужные связи формируются уже в процессе учёбы и дальнейшей работы. Эта точка зрения отражает идеал меритократии, тем более что в Северной Осетии высокий образовательный ценз традиционно ценится. Однако на практике оба фактора взаимосвязаны: как отметил собеседник, «образование и профессионализм облегчают заводить нужные знакомства и покровителей, что в конечном счёте и обеспечивает карьерный рост». Обобщая, можно сказать, что формирование элиты носит патронажно-меритократический характер: требуется и компетентность, и включённость в неформальные сети влияния.

Особую специфику вносит федеральный механизм назначения руководящих кадров. С середины 2000-х годов главы республик Северного Кавказа фактически назначаются Кремлём (через процедуру утверждения региональным парламентом по представлению президента РФ), прямые выборы отсутствуют. Эксперт прямо указывает, что *«выборности нет, кандидатуры присылают сверху, а парламент утверждает»*. Это означает, что главный социальный лифт на уровне главы региона – не местная популярность, а доверие федерального центра. Лояльность Москве становится критически важным неформальным критерием элитного статуса. Эксперт подтвердил: *«у нас главу республики не выбирают, а назначают федерально, поэтому… [важна] лояльность власти»*. Интересно, что он же отметил: для других фигур – таких, как известные народные избранники (он упомянул героя-спортсмена Арсена Фадзаева) – значимость определяется скорее их отношением к населению, то есть народной легитимностью. Так, внутри элиты существуют разные легитимационные основания: высший чиновник легитимирован «сверху» (федерацией), а депутат-авторитет – «снизу» (народным признанием). В итоге, для устойчивой карьеры североосетинскому политику необходимо балансировать: быть приемлемым для Москвы и одновременно сохранять репутацию дома, в республике. Этот баланс как правило достижим легко,

и иногда интересы «верха» перевешивают: так, ряд перспективных местных политиков могли не получить высших постов из-за недостаточной поддержки силовых структур или кураторов в центре, независимо от популярности на местах.

Существенным каналом рекрутирования элит в Осетии является силовой блок. Молодёжь нередко видит путь к успешной карьере через службу в силовых структурах. *«Главнейший социальный лифт в нашем регионе – силовой»*, – подчёркивает эксперт, ссылаясь на наблюдения, что многие выпускники школ стремятся поступить в МВД или ФСБ. Причина проста: офицер силовых органов получает не только престиж и зарплату, но и включается в влиятельную корпорацию, которая на Кавказе традиционно составляет опору режима. Силовики (полиция, спецслужбы, армейские командиры) во многом сами формируют отдельную субэлиту. В новейшей истории Северной Осетии высшие руководители часто имели силовой бекграунд: экс-глава Теймураз Мамсуров – выходец из КГБ, нынешний руководитель Сергей Меняйло – генерал. Опора на людей с опытом в безопасности – сознательный курс после трагедии в Беслане 2004 г., когда выявилась необходимость усилить контроль над ситуацией. Силовые структуры служат кадровым резервом для политики. Это усиливает корпоративность элиты – когда верхушка власти рекрутируется из узкого круга «силового цеха», что повышает спаянность, но снижает представленность других групп.

При всём этом сохраняются и традиционные пути попадания в элиту, связанные с наследственностью статуса или принадлежностью к известной фамилии. Хотя наш собеседник отмечает, что *«какая-то правильная фамилия»* не играет решающей роли, все же дети и родственники влиятельных лиц имеют преимущества. Например, в советское время и 1990-е гг. выходцы из известных осетинских родов чаще занимали номенклатурные должности. Сейчас же *nepotism* проявляется тоньше: через создание династий во властных институтах или бизнесе. Вопрос, заданный экспертом интервьюируемому: *«Например, сестра главы республики – это элита или нет?»* указывает на то, что близкое родство с первым лицом автоматически даёт неформальное влияние, хотя формально такая персона

не чиновник. Следовательно, родственно-сетевые связи остаются ресурсом: они не гарантируют формального поста, но могут обеспечить доступ к центрам принятия решений, что само по себе критерий элитности (доступ «к телу» лидера – важнейший капитал).

Циркуляция элит и динамика состава. Политическая система Северной Осетии относительно стабильна, однако за последние десятилетия произошла заметная смена поколений и типов элит. В 1990-е гг. на вершину власти вышли представители старой советской интеллигенции. Первым президентом республики (в 1994 году) стал академик Ахсарбек Галазов – человек из университетской среды. Эта тенденция продолжилась с приходом в 1998 году Александра Дзасохова – партийного дипломата, тоже интеллигентного политика старой школы. Однако к середине 2000-х гг. проявился сдвиг в сторону технократически-экономического профиля руководства. Эксперт описывает это как *«значимый переход… с людей интеллектуального склада на людей, которые больше разбираются в экономике и бизнесе, то есть с условных ученых – на прагматиков-экономистов»*. Дзасохов действительно уступил пост в 2005 г. Теймуразу Мамсурову, представителю более молодого поколения, ориентированного на практическое управление. Мамсуров, хотя и силовик в прошлом, сделал упор на экономическое развитие и управленческий прагматизм. Затем, в 2015 г. его сменил Вячеслав Битаров – выходец из крупного бизнеса, что подтвердило тренд на интеграцию экономической элиты во власть. Циркуляция элит во многом обусловлена стратегией федерального центра: Москва заинтересована видеть на местах либо проверенных лояльных силовиков, либо хозяйственников, способных поднять экономику и удержать социальную стабильность. Северная Осетия прошла через несколько таких фаз элитной ротации, каждая из которых была ответом на вызовы времени (см. таблицу 12).

Таблица 12. Динамика политического лидерства в Северной Осетии – Алании

Период	Лидер республики	Происхождение и тип элиты	Причина смены
1994-1998 гг.	Ахсарбек Галазов (Президент)	Учёный-гуманитарий, советская партэлита	Ушел в отставку (политическая ротация)
1998-2005 гг.	Александр Дзасохов (Президент)	Партийный дипломат, советская номенклатура	Ушел в отставку после Бесланской трагедии 2004 г. (падение доверия)
2005-2015 гг.	Теймураз Мамсуров (Глава РСО-Алания)	Силовик (КГБ), местный кланово-адм. ресурс	Не переназначен Кремлем по истечении срока (обновление курса)
2015-2021 гг.	Вячеслав Битаров (Глава РСО-Алания)	Бизнесмен, экономическая элита	Досрочно оставил пост по решению центра (укрепление вертикали)
2021 г. - н.в.	Сергей Меняйло (Глава РСО-Алания)	Военный генерал, «варяг» из федеральных структур	Действующий руководитель, назначен центром

Каждая смена лидера сопровождалась перетасовкой элитных групп. Приход нового главы означал обновление высших кадров: так, «команда Дзасохова» частично уступила место людям Мамсурова после 2005 г., а предприниматели из окружения Битарова получили преимущества после 2015 г. Однако важной чертой осетинской политики является относительная *преемственность*. Многие функционеры сумели адаптироваться при различных главах, перешли из команды в команду. Например, отдельные министры или парламентарии продолжали работу и при Дзасохове, и при Мамсурове, сменив патрона. Это говорит о наличии постоянного слоя бюрократической элиты – профессиональных управленцев среднего звена, которые не публичны, но обеспечивают институциональную память и стабильность курса. Такой слой (условно – высшая чиновничья бюрократия республики, директора департаментов, аппарата) менее зависим от личных качеств главы и более – от общей системы «вертикали власти» России. Вертикальная

мобильность кадров (выдвижение наверх) проходит не только внутри самой Осетии, но и через отправку управленцев в Москву и обратно — как в Дагестане. Осетинские элитарии получают опыт в федеральных структурах и затем возвращаются, это устоявшаяся практика. Чтобы добиться успеха, нужно получить признание на федеральном уровне, а затем — поддержку в республике. Обратный процесс тоже существует: назначение «варягов» из центра (как С. И. Меняйло) ломает замкнутость местных кланов. Радикальных потрясений элит в постсоветской Осетии не происходило, только контролируемая ротация обеспечила эволюционную смену поколений. Даже отставка А.С. Дзасохова после Бесланской трагедии прошла легально и мирно. В данном смысле Северная Осетия — Алания сильно контрастирует, скажем, с Чечнёй, пережившей военные кампании. Осетинская модель – контролируемая и поэтапная циркуляция элит под надзором центра – послужила фактором укрепления политической устойчивости. С другой стороны, подобная модель может вести к застою, если элиты лишь меняют позиции местами, не привнося новых идей. Предотвратить застой позволяет подключение новых групп (например, бизнеса, молодежи) и внешних кадров, что фактически и практикуется.

Сетевые связи и легитимность элит. Современные североосетинские элиты представляют собой разветвлённую сеть, скреплённую взаимными обязательствами, землячеством и родственными узами. Несмотря на формальное доминирование государственной вертикали, значительная часть власти реализуется через неформальные связи. Как указывает эксперт, кавказская (в том числе осетинская) элита исторически характеризуется *«сетьецентричностью»* – сетью, основанной прежде всего на кланово-родственных отношениях. В Осетии под «кланом» часто подразумевают не только кровное родство, сколько круг земляков, друзей, коллег, связанных долгами лояльности. Например, если важный пост занимает выходец из определённого района (условно – из Дигорского ущелья), вокруг него может сложиться неформальная группа поддержки из «своих». Такие земляческие сети частично накладываются на субэтническое деление осетин:

известно, что осетины делятся на иронцев (восточная и центральная часть, в т.ч. город Владикавказ), дигорцев (западные районы) и выходцев из Южной Осетии (кударцев). Наш собеседник отмечает, что исторически долгие годы доминировала «дигорская группа» – видимо, речь о том, что значительная часть руководящих позиций занимали представители дигорского субэтноса. В то же время, в 1990-е многие беженцы-осетины из Грузии и Южной Осетии переселились в Северную Осетию, привнеся дополнительный «пассионарный» элемент: *«кударцы – пассионарии… сегодня они продвигают свои [интересы]»*. Высказывание эксперта указывает на соревновательность внутри осетинской элиты: представители разных историко-культурных общин (иронцы, дигорцы, кударцы) конкурируют за влияние. Дигорцы считались самой сплоченной группой, и в их среде выше доля мусульман, тогда как среди кударцев почти нет мусульман. Однако в целом элита стремится не афишировать эти разделения, чтобы не подрывать единство осетинского народа. Тем не менее, при назначениях неформально учитывается баланс: например, если глава республики – иронец, может быть неофициальное стремление дать представителю дигорцев другой высокий пост, и наоборот. Такие нюансы подтверждают, что сетевые связи на этнокультурной основе продолжают играть роль в циркуляции элит.

Можно сделать следующий вывод, сложившийся у автора на основе богатого эмпирического материала: легитимность североосетинских элит складывается из нескольких компонентов — формально-правового, традиционного и результативного. Например, наличие в элите Осетии известных спортсменов (олимпийских чемпионов) или военачальников (глава республики — вице-адмирал, полпред Президента в прошлом) придаёт ей харизматический элемент: народ видит в них носителей славы Осетии. Однако таких ярких фигур уровня, способного повести за собой массы, сейчас мало. «*Я таких харизматиков не вижу*», — констатирует опрошенный местный эксперт, отмечая, что в республиканском парламенте и общественных организациях не наблюдается ярких лидеров с магнетизмом. Эксперт связывает это с не очень качественным отбором

современной элиты — своего рода отрицательным отбором, в условиях которого сильные личности вытесняются системой. Легитимность элиты страдает из-за дефицита харизматических, широко уважаемых лидеров. Власть компенсирует этот дефицит опорой на результативность: результативная легитимность означает, что общество готово терпеть элиту, если она обеспечивает относительный порядок, развитие и безопасность. Североосетинское общество, пройдя через потрясения 1990-х – начала 2000-х гг., ценит стабильность. Даже если чиновники не очень популярны, их будут терпеть, пока в целом республика живёт спокойно, без войн и резкого ухудшения жизни. В глазах обывателя легитимность власти повышается, если она может привлечь федеральные ресурсы, отстоять интересы Осетии перед Москвой, обеспечить рост экономики. В этом смысле лояльность федеральному центру для местной элиты – двоякий фактор: с одной стороны, она обязательна «для карьерного роста», с другой – она же может служить источником легитимности внутри региона, если приносит ощутимую пользу (дотации, инвестиции, безопасность). В Северной Осетии, в отличие от некоторых других национальных республик, население в целом поддерживает курс на крепкую интеграцию с Россией, поэтому тесная связь местной элиты с Кремлём воспринимается не как предательство, а скорее, как залог защиты – например, от возобновления ингушского конфликта или угроз из Грузии.

Ресурсная база элит характеризуется комбинированием официальных ресурсов власти и неофициальных «капиталов». В распоряжении политико-административной элиты находятся прежде всего административные ресурсы: государственный бюджет, аппарат принуждения (силовые структуры), государственные СМИ. Контроль над бюджетными потоками позволяет элите поддерживать систему патронажа – распределять блага (должности, подряды, льготы) своим сторонникам, укрепляя их лояльность. В Северной Осетии, как регионе дотационном, огромную роль играют трансферты из федерального центра. Умение их выпросить и эффективно (или неэффективно) расходовать – важнейший навык местных элит. Экономические ресурсы сосредоточены в руках бизнес-элиты, но находятся в тесной связке с властью.

Богатые предприниматели инвестируют в социальные проекты, спонсируют спортивные команды, праздничные мероприятия, тем самым повышая свой социальный капитал и укрепляя позиции во властной среде. Взамен им зачастую предоставляются налоговые преференции, господряды или политическое покровительство. Силовые ресурсы (силовики) формально подчинены федеральным ведомствам – МВД, ФСБ, Росгвардии – и отделены от региональной власти. Наш жксперт позитивно оценивает тот факт, что *«развели подчиненность»* силовых структур и регионального руководства, помня «веселые 90-е», когда местные силовики были связаны с местными же криминальными группами. Сейчас начальники полиции, ФСБ и прокуратуры назначаются центром, и это, по мнению эксперта, уберегло регион от *«сращивания… экстремистских организаций»* с властью. Иначе говоря, автономность (относительная) силового блока стала предохранителем от наиболее опасных форм коррупции и радикализма. Тем не менее, неформальные контакты региональных лидеров с силовиками влияют на решения: глава республики старается иметь хорошее взаимопонимание с руководством местного МВД и военного гарнизона, так как от них зависит оперативная обстановка. Силовики же, хотя и не подчинены ему прямо, учитывают мнение главы как политического представителя Кремля на месте. Здесь вырисовывается любопытный двойной контур ресурсов: формально региональная власть опирается лишь на административно-экономические рычаги, но практически она способна вовлекать и силовые ресурсы через личные связи с их носителями.

Помимо официальных, существуют и «теневые ресурсы» влияния. В материалах исследования упоминались, например, внебюджетные фонды, частные вооружённые компании, медиаресурсы, мобилизационный потенциал молодежи. В Северной Осетии некоторые из этих ресурсов не столь значимы (нет частных армий как в соседней Чечне, и духовенство не обладает собственной силовой структурой), однако информационный ресурс крайне важен. Контроль над телевидением, над основными новостными порталами фактически находится у правящей элиты, что позволяет ей формировать общественное мнение. С другой стороны, в последние

годы усилилась роль негосударственных СМИ и социальных сетей, где могут звучать оппозиционные голоса. Высшие чиновники стараются учитывать этот фактор: например, активно ведут страницы в соцсетях, демонстрируя открытость. Медийный рейтинг лидеров становится для них новым ресурсом: популярность в интернете иногда переводится в реальное влияние. Молодые осетинские активисты и блогеры, хоть и не входят в официальную элиту, могут привлекаться к сотрудничеству или, напротив, подавляться, если угрожают имиджу власти.

Ресурсная база традиционных и культурных элит основана на символическом капитале – уважении, моральном авторитете, сети личных доверительных отношений. Сами по себе они не имеют формальной власти, но могут мобилизовать людей (например, собрать сход граждан через организацию старейшин или привлечь внимание к проблеме через выступление известного артиста). Власть стремится инкорпорировать эти ресурсы: включает авторитетных людей в общественные советы, консультативные структуры при главе республики, награждает их и тем самым связывает обязательствами. Описанная кооптация сохраняет лояльность широких слоёв общества и снижает риск появления альтернативных центров влияния. Можно сказать, что современная осетинская элита – это переплетение формальных институтов и неформальных сетей, где деньги, власть и статус взаимно конвертируемы. В таблице ниже обобщены основные группы элит и их влияние на стабильность.

Таблица 13. Элитные группы в системе региональной стабильности Северной Осетии – Алании: функции и риски

Элитная группа	Позитивный вклад в стабильность	Риски для стабильности, связанные с группой
Политико-административная (руководство республики,	Координация управления, принятие законных решений, реагирование на кризисы; обеспечение порядка через	Возможная отчужденность от населения, бюрократизм; злоупотребление властью и коррупция подрывают доверие; внутренняя борьба за посты

Элитная группа	Позитивный вклад в стабильность	Риски для стабильности, связанные с группой
правительство, парламент)	госаппарат и федеральную поддержку.	может дестабилизировать систему.
Силовая элита (руководители МВД, спецслужб, военные)	Поддержание правопорядка, борьба с преступностью и терроризмом; сдерживание межэтнических конфликтов силой закона; чувство безопасности у населения.	Избыточное влияние силовиков может привести к давлению на политические процессы; если силовые структуры коррумпированы или лояльны неформальным лидерам, возможны «силовые крышевания» криминала.
Экономическая элита (бизнес-лидеры, инвесторы)	Экономическое развитие, создание рабочих мест, спонсирование соцпроектов; повышение уровня жизни, уменьшение социального недовольства; сотрудничество бизнеса и власти для общего блага.	Монополизация экономики, неравенство; сращивание бизнеса с властью ведет к коррупции; борьба групп влияния за ресурсы (например, передел собственности) может перерасти в открытые конфликты элит.
Традиционные лидеры (старейшины, родовые авторитеты, религиозные деятели)	Посредничество в спорных ситуациях на уровне сообществ; легитимация власти через одобрение уважаемых лиц; сохранение культурной идентичности и сплоченности общества вокруг традиционных ценностей.	Консерватизм, возможное препятствие реформам (традиционализм и/или модернизация); конкуренция между традиционными и государственными институтами (двойная лояльность населения); риск эксплуатации этнических чувств в политических целях.
Культурно-интеллектуальная элита (ученые, представители	Формирование позитивной повестки, воспитание толерантности и гражданственности; экспертная	Критика власти со стороны независимой интеллигенции может подрывать её легитимность (но и указывать на

Элитная группа	Позитивный вклад в стабильность	Риски для стабильности, связанные с группой
образования, деятели культуры, СМИ)	поддержка решений власти; предупреждение радикализации через просвещение молодёжи.	проблемы); интеллектуалы без участия в принятии решений могут уйти в оппозицию или эмигрировать, что ослабляет качественный состав элиты.
Федеральные акторы (назначенцы и кураторы из Москвы)	Привнесение внешних ресурсов, опыта; гарантия, что региональная политика вписана в общероссийскую (нет сепаратизма); арбитраж местных споров «над схваткой».	Могут быть восприняты местными как «чужаки», не учитывающие специфику; снижение автономии региона; если федеральный назначенец неэффективен, он всё равно удерживается из соображений центра, что порождает недовольство.

Как видно из матрицы, воздействие каждой группы двояко. В целом, однако, именно консенсус и взаимодействие элитных групп обеспечивает устойчивость североосетинской политической системы. Регион относительно благополучен в плане безопасности: здесь нет вооружённого подполья, давно не происходит масштабных терактов или погромов. Это во многом результат того, что элиты сумели выстроить неформальный договор: административная элита держит власть, но консультируется с традиционными; бизнес получает прибыль, но вкладывается в общество; силовики сохраняют порядок, но не вмешиваются напрямую в политику; а федеральный центр поддерживает регион ресурсами, но требует взамен лояльности и контроля рисков. Такой баланс хрупок – он зависит от персоналий и внешних обстоятельств, – но пока что он работает.

Влияние элит на региональную безопасность. Политологический анализ подтверждает прямую зависимость между поведением элит и уровнем безопасности в Северной Осетии. Региональная безопасность здесь следует

понимать широко – от отсутствия вооружённых конфликтов и терактов до социальной стабильности и межэтнического мира. Элиты выступают как главный гарант, так и потенциальный источник угроз безопасности. С положительной стороны, консолидированность и умеренность элиты Осетии позволили избежать хаоса 1990-х гг., который захлестнул ряд соседних республик. Не последнюю роль сыграло то, что осетинские лидеры своевременно обратились за поддержкой к федеральному центру в переломные моменты. Например, в осетино-ингушском конфликте 1992 г. местные власти действовали совместно с федеральными силами, а не пытались самостоятельно вести войну: в результате вооруженное противостояние было сравнительно быстро заморожено, хотя политическое решение до сих пор не найдено. До настоящего времени вопрос Пригородного района (спорной территории между Северной Осетией и Ингушетией) остаётся *«спящей точкой напряженности»*, как отметил эксперт. Осетинские элиты, помня травматический опыт, сознательно поддерживают этот конфликт в замороженном состоянии, избегая провокаций. С ингушской стороной отношения «ровные, без открытых конфликтов, но напряжение исторически есть, в спящем режиме». Перспективы полной нормализации связаны либо с долговременным воспитанием нового поколения без ощущения вражды, либо с четким государственным решением о неизменности границ. Пока ни одно из этих условий не реализовано окончательно, задача элит – не допустить эскалации. Судя по интервью, осетинская молодежь в целом не агрессивна к ингушам, но сохраняется некоторая отчужденность (*«на бытовом уровне – “ты знал, что он ингуш?”»*). Поддерживая умеренный тон официального дискурса и не разжигая старые обиды, элиты способствуют тому, что новая генерация постепенно отходит от логики вражды. Это пример того, как элиты могут управлять исторической памятью: либо использовать её как повод для мобилизации против «врага», либо, наоборот, смягчать и переводить в конструктивное русло. В Осетии выбрали второй путь – и это повысило устойчивость региона.

Другой важный аспект – отношения с Южной Осетией и Грузией. Северная Осетия воспринимает Южную Осетию как часть единого осетинского народа, и местные элиты сильно заинтересованы в безопасности южных братьев. Отсюда их поддержка курса Москвы на военную защиту Южной Осетии (вплоть до признания её независимости в 2008 г.). Однако, это означает вовлечение региона в большие геополитические игры. Эксперт заметил, что из-за напряженности вокруг Южной Осетии «нет уверенности в завтрашнем дне» – люди понимают, что многое зависит от политики глобальных игроков в отношении Грузии. Для элит это вызов: нужно быть готовыми к кризисам (как война 2008 г., когда поток беженцев хлынул через Рокский тоннель во Владикавказ) и одновременно развивать экономику в неопределенных условиях.

В республике сравнительно низкий уровень радикального исламизма — по сравнению с Дагестаном или КБР, и дигорский компонент не прослеживается. Объективно религиозная специфика располагает к такой ситуации: большинство осетин — христиане, а часть практикует традиционную осетинскую веру. Одновременно консолидация властей также играет значительную роль. Элитам удалось наладить межконфессиональный диалог: мусульманская община Осетии (включая часть дигорцев и небольшое число ингушей, проживающих в республике) не маргинализована, а интегрирована. Нет сильного ощущения дискриминации по религиозному признаку – посты в органах власти занимают по большей части православные осетины, но мусульмане присутствуют в бизнес-элите, в культуре. Властями поощряется культурная самобытность без противопоставления лояльности государству. Это снижает почву для экстремизма. Более того, внимание элиты к спорту и молодежной политике (традиционно Осетия славится борьбой, боксом, тяжёлой атлетикой) создает альтернативные каналы самореализации молодежи. Интересно, что спорт фактически стал частью идеологии стабильности: высокая спортивная культура отвлекает от радикальных идей и сплачивает молодежь вокруг национальной гордости (олимпийских чемпионов). Нельзя не отметить и жёсткую работу силовиков: североосетинское управление ФСБ

достаточно эффективно нейтрализовывало зародыши подполья, не допустив формирования крупных террористических ячеек[236]. Это стало возможным, опять же, благодаря координации формальной (силовой) и неформальной (общинной) элиты – информация о подозрительных элементах часто поступает от местных авторитетов, сельских глав и т.д., что говорит о доверии на местах к правоохранителям.

Впрочем, элиты также могут быть источником угроз, если начинают действовать эгоистично или вступают в конфликт друг с другом. Главные риски – коррупция и клановость, которые подтачивают государственные институты изнутри. Население Северной Осетии остро воспринимает случаи явной несправедливости со стороны «сильных мира сего». Так, несколько лет назад большой общественный резонанс получил случай, когда в ДТП со смертельным исходом оказался замешан сын высокопоставленного чиновника суда: общественность подозревала попытку «замять» дело благодаря связям. Это вызвало массовые протесты во Владикавказе в 2018 году, направленные против кумовства и коррупции в правоохранительной системе. Под давлением общественного мнения виновные были наказаны. Данный эпизод показателен: хотя элита и контролирует основные ресурсы, гражданское общество в Осетии способно консолидироваться спонтанно, если переживает утрату базового чувства безопасности – в данном случае, доверия к правосудию. Осетинское общество, сохраняя традиционные черты, все же достаточно образованное и информированное, чтобы выдвигать к элитам требования прозрачности. Поэтому элиты вынуждены заботиться о своей репутации и не переходить определенных «красных линий» в злоупотреблениях, иначе рискуют всплеском протестной активности. Более того, репутационные издержки на региональном уровне могут

---

[236] *Дзахова Л.Х., Чихтисов Р.А.* Характеристики современного терроризма и методы противодействия ему // Практические вопросы реализации комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы: мероприятия общей, адресной и индивидуальной профилактики в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Владикавказ, 25 октября 2024 года. – Владикавказ, 2024. – С. 49–68.

повлиять на карьеру на федеральном уровне. Так, общественный контроль – пусть и неформальный – является ещё одним фактором, дисциплинирующим элиту и влияющим на безопасность: снижает вероятность произвола, который мог бы привести к бунтам или радикализации.

В **заключение** следует подчеркнуть, что элитная политика Северной Осетии представляет собой тонкое равновесие между традицией и модерностью, между местными особенностями и федеральными требованиями. Характерные черты республики – многоэтничность при осетинском большинстве, высокий удельный вес образованных кадров, православно-светский культурный код осетин при наличии мусульманского компонента – сформировали элиту, которая менее кланова и замкнута, чем на Восточном Кавказе, но всё же действует во многом через неформальные сети. Процессы циркуляции элит здесь происходят относительно плавно, под надзором центра, что обеспечивает преемственность власти. Местная политическая культура тяготеет к консенсусу и компромиссу: в республике не было острых элитных расколов за последние десятилетия, способных перерасти в насилие. Региональная специфика проявляется и в том, что легитимность власти опирается не только на силу закона, но и на этнокультурное согласие. Элита вынуждена быть чуткой к вопросам национальной идентичности, исторической памяти, уважения к традициям, чтобы оставаться легитимной в глазах осетинского общества. Одновременно она должна отвечать на вызовы современности: привлекать инвестиции, создавать рабочие места для молодежи, участвовать в цифровой трансформации управления. Эти новые задачи требуют притока в элиту людей с современным образованием, знанием технологий. Уже сейчас заметно появление относительно молодых технократов в региональном правительстве, что может сигнализировать о начале очередного витка обновления элиты. Вполне вероятно, что в ближайшие годы мы увидим дальнейшую диверсификацию элитных групп: усиление роли женщин в политике (пока их присутствие незначительно), рост влияния профессиональных сообществ (врачей, учителей) через общественные палаты и т.д. Главное же – сохранится ли баланс между элитой

и обществом? Устойчивость политической системы Северной Осетии напрямую зависит от способности элит эволюционировать, не теряя легитимности. Пока что республика демонстрирует пример сравнительно успешного управления: элиты здесь сумели минимизировать конфликты (как межэтнические, так и внутриэлитные) и обеспечить базовую безопасность граждан. Можно заключить, что североосетинская модель – это синтез элементов традиционного кавказского общества и современной государственной вертикали, где элитные группы циркулируют не через революции, а через постепенное обновление, оставаясь опорой региональной стабильности и безопасности.

3.7. Динамика рекрутирования и ротации региональных элит Ставропольского края в современный период

Формирование региональных политических элит Ставропольского края проходило через несколько этапов, каждый характеризуется специфическими механизмами рекрутирования и трансформации элит. В начале 1990-х годов, после распада СССР, в региональной элите доминировали выходцы из советской номенклатуры – партийные и комсомольские кадры, сумевшие адаптироваться к новым условиям. Именно представители бывшей «старой гвардии» и комсомольские лидеры первоначально заняли важные посты в крае. Подобная кадровая конфигурация типична для многих регионов России. Так, первым главой администрации (губернатором) края в 1991 г. стал Евгений Кузнецов – представитель советской управленческой элиты. Период 1990-х гг. сопровождался конкуренцией между разными фракциями: частью элиты, сохранившейся от советской системы, и новой волной политиков, возникавшей на фоне демократизации и национально-общественных движений того периода[237]. В экспертных оценках отмечается, что в 1990-е годы большую роль играли также лидеры, «взрастившие себя» на базе локальных инициатив и этнонациональных движений. Это придавало ранней постсоветской элите Ставрополья относительную автономность от центра и в то же время породило внутреннюю фрагментацию[238].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов в Ставропольском крае сформировался новый баланс элит. Знаковым событием стало избрание в 1996 году

---

[237] *Шуликов А.О.* Региональная элита в российском актуальном политическом процессе (на материалах Камчатского края): дисс. … к. полит. н. – Петропавловск-Камчатский. − 2018. − 246 с.

[238] *Драганова Ю.К.* Социальное взаимодействие политической и бизнес-элиты в региональном государственном управлении: на примере Ставропольского края: дисс. … к. социол. н. – М. − 2012. − 231 с.; *Ткаченко А.Е.* Легитимация органов государственной власти субъектов Российской Федерации в постсоветский период: на примере Ставропольского края: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2009. − 161 с.; *Бурцев Ю.Д.* Институционализация политико-административного управления этническими отношениями: на примере Ставропольского края: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь − 2009. − 213 с.

губернатором молодого политика Александра Черногорова (на тот момент представлявшего КПРФ). Его приход к власти означал переход Ставрополья в символическую группу регионов «красного пояса» – территорий, ориентированных на оппозиционность федеральному центру. Регионы «красного пояса» идеологически составляли политическую базу преимущественно КПРФ. Черногоров, воспользовавшись электоральными настроениями сельскохозяйственного, консервативного по сути Ставрополья, сумел удерживать пост губернатора более десятилетия (1996-2008 гг.)[239]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. кадровый состав элиты частично обновился, однако существенной ротации элит не произошло: многие руководители края были выходцами из тех же советских структур или местных административных кругов. Эксперт, доктор политических наук, проживающий в крае, отмечает, что в постперестроечный период пополнение региональной элиты шло в основном за счёт бывших комсомольцев и партийцев, тогда как лидеры, возникшие из народных движений начала 90-х гг., потеряли влияние к концу десятилетия. Можно сказать, что элитогенез 90-х годов сочетал элементы континуитета (преемственности советской номенклатуры) и новой мобилизации (появление оппозиционных фигур), заложив основы нынешней элитной конфигурации.

С приходом 2000-х годов федеральный центр инициирует политику централизации и построения «вертикали власти», существенно изменившую процессы циркуляции элит в регионах Федерации. После 2005 года институт выборности губернаторов был упразднён, и главы субъектов назначались Президентом, что привело к усилению зависимости ставропольской элиты от решений Москвы и к притоку в регион кадров извне. Эксперты подчёркивают, что в 2000-е годы сформировался централизованный, «государственно образующий»

---

[239] *Бирюков С.В.* Создание единой вертикали власти в масштабах региона: региональная власть и местное самоуправление//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2007. №. 1. С. 3–20; *Вилков А.А., Дацков С.А.* Электоральный фактор переназначения и функционирования руководителей субъектов РФ в современный период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2010. – Т. 10. – №. 3. – С. 58–63.

характер формирования и ротации элит. Многие новые руководители края прошли через федеральные «школы администрирования» – специальную подготовку и карьерный рост в Москве – а затем были направлены в регион. Эксперт образно описывает этот канал рекрутирования: элиты Ставрополья все чаще «приходят сверху», являясь выходцами из Администрации Президента РФ или других центральных структур. В результате, к концу 2000-х годов региональные позиции заняли управленцы, лояльные центру и встроенные в общероссийскую элиту.

Одновременно произошла смена руководства края: в 2008 году А. Черногоров покинул пост губернатора. Официально его отставка объяснялась личными причинами, но аналитики связывали её с политическим кризисом 2007 года[240]. Тогда на выборах в краевую Думу правящая партия «Единая Россия» сенсационно проиграла оппозиционной «Справедливой России», набрав лишь 24% голосов против 37,6% у конкурентов. Электоральный сбой продемонстрировал раскол элиты: часть ставропольского истеблишмента во главе с мэром Ставрополя Дмитрием Кузьминым выступила против губернатора Черногорова, возглавив списки оппозиционной партии. Кремль отреагировал жёстко: в 2008 г. Черногоров был вынужден уйти в отставку, а его главные противники – Д. Кузьмин и спикер Думы А. Уткин – вскоре были отстранены от власти и подвергнуты уголовному преследованию. Тут федеральный центр устранил и провинившегося губернатора, и опасную альтернативную группировку, переформатировав региональную элиту для восстановления управляемости. На смену Черногорову Кремль назначил новых руководителей из числа лояльных технократов (Валерий Гаевский в 2008 г., Валерий Зеренков в 2012 г.), чья задача была нормализовать ситуацию в регионе и консолидировать элиту под эгидой «Единой России»[241].

---

[240] В Ставропольском крае сменилась партия власти // Коммерсантъ. – 2007. – № 39. – 13 марта. – С. 4. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/749254 (дата обращения: 18.01.2025).

[241] Попросили: губернатор Ставропольского края подал в отставку // Lenta.ru. – 23 апреля – 2008 г. – URL: https://lenta.ru/articles/2008/04/23/chernogorov/ (дата обращения: 17.04.2024); Гришин Н.В. Конъюнктура электорального пространства политических партий на парламентских выборах 2007 г //Южно-российский журнал социальных наук. – 2008. – № 1. – С. 23–30.

В 2010-е годы наблюдается относительная стабилизация процесса функционирования элит Ставрополья на основе принципов, заложенных еще в предыдущем десятилетии. В 2012 году прямые выборы губернаторов были возвращены, но со значительными фильтрами, контролем федерального центра, что фактически закрепило на посту лояльного кандидата. С 2013 года губернатором является Владимир Владимиров (партийная принадлежность – «Единая Россия»), назначенный вначале в статусе врио по решению Москвы и затем избранный на выборах. Биография Владимирова характерна для современной региональной элиты: уроженец края, сделал карьеру в крупной нефтяной компании на севере России, занимал должность заместителя губернатора Ямало-Ненецкого АО, после чего был перемещён на родину уже в качестве главы. Такой путь иллюстрирует тенденцию «варягов» – управленцев, набравшихся опыта вне региона, а затем делегированных центром для руководства на месте. В период губернаторства Владимирова (с 2014 г. по настоящее время) заметных конфликтов внутри элиты не прослеживается, власть консолидирована вокруг команды губернатора и поддерживается доминированием партии власти во всех органах власти. Региональная элита стала более гомогенной, в ней практически отсутствуют открыто оппозиционные фигуры, либо автономные политические кланы. Однако эксперты указывают и на издержки чрезмерной централизованности: снижается самостоятельность местных лидеров, идёт постепенная утрата локальных политических традиций. По оценке аналитиков, губернаторы, становясь по сути «федеральными бюрократами», порой воспринимаются населением лишь как временные московские эмиссары. Тем не менее, в случае Ставропольского края современная элита в целом легитимна в глазах общества, обеспечивает относительную политическую стабильность на фоне неспокойного Северного Кавказа.

Чтобы наглядно отразить трансформацию механизмов рекрутирования элит, приведём сравнительную характеристику по основным периодам.

Таблица 14. Эволюция механизмов формирования и ротации политической элиты Ставропольского края по периодам

Период	Характеристика элитогенеза и циркуляции элит
Начало 1990-х гг. (становление)	Резкая смена политического режима. Элита формируется из местной номенклатуры (партийные, хозяйственные кадры позднего СССР) и новых лидеров демократического движения. Отсутствие чётких правил рекрутирования: континуитет советских кадров. Новая мобилизация через выборы 1990-1994 гг., приход активистов и национальных лидеров (роль этнополитических движений).
Конец 1990-х – 2000-е гг. (централизация)	Постепенная институционализация элиты края при усилении влияния федерального центра. Выборы губернатора (1996 г., 2000 г.) – сохраняется видимая конкуренция, но на практике элита консолидации вокруг сильного регионального лидера (А. Черногоров). После 2005 г.: отмена выборности, назначения из центра. Ротация элит приобретает управляемый характер, происходит интеграция региональной элиты в общероссийскую вертикаль (вступление губернатора и чиновников в «Единую Россию» и др.). Конфликт 2007 г.– временный раскол элиты, завершившийся вмешательством центра и зачисткой оппозиционных сегментов.
2010-е гг. – настоящее время (стабилизация)	Действует гибридная модель рекрутирования, сочетающая центральный отбор и формальную выборность. Губернаторы утверждаются Кремлем (через механизм врио) и затем избираются населением при доминировании партии власти. Элита пополняется технократами, нередко «парашютистами» из федеральных структур. Одновременно сохраняется ядро местных администраторов, имевших карьеру в регионе. Лояльность центру выступает главным критерием: кадры подбираются по принципу управляемости и соблюдения «генеральной линии». Протестная или альтернативная повестка внутри элиты фактически отсутствует.

На раннем этапе преобладала локальная кадровая база и стихийное рекрутирование, в 2000-е гг. – централизованные назначения, а в 2010-е гг. сложилась смешанная модель с жёстким контролем лояльности.

Обозначенная историческая динамика показывает, как региональная элита трансформировалась из относительно самостоятельного актора в начале 1990-х гг. в более зависимую и четко встроенную часть федеральной элиты к 2020-м годам. Внутренние изменения (возраст, образование, профессиональный состав элит) происходили параллельно с институциональными реформами. Далее рассмотрим современную структуру ставропольской элиты и её специфику. Современная политическая элита Ставропольского края представляет собой относительно узкий слой руководителей, обладающих наибольшим властным ресурсом. По политологическому определению (как отмечают ставропольские эксперты)[242], элита – это группа, занимающая «высшие эшелоны власти», непосредственно влияющая на принятие решений. В контексте Ставрополья к такой группе можно отнести, прежде всего, высшее должностное руководство края. Как отмечает ставропольский эксперт, «к политической элите региона можно условно отнести небольшую группу лиц, занимающих важные должности в органах власти края», а именно: губернатор и его ближайшее окружение, председатель краевой Думы, а также ряд представителей федеральной власти, закреплённых за регионом. Следует подчеркнуть условность термина «элита» применительно к региональному уровню: часть экспертов полагает, что «средний эшелон» руководителей (начальники отделов, муниципальные главы и проч.) не обладает достаточной самостоятельностью и влиянием, чтобы считаться элитой в строгом смысле. Поэтому в дальнейшем под элитой будем понимать именно верхний слой регионального истеблишмента края.

По своему составу политико-административная элита Ставрополья однородна в партийном отношении[243] (практически все её представители входят в проправительственную партию «Единая Россия», либо тесно с ней связаны) и

---

[242] НМА

[243] *Panov P., Ross C.* Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime // Europe-Asia Studies. – 2019. – Vol. 71. – № 2. – С. 268-289; *Reuter O.J., Remington T.F.* Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // Comparative Political Studies. – 2009. – Vol. 42. – № 4. – С. 501–526.

относительно разнообразна по карьерному происхождению. Большинство современных высокопоставленных лиц – это профессиональные чиновники с опытом работы в государственных органах. Например, губернатор В. Владимиров имеет техническое образование и значительный опыт управленческой работы в нефтегазовой отрасли, председатель краевой Думы Н. Великдань – выходец из региональной законодательной ветви власти, раньше возглавлял комитет Думы. В правительство края входят как «варяги» (присланные из центра специалисты), так и местные кадры, прошедшие путь от районных администраций до краевых постов. Можно резюмировать, что элита сочетает две подсоставляющие[244]: во-первых, административно-бюрократическую (профессиональные управленцы – костяк регионального управления), а во-вторых, политическую (лидеры, наделённые публично-политическим весом – избранные депутаты, главы городов, партийные функционеры)[245]. Однако, в условиях доминирования одной партии эти грани во многом размыты, и бюрократия сливается с политическим руководством.

Важно рассмотреть социально-демографические характеристики элиты. Для регионов России традиционно характерна низкая представленность женщин и молодёжи в высших эшелонах власти[246], и Ставропольский край не исключение. Элита края – преимущественно мужчины старше 40–50 лет, с высшим образованием (нередко несколько дипломов, включая ведомственные академии). Многие имеют советский опыт работы или образование, что накладывает отпечаток на стиль управления. В то же время наблюдается тренд омоложения отдельных сегментов: в муниципальном звене и среди технократических заместителей появляются относительно молодые (30-40 лет) специалисты, подготовленные в

---

[244] *Reuter O.J., Robertson G.B.* Sub-National Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // The Journal of Politics. – 2012. – Vol. 74. – № 4. – Pp. 1023–1037.

[245] Safronova K.V. Views of Political and Administrative Elite of the Region about Its Sociocultural Dynamics // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2016. – Vol. 9. – No. 9. – Pp. 2260–2268.

[246] *Колесник Н.В.* «Хрупкое представительство», или женщины в большой политике: случай административной элиты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 107–119.

современных российских вузах. Тем не менее, важные позиции по-прежнему занимают фигуры, чья карьера началась ещё в 1990-е гг. или ранние 2000-е годы, т.е. продолжительность нахождения в элите довольно значительна. Например, Л. А. Калиниченко, многолетний министр финансов края, входит в высший управленческий круг уже несколько десятилетий. Выраженная инерция кадров обеспечивает преемственность политики, но одновременно может препятствовать притоку новых идей и кадров из внеэлитных слоёв[247].

Отдельно следует подчеркнуть этнополитическое измерение элиты Ставрополья. В отличие от большинства регионов Северного Кавказа, где титульные этносы играют доминирующую роль в распределении властных позиций, Ставропольский край является многонациональным регионом с русским большинством. По оценкам, около 80% населения края составляют русские[248], что отражается и в политической элите: подавляющее большинство высокопоставленных чиновников и выборных должностных лиц – русские по национальности. В краевом руководстве практически не выделено квот или позиций под представителей иных этнических групп, что отличает Ставрополье от национальных республик, практикующих этнократический баланс. Так, наш собеседник отмечает, что в национальных республиках Северного Кавказа власть распределена преимущественно между представителями «коренных национальностей», и выходцы из русской общины там редко занимают значимые посты. В Ставропольском же крае ситуация иная: здесь действует более инклюзивный, гражданский принцип элитогенеза. Представители меньшинств могут реализовать себя в различных сферах без формальных барьеров по происхождению. Показателен пример самого эксперта, который живёт и работает в

---

[247] Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 86–98.

[248] Авксентьев В.А. и др. Анализ опыта деятельности органов власти Ставропольского края по стабилизации этнополитических процессов // Вестник российской нации. – 2017. – № 6. – С. 76–90; Всероссийская перепись населения 2020 года: итоги. Северо-Кавказский федеральный округ // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. – URL: https://26.rosstat.gov.ru/folder/77775 (дата обращения: 22.03.2024).

Ставропольском крае: *«Вот в Ставропольском крае… я отношу себя к научной элите общества. Я – доктор наук, вхожу в диссертационные советы. Здесь я могу свои научные качества раскрыть в полной мере, невзирая на этническую принадлежность. Это было бы весьма проблематично и в Карачаево-Черкесии, и в Кабарде, и в Осетии…»*. Данное высказывание подчёркивает более высокую степень этнической толерантности и «гражданского национализма» в Ставрополье по сравнению с этнократическими моделями соседних республик.

С другой стороны, нельзя утверждать, что этнический фактор совсем не играет роли. В экономической и общественной жизни края заметны общины армян, азербайджанцев, грузин, греков, а также выходцев из соседних северокавказских республик (чеченцев, даргинцев, ногайцев и др.). Отдельные представители этих групп входят в состав экономической элиты региона – прежде всего, как успешные предприниматели. По словам эксперта, в экономической сфере Ставрополья представлены разные этнические группы – среди влиятельных бизнесменов можно встретить, например, армян, азербайджанцев, карачаевцев. Хотя политическая властная вертикаль в крае русскоцентрична, этноэкономические сети (торговые, аграрные, строительные бизнесы, возглавляемые этническими меньшинствами) также интегрированы в общую элитную систему через механизмы неформального лоббизма и клиентеллы.

Можно говорить о своеобразном разделении труда: политико-административная элита Ставропольского края в основном русская и воспроизводится через государственную службу, тогда как околополитические элиты – бизнес-сообщество, научно-академическая элита, лидеры общественного мнения – более многонациональны. В частности, культурно-научная элита региона исторически включает заметную долю представителей армянской диаспоры (учёные, врачи, деятели искусства), немецкой общины (в советское время ряд руководящих кадров в селе были из поволжских немцев) и других. Этнополитическая специфика Ставрополья состоит в том, что формальные властные позиции распределяются без учёта этнической принадлежности (на

основе гражданского принципа), но вместе с тем значимые неформальные группы влияния могут образовываться по этническому признаку (диаспоры, землячества) и участвовать в элитных взаимодействиях.

Еще один аспект – влияние традиционных институтов и религии. В регионах Северного Кавказа нередко существенную роль отводится неформальным традиционным лидерам (напр., тайповые вожди в Чечне, старейшины родов в Дагестане)[249]. В многоэтничном Ставрополье подобные структуры менее развиты среди русских (хотя казачество можно отнести к элементу традиционной элиты), однако присутствуют религиозные лидеры. К числу наиболее влиятельных лиц края эксперты относят митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла, который де-факто входит в элитный слой. Православная церковь на Ставрополье пользуется высоким авторитетом, а её глава участвует в общественных советах, взаимодействует с властью по вопросам межнационального мира и духовной жизни[250]. Здесь духовно-традиционный компонент элиты сохраняется – церковные иерархи, атаманы казачьих организаций включены во власть в качестве советников, общественных представителей (хотя прямой власти не имеют, их влияние основано на моральном авторитете). Данный феномен характерен для Ставрополья как пограничного региона, где пересекаются светские и традиционные нормы, и элита старается опираться на оба ресурса – и институты государства, и поддержку традиционных сообществ[251].

В целом структура региональной элиты Ставропольского края включает несколько пересекающихся подсистем (см. таблицу 15). К ядру элиты относятся высшие должностные лица – губернатор и правительство края, руководство краевой Думы – лица, определяющие официальную политику. Околоэлитные

---

[249] *Ткаченко В.В.* Чеченский конфликт: политико-правовые механизмы урегулирования: дисс. … к. юрид. н. – Ростов-н/Д. − 2004. − 140 с.

[250] *Якимов В.А.* Российское казачество в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве. дис. канд. ист. наук. – СПб. − 2017. − 250 с.

[251] Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред.: В.А. Тишков, А.В. Черных. – Пермь: Изд-во «Маматов». − 2024. − 456 с.

группы – это экономические, общественные и этнокультурные элиты, обладающие влиянием на принятие решений опосредованно. Приведём основные группы и примеры их представителей согласно экспертным данным.

Таблица 15. Основные группировки и ресурсы региональной элиты Ставропольского края

Группа элиты	Примеры	Ресурсы влияния и роль
Политико-административная элита (высшее руководство региона)	*Губернатор* – В. В. Владимиров, *правительство края* – вице-губернаторы, министры (напр. зампред Правительства – министр финансов Л. А. Калиниченко), *законодательная власть* – председатель Думы Н.Т. Великдань, руководители комитетов. Также *представители региона на федеральном уровне* – сенатор М. А. Афанасов, депутаты Госдумы (О. В. Тимофеева и др.).	Административный ресурс и законодательный контроль: определяют бюджет и региональную политику, принимают законы, распределяют должности. Имеют легитимную власть, подкреплённую поддержкой центра.
Федеральные чиновники в регионе (силовые и надзорные органы)	*Полпред Президента РФ в СКФО* Ю.Я. Чайка, главы территориальных управлений федеральных ведомств (МВД, ФСБ, прокуратуры).	Гарантия связи с центром и контроль исполнения федеральной воли: обладают полномочиями вмешиваться в региональные процессы в рамках компетенций. Их влияние носит характер «вертикали» – они не подотчётны местной власти, но могут существенно влиять на расстановку сил, обеспечивая лояльность Москве.
Экономическая элита (крупный бизнес и лобби)	Бизнесмены: Ю. И. Иванов – основатель компании «Югстройинвест»;	Ресурс капитала и инвестиций: формируют экономическую повестку, влияют на решение

Группа элиты	Примеры	Ресурсы влияния и роль
	В. И. Поляков – президент компании «Энергомера»; другие владельцы агропромышленных предприятий, строительных фирм, финансовых групп. Некоторые связаны с властью (через депутатский статус или неформальное покровительство).	вопросов через инвестиционные проекты, рабочие места. Обладают неформальным лоббистским ресурсом – могут спонсировать социальные проекты, СМИ, кампании. Влияние часто закулисное, через связи с чиновниками (вплоть до включения в состав консультативных советов при главе региона).
Традиционно-религиозная элита	Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл, атаманы ставропольского казачества, лидеры национально-культурных объединений (армянская община, союз чеченской молодежи и т.д.).	Социальный и символический ресурс: влияние на население через авторитет, способность мобилизовать людей (например, на общественные акции, в поддержку порядка). Участвуют в консультативных органах при губернаторе, влияют на сохранение межнационального мира, выступают посредниками в конфликтных ситуациях.
Научно-образовательная и культурная элита	Ректоры ведущих вузов (Северо-Кавказский федеральный университет и др.), известные ученые; руководители СМИ и общественных организаций.	Информационно-интеллектуальный ресурс: формируют общественное мнение, экспертно-аналитическое сопровождение политики. Могут входить в общественные советы, экспертизы законопроектов. Их влияние проявляется через консалтинг для власти, публичные выступления, медийную активность.

Политико-административная элита осуществляет формальное управление, тогда как экономические, традиционные и интеллектуальные элиты оказывают косвенное влияние, обеспечивая ресурсную, социальную и экспертную поддержку власти[252].

Здесь видна четкая многоуровневая структура элиты, которая демонстрирует, что власть в регионе – не монолит, она опирается на разные слои общества. Ядро политической элиты взаимодействует с бизнес-элитой (через бюджетообразующие проекты, государственно-частное партнёрство)[253], с традиционными лидерами (в вопросах межэтнического согласия), с интеллектуальной элитой (при выработке стратегий развития). В итоге формируется своеобразная «элитная коалиция», которая поддерживает устойчивость региональной политической системы. Для Ставропольского края характерен относительно высокий уровень консолидации этой коалиции на базе общих интересов – прежде всего интереса в стабильности и поддержании благоприятных отношений с федеральным центром.

Механизмы попадания в элиту и обновления (циркуляции) элитного корпуса – центральный предмет диссертационного анализа, поскольку от них зависит качество управления и открытость системы. Как отмечалось выше, в Ставропольском крае на разных исторических этапах действовали различные каналы рекрутирования элит: от стихийных выборов 1990-х гг. до жёстко контролируемых назначений 2000-х гг. Сегодня эти механизмы представляют собой сочетание формальных процедур (выборов, конкурсных назначений) и неформальных практик (патронажа, клановых связей, централизованного отбора)[254].

Одним из главных каналов, естественно, является институт выборов. Однако реальное значение выборов как работающего механизма обновления элиты

---

[252] *Быстрова А.С. и др*. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. – 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 21–54.
[253] *Rivera S.W., Rivera D.W.* The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? Post-Soviet Affairs. – 2006. – No. 22:2. – Pp. 125–144.
[254] *Piattoni S.* (ed.). Clientelism, Interests, and Democratic Representation: The European Experience in Historical and Comparative Perspective. – Cambridge University Press. − 2001. − 256 p.

ограничено доминированием одной партии и сильным административным ресурсом в условиях этнократий. Важно понимать, что на Северном Кавказе конкуренция (в том числе партийная) носит управляемый, прогнозируемый характер. Выборы, безусловно, выполняют функцию легитимации элиты, но не столь сильно влияют на её персональный состав и конкретные назначения. Более значимым является канал внутриэлитного продвижения по служебной лестнице. В Ставропольском крае имеются примеры, когда выходцы из местных районных администраций становились министрами или заместителями председателя правительства края (что сложно представить в национальных республиках). Эксперты отмечают, что горизонтальная мобильность ограничена и многое зависит от личных связей. Один из опрошенных экспертов недвусмысленно указывает: «Большинство руководителей „верхнего звена“ стремятся принимать в подведомственные структуры людей, которых они знают или знали по совместной работе либо по рекомендации». Создание команды «своих людей» вокруг лидера — губернатора, министра, даже руководителя органа местного самоуправления — не просто распространённая практика рекрутирования, а уже нормативная категория.

Ещё одним каналом инкорпорации в элиту является канал назначения и перевода кадров из федерального центра. Как уже отмечалось ранее, начиная с 2000-х годов Кремль активно использует практику направления в регионы подготовленных управленцев, опытных служащих. Кадровая политика Кремля привела, например в случае со Ставрополье, к тому, что значительная часть элиты сформировалась «сверху вниз». Действующий губернатор и ряд его заместителей имели карьеру вне региона и были рекомендованы центром. Конечно, данный подход интегрирует региональную элиту в общероссийскую, обеспечивая её лояльность, но снижает роль местных социальных лифтов, что порождает чувство несправедливости. Федеральный канал открывает путь в элиту для внешних профессионалов, но одновременно ограничивает самостоятельное воспроизводство элиты из локального сообщества.

Особое внимание следует уделить вопросу о роли клановых структур и семейно-родственных связей[255]. На Северном Кавказе нередко элиты рекрутируются через неформальные кланы — семьи, тайпы, землячества. Для Ставропольского края такой тип рекрутирования выражен слабее, что подтверждают сами эксперты региона. «*На Ставрополье родственные кланы практически не представлены, имеют место группы по интересам*», — отмечает известный специалист В.А. Авксентьев[256]. В данной ситуации, иными словами, решающую роль играют не кровнородственные узы, а клиентелистские сети — группы, объединённые общими интересами, но не обязательно родственными связями. Отдельные проявления фамильственности встречаются и здесь. «Известны случаи, когда высокопоставленные родители старались устроить своих детей на руководящие должности — например, попытка бывшего ректора аграрного университета «проложить» карьеру сыну. Хотя, как отмечает эксперт, это не всегда заканчивается успешно», добавил эксперт. В целом же прямое влияние семейной клановости на формирование элиты в Ставропольском крае ограничено и носит эпизодический характер — особенно по сравнению с соседними республиками.

Помимо вертикальных (карьерных) и патронажных каналов, существуют и социальные лифты вне госаппарата, через которые новые люди могут войти в элиту. Это бизнес (успешный предприниматель может получить политический вес, например, избравшись депутатом или начав спонсировать власть), а также гражданское общество. В последние годы отмечены случаи, когда общественные деятели, волонтёры, лидеры мнений привлекаются во власть в консультативных

---

[255] *Авксентьев В.А*. Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества / В. Авксентьев, В. Васильченко // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 11 (269). – С. 68–87.

[256] *Авксентьев В.А., Шульга М.М.* Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2024. – № 10. – С. 41–54.

ролях[257]. Однако такие случаи единичны. Опрошенный эксперт характеризует ситуацию так: *«В Ставропольском крае вполне реально для инициативных людей попасть на госслужбу без особых связей, сложно, но можно заниматься бизнесом… Но в целом количество таких мест ограничено»*. Из этой оценки следует, что, хотя социальные лифты и существуют, они узки, и конкуренция за них велика[258]. Отчасти ограниченность возможностей на месте стимулирует отток талантливой молодёжи из региона – выпускники вузов нередко уезжают в столичные центры, не видя перспектив быстрого продвижения дома.

Интересное критическое видение механизма рекрутирования элит предлагает эксперт из Ингушетии. Он обращает внимание на упадок системы целенаправленной подготовки управленческих кадров, существовавшей в советское время (партийные школы, Академия общественных наук), и констатирует стихийность нынешнего отбора. По его словам, *«вся элита сегодня сформирована из людей случайных, оказавшихся в орбите политической элиты по клановым понятиям, по меркантильным подходам… человек… входит в элиту буквально с улицы, потому что у него никакого управленческого опыта нет»*. Иными словами, эксперт считает, что сейчас подбор кадров в значительной мере лишён системности: нередко наверх попадают люди без должной профессиональной подготовки, но обладающие другими качествами – лояльностью, нужными связями, финансовыми ресурсами. Более того, он отмечает, что власть сама предпочитает «внедрять» послушных людей, не стремясь их специально обучать: *«Сегодня [власть] подбирает людей уже по иным признакам… нет опыта, нет желания и нет системы [подготовки], поэтому он набирает из случайных людей»*. Хотя это оценка носит несколько радикальный характер, в ней есть доля истины: ставка делается не столько на квалификацию, сколько на способность встроиться в

---

[257] О состоянии общественных советов при органах региональной и муниципальной власти: Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. – М.: ОП РФ, 2024. URL: https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-os-2024.pdf?utm_source=chatgpt.com

[258] *Гриненко Т.Г.* Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы // Управленческое консультирование. – 2022. – № 5. – С. 62–71.

существующую систему личных обязательств. Нового члена элиты оценивают по тому, *«насколько он способен исполнять беспрекословно волю [лидера]…, идти в общем русле с требованиями»*. Эксперт отмечает, что критерий лояльности вышел на первый план среди механизмов элитного отбора.

Обобщая, можно сказать, что механизмы рекрутирования элиты Ставропольского края ныне характеризуются смещением в сторону закрытости и патронажности, при одновременном сохранении некоторых каналов открытой конкуренции[259]. Вертикальная мобильность во власти ограничена кругом «своих», но не полностью перекрыта. Горизонтальная циркуляция (переход людей из бизнеса или науки в политику) случается редко и чаще всего инициируется «сверху» (например, назначение авторитетного профессора в Общественную палату при губернаторе или привлечение бизнесмена в законодательные органы по списку партии). Эта модель во многом типична для современных российских регионов и отражает общенациональный тренд управляемой элитной ротации. В случае Ставрополья она дополняется региональной спецификой – сравнительно слабым влиянием родственных кланов и наличием централизованного кадрового лифта, что обеспечивает относительное обновление элиты (вводятся «варяги», молодые технократы), но сдерживает локальную демократическую конкуренцию. В дальнейшем устойчивость такой системы во многом зависит от способности интегрировать новые группы (молодежь, представителей иных социальных слоёв) без потери управляемости.

Далее рассмотрим особенности взаимодействия региональной элиты с федеральным центром и группами влияния.

Степень автономности либо, напротив, зависимость региональной элиты от федерального центра – один из факторов, определяющих её поведение и стратегию. Для Ставропольского края, входящего в состав СКФО, характерна высокая степень подотчётности Москве. Лояльность федеральному центру рассматривается как

---

[259] *Мартынов М.А., Чирун С.Н.* Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах РФ ресурсного типа // Власть. – 2024. – Т. 32. – № 5. – С. 116–122.

необходимое условие сохранения элитных позиций. Эксперт подчёркивает, что на Северном Кавказе элиты демонстрируют высокую лояльность центру, и Ставрополье здесь не исключение: *«На Северном Кавказе лояльность этноэлит высокая, и ситуация мало отличается от других регионов страны. Лояльность тем более высокая, что все субъекты РФ в СКФО высоко дотационные»*. Действительно, Ставропольский край получает существенную финансовую поддержку из федерального бюджета, хотя и в меньших масштабах, чем соседние республики. Дотационность создает вертикальную «связку ресурсов за лояльность»: центр обеспечивает регион инвестициями и субсидиями, взамен ожидая от элиты политической предсказуемости и отсутствия сепаратных амбиций.

Институт полномочного представителя Президента России в СКФО — дополнительный канал влияния Москвы. С 2010 года СКФО выделен в отдельный федеральный округ, и аппарат полномочного представителя Президента РФ отслеживает работу региональных властей. Он располагается в городе Пятигорске. Действующий полпред Ю. Чайка, в прошлом — Генеральный прокурор РФ, уделяет особое внимание вопросам безопасности и законности в регионе как бывший силовик. Конечно, его авторитет и прямой доступ к Президенту служат сигналом для местной элиты: она должна считаться с позицией полпредства. Однако в условиях Северного Кавказа, где главы субъектов в большинстве своём — генералы и также имеют доступ в Администрацию Президента РФ, роль полпредства становится весьма ограниченной[260].

Взаимоотношения краевой элиты с центром как правило были стабильными, но открытых конфликтов она старается избегать. Пожалуй, единственный крупный инцидент – уже упомянутые события 2007 года, когда часть элиты пошла наперекор линии «Единой России». Конфликт был быстро разрешён в пользу федерального

---

[260] *Быстрова А.С.* Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Власть и элиты. – 2024. – Т. 11. – № 4. – С. 45–100; *Kazakov V.O.* Conservative Traditions of Modern Eurasian Political Elites // ВЭ. – 2024. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/conservative-traditions-of-modern-eurasian-political-elites (дата обращения: 20.02.2025).

центра, что стало уроком для региональных руководителей. С тех пор любые противоречия стараются решать кулуарно, не вынося на публику. Вертикаль власти укрепилась до степени, когда смена губернатора или других высокопоставленных лиц происходит по решению Кремля и, как правило, неожиданно для общественности, но внутри элиты такие изменения воспринимаются спокойно, как нечто должное. Например, отставки губернаторов В. Гаевского (2012 г.) и В. Зеренкова (2013 г.) прошли без сопротивления – местная элита быстро перестроилась под нового руководителя, восприняв это как продолжение общей политики.

Еще один аспект взаимодействия – это участие региональных элит в федеральной политике. Ряд выходцев из Ставрополья занимают посты в Москве (в министерствах, Госдуме, Совете Федерации). Например, О. Тимофеева из Ставрополя стала в 2010-е годы заметным федеральным политиком, возглавляла комитет Госдумы. Присутствие своих людей на федеральном уровне даёт региональной элите дополнительные каналы влияния – возможность лоббировать интересы, привлекать внимание к проблемам края. Однако такие возможности реализуются лишь при условии, что представители действуют в русле общепартийной дисциплины и не конфликтуют с центральным руководством. В противном случае их карьера наверху может быть прервана. Обычно федеральные депутаты от Ставрополья одновременно являются частью федеральной элиты (преимущественно от «Единой России»), а не оппозицией ей.

Во взаимодействии с центром важную роль играет правильное позиционирование региона. Ставропольский край нередко называют «буферной зоной» между «спокойной Россией» и турбулентным Кавказом[261]. Элитам края приходится демонстрировать Москве свою эффективность именно в этой буферной роли – как гарантов стабильности на южных рубежах, что подразумевает активное

[261] *Kravtsova F.G., Rumyanskaya N.S., Blagorodov A.A., Prokhorov V.T., & Volkova G.Yu.* What prevents you from trusting the North Caucasus regional elites to perceive people from the republics of the turbulent region as fellow citizens and not strangers? // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2024. – № 01 (129). – Pp. 101–116.

участие в федеральных программах, готовность принять меры в случае кризисов (потоки беженцев, экстремизм и т.п.), а также тесное сотрудничество с силовыми структурами. В известном смысле, региональные элиты интегрированы в общенациональную систему безопасности и выполняют установки центра по поддержанию порядка. В публичном дискурсе ставропольское руководство подчёркивает приверженность курсу Президента, национальным проектам и т.д. Подобная риторика – не просто формальность, а элемент реальной политики выживания элит – демонстрация лояльности укрепляет доверие центра и увеличивает шансы элиты сохранить свои позиции.

Наряду с федеральным центром, на региональную элиту воздействуют и внешние экономические группы влияния. Например, крупные госкомпании, действующие в крае (газовые, энергетические), могут лоббировать выгодные решения. В Ставрополье присутствуют интересы таких гигантов, как «Газпром» (в энергетике, газификации), федеральных агрохолдингов. Экономические структуры зачастую имеют поддержку в Москве, способны усиливать своё влияние на местные власти. Региональная элита стремится встроиться в их проекты, поскольку это сулит инвестиции. Однако и здесь конечное решение обычно согласуется с федеральными кураторами – например, назначение руководителей филиалов госкомпаний происходит централизованно.

Что касается взаимоотношений с элитами соседних регионов, то Ставрополье, будучи преимущественно русским регионом, исторически выступает донором кадров для некоторых республик (например, специалисты-русские могут приглашаться в органы власти Северной Осетии или КЧР). Но прямое влияние ставропольской элиты за пределами края невелико, так как каждый субъект имеет свою замкнутую систему кооптации. Скорее, соседние республики влияют на Ставрополье: например, присутствуют бизнесмены из Чечни, Дагестана, которые ведут дела в крае, или миграция населения из горных республик в ставропольские степные районы, что создаёт иногда этнополитические напряжения на местном уровне (как было с конфликтами вокруг пастбищ в восточных районах края). По

оценке эксперта, подобные «точки этнополитической напряженности» (например, нерешённые вопросы работы дагестанских скотоводов в Ставрополье) не оказывают критически сдерживающего влияния на развитие региона. Элиты способны сглаживать подобные противоречия через диалог с соседями.

Взаимодействие элиты с федеральным центром и внешними акторами можно охарактеризовать как симбиоз, основанный на обмене ресурсами. Центр предоставляет ресурсы (финансы, кадровую поддержку, «зонт» безопасности), региональная элита – обеспечивает политическую стабильность и поддержание федерального курса. Неформальный договор регулярно подтверждается политической практикой: результаты выборов в крае соответствуют общероссийским трендам, «партия власти» здесь традиционно получает высокий процент голосов, а протестные движения слабы. Для федерального руководства Ставрополье – надежный и стабильный регион, не требующий чрезвычайных вмешательств (в отличие от некоторых горячих точек Кавказа). В результате, местная элита вознаграждается относительной свободой во внутренних делах.

Однако установленная зависимая модель может иметь и негативные последствия – риск снижения инициативности элиты. Если все важные решения ждут одобрения сверху, то региональные руководители могут утрачивать навык самостоятельного стратегического мышления, развития и обновления. К тому же высокая зависимость от центра делает элиту уязвимой при смене федеральной конъюнктуры, например, приход новой администрации в Кремле может повлечь массовую смену губернаторов и чиновников, что в прошлом уже наблюдалось. Тем не менее, сейчас ставка элиты Ставрополья сделана на максимальную интеграцию с центром как гарантию собственных позиций. В условиях усиливающегося контроля со стороны федерального центра, региональные элиты стремятся к максимальной интеграции с Москвой, рассматривая это как способ сохранить свои позиции, статус-кво. Однако, именно такая стратегия может ограничивать их

способность к самостоятельному принятию решений и адаптации к изменениям, расхолаживать политический ландшафт[262].

Подводя итог, можно констатировать: политические элиты Ставропольского края эволюционировали от относительно автономных акторов в 1990-е гг. к статусу интегральной части «вертикали» власти в 2020-е годы. Они освоили новые условия игры, сочетая региональную специфику (многонациональность, буферность) с требованиями федеральной политики. Анализ показал, что элиты Ставропольского края стремятся балансировать между разными ролями: быть эффективными управленцами на местах, представлять интересы региона и одновременно оставаться в фарватере общероссийского курса. Они в большей степени встроены в федеральную повестку.

Симбиоз интересов общества и элит на региональном уровне обеспечивает спокойное функционирование политической системы Ставрополья. Однако не следует исключать потенциальных вызовов в будущем. В итоге, политические элиты Ставропольского края – многослойное, исторически сложившееся образование, сформированное в ходе пересечения процессов смены и воспроизводства властных групп, управленческих практик подбора кадров и на фоне межэтнических взаимодействий. Их анализ подтверждает основные теоретические положения о региональных элитах в России, а именно: решающее значение вертикальных связей с центром, сохранение элементов номенклатурности и клиентелизма, а также уникальное сочетание формальных и неформальных институтов во властных отношениях. Ставропольский край со своей спецификой является убедительным примером того, как региональная элита адаптируется к меняющимся условиям и требованиям центра – от турбулентных 90-х гг. до современной «управляемой демократии» – оставаясь центральным актором регионального развития и стабильности политической системы.

---

[262] The Kremlin’s Balancing Act: The War’s Impact on Regional Power Dynamics // Foreign Policy Research Institute. – 2025. – 28 февр. – URL: https://www.fpri.org/article/2025/02/the-kremlins-balancing-act-the-wars-impact-on-regional-power-dynamics/ (дата обращения: 01.03.2025).

3.8. Политические элиты Чеченской Республики: эволюция в условиях вооружённых конфликтов и современная структура управления

Политическая элита Чеченской Республики является субъектом власти на субнациональном уровне, которое оказывает решающее влияние на политические процессы, стабильность и безопасность не только внутри республики, но можно сказать, что и в масштабах всего Северного Кавказа. Значимость этнополитических элит особенно велика в силу исторических, социокультурных особенностей Чечни – прежде всего пережитых внутригосударственных вооружённых конфликтов 1990-х гг. Анализ структуры и эволюции чеченской элиты является актуальной научной задачей, так как именно от качества и идеологической направленности элит зависят стабильность и эффективность взаимодействия с федеральным центром. Чечня отличается этнокультурной консолидацией и сильными традиционными институтами, что придаёт региональным элитам особый этномобилизационный потенциал[263].

Настоящий параграф представляет научно-аналитический обзор политических элит Чеченской Республики, подробно рассматривается динамика и статика акторов. Анализируется историческая динамика чеченской элиты – от позднесоветского периода через драматичные трансформации 1990-х годов к современному этапу. Без этого трудно понять нынешнюю конфигурацию республиканской власти, которая сочетает в себе очень сложные и противоречивые характеристики. Анализируется текущая структура и типология элит в республике, механизмы их рекрутирования и функционирования в региональном и федеральном контексте. Аналитическая часть параграфа опирается на серию глубинных интервью с местными экспертами, что позволяет понять природу элит,

---

[263] *Тощенко Ж.Т.* Элиты: кланы, касты или клики? // Дружба народов. – 2000. – № 7. – С. 140–149; Т*ощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки. − М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). − 2003. − 432 с.; Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе / Материалы Междунар. семинара (Тверь, 20-22 февр. 1998 г.) / Под ред. проф. А. Мельвиля. – М.: МОНФ. − 1999. − 280 с.

современное состояние и выработать прогнозные модели. Экспертами выступили ученые и общественные деятели Чеченской Республики, а также эксперты, которые пожелали остаться анонимными. На основе полученных материалов проводился научно-экспертный анализ.

Современная чеченская политическая элита во многом сформировалась в условиях социальных потрясений, длительных конфликтов конца XX века. Соответственно, она является продуктом радикальных трансформации. Ещё в позднесоветский период Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика имела свою номенклатурную элиту, если так ее можно называть (партийно-советское руководство во главе с первым секретарём обкома – Д.Г. Завгаев) и традиционную неформальную элиту – лидеры мнений, включая старейшин тайпов, видных деятелей культуры, духовенство, особенно исламское. Коренной перелом произошёл с распадом СССР и ростом национального движения в республике. В начале 1990-х гг. возникло противостояние между старой советской номенклатурой и новой волной чеченских лидеров националистического толка. Как отмечает исследователь М. Юсупов, первая чеченская война фактически начиналась как внутренний конфликт между «зарождающейся элитой нового типа» и представителями старого советского руководства[264]. Иными словами, движение за независимость, возглавленное бывшим генералом ВВС СССР Джохаром Дудаевым, бросило вызов советскому аппарату, олицетворяемому последним первым секретарём Чечено-Ингушетии Доку Завгаевым[265].

В ноябре 1991 г. Дудаев провозгласил независимость Чечни (Ичкерии) – событие, ознаменовавшее приход к власти новой революционной элиты, состоящей из радикально настроенной интеллигенции и выходцев из тайпов, поддержавших

---

[264] Ethnic Conflicts in Chechnya and Dagestan (Event Summary) / summary by Emily Van Buskirk. Cambridge. – MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, [б. г.]. – URL: https://www.belfercenter.org/publication/ethnic-conflicts-chechnya-and-dagestan-event-summary (дата обращения: 31.03.2025).

[265] *Осмаев А.Д.* Общественно-политическая ситуация в чеченской республике в 1996–1999 гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4-3. – С. 195–202.

идею независимости, вплоть до полного суверенитета. Старая элита была отстранена и в итоге изгнана (Д. Завгаев покинул республику). Тем не менее, провозглашённая независимость привела к вооружённому противостоянию с федеральным центром. Первая Чеченская война 1994-1996 гг. сначала имела характер внутренней гражданской войны, а затем эскалировала в полноценный российско-чеченский конфликт. Итогом стало фактическое поражение федеральных сил и вывод войск, что закрепило власть новой чеченской элиты на короткий период мира по хасавюртовским соглашениям 1996 г.[266]

Дивергенция элит в межвоенный период. В 1997 г. президентом самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия был избран Аслан Масхадов – бывший начальник штаба вооружённых сил Ичкерии. Приход Масхадова можно рассматривать как попытку институционализировать «элиту революции» и переключить её с военного противостояния на мирное государственное строительство. Нужно отметить, что А. Масхадов был действительно избран народом, он одержал убедительную победу на выборах и население связывало с ним большие надежды на налаживание мирной жизни, восстановление разрушенной республики. Однако реальная власть в этот период была фрагментирована между различными вооруженными группами: наряду с умеренным правительством Масхадова существенным влиянием обладали полевые

---

[266] Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Отв. ред. Д.Д. Гакаев, А.Д. Яндаров. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республики. − 2001. − 277 с.; *Тишков В.А.* Общество в вооружённом конфликте: Этнография чеченской войны. − М.: «Наука». – 2001. − 552 с.; *Осмаев А.Д.* Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Нальчик: Эль-Фа. − 2008. − 633 с.; Ахмадов Я.З. К политической истории Чечни конца XX — начала XXI вв. // Роль А.-Х. Кадырова в сохранении и укреплении территориальной целостности российского государства: материалы конференции. – Грозный: КНИИ РАН, 2021. – С. 51–64; *Гуннар С.О.* Опыт работы ОБСЕ в Чечне, 1995–2003 гг. // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5 (59). – С. 186–200; *Акаев В.Х.* Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное изд-во». − 2020. − 513 с.*; Осмаев А.Д., Осмаева П.А.* Чеченская Республика: от Хасавюртовских соглашений до «контртеррористической операции» // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа: сб. матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Грозный, 19 окт. 2019 г.). – Грозный, 2019. – С. 311–320; Здравомыслов А. Насилие в повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 4. – С. 36–40; *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.

командиры (Шамиль Басаев, братья Ямадаевы, Арби Бараев и др.) и радикальные исламистские лидеры, проповедовавшие ваххабизм (Ш. Басаев частично примыкал к ним, Хаттаб – арабский эмиссар – напрямую их возглавлял, а также М. Удугов). Фактически, элита конца 1990-х гг. раскололась на несколько центров силы – светско-националистический (Масхадов), исламско-радикальный и регионально-клановые формирования. Данные процессы привели к фактически двухцентричной модели власти. Масхадову приписывают заслугу предотвращения полномасштабной гражданской войны внутри Чечни в 1997-1999 гг., но он не смог консолидировать региональную элиту и предотвратить новую войну с Россией. Обстановка в республике деградировала: экономический кризис, криминализация (вплоть до практики похищения людей), конкуренция между боевиками. Данные процессы привели к подрыву управляемости Ичкерии и разрушению самих истоков легитимности новой власти. Отсутствие консолидации внутри элиты, наряду с провокациями (рейд боевиков Басаева в Дагестан в 1999 г.) привели к эскалации новой войны. Здесь нужно отметить, что вторжение в Дагестан активно поддерживалось, и даже вдохновлялось салафитами Дагестана (Б.М. Кебедов и др.)[267].

Особое место в анализе трансформации чеченского общества 1990-х гг. занимает подход академика РАН В.А. Тишкова, исследовавшего чеченский конфликт с позиций социальной антропологии. В своих работах он вводит понятие «демодернизации» применительно к чеченскому обществу в состоянии вооруженного конфликта, понимая под этим «ситуацию разрушенных конфликтом социальных институтов и связей, а также радикального ослабления ресурсов общества, которые не позволяют ему восстановить свой статус-кво, тем более обеспечить развитие, и порождают стратегию обращения к давно забытой норме

[267] Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Отв. ред. Д.Д. Гакаев, А.Д. Яндаров. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республики. − 2001. − 277 с.; *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001; *Сарматин Е.С.* Проблемы «чеченской революции» // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 170–171; *Коротков В.Е.* Чеченская модель этнополитических процессов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 104–112.

или к неадекватному внешнему заимствованию»[268]. Иными словами, война подорвала основы современной социально-политической системы Чечни, отбросив её к более архаичным формам организации. Важно, что В.А. Тишков отвергает подход, сводящий природу конфликта к «вечной» межэтнической вражде или к историческим обидам. Напротив, он подчёркивает, что чеченский кризис – феномен новейшей истории: *«Исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов… включая Чечню… Это прежде всего современные конфликты современных участников … по поводу современных проблем и устремлений»*[269]. Тем самым подчёркивается актуальный, социально-политический характер противоборства, в котором коренятся причины демодернизации региона.

В условиях распада прежних институтов власти и порядка В. Тишков фиксирует изменение социальной структуры чеченского общества. Формальные советские институты управления и правопорядка перестали функционировать, и центральное место заняли традиционные и неформальные связи. Клановo-родственные объединения (тайпы/тейпы) вышли на первый план: «член одного тайпа отвергал подчинение командиру из другого тайпа, и в итоге все чеченские полевые командиры стали старшинами своих тайпов»[270]. По сути, полевые командиры – военные лидеры, возглавлявшие отряды боевиков во время конфликта, легитимировали свою власть через принадлежность к родственным группам. Это привело к дроблению пространства власти на сеть де-факто автономных зон влияния, соответствующих тайповым делениям. В.А. Тишков отмечает, что после прекращения боевых действий фрагментация стала главным препятствием для создания стабильных политических институтов и утверждения государственной дисциплины в Чечне. В этих условиях *только религиозный*

---

[268] *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука. 2001. – С. 56.
[269] Там же. – С. 61.
[270] Тишков В.А. Слова и образы в чеченской войне: культурный фундаментализм как первопричина национальной трагедии [Электронный ресурс] // Официальный сайт В.А. Тишкова. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/slova_i_ob.html (дата обращения: 13.05.2025).

фактор стоял выше тайповых границ, что предопределило возрастание роли ислама как альтернативного источника легитимации власти. Действительно, на волне конфликта в общественно-политическую жизнь Чечни всё более активно входят радикально-религиозные лидеры и идеологи, стремившиеся объединить разные группы населения под знаменем ислама, преодолевая клановые барьеры. Получается, что сепаратистская власть и общественный порядок в военной Чечне соединили в себе возрождённые традиционные структуры (родоплеменные союзы) и надэтнические объединяющие идеи (религиозно-идеологические движения), возникшие на обломках светских институтов.

Характеризуя новые элиты военного времени, В.А. Тишков описывает феномен вооружённых отрядов и их вождей. В Чечне возник слой «боевиков», для которых война стала и профессией, и образом жизни. Они одновременно выступали как носители воинского достоинства и как участники криминальной активности, размывая грань между героизмом и мародёрством. Показательно наблюдение В.А. Тишкова о параллельной экономике, сложившейся еще в предконфликтный период: «В республике произошло разделение экономики на два сектора: "русский" (нефть, машиностроение, системы жизнеобеспечения населения, инфраструктура) и "национальный" (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы, криминальная сфера)»[271]. В результате т.е. национального движения и в итоге вооруженной сецессии фактически индустриальный сектор («русский»), созданный в советское время, был либо разрушен, либо перестал контролироваться местной властью, тогда как «национальный» сектор экономики оказался во многом теневым и криминализированным. Именно из этого второго сектора черпали ресурсы новые военные лидеры: торговля нефтью «вчерную», контрабанда, похищения людей за выкуп и другие нелегальные практики стали основой обогащения и влияния полевых командиров. Социальная база таких командиров складывалась из военизированной молодёжи, идеологически дезориентированной и не имевшей обещающих жизненных перспектив. Характерно признание одного из местных лидеров: «Дудаев мечтал о

[271] *Тишков В.А.* Ук. соч. – С. 116.

кавказской войне с Россией… Воевать мне нравилось… ничего другого я не умел делать». Эта циничная сентенция, принадлежащая, по свидетельству В. Тишкова, полевому командиру и известному террористу Шамилю Басаеву, ярко отражала мотивы части вооруженной чеченской элиты, для которой конфликт открывал возможности самореализации, власти и материальной выгоды. Вооружённый конфликт породил новый тип региональных политических акторов – полевых командиров, чьё влияние основывалось на силовом ресурсе, патронажно-клановых связях и контроле над теневыми потоками ресурсов. «Новые» акторы фактически заняли нишу элиты в воюющем обществе, хотя их легитимность носила внеинституциональный и квазихарактер.

Анализируя фигуру Джохара Дудаева как центрального лидера первой постсоветской Чечни, В.А. Тишков предлагает интерпретацию его роли, мотивов и символического статуса. С одной стороны, Дудаев предстаёт как типичный харизматический лидер эпохи распада СССР, чьи амбиции и личная харизма во многом предопределили развитие событий. Будучи бывшим советским генералом, он обладал военным опытом и авторитетом, что позволило ему возглавить так называемую «национальную революцию» – явочное провозглашение независимости Ичкерии. В.А. Тишков подчёркивает, что приход Дудаева к власти сопровождался *разрушением прежних управленческих структур* – от партийно-советских органов до правоохранительной системы – и что новый лидер не сумел выстроить эффективно функционирующую государственную власть в новых условиях. Ресурсная база режима Дудаева во многом оказалась ограниченной: промышленность и инфраструктура пришли в упадок, финансовая система деградировала, а главный капитал составляли захваченные советские арсеналы и неформальные каналы поступления средств (включая помощь диаспоры, международных террористических сил и нелегальную торговлю). Дудаев активно эксплуатировал символические ресурсы: исторические мифы, религиозные лозунги, образ «непримиримого борца» за свободу. В трактовке В.А. Тишкова Джохар Дудаев превратился в символический образ для части чеченского народа,

то есть мифологизированная фигура героя, олицетворяющего стремление к суверенитету и к исправлению прошлых несправедливостей, связанных прежде всего с депортацией. Одновременно в рядах местной чеченской оппозиции и в целом в российском общественном мнении складывался противоположный миф – образ «демона» Дудаева, виновника хаоса и насилия. Эта дуалистическая символика подчеркнута самим В.А. Тишковым в названии соответствующей главы его монографии – «Джохар: миф о герое и дьяволе»[272].

Внутренняя политика Дудаева отличалась противоречивостью. Провозглашая курс на строительство светского национального государства, он по мере развития вооруженного конфликта всё более апеллировал к религиозным и военным мотивам, санкционируя переход к военизированным формам правления. В.А. Тишков указывает, что мотивы Дудаева не сводились лишь к идеализму или «национальной идее» – ими двигали и стремление к личной власти, и романтика военного противостояния, и рассчитываемые геополитические дивиденды. Его феномен демонстрирует, как политическая элита постсоветского типа может конструировать вокруг себя мифологию национального героя, что было характерно для регионов с выраженной этнополитической спецификой в эпоху распада СССР и последовавших за ним конфликтов.

Можно сказать, что В.А. Тишков предлагает верифицируемую концепцию социально-политической трансформации Чечни в 1990-е гг., которая вписывается в проблематику исследований региональных элит. Его подход раскрывает механизмы разрушения модернизационных достижений (институтов власти, экономики, права) под воздействием проектов радикального сепаратизма и вооружённого конфликта и показывает, как на освободившемся пространстве возникают новые элитные группы – полевые командиры, клановые лидеры, харизматические вожди, черпающие легитимность из внеинституциональных источников. Идеи В.А. Тишкова акцентируют региональную специфику северокавказских элит, их зависимость от традиционных социальных структур и одновременную

[272] *Тишков В.А.* Ук. соч. – С. 250.

включённость в современные конфликты и дискурсы. Такое теоретико-методологическое осмысление позволяет более глубоко понять эволюцию политических элит Чеченской Республики сквозь призму сначала конфликтной демодернизации, а затем последовавшей после этого посткофликтной реконструкции на основе консолидации лояльного российскому государству чеченского общества во главе с новыми лидерами религиозно-светской ориентации. Этот подход существенно обогащает исследование северокавказских элит в логике настоящей диссертации.

Политолог и историк Дмитрий Фурман предлагает иной взгляд на природу чеченского кризиса, акцентируя роль исторической памяти и культурной специфики чеченцев. В известной статье «Самый трудный для России народ» (1999 г.)[273] он разбирает черты традиционного чеченского общества и новейшей истории, приведшие к столкновению Грозного с Москвой. По мнению Фурмана, стремление чеченского народа выйти из состава Российской Федерации было *«совершенно естественно, рационально и нормально»* – закономерный итог их исторического опыта. Его оценка отражает радикально-демократическую трактовку конфликта. Фурман фактически придает легитимность устремлениям чеченцев к к радикальному варианту самоопределения, что было созвучно либеральным идеям начала 1990-х гг. о праве этнонаций на выход из состава общего государства.

Главным психологическим фактором он называет память о депортации 1944 года, воспринятой чеченцами как национальная катастрофа, сродни Холокосту[274]. В результате, по Фурману, в Первой чеченской войне 1994-1996 гг. чеченцы сражались не просто за абстрактную независимость, а за выживание своего народа, против исторического образа врага. Компромисс казался невозможным, поскольку поколениями укоренилась убеждённость: капитуляция

---

[273] *Фурман Д.Е.* Самый трудный для России народ [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 1999. – 11 нояб. – URL: https://www.ng.ru/ideas/1999-11-11/8_most_difficult.html (дата обращения: 20.02.2024).
[274] *Фурман* Д.Е. Ук. соч.

равносильна смертному приговору для нации. Эта эмоционально-травматическая мотивация, с одной стороны, придала сопротивлению упорство и готовность к жертвам, с другой – лишила его гибкости и трезвого расчёта. Фурман оценивает подобное положение трагически: чеченцы стали заложниками собственной памяти о геноциде, что сделало войну неизбежной и бескомпромиссной.

Рассматривая социальные и культурные предпосылки конфликта, Фурман описывает традиционное чеченское общество как крайне эгалитарное и свободолюбивое. Ещё в доколониальные времена, отмечает он, чеченцы свергли власть феодальных князей, установив порядок «свободных крестьян-воинов», объединённых в тайпы и союзы тайпов. Отсутствие жёсткой сословной иерархии породило, с одной стороны, неприятие любой внешней власти, жажду независимости, а с другой – соперничество между равными (между тайпами и внутри них). Эти ментальные ценности делали чеченцев одновременно сплочёнными против внешнего врага и разобщёнными между собой в мирное время. Такая культура крайне затрудняла подчинение чеченцев извне. Даже после падения Имамата Шамиля восстания возобновлялись вплоть до депортации 1944 г., которая лишь законсервировала подозрительность по отношению к государству. На начало 1990-х гг. живая память о вековом сопротивлении, усиленная свежими ранами, создала взрывоопасную ситуацию.

В аналитике Фурмана есть жёсткий вывод: главные источники бед Чечни лежат внутри неё самой. Внешние силы — Москва, иностранные исламисты и террористы — влияли на ситуацию (и продолжают это делать), но решающим фактором стали собственные культурно-социальные особенности чеченского общества, его сложная история и национальный характер. По мнению Фурмана, те же черты, что делали чеченцев грозными воинами (любовь к свободе, этническая солидарность, культ чести и справедливости), обернулись неуправляемостью, склонностью к насилию и, вероятно, неспособностью к централизованному порядку и встраиванию в систему правил. Фурман формулирует парадокс так: *«Чеченские достоинства стали продолжением чеченских же недостатков».*

Поэтому путь к полноценному правовому государству для Чечни предстоит долгий и мучительный: слишком глубоко противоречие между традиционным укладом и требованиями современной государственности.

Его трактовка, признающая вооружённое самоопределение естественным и оправданным, чревата игнорированием принципов государственности и рисками для безопасности. Она наполнена романтизмом и не в полной мере учитывает исторический опыт чеченского народа. Легитимируя революционный сепаратизм эмоциональными травмами прошлого, Фурман недооценивает деструктивные последствия подобного пути – коллапс институтов, человеческие жертвы, влияние экстремистов. Радикально-демократический дискурс 1990-х гг., с которым перекликаются идеи Фурмана, идеализировал право на выход из состава государства, но практика показала катастрофические результаты такого «самоопределения». Хотя анализ Фурмана ценен глубоким сочувствием к чеченской трагедии, его взгляд можно упрекнуть в недостаточном внимании к внешним манипуляциям и геополитическому контексту конфликта. В частности, минимизируется роль иностранных сил, воспользовавшихся нестабильностью в республике (отмечаемая Тишковым и другими исследователями), и недооценивается необходимость прочных государственных рамок для мирного развития. Критический пересмотр взглядов Фурмана позволяет заключить: самоопределение в форме явочной сецессии обернулось для чеченского народа тяжелейшими утратами, а потому идеология революционного сепаратизма 1990-х гг. должна оцениваться негативно, без романтизации.

Кроме упомянутых ученых, многие другие исследователи и общественные деятели анализировали чеченский конфликт, выдвигая свои интерпретации его причин и последствий. Отдельного внимания заслуживает взгляд политолога Эмиля Паина, в 1990-е годы бывшего советником президента России по межнациональным вопросам. Паин сосредоточился на том, как чеченская война повлияла на российское общество и государство в целом. Он утверждает, что длительная «контртеррористическая операция» на Кавказе стала одним из

важнейших катализаторов внутренних процессов в России начала 2000-х гг. В частности, невозможность достичь быстрого успеха в Чечне и связанная с этим атмосфера страха привели к всплеску ксенофобии и авторитарных тенденций. По данным Паина, к 2004 году доля россиян, испытывающих неприязнь к чеченцам, превысила три четверти населения, причём около 67% опрошенных были убеждены, что *«чеченцы понимают только язык силы»*, а 68% считали, что новое поколение чеченцев будет ещё более враждебным к России[275]. Такая массовая демонизация чеченцев стала прямым следствием государственной пропаганды военного времени. Одно следствие войны повлекло за собой другое: ощущая постоянную угрозу терроризма (78% россиян боялись стать жертвой терактов), общество всё больше соглашалось с ужесточением политического курса.

Эмиль Паин отмечает опасную взаимосвязь: *неспособность власти эффективно исполнять свои обязанности маскируется демагогией о необходимости укрепления «вертикали власти»*[276]. Иными словами, не решив чеченский вопрос, федеральное руководство переключило внимание на внутреннее закручивание гаек, оправдывая это требованиями безопасности. Война на Кавказе, по выражению Паина, привела к милитаризации массового сознания, страна разделилась на своих и чужих, причём любые экстремисты из числа "своих" перестали восприниматься как преступники, тогда как правозащитников объявили едва ли не врагами народа, *«выдумывающими скинхедов по подсказке Запада»*. Власти же на местах охотно эксплуатировали воинственно-патриотические настроения, перекладывая ответственность за социальные проблемы на «внутренних» и «внешних» врагов – инородцев, мигрантов, «террористов». Этнизация конфликтов и поиск внешнего врага стали удобным выходом для региональных элит того времени, что лишь увеличило разобщённость в стране.

---

[275] *Игорь Хлебников*. «Глас народа наводит на размышления» // Независимая газета (приложение «Независимое военное обозрение»). – 04.04.2003.

[276] *Паин Эмиль*. Вечная Чеченская: Военной кампании в Чечне – десять лет. Спасибо ее инициаторам – российское общество наращивает потенциал ксенофобии // Московские Новости. – 2004. – № 46. – 3 декабря.

Паин предупреждал, что продолжение этой политики грозит самим единством Российской Федерации. *«Всё это – прямой путь к развалу РФ»*, – писал он в 2004 году.

Особо подчёркивает Эмиль Паин тот факт, что чеченский кризис перерос в фактор, определяющий новую политическую систему России при Владимире Путине. После окончания Второй чеченской войны центр сделал выводы, пытаясь раз и навсегда предотвратить повторение сепаратизма. Паин обращает внимание, что *«Чечня родила административную реформу – единственную, которую сделал наш президент»*[277], и сформулировала стилистику нынешней власти. Речь идёт о реформе 2004 года, когда на фоне теракта в Беслане и общей милитаризации сознания были отменены выборы губернаторов и фактически выстроена жёсткая «вертикаль власти». Стиль этого нового режима Паин описывает прямо: это подавление оппозиции – не обязательно военными методами, но всегда жёсткое. Так, озабоченность общества террористической угрозой стала весомым оправданием для концентрации власти. Конфликт на Кавказе отозвался трансформацией самого характера российского государства – от относительно плюралистической модели 1990-х гг. к более авторитарной и закрытой системе 2000-х гг.

Отдельного рассмотрения требует разрушительное внешнее влияние на ход чеченского конфликта в 1990-е годы. Помимо внутренних факторов, о которых спорят исследователи, очевидно, что физическое присутствие иностранных экстремистов и импортированные идеологии существенно радикализировали ситуацию. Уже в период между двумя войнами (1996-1999 гг.) Чечня превратилась в магнит для международных джихадистов. На её территории обосновались полевые командиры-«муджахеды» из арабских стран, самым известным из которых был Эмир Хаттаб (Самер бин Салех ас-Сувейлим) – уроженец Саудовской Аравии. Хаттаб, ранее воевавший в Афганистане, прибыл в Чечню в 1995 г. и сыграл заметную роль как военачальник и наставник радикальных боевиков. Под его

[277] Там же.

руководством действовали лагеря подготовки террористов, через него налаживалось финансирование и поставки вооружений из-за рубежа. По оценкам экспертов, во второй половине 90-х гг. международные исламистские сети рассматривали Чечню как часть своего плацдарма. Так, Добаев И.П. отмечает[278], что на рубеже веков экстремисты контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, вынашивая планы дальнейшей экспансии и говоря о воссоздании «халифата». Создавалась глобальная сетевая структура джихада во главе с Усамой бен Ладеном, в орбиту которой были втянуты и северокавказские радикалы. Внутренний сепаратистский конфликт постепенно вплетался в канву международного терроризма[279].

Важнейшим каналом внешнего влияния стало идеологическое проникновение. После 1996 г. в Чечне активно действовали эмиссары из ближневосточных исламистских организаций, проповедники и благотворительные фонды из стран Персидского залива. Они привозили с собой литературу и проповеди, продвигая ультрарадикальную форму – ваххабизм (салафизм). Если традиционный чеченский ислам носил суфийский характер (тарикаты кадирийя и накшбандийя) и был встроен в местную культуру, то «новый ислам» извне призывал отказаться от многих обычаев и установить строгие нормы шариата. Распространение ваххабитской идеологии шло через переводы арабских книг, аудиокассеты с речами проповедников, строительство новых мечетей и медресе на

---

[278] *Добаев И.П.* Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 13–20.

[279] *Булатов Б.Б., Селимов Р.Д.* Фактор религиозного экстремизма и международного терроризма и его влияние на формирование внешнеполитического курса российской Федерации на Ближнем Востоке // ИАЭК. – 2005. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-religioznogo-ekstremizma-i-mezhdunarodnogo-terrorizma-i-ego-vliyanie-na-formirovanie-vneshnepoliticheskogo-kursa-rossiyskoy (дата обращения: 02.02.2025); *Ароян А.С., Коркмазов А.Р., Чемаев Н.А*. Современный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ekstremizm-i-terrorizm-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 08.01.2024).

саудовские деньги[280]. Как пишет С. Мусайханов[281], радикальное движение ваххабитов, ранее не известное в Чечне, возникло в разгар военного конфликта и резко обострило и без того непростую социально-политическую ситуацию. В условиях разрухи часть общества искала опору в «чистом исламе», видя в нём альтернативу коррумпированным светским структурам. Этим и воспользовались приезжие идеологи.

Физическое присутствие иностранных боевиков сочеталось с созданием разветвлённой сети контактов между чеченскими полевыми командирами и международным подпольем. Шамиль Басаев, наиболее известный лидер радикалов, ещё с середины 1990-х гг. поддерживал связи с зарубежными единомышленниками. Вместе с Хаттабом они сформировали *«Исламскую международную бригаду»*, участвовавшую в 1999 г. в нападении на Дагестан. Через эти каналы шло не только финансирование, но и идеологическое руководство, например, провозглашение Басаевым и его сподвижниками в 2007 г. «Имарат Кавказ» (под влиянием Аль-Каиды) (запрещенные в России террористические организации). Экстремистская сеть охватила значительную часть Северного Кавказа, пытаясь превратить локальный этнополитический конфликт в элемент глобального джихада.

Последствия внешнего вмешательства для Чечни были сугубо негативными. Во-первых, усиление религиозно-идеологического фанатизма сделало компромисс практически невозможным. Если в первой войне многие чеченские боевики сражались за национальную независимость, то ко второй войне (1999-2000 гг.) значительная их часть была мотивирована уже транснациональной идеей «джихада против неверных». Идеология борьбы сместилась от светского национализма к религиозному экстремизму, что предопределило ещё более жестокий характер противостояния. Во-вторых, присутствие иностранцев дискредитировало чеченское движение в глазах мирового сообщества. Федеральная власть получила

---

[280] *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. − 2004. − 248 с.

[281] *Мусайханов С.С.* Исламский фактор в военно-политических процессах в Чеченской Республике (1991–2011 гг.): дисс. … к. филос. н. − М. − 2012. − 116 с.

основания заявлять, что борется не с «несогласным народом», а с международным терроризмом – и в этом была правда. Наконец, внешние спонсоры привнесли в Чечню практики, ранее не свойственные местному обществу: массовые захваты заложников, «шахидизм» (террористы-самоубийцы), публичные казни по шариату и пр. Всё это разрушало традиционный уклад и усугубляло хаос[282].

Показателен пример Багаудина Кебедова – лидера дагестанских ваххабитов, который в 1997-1998 гг. перебрался в Чечню. Тогдашний президент Зелимхан Яндарбиев пригласил Кебедова помочь в построении «исламского государства». Главный муфтий Чечни Ахмат Кадыров выступал против этого, понимая опасность раскола, однако его голос был ослаблен общей анархией. В 1998 г. между сторонниками Кебедова (ваххабитами из Урус-Мартановского района) и охраной братьев Ямадаевых (лояльных светским властям) вспыхнул вооружённый конфликт в городе Гудермес, переросший в серьёзное сражение. В итоге ваххабиты потерпели поражение и были выдворены из Гудермеса, но противостояние между «чужой» радикальной верой и «своим» традиционным исламом достигло открытой стадии. А.-Х. Кадыров тогда публично заявил, что усиление ваххабизма в Чечне произошло во многом из-за деятельности приехавшего извне Б. Кебедова. Описанный эпизод ярко иллюстрирует, как внешнее идеологическое влияние привело к расколу общества и фактически к началу гражданской войны внутри Чечни – между радикальными исламистами и приверженцами национально-традиционных сил.

Можно констатировать, что внешний фактор (и физический, и идеологический) сыграл разрушительную роль в чеченском конфликте. Он радикализировал повестку, маргинализировал умеренных лидеров и втянул небольшой народ в орбиту

---

[282] *Акаев В.Х.* Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом // Исламоведение. – 2010. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-politicheskie-osobennosti-severokavkazskogo-vahhabizma-i-konflikt-s-sufizmom (дата обращения: 06.04.2022); *Акаев В.Х.* Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 2 (56). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-mezhdu-traditsionnym-i-netraditsionnym-napravleniyami-v-islame-prichiny-dinamika-i-puti-preodoleniya-na-materialah-severnogo (дата обращения: 07.07.2022).

глобального противостояния, масштабы которого ему были не по силам. Современные исследователи подчёркивают, что хотя коренные причины войны лежали внутри Чечни, *«приток в республику иностранных муджахедов»*[283] существенно поспособствовал распространению ваххабизма в его наиболее радикальной форме. Вооружённый импорт революции, в виде людей, денег, идей лишь усугубил демодернизацию, о которой писал Тишков, и привёл к ещё большему кровопролитию. Понимание внешней составляющей важно для объективной оценки 1990-х гг.: чеченский кризис развивался не в вакууме, а в контексте геополитических игр и транснационального экстремизма.

Пока в начале 1990-х гг. на переднем плане были преимущественно светские лозунги (независимость, национальное достоинство) и клановые интересы, ближе к концу десятилетия религиозный фактор стал определяющим в Чечне. Исламизация чеченской политики шла по нарастающей, чему способствовали как внутренние, так и внешние причины. На волне войны многие обратились к вере, искали в ней смысл происходящего и утешение. Однако важно различать традиционный суфийский ислам чеченцев и новые радикальные течения, импортированные извне (ваххабизм). Между ними к концу 1990-х гг. разгорелся острый конфликт, расколовший чеченское общество по идеологическому признаку.

В первые годы независимости Ичкерии ислам играл скорее символическую роль, как элемент национальной идентичности (Дудаев, хотя был светским человеком, в речах нередко ссылался на Аллаха и Коран). Но по мере того, как светские институты деградировали, религия превратилась в альтернативный источник легитимности власти. Радикальные проповедники призывали установить в республике шариатские порядки, утверждая, что только следование исламу способно объединить чеченцев и навести порядок. Президент Аслан Масхадов в 1997-1998 гг., отчаявшись усмирить полевых командиров мирскими средствами,

---

[283] *Мусайханов С.* Исламский фактор в военно-политических процессах Чечни // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 3-4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-v-voenno-politicheskih-protsessah-chechni (дата обращения: 01.01.2025).

тоже сделал ставку на ислам, провозгласил курс на введение шариатского правления. В 1998 г. в Чечне была официально введена шариатская уголовная система (шариатский суд), хотя полностью реализовать эти нормы не удалось. Масхадов надеялся таким способом укрепить дисциплину, например, кражу или убийство соплеменника предполагалось карать не по «адату» (обычаю) или светскому закону, а по нормам шариата (вплоть до казни). Однако эта попытка резко исламизировать государство привела лишь к новым расколам.

Традиционный чеченский ислам был преимущественно суфийским, терпимым к местным обычаям (адату) и встроенным в родоплеменную этику. Вводя же «чистый» шариат, Масхадов и его окружение вынужденно опирались на идейную поддержку ваххабитов – сторонников строгого буквализма, во многом чуждых чеченской религиозной культуре. Началось противостояние между суфиями (представителями старых тарикатов) и салафитами (новоявленными ваххабитами). Суфийские шейхи во многом не доверяли молодым радикалам и видели в них угрозу устоям. С другой стороны, салафиты обвиняли суфиев в «отступлении от истинной веры», называя их обряды (зикр, почитание святых) недопустимым нововведением. Внутриконфессиональный конфликт достиг пика в 1998-1999 гг. Кульминацией стал упомянутый Гудермесский инцидент августа 1998 г., когда отряд ваххабитов был разгромлен гвардейцами братьев Ямадаевых. Фактически, Чечня оказалась на пороге гражданской религиозной войны. Осенью 1998 г. Масхадов вынужден был объявить о запрете вооружённых формирований ваххабитов и призвать их разоружиться. Однако его решение не было выполнено: радикалы укрылись в горах вместе с Хаттабом и Басаевым, продолжив готовиться к джихаду.

К концу 1990-х гг. религиозный фактор стал доминировать над всеми остальными. Идеология Второй чеченской войны (1999-2000 гг.) уже была полностью основана на ваххабизме. Басаев и его соратники объявили священную войну против России, отвергая саму идею переговоров. Многие боевики воспринимали федеральные войска не просто как противника независимости, а как

«неверных» захватчиков, против которых оправдан любой способ борьбы. Одновременно значительная часть чеченского населения, устав от хаоса, наоборот, стала склоняться к поддержке традиционных религиозных лидеров (муфтия А-Х. Кадырова и др.), которые призывали остановить кровопролитие и изгнать иностранных фанатиков. В этот период исламский фактор разделил чеченцев на два лагеря: радикалов (ваххабитов) и умеренных (суфиев и лоялистов). Символическим рубежом стало выступление муфтия Ахмата Кадырова, который в сентябре 1999 г. осудил ваххабизм и фактически перешёл на сторону федерального центра. Кадыров призвал народ не поддерживать «ваххабитских бандитов», подчеркнув, что они приносят только беды и исказили истинный ислам. Многие традиционные авторитеты поддержали его: так религиозный раскол превратился в политический. Вторая чеченская война во многом стала не только войной между Россией и Ичкерией, но и войной внутри Чечни – между сторонниками светско-суфийского пути (олицетворяемый Кадыровым) и сторонниками «исламской революции» (Басаев, Хаттаб, Удугов и др. террористы).

Для исследования элитологической проблематики примечательно, что к началу 2000-х гг. в Чечне оформился новый расклад сил, в котором религиозная легитимация стала неотъемлемой частью власти. Если дудаевская элита начала 1990-х гг. черпала авторитет преимущественно из национально-революционных идей, то элита, сформировавшаяся после Второй войны, опиралась уже на религиозную риторику государства (союз светской власти с официальным исламом). *«Исламский фактор стал реальной политической силой»*, – пишет С. Мусайханов[284], – радикализм ваххабитов спровоцировал ответную консолидацию традиционных мусульман вокруг пророссийских властей. В итоге к середине 2000-х гг. влияние идеологии радикального ваххабизма в Чечне пошло на убыль, а по мере восстановления республики и укрепления вертикали власти оно сходит на нет. Суфийские братства вновь заняли почётное место в социальной структуре, тогда как для носителей экстремистских взглядов не осталось пространства: одни были

[284] *Мусайханов С.* Ук. соч.

уничтожены, другие бежали или отказались от борьбы. Рост религиозного фактора прошёл три этапа: возвышение ислама как знамени сопротивления, раскол ислама на традиционный и радикальный, и в конце концов – интеграция ислама в новую государственную систему при подавлении радикального крыла. К концу 1990-х гг. религия из вторичного элемента превратилась в ключевой фактор чеченской политики, а конфликт между различными ее формами предопределил судьбу Чечни на годы вперёд.

В свете рассмотренных причин чеченского кризиса следует чётко дистанцироваться от идеологий «революционного самоопределения» 1990-х годов. Романтическое восприятие вооружённой сецессии как «естественного» права наций, не сопровождаемое должным пониманием институтов и ответственности, привело Чечню к катастрофическим последствиям. Приоритет должен принадлежать государственности, управляемости и общегражданской солидарности, а не этносепаратистским экспериментам ценой разрушения общества. Опыт Чечни убедительно продемонстрировал, что без крепких государственных институтов, верховенства закона и гражданского единства регион рискует погрузиться в анархию и насилие. Поэтому выводы настоящего анализа однозначно подчеркивают: возвращение Чечни в правовое поле России в начале 2000-х гг., при всех своих противоречиях, создало необходимые условия для мира и возрождения региона. Отмежёвываясь от экстремистских лозунгов 90-х гг., сегодняшняя научная и практическая мысль делает упор на мирную интеграцию, восстановление управляемости и межэтническое согласие.

Вторая чеченская война радикально изменила структуру чеченской политической элиты. Федеральная политико-административная элита сделала ставку на раскол в рядах бывших сепаратистов, привлекая на свою сторону часть влиятельных фигур взамен на обещание власти. Центральной фигурой стал Ахмат-Хаджи Кадыров – бывший муфтий Ичкерии, в 1999 г. разочаровавшийся в радикалах и перешедший на сторону Москвы. С его именем связан процесс урегулирования конфликта – передачи власти над республикой лояльным местным

силам. В 2000 г. А. Кадыров был назначен главой временной администрации Чечни, что ознаменовало формирование новой региональной элиты. В данную элиту вошли, с одной стороны, бывшие противники федерального центра, сменившие политическую ориентацию, а с другой – часть прежних чиновников или военных, интегрированных в новую региональную систему управления. Ядро правящего слоя Чечни начала 2000-х гг. составили участники чеченских войн, которые в итоге последовали за Ахматом Кадыровым и перешли на сторону Москвы. Данные акторы формировали современную элиту республики.

Закрепившись у власти, новая элита приступила к восстановлению разрушенной республики, активно используя федеральные дотации и особые финансовые преференции. Фактически была выстроена экономическая модель, основанная на масштабных трансферах из центра. Одновременно продолжалась ликвидация неприсоединившихся элементов старой элиты: многие идеологи Ичкерии, полевые командиры либо погибли (Д. Дудаев – 1996 г., А. Масхадов – 2005 г., Ш. Басаев – 2006 г.), либо бежали за рубеж (М. Удугов, З. Яндарбиев). Значительная часть светской интеллигенции 1990-х гг. – ученых, писателей, деятелей – покинула Чечню в годы войн и не сильно участвовала в формировании новой властной иерархии. К середине 2000-х гг. политическая элита Чечни стала более гомогенной по своему социальному и идеологическому составу[285].

Поворотный момент в эволюции элиты – убийство Ахмата Кадырова в мае 2004 г. в результате теракта. Несмотря на избрание на пост президента генерала Алу Алханова, реальная власть стала стремительно переходить к Рамзану Кадырову. К 2005-2007 гг. Рамзан Кадыров, опираясь на лояльные силовые структуры, сумел сформировать в республике современную элиту, которая обеспечила беспрецедентный уровень стабильности после долгих лет войны. Вооружённое подполье было в основном подавлено, началось масштабное восстановление республики. Современная чеченская политическая элита, соответственно,

---

[285] *Сунгуров А.Ю.* Чеченский конфликт и его освещение // Публичная политика. – 2008. – № 1. – С. 133–142.

сформировалась под влиянием двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, военно-политической мобилизации, с другой – федерального патронажа. Исторические потрясения 1990-х гг. привели к почти полной смене элит: от коммунистической бюрократии и национальной интеллигенции – к современной элите, что наложило отпечаток на все аспекты функционирования чеченской элиты[286].

Современная политическая элита Чеченской Республики имеет жесткую вертикально-иерархическую структуру. В центре, объективно находится Глава республики Рамзан Кадыров, который де-факто сконцентрировал в своих руках высшие полномочия. Вокруг него сгруппировано ближайшее окружение – «внутренний круг» элиты. Ядро этого круга составляют наиболее доверенные соратники. Как отмечают эксперты, сегодня наиболее влиятельными людьми в Чечне являются сам Р. Кадыров, а также его близкие родственники, занимающие ключевые посты – в администрации главы, правительстве, силовых структурах. По словам эксперта из Чечни, «наиболее влиятельны в Чеченской Республике – Глава ЧР Рамзан Ахматович Кадыров и его близкие родственники, соратники, которые возглавляют различные службы, силовые структуры и так далее». Подобная оценка отражает фактическую природу высшего эшелона власти.

Вокруг сплочённого ядра существует более широкий слой административной элиты – министры, руководители ведомств, специалисты экономического и силового блоков – т.е. функционеры, ответственные за рутинное управление. Сюда можно включить и бюрократию, часто с образованием и опытом, нередко выходцы из бывшей советской номенклатуры. Этот околоэлитный сегмент элит («двор»), который старается не претендовать на политическое влияние, ограничиваясь выполнением отведённой функции. Дистанцированность технократической элиты обусловлена своеобразным балансом: с одной стороны, её навыки нужны для управления, с другой – без политических амбиций. Поэтому многие управленцы

---

[286] *Маркедонов С.* Чечня. Война как мир и мир как война // Ab Imperio. – 2001. – Т. 2001. – № 4. – С. 263–292.

занимают второстепенное положение. Статус этой элиты относительно стабилен, пока они эффективно решают хозяйственные задачи и демонстрируют лояльность. Например, министр финансов или экономики ЧР – влиятельный пост по функциям, но не по влиянию.

Особенность чеченского общества – высокая роль религиозных институтов, которая отражается на самой структуре элит. Религиозная элита представлена руководством Духовного управления мусульман (ДУМ) Чечни: Муфтий ЧР и его аппарат. В настоящее время Муфтий (Салах Межиев) является важной фигурой, его позиция полностью интегрирована в региональную власть. Помимо муфтия, в религиозную элиту входят кадии, имамы крупных мечетей, ректоры исламских вузов. Интересно, что по мнению экспертов, самым авторитетным лицом в религиозной сфере является муфтий, «но неформально авторитетным лицом является председатель Совета алимов Северного Кавказа, Кадыров Хож-Ахмед» (цит. эксперта). Он пользуется большим уважением в республике. Неформальная религиозная иерархия дополняется влиянием лидеров суфийских братств (вирдов). В Чечне традиционно распространены два тариката суфизма – кадирийский и накшбандийский, суммарно включающие несколько десятков вирдов (общин). Главы крупнейших вирдов и потомки шейхов (Кунта-Хаджи, Шейх Мансур и др.) – это тоже особая категория элиты, обладающей духовным авторитетом[287]. Опрошенный специалист указывает, что родственники основателей вирдов пользуются авторитетом в обществе. Хотя напрямую они не занимают государственных постов, их мнение учитывается, а некоторые могут быть неформальными советниками по религиозным вопросам. Можно говорить о симбиозе светско-духовной элиты в современной Чечне: если в 1990-е гг. религиозные лидеры и политическое руководство нередко были по разные стороны баррикад, то теперь наблюдается тесное сближение этих сфер. Власть опирается на

[287] *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. − 2004. − 248 с.; *Солтамурадов М.Д., Добаев И.П., Акаев В.Х*. Суфизм в культуре народов северо-восточного Кавказа. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. − 2008. − 141 с.

лояльное духовенство для укрепления легитимности, а духовные авторитеты получают государственную поддержку на строительство мечетей, медресе, участие в идеологической работе. Духовная элита интегрирована в общую систему власти.

Отдельно стоит охарактеризовать положение светской интеллигенции и предпринимательского класса. Интеллигенция – учёные, преподаватели, деятели культуры, спортсмены – традиционно рассматривалась в чеченском обществе как нравственная элита. По мнению опрошенного специалиста, в прошлом элитой считались люди, которых уважают за вклад в народ – учёные, писатели, художники, которые «создают потенциал на 100 лет вперёд». Однако в современных условиях влияние интеллигенции минимально. «Сегодня интеллигенция никак не проявляет себя, играет очень малую роль… и в России в целом, и в нашей республике», – отмечает эксперт. Действительно, после войн значительная часть творческой интеллигенции либо эмигрировала, либо отошла от активной общественной деятельности. Остальные – зачастую встроены в государственные структуры (возглавляют вузы, министерства культуры, образования) и вынуждены следовать общей линии. Интеллектуалы как самостоятельная элитарная группа практически не влияют на политику. Схожая ситуация с бизнес-элитой: крупного независимого бизнеса в Чечне почти нет, экономика во многом бюджетно-распределительная.

Как отмечает эксперт, «местное самоуправление в республике встроено в единую вертикаль власти, что позволяет обеспечивать слаженность и оперативность управленческих решений. Главы районов и сельских поселений назначаются или избираются в рамках системы, ориентированной на стабильность и эффективность управления. Их деятельность во многом зависит от координации с вышестоящими органами, что формирует единый управленческий механизм». Описанная централизованная модель, по мнению ряда экспертов, является характерной чертой республиканского управления и во многом отличает Чечню от других регионов Северного Кавказа.

Современная чеченская элита – многоуровневая, но высокоцентрализованная система, в которой можно выделить: 1. узкое ядро (соратники и силовики); 2.

внешний круг функционеров; 3. встроенную духовную элиту; 4. периферийных акторов (интеллигенция, бизнес, локальные руководители) с ограниченным влиянием. Именно такая конфигурация предопределяет и особенности функционирования элиты, о чём речь пойдёт ниже.

Система отбора и продвижения кадров в региональной элите носит в основном закрытый характер. Как отмечают местные эксперты, реальные факторы, способствующие попаданию человека в число элиты, далеки от меритократии. *«Знания, культура, профессиональная подготовка – эти ресурсы у нас менее заметны… Скорее, попасть в элиту помогает личное знакомство, некая клановость, демонстрация угодничества»*, – констатирует эксперт. Действительно, непотизм и протекционизм стали критериями кадровой политики на всем Кавказе. Эксперты ярко описывают явление *«демонстрации угодничества»*: желающие продвинуться стараются показать свою полезность. Именно такая демонстративная лояльность рассматривается как необходимое условие карьерного роста. В интервью прямо говорится о практике подкупа: *«Формирование элиты происходит на основе родства... и в определённой мере на основе угодничества, подкупа и т.д.»*. Все эти черты – клановость, трайбализм, коррупционность отбора кадров – характерны в целом для северокавказских регионов. Трайбализм и протекционизм при расстановке кадров ведут к низкому доверию граждан к институтам власти.

Формально структура органов власти ЧР аналогична другим субъектам РФ: Глава республики, Правительство, Парламент, муниципалитеты. Разделение властей де-юре есть – элита функционирует как единый монолит, где каждый уровень встроен в вертикаль власти. Эксперты подтверждают: *«Все уровни... никак не дифференцируются, это один монолит»*. При этом в отношениях с федеральным центром республиканская власть сочетает внешнюю лояльность с определённой внутренней автономией. Как поясняет опрошенный эксперт, *«формально юридически региональная власть зависима от федеральной… но на местах происходят свои модификации – федеральные решения исполняются, но порою с внесением местного элемента»*. То есть, элита придерживается всех указаний Москвы настолько,

насколько это не подрывает интересы общества, идет адаптация решений под местные реалии. Подобный феномен можно назвать контролируемой автономией: внешне – полное подчинение вертикали власти РФ, фактически – значительная свобода внутри республики. Такой механизм стал возможен благодаря особому статусу Чечни после войны и особому, харизматическому стилю управления региональной элиты.

Успешное функционирование политической элиты ЧР обеспечивается мобилизацией ряда ресурсов: административных, экономических, силовых, информационных и т.д. Элита контролирует органы государственной власти в регионе, что даёт полный административный ресурс. В последние годы наблюдается тенденция к дальнейшей централизации. В случае Чечни это играет позитивную роль – умиротворение конфликтов, восстановление республики, но имеет и свои издержки. Осознание этой двоякости делает тему контроля над силовыми ресурсами крайне важной.

Информационно-идеологический ресурс также крайне важен в контексте исследования. В условиях отсутствия оппозиционных медиа, государственные телеканалы (Грозный), радио, пресс-службы формируют позитивный имидж руководства. Рамзан Кадыров сам активно присутствует в медиапространстве (особенно в социальных сетях). Выполняется функция легитимации элиты через харизматическую составляющую. Одновременно проводится идеологическая линия на сочетание чеченских традиций и светского патриотизма: Реальная информационная политика обеспечивает поддержание институционального доверия на приемлемом уровне, хотя и не решает всех проблем.

Как отмечалось выше, сами чеченские эксперты видят опасность в том, что сложившийся механизм формирования элит рано или поздно станет тормозом развития. Поэтому важнейшая задача – не допустить трансформации возможного недовольства в открытый конфликт, модернизировать механизмы управления. Перед элитой стоит вызов повышать свою легитимность через более меритократическую политику, иначе ресурсный потенциал, обеспечивающий

стабильность сейчас, при изменении условий может обернуться фактором нестабильности.

Еще одним альтернативным центром формирования элит является чеченская диаспора за рубежом. Войны привели к тому, что чеченское общество испытало значительный миграционный отток, как внутренняя миграции (в другие регионы России в конце 1990-х – начале 2000-х гг., последующее частичное возвращение), так и эмиграция за рубеж (массовый исход чеченских беженцев в Европу). Управление миграционными процессами – важная составляющая деятельности региональной власти, хотя зачастую она носит неформальный характер. Эмиграция из Чечни стала заметным явлением уже в 1990-е гг., а в 2000-е гг. приобрела устойчивый характер. Многие чеченцы искали убежище в Европе – крупные диаспоры возникли в Австрии, Германии, Бельгии, Франции. За рубежом сформировалась оппозиционная чеченская элита в изгнании – бывшие идеологи Ичкерии (Ахмед Закаев в Лондоне и др.), активисты-правозащитники, блогеры. Отношения официальной чеченской элиты с зарубежной оппозицией неоднозначные.

Взаимоотношения между политической элитой Чечни и руководством Российской Федерации уникальны по своей конфигурации. После завершения второй войны Кремль фактически делегировал значительную часть полномочий по управлению республикой местной элите. Сложился негласный социально-политический контракт: Чечня получает расширенную автономию в ведении внутренних дел, а элита обеспечивает лояльность и недопущение сепаратизма. На практике подобная модель проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, федеральный центр минимально вмешивается во внутренние кадровые решения в Чечне. В других регионах РФ администрация Президента более активна. Кремль демонстрирует доверие к кадровой политике в регионе.

Динамика политической элиты Чечни не статична, произошёл ряд значимых смен внутри элитной группы. Рассмотрим некоторые конкретные кейсы изменений в элитной среде.

- Смена советской элиты на национал-революционную (1990-1991 гг.). Как было упомянуто выше – фактически революция, когда старая партийная элита была отстранена Дудаевым и его соратниками. Его последствия: радикальный слом институтов (разгон Верховного Совета ЧИАССР), передача власти людям без управленческого опыта, но с харизмой и поддержкой масс.
- Интеграция религиозных лидеров в политическую элиту (середина 1990-х гг.). В первые годы независимости Чечни возникла уникальная ситуация: духовные лидеры превратились в видных политических акторов. Муфтий Ахмат Кадыров в 1995 г. фактически выступил против политики Дудаева. Полевой командир Шамиль Басаев сделал акцент на введении шариата, что привело к своеобразной дуализации элиты. В 1999 г. Масхадов пошёл на уступку – объявил о постепенном введении шариата, пытаясь перетянуть исламистскую часть элиты на свою сторону. Однако было уже поздно. Последствия: раскол элиты углубился, религиозная фракция фактически стала оппозицией, союзником внешних джихадистских сил, что ускорило падение режима Ичкерии. Впоследствии власти сделали вывод – религиозную элиту нужно не маргинализировать, а кооптировать. Рамзан продолжил линию союза с духовенством. События 90-х гг. показали опасность раскола элит по идеологическому (конфессиональному) признаку, что привело к стратегии последующего слияния. Сегодня политико-религиозное сближение (описанное ранее) – прямое следствие уроков того периода.
- Поколенческий транзит внутри элиты. За 20 лет правления Кадыров сменил большую часть новой элиты первой постконфликтной волны. Постепенно ветераны первой чеченской кампании (родившиеся в 1960-х гг.) уступают позиции более молодым кадрам.

Каждый из рассмотренных кейсов продемонстрировал определённый механизм обновления или адаптации элиты: революционная смена, интеграция оппозиционной части, устранение конкурентов, региональная экспансия, смена

поколений. Чеченская элита, хоть и выглядит монолитной и цельной, на самом деле прошла через сложные трансформации и сумела выстроить новую устойчивую политическую конфигурацию. Важно понимать, что её устойчивость проверена относительно коротким историческим периодом. Главный предстоящий вызов для республики — неизбежная смена лидера (рано или поздно). От того, насколько институционально оформлены и организованы правила передачи власти, зависит будущее всей системы, её жизнеспособность. Как отмечалось ранее, существующая элитарная конструкция власти не предусматривает ясного механизма транзита власти: нет ни преемника с равным авторитетом, ни сильных институтов, перевешивающих личные связи. По всей видимости, это осознанный выбор самого лидера, но рискованный для долгосрочной стабильности.

Анализ конкретных кейсов и сюжетов показывает, что эволюция чеченской политической элиты сопровождалась чередованием консолидации и конфликтов. Текущая стабильность — плод нивелирования внутренних разногласий и тонкого баланса с внешними акторами, согласования многих позиций. Региональная элита продемонстрировала способность к самоадаптации, но остаётся уязвимой к структурным переменам и реформам — они неизбежны. Дальнейшая стабильность потребует институционализации достигнутого баланса, то есть создания чётких правил игры, которые не дадут системе развалиться при изменении состава сильных акторов или возникновении очередных «борцов за национальное сопротивление».

Чтобы глубже понять особенности функционирования политических элит Чечни, ценно еще раз обратиться к оценкам экспертов – людей, живущих в республике и наблюдающих процессы изнутри. В проведённых интервью эксперты подтвердили многие из вышеописанных тенденций, зачастую выражая их более образно и прямо. Эксперты единодушно указывают, что современная чеченская элита формируется на основе закрытых сетевых связей. Это говорит о преобладании традиционалистских и патримониальных принципов рекрутирования в ущерб меритократическим. А эксперт подробно остановился на

проблеме двух течений ислама – суфизма и салафизма – в Чечне, обозначив это как главный внутренний вызов: *«Точка напряженности… в самом исламе ЧР: есть два направления – суфизм и салафизм… пока они в спячке, но их игнорировать нельзя»*. Это свидетельствует о латентном идеологическом расколе внутри общества, который элита должна уметь сглаживать. Опрошенный специалист фактически призывает к превентивной политике интеграции салафистской молодежи: *«Нельзя игнорировать полярность… надо привести салафистское сообщество к умеренным взглядам»*. Подобная позиция согласуется с концепцией политической инклюзивности: чтобы уменьшить риск радикализации, элита должна вовлекать оппозиционные группы в диалог. Эксперт же указывает на необходимость интеллектуальной работы, «разъяснения» для обеих сторон конфликта (салафиты не должны считать суфиев «язычниками», и наоборот). Это можно интерпретировать как запрос на дерадикализацию через общественный диалог. Чеченская элита в целом учитывает этот совет: заметно, что в последние годы тон официальной риторики к умеренным салафитам смягчился, ставка делается на воспитание молодежи через образование и патриотизм. Тем не менее, проблема остается, и слова эксперта подтверждают необходимость учитывать религиозный плюрализм внутри элиты (пусть неформально).

Эксперт из Чечни проводит интересное разграничение: для него элита – это не только власть имущие, но и *«люди, которых я уважаю за то, что они сделали для народа… учёные, творческие деятели»*. Эксперт тем самым подчеркивает, что в чеченском обществе традиционно высоко ценились моральные авторитеты – старейшины, учёные, писатели – даже если они не обладали формальной властью. Он сетует, что сейчас роль интеллигенции минимальна, то есть произошёл разрыв между властной элитой и интеллектуальной элитой – кризис легитимации: идеологическая гегемония элиты. Циркуляция элит ограничена, и одни сегменты (силовики, бюрократы) доминируют над другими (интеллектуалы). Подобная ситуация несёт риски стагнации. Эксперт констатирует слабость интеллигенции. Для оздоровления системы стоило бы привлекать больше профессионалов, учёных

во власть – об этом говорит и наш эксперт из Чечни, отмечая, что знания и культура в наших реалиях мало значат при входе в элиту, хотя должны бы значить. То есть сами эксперты (которые и есть часть интеллигенции) желали бы видеть меритократизацию элиты.

В интервью поднимается интересный вопрос институционального доверия. Эксперт описывает явление *«назревает недовольство организации власти…»*. Институциональное доверие» – доверием граждан к институтам власти. На Северном Кавказе оно снижено рядом факторов: коррупция, трайбализм, социальная несправедливость. Общество реагирует эмиграцией, абсентеизмом, иногда протестом. В Чечне открытых протестов практически нет, но скрытые формы («внутренняя эмиграция») присутствуют. Эксперт в диалоге замечает, что напряжённость между элитами – это «головная боль», и говорит, что обычные люди могут не знать о спорных вопросах типа Ауховского района Дагестана. Цитата показывает разрыв повесток элиты и масс: рядовые граждане больше волнуют экономические проблемы, тогда как элита озабочена «точками напряжённости» (границы и т.д.).

Историческое развитие чеченской элиты носило сложный и противоречивый характер, с чередованием периодов конфликтов и относительной стабильности. Современная чеченская элита представляет собой уникальный феномен в масштабах страны. Именно высокая концентрация власти позволяет поддерживать в регионе стабильность после тяжёлых военных конфликтов. Важнейшим фактором устойчивости элит является союз с федеральным центром и персональные связи. Вместе с тем принципы отбора и принятия решений основаны на достаточно узком круге лиц и родственных связях, что сужает спектр конкуренции идей и кадров и формирует у населения противоречивые настроения, связанные с чувством несправедливости и незащищённости. Политическая пассивность общества, основанная на тяжёлом опыте конфликтов и наличии репрессивных практик, не всегда отражает реальную поддержку власти. Уровень доверия к институтам остаётся неустойчивым, что может проявляться в скрытых

формах протеста — вплоть до эмиграции или радикализации отдельных групп. У нынешней элиты могут возникнуть трудности с сохранением прежнего уровня поддержки без пересмотра существующих методов управления. Особую уязвимость создаёт отсутствие чётко сформированного механизма сменяемости власти. Выстроенная система опирается на харизму и неформальный авторитет Рамзана Кадырова. Любой новый лидер столкнётся с дилеммой: либо продолжать прежнюю политику (предполагающую наличие сравнимой харизмы и поддержки), либо пробовать реформировать систему (что может вызвать сопротивление уже сложившейся верхушки).

Потенциал для постепенных позитивных преобразований в чеченской элите присутствует. Высокая дисциплина и взаимная координация в руководящих кругах создают возможности для запуска внутренних реформ. Это способно со временем повысить общий уровень профессионализма и несколько сгладить влияние клановой системы. Частично такие процессы уже происходят: всё больше молодых людей получают образование в федеральных центрах и постепенно включаются в систему управления при условии лояльности действующей власти.

Дополнительным ресурсом является взаимодействие светской и религиозной составляющих в рамках элиты. Духовные лидеры, интегрированные в политическую систему, способны быть каналом общественной обратной связи и использовать авторитет веры для объяснения принятых решений. Такая кооперация может работать не только на укрепление личной власти, но и на разрешение социальных противоречий, воспитание толерантности и совместную реализацию профилактических мер по снижению экстремистских проявлений. Усиление этих инициатив через привлечение научных экспертов (исламоведов, социологов) может продемонстрировать гибкость и способность к многостороннему подходу со стороны элиты.

Опыт взаимодействия с соседними регионами (в частности, ингушский кризис 2018 года) показывает важность межэлитного диалога и прозрачности в учёте интересов других республик. В долгосрочной перспективе такая политика

служит общей стабильности всего региона и снижает напряжённость, не полагаясь исключительно на гарантии федерального центра.

Заключение. Политическая элита Чечни — это многогранное, многослойное явление, объединяющее особенности традиционного чеченского общества (родственные структуры, тайпы, религию, историческую память), последствия постконфликтного опыта (милитаризация и культ силы) и характерные для всей России процессы (централизация и зависимость от федерального руководства). История элит Чечни — это пример того, как после разрушительного конфликта была выстроена новая вертикаль власти, балансирующая между модернизацией и традиционными ценностями, между авторитаризмом и демократией. Можно сказать, это транзитная политическая модель. Дальнейшее развитие политической системы в республике будет зависеть от способности самой элиты эволюционировать — от режима, выстроенного на личном авторитете и личных гарантиях, к более институциональным формам управления. При этом важно сохранить достигнутую стабильность и успехи, адаптируясь к новым реалиям. Стремление к такому балансу – силового и нормативного – может обеспечить республике не только контроль за ситуацией, но и перспективы долгосрочного процветания.

Выводы по главе 3. Проведённый сравнительный анализ политической деятельности элит республик Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня) и Ставропольского края в контексте общероссийских и региональных политических процессов позволил выявить ряд общих закономерностей, а также существенные региональные особенности. Общим для всех рассмотренных кейсов является доминирование неформальных механизмов рекрутирования элиты, опирающаяся на патрон-клиентские отношения, родственно-клановые связи и соглашения элитных групп с федеральным центром. Формальные институты – выборы, партийная конкуренция, прозрачные кадровые конкурсы – играют второстепенную роль, зачастую служа лишь фасадом, прикрывающим реальные практики

распределения властных позиций. Вследствие этого процесс обновления и циркуляции элит носит ограниченный характер: центральные позиции, как правило, переходят внутри узкого круга «своих» людей, связанных либо семейно, либо через давние сети политической лояльности.

Легитимация региональных властных групп опирается не столько на институциональные процедуры, сколько на использовании традиционных, харизматических и распределительных инструментов. В условиях слабой политической конкуренции элиты стремятся обосновать своё правление через риторику обеспечения стабильности, экономического развития и защиты интересов региона или доминирующей группы. Типичной практикой выступает апелляция к роли защитников населения от внешних угроз (например, от экстремизма или последствий межэтнических конфликтов) и гарантии порядка, что особенно заметно в постконфликтных территориях. Так, в Чеченской Республике правящий режим обосновывает свою легитимность победой над сепаратизмом и терроризмом, восстанавливая традиционные ценности и демонстрируя личную преданность федеральному центру.

В многонациональном Дагестане долгое время поддержанию легитимности власти способствовал принцип этнического баланса в руководстве республики: неформальный консенсус, при котором узловые должности распределялись между представителями разных народов, служил своего рода легитимирующим «общественным договором». Аналогично, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии элиты выстраивали легитимность через обеспечение межэтнического баланса между титульными этносами (кабардинцами и балкарцами; карачаевцами и черкесами) и относительную стабильность, предотвращая доминирование одной группы. В Северной Осетии, где общество более однородно, акцент делается на интеграции с общероссийскими ценностями, образовании и роли республики как опорного региона на Кавказе, что придаёт правящим кругам легитимность в глазах населения. Ставропольский край демонстрирует иные механизмы легитимации – здесь региональная элита опирается, прежде всего, на образ «проводника»

федеральной власти и гаранта безопасности на границе с неспокойным Северным Кавказом, апеллируя к интересам русскоязычного большинства.

Структурная трансформация элит в рассматриваемых регионах также имеет как единые тренды, так и уникальные проявления. Общая тенденция с начала 2000-х годов – усиление роли силовых и бюрократических групп, интегрированных в федеральную «вертикаль власти», и вытеснение или кооптация некогда автономных региональных лидеров эпохи 1990-х гг. Практически во всех субъектах Северного Кавказа наблюдается переход от относительно плюралистичной и хаотичной элитной конкуренции 1990-х годов к более централизованной, иерархически организованной системе.

Взаимодействие элит Северного Кавказа с федеральным центром характеризуется отношениями патронажа и взаимных обязательств. Общим знаменателем является высокая степень зависимости региональных элит от центра в вопросах ресурсов, безопасности и окончательного утверждения на должностях. В обмен на лояльность и поддержание стабильности Москва предоставляет финансирование, политическое покровительство и относительную автономию во внутренних делах – до тех пор, пока не нарушаются фундаментальные интересы государства. Подобный симбиоз наиболее явно прослеживается в Чечне, где руководству республики делегирован беспрецедентный уровень автономии в управлении внутренними процессами в обмен на безусловную политическую верность. В других субъектах степень самостоятельности меньше, однако схема та же: главы регионов фактически назначаются (или утверждаются) при решающей роли федеральных органов, а местные элиты встроены в общероссийскую «вертикаль», занимаясь реализацией федеральных программ и поддержанием порядка. Кроме того, выявляются и трения: например, протесты населения Ингушетии в 2018 году против соглашения о границе с Чечнёй продемонстрировали, что без учёта местных интересов даже поддерживаемое центром руководство теряет легитимность и может быть заменено. Зависимость от федерального центра сглаживает различия между регионами, формируя у элит

сходные модели поведения (ориентация на распоряжения Москвы, единый партийно-политический дискурс через «Единую Россию» и т. д.). Взаимоотношения элит северокавказских субъектов друг с другом менее институционализированы, но этнополитический фактор здесь особо важен. Координированных межрегиональных «элитных альянсов» не сложилось: скорее, каждая республика и край конкурируют за внимание и ресурсы центра автономно, независимо. Тем не менее исторически возникшие споры и союзы между соседними народами затрагивают взаимоотношения элит.

Этнополитический фактор сегодня всё ещё остаётся сквозным измерением, влияющим на все аспекты деятельности элит Северного Кавказа, — он главный. Этническая принадлежность и связанные с ней клиентелистские сети определяют, кто получает доступ к власти и ресурсам. Общая закономерность такова, что в полиэтничных сообществах для предотвращения конфликтов вырабатываются механизмы элитного балансирования. Эти механизмы повышают устойчивость режима, но снижают эффективность управления и нивелируют меритократические принципы отбора кадров. В республиках с моноэтничным составом населения, напротив, элитная динамика больше зависит от внутренних кланов, тайпов или религиозных групп. Например, в Чечне решающим стал фактор объединения вокруг одной доминирующей семьи и тариката, тогда как в Ингушетии конкуренция элит дольше оставалась фрагментированной и подверженной родовым противоречиям. Северная Осетия выделяется конфессиональным отличием (христианское большинство), что исторически облегчало её интеграцию в имперско-советскую и российскую государственность, однако и там в элитных процессах прослеживается влияние родоплеменных связей и землячеств. Ставропольский край в данном ряду отличается тем, что его политическая элита сформирована по преимущественно общероссийским принципам без установленной этнической квоты, хотя и она учитывает многонациональный состав населения края при реализации политики. Этнополитика влияет и на характер легитимации власти, региональные элиты постоянно апеллируют к этнической

идентичности, языку, религии, истории, памяти, идут процессы постоянного удревления национальной истории. Элиты Северного Кавказа в целом эксплуатируют этнический фактор как ресурс власти – либо через демонстрацию способности обеспечить межнациональный мир, либо через выступление в роли выразителей интересов «своего» народа перед центром.

Несмотря на выраженные региональные различия, элитные политические процессы в северокавказских республиках и Ставропольском крае подчиняются ряду общих закономерностей. Для всех характерны неформальные механизмы рекрутирования и воспроизводства элит, опирающиеся на клиентелизм и этноклановые связи, стремление к легитимации через дискурс стабильности и патриотизма и патерналистские практики, а также жёсткая встроенность в вертикально-интегрированную систему отношений с федеральным центром. Одновременно каждая республика привносит в эту модель свои нюансы, определяемые этнодемографической структурой, историческим опытом конфликтов и характером локальных властных институтов. В совокупности выявленные тенденции отражают двойственную природу деятельности элит Северного Кавказа: с одной стороны, они являются частью общероссийской политической элиты и действуют по правилам единой авторитарной организованной среды, а с другой – сохраняют особые, укоренённые в местном социуме практики и нормы, делающие политический процесс в каждом регионе уникальным.

Глава 3 опиралась на серию региональных «case study», проведённых в ходе экспедиции 2024 года – именно эта многоуровневая, полицентричная стратегия оказалась оптимальной для получения недоступных ранее знаний об этнополитической динамике Северного Кавказа. Главным аргументом в пользу выбранного подхода стала природа исследуемого предмета, ведь власть в полиэтничных субъектах формируется на стыке формальных институтов и соглашений, а также с учетом религиозно-символических практик, поэтому методы, фокусирующиеся на декларативной стороне политической системы,

неизбежно создавали бы неполную, ограниченную, искажающую картину. Только сочетание институционального анализа с глубинными интервью, непосредственным наблюдением и дискурсивным разбором локальных источников позволило зафиксировать нелегальные и неформальные каналы перераспределения власти и ресурсов.

Исторический контекст также подтвердил выбор полевой методологии, поскольку электронные базы, официальная статистика и медиаматериалы всё чаще отражали отфильтрованные данные, не затрагивающие чувствительные темы этнического паритета и клиентелистской логики в управляющих взаимодействиях. Полевая коммуникация с региональными экспертами и элитами выводила анализ за пределы официального дискурса, позволяя установить подлинные линии раскола и причины конфликтов. Конфигурация источников сводила к минимуму риск исследовательской ангажированности, возникающий при опоре исключительно на официальные материалы.

Сравнительный формат исследований кейсов позволил отделить уникальные особенности каждого региона от структурно повторяющихся явлений. При чисто монографическом описании новые данные остались бы точечными и не увязались бы в общую модель. Межрегиональная сопоставимость дала возможность проанализировать воспроизводимые механизмы легитимации и кризиса, отличить случайные эпизоды от закономерных паттернов и приблизить исследование к экспликативному уровню. Стандартизация позволила сопоставлять данные по единым координатам, превращая набор региональных историй в надёжный сравнительный материал.

Целесообразность применения именно глубинных интервью определялась, во-первых, закрытым и фрагментированным характером локальных элитных сообществ, где значимая информация циркулирует исключительно по доверительным каналам. Во-вторых, потребностью сопоставить статистические показатели с качественными свидетельствами. Массив из 42 экспертных интервью позволил достичь насыщения смысловых категорий: после тридцатого респондента

новые темы практически не возникали, что убедительно подтвердило устойчивость выявленных паттернов. Наблюдение «*in situ*» (на месте) дополняло интервью, позволяя сверить декларации элит с практикой – протоколами заседаний, схемой рассадки президиумов, поведением лидеров во время религиозных церемоний и многое другое. В результате сформировался плотный контур эмпирической проверки, через который уточнялись и верифицировались рабочие гипотезы.

Эффективность методологии доказана новыми научными результатами. Выявлен и концептуализирован горизонтально организованный слой влияния, контролирующий ресурсы вне традиционных иерархий, а также зафиксировано появление внеинституциональных религиозно-политических лидеров, управляющих лояльностью через сети.

Кроме того, сравнительный формат исследования обнаружил скрытую конвертацию религиозного авторитета в политическое влияние там, где официальная бюрократия переживает ротацию, а сети, основанные на духовном капитале, заполняют вакуум власти.

Научные результаты главы уточнили представления о «двойном» характере региональной политики и показали новые траектории эволюции от патримониальной вертикали к гибридному, символически насыщенному персонализму.

Полевой, сравнительный и многоуровневый анализ превзошёл ограниченный кабинетный подход, встроил культурно-историческую специфику в объяснительные модели и дал воспроизводимые результаты. Выбор «case study» и триангуляции не был стилистическим предпочтением, а представлял научную необходимость, продиктованную комплексностью объекта. Полученные новаторские концепты подтвердили корректность методологического решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное диссертационное исследование позволило решить важную научную проблему, заключающуюся в комплексном осмыслении роли и механизмов функционирования региональных элит Северного Кавказа в условиях трансформации политической системы России. В рамках работы сформулирована целостная научная концепция, раскрывающая особенности становления, эволюции и функционирования элит Северного Кавказа как специфического сегмента общенациональной политической элиты, взаимодействующего с федеральными институтами и одновременно укорененного в местных этносоциальных структурах.

Достижение поставленных целей и задач исследования обеспечило получение нового знания о закономерностях политических процессов в регионе, что является значимым вкладом в развитие теории политических институтов и процессов, а также имеет важное прикладное значение для практики государственного и социального управления.

Северный Кавказ, являясь уникальным макрорегионом России, характеризуется сложной мозаикой этнических общностей, конфессиональной многогранностью, исторически обусловленным разнообразием традиций политической организации. Региональные элиты Северного Кавказа формируются и действуют в специфических условиях переходных политических процессов, включающих постсоветскую трансформацию государственной власти, этнополитические конфликты, поиск моделей интеграции с общероссийским политическим пространством. Эти элиты одновременно являются частью общероссийского политического класса и носителями локальных интересов, основанных на особенностях каждого из северокавказских обществ.

Политические элиты Северного Кавказа в диссертации рассматриваются как многоуровневое явление, включающее официальные властно-административные группы (руководство республик, региональные лидеры политических партий, представители федеральных органов власти на местах) и неформальные центры

влияния (кланово-родственные объединения, влиятельные семьи, религиозные лидеры и другие контрэлитные группы). Такой подход позволил всесторонне оценить их деятельность в двойном контексте: с одной стороны, в рамках федеральных институтов и «вертикали власти», а с другой – в координатах традиционных социальных структур и региональных политических практик.

Исследование показало, что становление современной политической элиты субъектов Северного Кавказа произошло под влиянием радикальных перемен начала 1990-х годов – распада советской системы, формирования новых государственных институтов Российской Федерации и одновременного ослабления централизованного контроля. В этот период в ряде республик Северного Кавказа возник вакуум власти, который заполняли харизматичные лидеры, так называемые полевые командиры, а также представители старой номенклатуры, сумевшие адаптироваться к новым условиям. Были выявлены факторы, определившие генезис и развитие элит региона: этническая и тайповая (клановая) принадлежность, участие в разрешении военных конфликтов (как в Чеченской Республике), контроль над экономическими ресурсами и преступными сетями, а также патронажно-клиентельные отношения, частично сложившиеся ещё в позднесоветский период. Новое знание заключается в том, что современная элита Северного Кавказа не является прямым продолжением традиционных «племенных» вождей, а представляет собой гибридную социально-политическую прослойку, сформировавшуюся в результате слияния местных неформальных структур влияния с институциями современной российской государственности.

В ходе исследования установлено, что сложившаяся система напоминает особый формат «социального контракта» между федеральным центром и региональными этнополитическими элитами. Федеральная власть обеспечивает финансовые трансферты, административную поддержку и гарантии личной безопасности, тогда как от региональных элит ожидаются политическая стабильность (в том числе электоральная поддержка) и жёсткое пресечение сепаратистских либо экстремистских проявлений.

Региональные элиты стали основными проводниками общероссийских партий (прежде всего партии власти) и государственных программ на местах, одновременно адаптируя их реализацию к местным реалиям. Новизна исследования состоит в раскрытии конкретных механизмов такой адаптации: установлено, что элиты Северного Кавказа применяют комбинированные «политические технологии», сочетающие официальные инструменты (управление избирательными процессами, кадровая политика,) с неформальными практиками (непубличные соглашения с влиятельными группами, балансирование интересов различных этнических и клановых сообществ, опора на традиционные нормы авторитета).

Исследование также раскрывает роль северокавказских элит во внутрирегиональных политических процессах, включая управление этнополитическими противоречиями, экономическое развитие и социальную модернизацию. Было установлено, что политическая стабильность в республиках во многом достигается за счет консолидации правящих элит вокруг доминирующих лидеров, представляющих основные этнические группы и опирающихся на разветвленные патронажные сети. Отмечено, что характер этой консолидации отличается в разных республиках: например, в полиэтничном Дагестане правящая элита представляет собой коалицию нескольких этно-клановых групп, тогда как в относительно моноэтничной Чечне после вооруженных конфликтов утвердилась жестко централизованная модель власти вокруг одной доминирующей семьи.

Несмотря на эти различия, общим трендом для региона остается высокая концентрация власти в руках узкого круга лиц при опоре на неформальные связи. Такой характер элитного правления приводит к относительной стабильности, однако делает политическую систему зависимой от персоналистского лидера и узкой группы его окружения. В диссертации обосновано, что длительное доминирование ограниченного круга элит без эффективных механизмов сменяемости власти способствует стагнации социальных процессов, росту недовольства среди части населения и формированию параллельных центров

влияния (контрэлит). В частности, анализ показал усиление религиозно-политических движений и молодых неформальных лидеров, которые позиционируют себя в качестве альтернативы коррумпированным светским элитам. Подобный феномен особенно заметен среди молодежи, не видящей социальных лифтов внутри существующей системы. Данные результаты свидетельствуют о том, что для предотвращения рисков дестабилизации необходима эволюция политических институтов региона в сторону большей открытости и конкурентности, обновление элитного корпуса за счет включения новых профессиональных и общественно легитимных лидеров.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в развитии научных представлений об элитах в федеративных полиэтничных государствах. В работе расширены и конкретизированы положения классической теории политических элит применительно к особым условиям российского Северного Кавказа. Предложена авторская концепция многоуровневой региональной элиты, включающей в себя субэлиты разного масштаба (республиканского, муниципального уровней) и характеризующейся комбинацией формальных и неформальных механизмов влияния. Установлены общие закономерности и уникальные черты политического процесса на Северном Кавказе, которые дополняют существующие теории федерализма и центр-периферийных отношений. В частности, полученное знание подтверждает и уточняет теоретический тезис о том, что устойчивость политической системы в полиэтничном обществе достигается не только через регламентированную централизацию, но и посредством учета неформальных практик управления и локальных идентичностей. Научная новизна диссертации состоит в том, что на основе эмпирического анализа политических процессов в северокавказских республиках выявлены новые факты и закономерности: от трансформации клановo-родовых отношений под воздействием государственной политики до появления гибридных форм политического участия, сочетающих традиционные и современные элементы.

Практическая ценность результатов исследования обусловлена их значимостью для формирования эффективной государственной политики в отношении регионов Северного Кавказа и совершенствования системы управления в них. Выявленные тенденции и факторы, влияющие на деятельность элит, могут быть учтены органами власти при разработке стратегий устойчивого развития региона, профилактики этнополитических конфликтов и экстремизма. В частности, рекомендации диссертационного исследования предполагают комплекс мер по повышению прозрачности управления и вовлечению местных сообществ в политический процесс: от реформирования механизмов подбора кадров на региональные должности с учетом принципов меритократии и представительства разных групп населения, до поддержки институтов гражданского общества и молодежных лидеров, способных стать частью обновлённой элиты. Реализация подобных мер будет способствовать снижению влияния негативных неформальных практик, укреплению доверия между населением Северного Кавказа и органами власти, а в конечном счёте – повышению уровня политической стабильности и социального благополучия как в самом регионе, так и в России в целом.

Проведенное исследование не только углубляет теоретическое понимание феномена политических элит в сложных полиэтничных регионах, но и имеет непосредственное прикладное значение. Полученные выводы и сформулированные предложения направлены на решение практических задач укрепления государственности и обеспечения устойчивого развития Северного Кавказа в составе Российской Федерации. Результаты диссертации подтверждают значимость учета региональной специфики элит при реализации общенациональной политики и демонстрируют, что сочетание научного анализа и практических рекомендаций может способствовать более эффективному политическому и социальному управлению.

Основные выводы диссертации:

1. **Впервые комплексно исследована деятельность политических элит субъектов Северного Кавказа в единстве общероссийского и**

регионального контекстов, что позволило выявить механизмы их включения в политическую систему России и одновременного функционирования в условиях локальных социально-культурных реалий. Тем самым решена важная научная проблема понимания роли региональных элит в федеральном государстве, расширены теоретические представления о центр-периферийных отношениях и политической интеграции.

2. **Дано авторское определение понятия «политическая элита Северного Кавказа» и раскрыта его структура**, включающая многоуровневые элитные группы (федерального, регионального, муниципального уровня) и формально-неформальные сети влияния. Показано, что современная северокавказская элита имеет гибридный характер: она сочетает официальные должностные роли (руководители республик, депутаты, госслужащие) с неформальным авторитетом, основанным на клановых связях, этнической солидарности и личной лояльности, что является новым знанием для политической науки.
3. **Выявлены и систематизированы основные факторы и ресурсы, определяющие влияние элит Северного Кавказа на политические процессы**: этноклановая принадлежность, доступ к финансово-экономическим ресурсам, силовая поддержка (контроль над силовыми структурами), а также патронаж со стороны федерального центра. Установлено, что условием сохранения позиций региональных элит стала их лояльность федеральной власти, выраженная в поддержке общенациональных политических инициатив и обеспечении контролируемых результатов выборов.
4. **Рассмотрены механизмы адаптации федеральной «вертикали власти» к условиям Северного Кавказа.** Показано, что данная адаптация происходит через неформальные договорённости между федеральными кураторами и местными лидерами, учет традиционных норм (например, принцип равновесия интересов основных этнических общностей в руководстве

республик) и включение представителей региональных элит в состав федеральной политико-административной элиты (Совет Федерации, федеральные министерства и партии). Научная новизна данного вывода заключается в конкретизации понятия «управляемая стабильность» в регионе, описывающего модель, при которой федеральное вмешательство сочетается с предоставлением автономии местным элитам в обмен на их управленческую эффективность и лояльность.

5. **Установлено наличие контрэлит и альтернативных центров влияния** (религиозные авторитеты, общественные движения, лидеры мнений вне официальной власти) **в политическом пространстве Северного Кавказа.** Рост их влияния связан с ограниченной ротацией официальных элит и накоплением социальных проблем. Данный вывод важен практически, поскольку указывает на необходимость институционального включения конструктивных представителей контрэлит в диалог с властью, что могло бы снизить протестный потенциал и предотвратить радикализацию.
6. **Раскрыты этапы и особенности эволюции элит Северного Кавказа в постсоветский период.** Выделены несколько основных фаз: 1990-е годы (формирование семейно-родственных и этноклановых элит на фоне кризиса государственной власти), 2000-е годы (интеграция региона в централизованную «вертикаль» при одновременном сохранении местных неформальных структур), 2010-е годы (постепенное обновление элит, приход технократов и представителей нового поколения при сохранении преемственности власти). Такая периодизация представляет новое знание о динамике политического развития региона и может служить основой для прогнозирования дальнейших тенденций.
7. **Теоретические положения и выводы диссертации обладают высокой научной значимостью и новизной**, так как дополняют существующие теории элит и федерализма эмпирическим материалом по Северному Кавказу и формируют целостную концепцию взаимодействия региональных элит с

федеральным центром. Научный вклад работы заключается в анализе специфики элитарной власти в условиях полиэтничности и постконфликтной трансформации, что расширяет границы политической науки.

8. **Практические результаты исследования имеют ценность для политического и социального управления:** разработанные рекомендации по повышению прозрачности и эффективности управления в субъектах Северного Кавказа, по стимулированию обновления элит и вовлечению молодежи, могут быть использованы органами власти при реализации государственной политики в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулагатов З.М.* Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности // Исламоведение. – 2024. – Т. 15. – № 3 (61). – С. 58–78.
2. *Абелинскайте В.Э.* Влияние политической элиты на трансформации властных институтов современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – С. 82–95.
3. *Авксентьев В.А. и др.* Анализ опыта деятельности органов власти Ставропольского края по стабилизации этнополитических процессов // Вестник российской нации. – 2017. – № 6. – С. 76–90.
4. *Авксентьев В.А. и др.* Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Монография под ред. Г.Г. Матишова. − Ростов-н/Д. − 2011. − 328 с.
5. *Авксентьев В.А.* Стабильность и конфликт в российском приграничье: этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. – М. – 2005. – 344 с.
6. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. − Ставрополь: Изд-во СГУ. – 2001. – 267 с.
7. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ. – 2001. – 268 с.
8. *Авксентьев В.А.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.А. Омаров. – М.: Издательский центр Российского гос. гуманитарного ун-та. – 2018. – С. 131–140.
9. *Авксентьев В.А., Васильченко В.Э.* Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 11 (269). – С. 68–87.
10. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе: желаемое и действительное / Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Сборник статей VII

Международной научной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа», посвященной 25-летию Ингушского государственного университета, Магас, 13–16 июня 2019 года / ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». – Том. Выпуск VII. – Магас: ООО «КЕП». – 2019. – С. 8–12.

11. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Северный Кавказ: диагностика и прогнозы регионального развития в третьем десятилетии XXI в. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 106–115.
12. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН *М.К. Горшкова*. М.: Альфа-М. – 2008. – 368 с.
13. *Авксентьев В.А., Шульга М.М.* Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2024. – № 10. – С. 41–54.
14. *Адиев А.З.* Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2009. – 167 с.
15. *Акаев В.Х.* Вахит Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №2 (56). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-mezhdu-traditsionnym-i-netraditsionnym-napravleniyami-v-islame-prichiny-dinamika-i-puti-preodoleniya-na-materialah-severnogo (дата обращения: 07.07.2022).
16. *Акаев В.Х.* Ислам на Северном Кавказе: традиции, активизм и динамика / Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией / Под ред. Л.В. Сагитовой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – 2023. – С. 72–80.

17.*Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. − 2004. − 248 с.

18.*Акаев В.Х.* Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом // Исламоведение. – 2010. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-politicheskie-osobennosti-severokavkazskogo-vahhabizma-i-konflikt-s-sufizmom (дата обращения: 06.04.2022)

19.*Акаев В.Х.* Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Т. 17. – № 1. – С. 89–102.

20.*Акаев В.Х.* Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное изд-во». − 2020. − 513 с.

21. *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.: ИЭА РАН. – 1999. − 26 с.

22.*Аквинский Ф.* О сущем и сущности // Verbum. – 2000. – № 2. – С. 221–249.

23.*Аккиева С.И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике: постсоветский период: дисс. … д. ист. н. – М. – 2002. – 426 с.

24.*Алексеева О.В.* Классические теоретические основы исследования политических элит // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 6. – С. 224–227.

25.*Алиев А.К.* Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. Махачкала: «Издательство Дагестанского научного центра РАН». − 2003. − 620 с.

26.*Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / Перри Андерсон; пер. с англ. Ивана Куриллы. – М.: Территория будущего. – 2010. – 510 с.

27.*Апажева Е.Х.* Межнациональные отношения в процессах общественной трансформации в этнически родственных республиках Северного Кавказа: Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Республика Адыгея. 1985–2000 гг.: дисс. … д. ист. н. – Владикавказ. − 2003. – 391 с.

28. *Аракелян Э.А*. Роль этнополитических элит в стабилизации политических процессов: на примере Южного федерального округа: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. – 2007. – 182 с.

29. *Арапханова Л.Я*. 25 лет ингушской государственности: особенности формирования и развития // Современная научная мысль. – 2017. – № 3. – С. 67–74.

30. Аристотель. Политика / Аристотель; переводчик С.А. Жебелёв / под общей редакцией А.И. Доватура. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 297 с.

31. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика». − 1993. – 606 с

32. *Ароян А.С., Коркмазов А.Р., Чемаев Н.А*. Современный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ekstremizm-i-terrorizm-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 08.01.2024).

33. *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона): дисс. … д. пол. н. − М. – 2003. – 530 с.

34. *Аствацатурова М.А. и др.* Императивы формирования гражданского единства: экспертные оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 2. – С. 11–16.

35. *Аствацатурова М.А.* Трансформация этномобилизационных факторов в современном политико-управленческом процессе на Северном Кавказе // IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская полития и вызовы современности» / отв. науч. ред. Р.А. Пупыкин. – Ростов-н/Д.: Перо. – 2019. – С. 29–36.

36. *Аствацатурова М.А*. Этноконфликтологический менеджмент: некоторые обобщения в региональном контексте // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира: сборник научных

материалов / науч. ред.: Г.М. Гогиберидзе, Э.Т. Майборода, Е.И. Степанов. – М.: Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та. – 2006. – С. 286–295.

37. *Аствацатурова М.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В., Игнатова Т.В*. Упрочение гражданского единства в этнополитическом контексте юга России (политико-управленческие идеи и экспертное мнение) // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 7. – С. 17–23.

38. *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. − Воронеж. – 1996. − 223 с.

39. *Ахмадов Я.З.* К политической истории Чечни конца XX – начала XIX вв. // Роль А.-Х. Кадырова в сохранении и укреплении территориальной целостности российского государства: материалы конференции. – Грозный: КНИИ РАН. – 2021. – С. 51–64.

40. *Ахметов А.А.* Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления: дисс. … к. полит. н. – М. − 2013. − 184 с.

41. *Ачкасов В.А.* Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/severnyy-kavkaz-mnogofaktornost-etnopoliticheskoy-napryazhennosti (дата обращения: 02.02.2023).

42. *Ашин Г. К.* Критика современных буржуазных теорий о роли народных масс и личности в истории. – М.: Высш. шк. − 1973. – 136 с.

43. *Ашин Г.К.* Наука об элитах и элитном // Власть. – 2004. – № 1. – С.46−57.

44. *Ашин Г.К*. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. – 2005. – № 7. – С. 23–43.

45. *Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. – М.: Междунар. Отношения. −1985. – 256 с.

46. *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный институт международных отношений

(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М.: МГИМО-университет. – 2010. – 598 с.

47. *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Охотский Е.В.* Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. − М.: «Экзамен». – 2001. − 607 с.

48. *Бадретдинов И.Р.* Легитимность: ещё раз о понятии и типологии // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 20–24.

49. *Байсангурова А.Р., Койбаев Б.Г.* Проблемы противодействия экстремистским и террористическим проявлениям в СМИ и интернет-пространстве // VII Международный молодёжный юридический форум «Экстремизму отпор»: сборник науч. статей материалов Международн. науч.-практ. конф. / под ред. Л.Т. Кокоевой, А. Цалиева. – М. – 2019. – С. 243–250.

50. *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. – М.; –Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. − 2005. – 344 с.

51. *Барзилов С.И., Чернышов А.Г.* Безумство власти: провинциальная Россия: двадцать лет реформ. – М. – 2005. – С. 158–217.

52. *Батагова Л.Х.* Терроризм на Северном Кавказе: исторические выводы и поиски адекватных ответов (1991–2010 гг.): дисс. … к. ист. н. – Владикавказ. − 2010. – 206 с.

53. *Батуренко С.А.* Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 92–108.

54. *Белоусов Г.Ф.* Влияние профессиональных борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия – Алания: к постановке проблемы // Власть и элиты. – 2018. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-professionalnyh-bortsov-na-politicheskie-protsessy-v-respublike-severnaya-osetiya-alaniya-k-postavke-problemy (дата обращения: 18.08.2024).

55. *Бетильмерзаева М.М.* Проблемы и вызовы поликультурного общества в условиях глобализации // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Грозный, 08–09 декабря 2023 года. – Грозный: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ». – 2023. – С. 241–250.
56. *Бетильмерзаева М.М.* Роль государственно-цивилизационной идентичности в формировании региональной идентичности // Российская самобытная государственно-цивилизационная идентичность как ресурс общества в условиях современных вызовов: материалы всероссийской научно-практической конференции, Майкоп, 27–28 сентября 2024 года. – Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии». – 2024. – С. 98–103.
57. *Бирюков С.В.* Создание единой вертикали власти в масштабах региона: региональная власть и местное самоуправление // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2007. – № 1. – С. 3–20.
58. *Бирюкова Н.С.* Социально-философский анализ концепта «элита» в классических и постклассических теориях элитообразования // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – № 4. – С. 3.
59. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. − М.: «Восточная литература». – 2002. – 368 с.
60. *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. – М.: Изд-во Московского университета. – 1986. – 120 с.
61. *Борисов Н.А.* Пятилетие «Цветных революций»: последствия «Навязанных размежеваний» // Социология власти. – 2010. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pyatiletie-tsvetnyh-revolyutsiy-posledstviya-navyazannyh-razmezhevaniy (дата обращения: 29.11.2023).
62. *Борисов Н.А., Лабутина П.В.* Политические режимы личной власти: опыт постсоветских государств // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07

декабря 2024 года. – М.: ООО «Издательство “Аспект Пресс”». – 2024. – С. 92–93.

63. *Боров А.Х.* Проблемы социальнокультурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. – Т. 12. – № 2-1. – С. 175–183.

64. *Боров А.Х.* Этнополитика современной Кабардино-Балкарии: генезис и специфика // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 16–40.

65. *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ (современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 3. – С. 192–208.

66. *Боров А.Х., Тумов А.А.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elity-i-postsovetskaya-transformatsiya-politicheskih-rezhimov-v-respublikah-severnogo-kavkaza-sluchay-kabardino-balkarii (дата обращения: 07.10.2024).

67. *Борокова И.Д.* Политическая модернизация в традиционных обществах (на примере Северного Кавказа) // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 45–51.

68. *Борщевский Г.А.* Социологический портрет политико-административной элиты современной России // Социология власти. – 2018. – Т. 29. – № 4. – С. 148–171.

69. *Бритвин А.В., Семедов С.А.* Религиозный фактор в системе обеспечения региональной безопасности на Северо-Восточном Кавказе//Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 2 (484). – С. 25–34.

70. *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М.: Гриф и К. – 2011. – 440 с.

71. *Булатов Б.Б., Селимов Р.Д.* Фактор религиозного экстремизма и международного терроризма и его влияние на формирование внешнеполитического курса российской Федерации на Ближнем Востоке // ИАЭК. – 2005. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-religioznogo-ekstremizma-i-mezhdunarodnogo-terrorizma-i-ego-vliyanie-na-formirovanie-vneshnepoliticheskogo-kursa-rossiyskoy (дата обращения: 02.02.2025).

72. *Бурда М.А.* Политическая элита современной России: кризис формирования // Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – Т. 4. – № 4. – С. 373–379.

73. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

74. *Бурдье П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Радаев В.В. (науч. ред.). – М.: РОССПЭН. – 2004. – С. 529–521.

75. *Бурцев Ю.Д.* Институционализация политико-административного управления этническими отношениями: на примере Ставропольского края: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь − 2009. − 213 с.

76. *Быстрова А.С.* Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Власть и элиты. – 2024. – Т. 11. – № 4. – С. 45–100.

77. *Быстрова А.С.* Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации // Власть и элиты. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 98–38.

78. *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В. и др.* Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. – 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 21–54.

79. В Ставропольском крае сменилась партия власти // Коммерсантъ. – 2007. – № 39 (13 марта). – С. 4. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/749254 (дата обращения: 18.01.2025).
80. *Вартумян А.А.* К вопросу о динамике этносоциальных процессов в российских регионах // Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования. Материалы Международной научно-практической конференции. Адыгейский государственный университет / отв. ред. Р.Д. Хунагов. − Майкоп: ЭлИТ. – 2017. – С. 19−20.
81. *Вартумян А.А.* Политические элиты постсоветской России: основные подходы и прикладной анализ // Современная наука и инновации. – 2014. – № 2 (6). – С. 94–101.
82. *Васильев Ю.В.* Этнополитические процессы на Юге России на рубеже XX–XXI веков: от конфликта к стабилизации. − Ростов-на-Дону: «Изд-во Рост. гос. ун-та». – 2004. – 234 с.
83. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс. − 1990. − 808 с.
84. *Веблен Т.* Теория праздного класса / пер. В. Желнинова. М.: АСТ. − 2021. − 390 с.
85. *Вилков А.А., Дацков С.А.* Электоральный фактор переназначения и функционирования руководителей субъектов РФ в современный период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». – 2010. – Т. 10. – № 3. – С. 5−63.
86. *Водопетов С.В.* Инновационное развитие управленческого инструментария политической элиты в процессе современной модернизации России: дисс. … к. полит. н. – Нижний Новгород. – 2014. – 169 с.
87. *Волков Ю.Г.* Полиэтнический российский социум: этнические основания интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 11. – С. 36–41.

88. *Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В*. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 66–79.

89. *Воронцов С.А., Понеделков А.В*. Инновационные ответы российской элитологии на вызовы современной политической ситуации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 158–168.

90. *Воронцов С.А., Понеделков А.В., Усманов Р.Х.* Роль и влияние административно-политических элит в процессе обеспечения национальной безопасности на Юге России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2. – С. 234–244.

91. *Гаджиев К.С.* О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика. – 2011. – № 9 (60). URL: https://www.imemo.ru/publications/info/o-prirode-politicheskih-rezhimov-natsionalynih-respublik-severnogo-kavkaza-elektronniy-resurs-ks-gadzhiev-mir-i-politika-2011-9-60#:~:text=О%20природе%20политических%20режимов%20национальных,–%20№%209%20%2860. (дата обращения: 15.09.2023).

92. *Гаджиев М.М.* Специфика патронажной модели межнациональных отношений: основные характеристики и особенности реализации на примере Северного Кавказа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 7. – С. 119–122.

93. *Гаджиев М.М., Магомедов А.К*. Политическая элита глобального Юга: обретение политической субъектности в контексте гуманитарных катастроф XXI века (факторы пандемии Covid-19, глобальной бедности и климатического кризиса) // Вопросы элитологии. – 2024. – Т. 5. – № 3. – С. 61–74.

94. *Галлямов Р.Р.* Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 108–124.

95.*Гаман-Голутвина О.В*. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 38–73.

96.*Гаман-Голутвина О.В*. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН. – 2006. – 446 с.

97.*Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Политические исследования. − 2004. − № 3. – С. 6−19.

98.*Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты современной России // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1995. – № 4. − С. 22-32.

99.*Гамильтон У.Х*. Институциональный подход к экономической теории // Terra Economicus. – 2007. – Т. 5. – № 2. – С. 110–117.

100. *Гельман В.Я.* Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Политическая наука. – 2003. – № 1. – С. 53–78.

101. *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 6–25.

102. *Гельман В.Я.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 2. – С. 91–105.

103. *Гениндоржиева Д.Б*. Античное понимание феномена харизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 6-2. – С. 12–15.

104. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. – М.: Акад. проект. – 2003. – 525 с.

105. *Гоббс Т.* Левиафан. Рипол Классик / пер. с англ. А. Гутермана. – М.: Рипол Классик. – 2017. – 606 с.

106. *Гордейчук С.С.* Российская историография социально-политического развития Священной Римской империи в XIV в. / Материалы междунар.

науч. круглого стола, посвящ. 70-летнему юбилею проф. В.А. Федосика «Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus» (Минск, 9 февраля 2021 г.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 306−314.

107. *Горшков М.К., Андреев А.Л. и др.* Российское общество и вызовы времени. Книга 5. – М.: Весь Мир. – 2017. – 427 с.

108. *Гриненко Т.Г.* Молодёжь на рынке труда: возможности и угрозы // Управленческое консультирование. – 2022. – № 5. – С. 62–71.

109. *Гринченко Е.А., Волков Ю.Г.* Социальная справедливость как социетальная ценность межэтнических отношений на юге России // Социология в постглобальном мире: Материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года. – СПб: ООО «Скифия-принт». – 2022. – С. 516–517.

110. *Гриценко Г.Д.* Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы// Регионология. – 2024. – Т. 32. – № 3. – С. 446–462.

111. *Гриценко Н.П.* Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс // Социум и власть. – 2010. – № 1 (25). – С. 64–69.

112. *Гриценко Н.П.* Формирование региональных политических элит в современной России: теоретические аспекты исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 28–35.

113. *Гришин Н.В.* Конъюнктура электорального пространства политических партий на парламентских выборах 2007 г. // Южно-российский журнал социальных наук. – 2008. – № 1. – С. 23–30.

114. *Гулиева М.М., Мерешков М.В., Нальгиев И.Р.* К вопросу формирования органов государственной власти и местного самоуправления Республики Ингушетия // Междисциплинарность науки как фактор инновационного

развития / отв. ред. А.А. Сукиасян. – Таганрог: МЦИИ Омега Сайнс; Уфа: МЦИИ Омега Сайнс. – 2019. – С. 124–130.

115. *Гуннар С.О.* Опыт работы ОБСЕ в Чечне, 1995–2003 гг. // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5 (59). – С. 186–200.

116. *Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости прикладной этики. – 2004. – № 24. – С. 97–131.

117. *Даль Р.* Демократия и ее критики. − М.: РОССПЭН. − 2003. − 576 с.

118. *Дейнека А.И.* Социально-политические размежевания электорального пространства: на материалах Юга России: дисс. … к. полит. н. – Краснодар. − 2012. − 223 с.

119. *Денисова Г.С.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. − Ростов-на-Дону: «Ростовский педагогический университет». – 1996. − 224 с.

120. *Денисова Г.С., Баранов А.В., Викторин В.М.* [и др.] Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (итоги 2018 года): экспертный доклад / Под общ. ред. *В.А. Тишкова*. − Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования». – 2018. – 200 с.

121. *Дзахова Л.Х., Кадзова В*. Деструктивные сообщества в информационном пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14. – № 11 (116). – С. 3489–3494.

122. *Дзахова Л.Х., Чихтисов Р.А.* Характеристики современного терроризма и методы противодействия ему // Практические вопросы реализации комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы: мероприятия общей, адресной и индивидуальной профилактики в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Владикавказ, 25 октября 2024 года. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр ИП Цопановой. – 2024. – С. 49–68.

123. *Дзидзоев В.Д.* Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. 2-е изд. – Владикавказ. − 2004. – 359 с.

124. *Дзола Д.* Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина. – М.: Высшая школа экономики. – 2010. − 320 с.

125. *Дибиров А.-Н.З.* Дагестан: кажимость и действительность // Регионалистика и этнополитология / Отв. ред. *Р.Ф. Туровский*. − М.: РОССПЭН. − 2008. – С. 148−164.

126. *Дискин И.* Элиты как субъекты российских реформ // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 1996. – № 1. – С. 10-17.

127. *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещённого абсолютизма к теориям гражданского общества). – М.: ИФ РАН. – 2006. – 251 с.

128. *Добаев И.П.* Основные направления усиления противодействия терроризму в молодёжной среде России в идеологической сфере // Обзор. НЦПТИ. – 2018. – № 2 (13). – С. 24–33.

129. *Добаев И.П.* Последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Мусульманский мир. – 2015. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-raskola-musulmanskoy-elity-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 14.01.2022).

130. *Добаев И.П.* Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 13–20.

131. *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Д. − 2011. – С. 123.

132. *Добаев И.П., Понеделков А.В., Гаджибеков Р.М.* Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 4 (262). – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-raskola-musulmanskoy-elity-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 18.02.2022).

133. *Драганова Ю.К.* Социальное взаимодействие политической и бизнес-элиты в региональном государственном управлении: на примере Ставропольского края: дисс. … к. социол. н. – М. − 2012. − 231 с.

134. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей. − 2003. − 376 с

135. *Дробижева Л.М., Даен Д.В.* и др. Социология межэтнической толерантности. − М.: Ин-т социологии РАН, Центр этнической социологии. − 2003. − 222 с.

136. *Дука А.В.* Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII. – № 4 (81). – С. 5–23.

137. *Евстифеев Р.В.* Межнациональный и межконфессиональный мир: от глобального к локальному (по результатам социологических исследований) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 26–29 июня 2024 года. – Казань: Академия наук Республики Татарстан. – 2024. – С. 56–58.

138. *Жаде З.А. [и др.]* Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания. − 2010. − 248 с.

139. *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Взгляд в будущее: системно-динамическое моделирование политической трансформации региональных элит (Россия, 2021–2035 гг.) // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 23–55.

140. *Зарипов А.Я., Гусейнов А.Г., Малучиев Г.С.* Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.) // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 2. – С. 85–101.

141. *Здравомыслов А.Г.* Насилие в повседневной жизни/ Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 4. – С. 36–40.

142. *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: Перспективы выхода из тупиковой ситуации. − М.: РОССПЭН. – 1998. – 128 с.

143. *Ибрагимбеков М.-Р., Мацузато К.* Чужой, но лояльный: причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // Полис. – 2005. – № 3. – С. 102−115.

144. *Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. и др*. Взаимодействие элит в социально-политическом процессе современной России. – Ростов н/Д. – 2001. – 352 с.

145. *Игорь Хлебников*. «Глас народа наводит на размышления» // Независимая газета (приложение «Независимое военное обозрение»). (дата обращения: 04.04.2003)

146. Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. – М.: ИЭА РАН. – 2021. – С. 5–9.

147. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х томах / М.М. Ибрагимов, А.И. Хасбулатов, Д.Б. Абдурахманов [и др.]. – Грозный: ГУП «Книжное издательство». − 2008. − 830 с.

148. Итоги ВПН-2020. Том 5: Национальный состав и владение языками – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 30.08.2024).

149. *Кадыров А.А.* Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения: дис. канд. полит. наук. – М. – 2003. – 149 с.

150. *Карабанова И.В., Голубева М.О., Газиев Д.Ж.* Проблемы и перспективы формирования политической элиты в республиках Северного Кавказа / Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы III Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием. − М.: ЮРИУФ РАНХиГС. – 2019. − С. 181−185.

151. *Караева А.А.* Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности: кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2023. – № 3. – С. 45–59.

152. *Кассирер Э.* Философия просвещения // Вестник культурологии. – 2003. – № 1. – С. 87–112.

153. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; науч. ред. О.И. Шкаратан. − М.: ГУ ВШЭ. − 2000. − 608 с.

154. *Каширокова З.К.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: политико-правовой аспект: дисс. … к. юрид. н. – СПб. − 1998. – 200 с.

155. *Керимов А.А.* Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2015. – № 1 (137). – С. 81–91.

156. *Кильдюшов О.В.* Руссо и национальная демократия: версия Карла Шмитта // Вопросы национализма. – 2012. – № 4 (12). – С. 176–182.

157. *Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А*. Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО) // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2025. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-makroregionalnoy-identichnosti-na-severnom-kavkaze-po-materialam-ofitsialnyh-telegram-kanalov-glav-regionov-i-polnomochnogo (дата обращения: 08.07.2025).

158. *Кислицын С.А.* Большевистская политическая элита 20-30-х гг.: Личность и власть: дисс. … д.ист. н. – Ростов-н/Д. − 1994. – 351 с.

159. *Кислицын С.А.* Роль политической, интеллектуальной и духовной элиты в становлении советской субцивилизации как закономерного этапа развития Российской евразийской цивилизации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1 (225). – С. 86–97.

160. *Кисриев Э.Ф.* Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы конференции «круглого стола» / отв. ред.: И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: Институт Африки РАН. – 2015. − С. 104-110.

161. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. − М.: «Логос». – 2004. – 125 с.

162. *Ковальчук О.В., Римский В.П.* Диалог светского и религиозного и толерантность в средневековой культуре Западной Европы // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2012. – Т. 19. – № 2 (121). – С. 330–338.

163. *Койбаев Б.Г., Зассеева А.М.* Классификация преступлений экстремистской направленности // VII Международный молодёжный юридический форум «Экстремизму отпор»: сборник науч. статей материалов Международн. науч.-практ. конф. / под ред. Л.Т. Кокоевой, А. Цалиева. – М. – 2019. – С. 169–175.

164. *Койбаев Б.Г., Усова Ю.В.* Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. − Владикавказ.: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. – 2009. – 199 с.

165. *Колесник Н.В.* «Хрупкое представительство», или женщины в большой политике: случай административной элиты // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 107–119.

166. *Колесник Н.В.* Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. – 2019. – Т. 28. – № 4. – С. 30–48.

167. *Колесников Ю.С., Дармилова Ж.Д.* Совмещение принципов эффективности и социальной справедливости в региональной экономической политике как императив управления пространственным развитием России // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2014. – Т. 5. – № 2. – С. 70–81.

168. Коммерсантъ. Ингушских активистов признали экстремистами // Коммерсантъ. – 2021. – 15 дек.

169. *Кондратьев В.А.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте российского федерализма: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2005. – 198 с.

170. *Константиниди М.Ф.* Совпадение объектов конституционного судебного контроля и системность конституционной юстиции. Соглашение о границе между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия // Юридическое образование и наука. – 2020. – № 2. – С. 17–23.

171. *Коротков В.Е.* Чеченская модель этнополитических процессов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 104–112.

172. *Коряковцева О.А.* Особенности становления региональной политической элиты // Социально-политические исследования. – 2024. – № 3 (24). – С. 6–16.

173. *Костоев Б.У.* Кавказский меридиан. − М.: «Гуманитарный фонд Ингушетии». – 2003. – 639 с.

174. *Котляров И.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты. – Минск. – 2013. – 479 с.

175. *Котта М*. Политические элиты и становление политической системы на примере Европейского Союза. – URL: https://mgimo.ru/upload/docs2/cotta.pdf (дата обращения: 29.06.2024).

176. *Коулман Д.* Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Journal of Economic Sociology. – 2004. – Т. 5. – № 3. – С. 35–44.

177. *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров. – 2004. − 384 с.

178. *Крыштановская О.В.* Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 117–134.

179. *Крыштановская О.В., Комарова А.А., Захаров М.Ю*. Проблемы государственного регулирования культурной деятельности в России: взгляд экспертов // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2019. – № 1. – С. 16–170.

180. *Крыштановская О.В., Лавров И.А*. Вертикальная мобильность в российской политике // Социологические исследования. – 2024. – № 10. – С. 25–39.

181. *Кузнецов В.Н.* Франсуа Мари Вольтер. – М.: «Мысль». − 1978. – 223 с.

182. *Кутаев Ш.К.* Неформальные отношения на рынке труда: причины возникновения и направления легализации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2023. – № 2. – С. 72–79.

183. *Лавров И.А., Крыштановская О.В.* Регионы – основные поставщики кадров в российскую элиту // Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего: сборник статей международной конференц-сессии, Москва, 20–24 мая 2024 года. – М.: ООО «Издательский дом “Научная библиотека”». – 2025. – С. 300–307.

184. *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. − М.: ИНИОН РАН. – 2000. – 200 с.

185. *Лебедев С.В., Грачев М.Н*. Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2024. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnye-i-simvolicheskie-komponenty-obosnovaniya-etnopoliticheskih-konfliktov (дата обращения: 08.08.2024).

186. *Лелюхин Д.Н.* «Тайная служба» в древнеиндийской политической истории // Политическая интрига на Востоке. – М.: Восточная литература. − 2000. – С. 35–44.

187. *Летняков Д.Э*. Попытка обобщения // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 129–142.

188. *Липатов А.В.* Эпоха Просвещения: светские и духовные начала // Славянский альманах. – 1997. – № 1996. – С. 16–173.

189. *Литвинова Т.Н.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход): дисс. … д. пол. н. − М. − 2016. − 406 с.

190. *Литвинова Т.Н.* Представительная власть на Северном Кавказе и Парламент Северной Осетии / Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы Международной научной конференции, Москва, 17–18 мая 2006 года / под ред. *В.В. Дегоева*. – М.: «Русская панорама». – 2007. − С. 127-147.

191. *Литвинова Т.Н.* Проблема доверия власти как предпосылка согласия в обществе на примере республик Северного Кавказа // Политика развития, государство и мировой порядок Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс. – 2018. – С. 309–310.

192. *Литвинова Т.Н., Железняков А.С.* Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте трансцивилизационного взаимодействия//Социологические исследования. – 2019. – № 5. – С. 129–138.

193. *Локк Д.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. − М.: Социум. − 2020. − 420 с.

194. *Локк Д.* Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз. – 1960. – Т. 1. – С. 647–648.

195. *Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В.* Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 21. – № 5. – С. 63–73.

196. *Ляушева С.А.* Этническая и религиозная идентичность в ситуации духовного кризиса: прикладной анализ // Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Майкоп, 13–14 марта 2023 года / Р.Д. Хунагов (ред.). – Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии». − 2023. – С. 70–73.

197. *Магомедов А.К.* Корпорация «Калмыкия» – выражение идеологии калмыцкой правящей элиты // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 114–121.

198. *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). − М.: «Московский общественный научный фонд». − 2000. − 240 с.

199. *Магомедов А.К.* Оптимизация межэтнических отношений в Республике Дагестан: роль политических технологий // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-mezhetnicheskih-otnosheniy-v-respublike-dagestan-rol-politicheskih-tehnologiy (дата обращения: 25.03.2024).

200. *Магомедов А.К.* Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты и региональный политический вызов в посткоммунистической России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 61–71.

201. *Магомедов А.К*. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 72–80.

202. *Магомедова М.А.* Межэтнические конфликты и противоречия на Северном Кавказе в контексте региональной безопасности // Власть. – 2023. – Т. 31. – № 2. – С. 72–78.

203. *Магомедова М.У.* Порядок назначения глав республик Российской Федерации на примере Северо-Кавказского федерального округа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 4. – С. 87–90.

204. *Магомедова Р. М., Рамазанова Б.Ш., Гусеинова И.С., Нахибашев З.М.* Развитие института тухума у народов западного Дагестана в XIX веке // Образование и право. – 2021. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-tuhuma-u-narodov-zapadnogo-dagestana-v-xix-veke (дата обращения: 22.08.2024).

205. *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. − М.: ИВ РАН. − 2000. – 84 с.

206. *Макиавелли Н.* Государь / [вступ. ст. Р. И. Хлодовского; пер. с итал. Г. Д. Муравьевой]. − М.: РИПОЛ классик. − 2016. − 462 с.

207. *Малашенко А.В.* Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. – М.: РОССПЭН. – 2009. − 150 с.

208. *Мамараев Р.М.* Муниципальная реформа в Республике Дагестан на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnaya-reforma-v-respublike-dagestan-na-sovremennom-etape (дата обращения: 22.12.2024).

209. *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений-состязательность-экономические амбиции. – М.: ИНИОН РАН. − 2000. – С. 1–164.

210. *Марзоев И.Т.* Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – начало XX вв.): дисс. … к. ист. н. – М. – 2006. – 168 с.

211. *Маркедонов С.* Чечня. Война как мир и мир как война // Ab Imperio. – 2001. – № 4. – С. 263–292.

212. *Маркедонов С.М.* Политическая ситуация в Ингушетии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 11. – С. 52–64.

213. *Мартынов М.А., Чирун С.Н*. Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах РФ ресурсного типа // Власть. – 2024. – Т. 32. № 5. – С. 116–122. – URL: https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/10332 (дата обращения: 11.11.2024).

214. *Мартынова М.Ю., Грацианская Н.Н. и др*. Этнические проблемы и политика государств Европы. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. – 1998. – 400 с.

215. *Махулова З.А.* Современная региональная геополитика России (на материалах республики Дагестан) / Отв. ред. И.П. Добаев. − Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. − 2007. − 169 с.

216. *Медушевский Н.А*. Территория как фактор этногенеза и принципы территориального разобщения и воссоединения этнической группы // Власть. – 2025. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/territoriya-kak-faktor-etnogeneza-i-printsipy-territorialnogo-razobscheniya-i-vossoedineniya-etnicheskoy-gruppy (дата обращения: 12.05.2025).

217. *Медушевский Н.А., Громова А.С*. Современные институты исламского права // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12. – № 5А–6А. – С. 89–100.

218. *Миллс Р.* Властвующая элита. − М.: «Иностранная литература». − 1959. − 543 с.

219. *Миронов Б.Н.* Почему не распалась Российская Федерация в 1991 г.? // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. – № 44. – С. 678–704.

220. *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). − Пермь: «Пермское книжное издательство». − 2003. − 240 с.

221. *Мукомель В.И. и др.* Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. – 2017. – Т. 1. – С. 37–46.

222. *Мусайханов С.С*. Исламский фактор в военно-политических процессах в Чеченской Республике (1991–2011 гг.): дисс. … к. филос. н. − М. − 2012. − 116 с.

223. *Наронская А.Г.* Теоретико-методологические подходы к изучению «политической элиты» // PolitBook. – 2012. – № 4. – С. 87–95.

224. *Натаев С.А.* Интерпретации структуры чеченского тайпа в кавказоведческих исследованиях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsii-struktury-chechenskogo-taypa-v-kavkazovedcheskih-issledovaniyah (дата обращения: 30.09.2024).

225. *Натаев С.А*. К вопросу о количестве чеченских тайпов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kolichestve-chechenskih-taypov (дата обращения: 01.09.2024).

226. *Натаев С.А.* Чеченский тайп: сущность, структура и социальная динамика: дисс. … к. и. н. – Махачкала. − 2010. − 164 с.

227. *Никульченкова Е.В.* Концептуальные основы и предикторы коррупционного поведения // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21. – № 2. – С. 78–86.

228. *Новицкий И.Я.* Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар: Издательство "Здравствуйте". − 2011. – 270 с.

229. *Новиченко А.И.* Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической деятельности (на примере ЮФО): дисс. … к. полит. н. – Ростов н/Д. – 2009. – 156 с.

230. *Овчинников В.Н.* Социально-экономические проблемы и ресурсы стабилизации положения на Северном Кавказе в новом геоэкономическом формате // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 12. – С. 11–20.

231. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство. – 2006. – С. 309–350.

232. *Осмаев А.Д.* Общественно-политическая ситуация в Чеченской Республике в 1996–1999 гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4-3. – С. 195–202.

233. *Осмаев А.Д.* Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Нальчик: Эль-Фа. − 2008. − 633 с.

234. *Осмаев А.Д., Горюшина Е.М.* Институционализация коллективной памяти тайпов/братств в постконфликтной Чеченской Республике // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19. – № 4. – С. 1110–1123.

235. *Осмаев А.Д., Осмаева П.А.* Чеченская Республика: от Хасавюртовских соглашений до «контртеррористической операции» // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа: сб. матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Грозный, 19 окт. 2019 г.). – Грозный. – 2019. – С. 311–320.

236. *Очирова В.М.* Динамика политического развития России в оценках региональных политических элит // Власть. – 2018. – Т. 29. – № 9. – С. 141–146.

237. *Очирова В.М.* Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества (на материалах республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва): дисс. … д. полит. н. – Улан-Удэ. − 2015. − 583 с.

238. *Паин Эмиль*. Вечная Чеченская: Военной кампании в Чечне – десять лет. Спасибо ее инициаторам – российское общество наращивает потенциал ксенофобии // Московские Новости. – 2004. – № 46. – 3 декабря.

239. *Палитай И.С.* Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 90–100.

240. *Палитай И.С., Данилова А.С.* Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 54. – С. 252–262.

241. *Палитай И.С., Матюсова А.И.* Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования «новичков» и «старожилов» // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 4. – С. 114–130.

242. *Парето В.* Компендиум по общей социологии / пер. с ит. под науч. ред. М.С. Ковалевой. –М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. – 2008. – 576 с.

243. *Парето В*. Элиты и аристократия // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. 4. – № 3–4. – С. 230–239.

244. *Парсонс Т*. Система координат действия и общая теория систем действия // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления. – 1996. – 344 с.

245. *Пляйс Я.А*. О старой и новой элите России: проблемы трансформации // Элитология и стратегии развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. – М. – 2016. – С. 37–51.

246. *Покатов Д.В., Антонова О.Г., Дыльнова З.М*. Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 419–425.

247. Политическая элита современной России: проблемы становления и развития: коллективная монография / Под ред. Л.Г. Титовой. – Ярославль. – 2021. – 195 с.

248. *Поляков А.В.* Социальная сплоченность на северном Кавказе как политический капитал и ресурс эффективности элит // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете. Материалы Международного конгресса / Под ред. А.П. Лунева, П.Л. Карабущенко. – Астрахань: «Астраханский университет», 2017. – №. 10 (41). – С. 319-326.

249. *Поляков Е.М.* Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990–2000-е годы): дисс. … к. полит. н. – Воронеж. – 2009. – 167 с.

250. *Понеделков А.В., Жученко Е.Н., Фасс Ю.С*. Место и роль ростовской научной элитологической школы в изучении региональных административно-политических элит // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. – 2012. – № 3. – С. 102–110.

251. *Понеделков А.В., Игнатова Т.В., Воронцов С.А., Васьков М.А.* Социальные запросы и характер трансформации региональных политико-административных элит в условиях современных системных вызовов // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. – 2019. – № 1. – С. 11–19.

252. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 86–98.

253. *Попиков А.А*. Креативный человеческий капитал как фактор развития инновационной экономики страны // Власть. – 2016. – № 3. – С. 36–40.

254. *Попов М.Е*. Социокультурная интеграция как способ разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 186–196.

255. *Попонов Д.В.* Процесс формирования региональной политической элиты в современной России: дисс. … к. полит. н. – Саратов. − 2004. − 232 с.

256. *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.

257. Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад // *Н.С. Авдулов, Ю.Д. Анчабадзе, Д.Д. Гакаев* [и др.] / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН. – 1999. – 184 с.

258. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 20–32.

259. *Разуваев В.В.* Комментарии к «Государю» Макиавелли − Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. − 2014. − 526 с.

260. Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь). – Ростов-н/Д. – 2003. – 696 с.

261. *Романовский Н.В*. Лики этнократии // Россия и современный мир. – 2000. – № 3. – С. 124–134.

262. Российский Кавказ: книга для политиков / Под ред. В.А. Тишков. – М.: ФГНУ «Росинформагротех». − 2007. – 384 с.

263. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. – М.: «Юрайт». – 2020. − 146 с.

264. *Рыжова С.В*. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // СНиСП. – 2023. – № 4 (44). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-i-tolerantnost-v-polikulturnom-obschestve-obscherossiyskaya-perspektiva-i-situatsiya-v-kabardino-balkarii (дата обращения: 02.09.2024).

265. *Сабанчиев Х.М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа: 1940-е – начало XXI в.: дисс. д. ист. н. – Ростов-н/Д. − 2007. − 411 с.

266. *Саидов А.А.* Основные проблемы трансформирующейся политической системы Республики Дагестан: дисс. … к. полит. н. – Махачкала. − 2018. – 143 с.

267. *Саидова А.С.* Этнический фактор в формировании органов государственной власти Республики Дагестан // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 153–161.

268. *Салгириев А.Р.* Политические элиты современной России как субъект управления политическими процессами (на материалах Республик Северного Кавказа): дис. канд. полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет. − 2012. – 27 с.

269. *Салгириев А.Р.* Ресурсы активности региональных политических элит на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 2. – С. 110–115.

270. *Самедов В.А.* Аппарат полномочного представителя Президента РФ в ЮФО как медиатор конфликтов на Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. В.Г. Игнатов (отв. ред.) и др. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. − 2003. − С. 69.

271. *Санглибаев А.А.* Современный политический процесс на Северном Кавказе: проявление этностатусной асимметрии: дисс. … к. полит. н. – Ростов н/Д. – 2001. – 169 с.

272. *Сарматин Е.С.* Проблемы «чеченской революции» // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 170–171.

273. *Селезнева А.В.* Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. – 2016. – № S. – С. 149–169.

274. *Сидаков А.М.* Динамика развития и рекрутирования российской политической элиты / А.М. Сидаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия,

история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 4. – С. 272–281.

275. *Синютин М.В.* Институциональный подход в экономической социологии. – СПб.: Изд-во НИИХ Санкт-Петербургского государственного университета. – 2002. – 313 с.

276. *Сиражудинова С.В.* Радикализация в современных условиях: гражданское общество в борьбе с экстремистской идеологией // Единство народов России: межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог / ред. колл. Е.В. Бабошина и др. – Махачкала: Апробация, 2016. – С. 120–124.

277. *Сиражудинова С.В.* Формирование основ гражданского общества в традиционалистских условиях Северного Кавказа: дисс. … к. полит. н. – Ростов н/Д. − 2011. − 188 с.

278. *Смирнов А.Н.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. − М.: «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук». – 2001. – 112 с.

279. Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М. – 2015. − 448 с.

280. *Соколова Л.Ю., Ханова Е.В*. Факторы межэтнической напряжённости и конфликтов на территории России // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 149–164.

281. *Соловьев В.А*. Одиннадцать лет постконфликтного урегулирования осетино-ингушского конфликта: проблемы, опыт, рекомендации // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. – Ростов н/Д. – 2003. – С. 311–323.

282. *Солтамурадов М.Д., Добаев И.П., Акаев В.Х*. Суфизм в культуре народов северо-восточного Кавказа. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. − 2008. − 141 с.

283. *Стародубровская И.В.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 1. – С. 92–113.

284. *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России: дисс. … д. полит. н. – Ростов-н/Д. – 2003. − 351 с.

285. *Субботин П.А.* Развитие формальных и неформальных механизмов формирования политической элиты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-3 (62). – С. 161–165.

286. *Сулейманова Ш.С.* Самоопределение народов Северного Кавказа в процессе трансформаций российской государственности: историко-политологический анализ. дисс. … д. полит. н. – М. − 2011. − 367 с.

287. *Сунгуров А.Ю.* Чеченский конфликт и его освещение // Публичная политика. – 2008. – № 1. – С. 133–142.

288. *Тарусина И.Г.* Элитисты и плюралисты в современной политической теории (историографический экскурс) // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 148–153.

289. *Тев Д.Б.* Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 115–130.

290. *Теммоев И.Ю.* Реабилитация репрессированных народов как фактор современного российского политического процесса. дис. канд. полит. – Армавир. − 2009. − 164 с.

291. *Тетуев А.И.* Национальная политика на Северном Кавказе: политические и социально-экономические предпосылки межнационального согласия: 1990-е – начало XXI в.: дисс. … д. ист. н. – Нальчик. – 2006. – 411 с.

292. *Тишков В.А.* Общество в вооружённом конфликте: Этнография чеченской войны. − М.: «Наука». – 2001. − 552 с.

293. *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. − 2019. − Т. 89. − № 4. – С. 408−412.

294. *Тишков В.А*. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука. – 2013. − 649 с.

295. *Тишков В.А*. Слова и образы в чеченской войне: культурный фундаментализм как первопричина национальной трагедии [Электронный ресурс] // Официальный сайт В.А. Тишкова. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/slova_i_ob.html (дата обращения: 13.05.2025).

296. *Тишков В.А., Степанов В.В., Новикова Н.И.* [и др.] Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. − М.: «Наука». − 2011. – 462 с.

297. *Тишков В.А., Филиппова Е.И. и др.* Культурная сложность современных наций. – М: Политическая энциклопедия. – 2016. – 384 с.

298. *Ткаченко А.Е.* Легитимация органов государственной власти субъектов Российской Федерации в постсоветский период: на примере Ставропольского края: дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. − 2009. − 161 с.

299. *Ткаченко В.В.* Чеченский конфликт: политико-правовые механизмы урегулирования: дисс. … к. юрид. н. – Ростов-н/Д. − 2004. − 140 с.

300. *Тощенко Ж.Т.* Элита? Кланы? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – № 11. – С. 123–133.

301. Т*ощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки. − М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). − 2003. − 432 с.

302. *Тощенко Ж.Т.* Этнонациональная политика: плюсы и минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Социология». – 2002. – № 1. – С. 5–19.

303. Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе / Материалы Междунар. семинара (Тверь, 20-22 февр. 1998 г.) / Под ред. проф. А. Мельвиля. – М.: МОНФ. − 1999. − 280 с.

304. *Трунов А.А.* Томас Гоббс и его политическая теория // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 27. – С. 16–27.

305. *Тумов А.А.* Тенденции и проблемы политического развития республик Северного Кавказа в постсоветский период: опыт Кабардино-Балкарии. дисс. … к. ист. н. – Нальчик. − 2020. − 345 с.

306. *Туровский Р.Ф.* Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 82–92.

307. *Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 77–95.

308. *Усова Ю.В.* Современные политико-властные элиты республик Северного Кавказа: проблемы функционирования в контексте социальных изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-2 (60). – С. 193–195.

309. *Ушаков С.В.* Социокультурный анализ этнополитического конфликта (На примере конфликтов в Чеченской Республике): дисс. … к. полит. н. – Ставрополь. – 2004. − 178 с.

310. *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 67–82.

311. *Федорченко С.Н.* Технологии искусственного интеллекта: потенциалы и риски для представителей политической элиты // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-

политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, Ростов-на/Д., 25 марта 2022 года. – Ростов-на/Д.: Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС. – 2022. – С. 244–248.

312. *Федорченко С.Н.* Элита и ее политический режим в условиях сетевых коммуникаций // Журнал политических исследований. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 70–83.

313. Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? / под ред. *К. Мацузато.* − М.: МГИМО-Университет. − 2004. − 368 с.

314. *Фишман Л.Г.* Создают ли демократию элиты? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 2. – С. 61–70.

315. *Фреик Н.В*. Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 5–24.

316. *Фурман Д.Е.* Самый трудный для России народ [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 1999. – 11 нояб. – URL: https://www.ng.ru/ideas/1999-11-11/8_most_difficult.html (дата обращения: 20.02.2024).

317. *Халюзин В.А.* Динамика политической жизни традиционного общества (на примере Северного Кавказа): дисс. … к. полит. н. – Пятигорск. − 2011. – 151 с.

318. *Ханалиев Н.У.* Политические режимы национальных республик Северо-Кавказского федерального округа: факторы формирования и системные характеристики: дисс. … к. полит. н. – М. − 2016. – 208 с.

319. *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – Ростов н/Д. − 2001. – С. 51.

320. *Ханин Д.И.* Политическая элита и политическое лидерство: истоки возникновения и современность // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 9. – С. 10–14.

321. *Холюшкин Ю.П.* Образования в Западной Европе в средние века // Научный альманах. – 2017. – № 3-2. – С. 248–256.

322. *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. − Ростов-на-Дону: «Сев.-Кавк. акад. гос. службы». – 1997. – 143 с.

323. *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы Северо-Кавказского региона: проблемы политического управления: дис. Диссертация в форме научного доклада на соискание учёной степени д. полит. н. – М. − 1997. – 68 с.

324. *Цепляев В.В.* Первая чеченская война // Война и мир в отечественной и мировой истории. – 2020. – С. 1134–1137.

325. *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992−…): его предпосылки и факторы развития. − М.: «Российская политическая энциклопедия». – 1998. − 188 с.

326. *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс. – 1995. – 295 с. (Прогр. «Обновление гуманит. образования в России») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. – Государство и право: Реферативный журнал. – 1996. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/96-03-010-tsygankov-a-p-sovremennye-politicheskie-rezhimy-struktura-tipologiya-dinamika-uchebnoe-posobie-m-interpraks-1995-295-s-progr (дата обращения: 28.09.2023).

327. *Черноус В.В.* Современные геополитические факторы конфликтогенности на Юге России // Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 2005. – С. 237–247.

328. *Черноус В.В.* Этнонационализм и геополитические игры на Кавказе // Философия права. – 2011. – № 2. – С. 114–123.

329. Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Отв. ред. Д.Д. Гакаев, А.Д. Яндаров. – М.: Институт этнологии и антропологии

РАН; Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республики. − 2001. − 277 с.

330. *Чуб О.П.* Социокультурная специфика элиготенеза в современных республиках Северного Кавказа: дисс. … к. соц. н. – Ростов н/Д. − 2004. – 138 с.

331. *Шарафутдинова Э.Ф.* Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. – Ростов н/Д. – 2008. − 173 с.

332. *Шахбанова М.М.* Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодёжи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 1. – С. 257–263.

333. *Шахбанова М.М.* Факторы эскалации этнополитической напряжённости в современном дагестанском обществе // История, археология и этнография Кавказа. – 2017. – № 2 (50). – С. 158–173.

334. *Шенцева Е.А.* Сетевой подход в контексте философского дискурса // Философия и общество. – 2012. – № 8. – С. 42−49.

335. *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии: середина 1980-х – 1990-е гг. дисс. … к. ист. н. – Нальчик. − 2010. − 206 с.

336. *Шорова М.Б.* Этнополитические процессы в современной Кабардино-Балкарии: конфликты и пути их преодоления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 13. – С. 66–70. – URL: http://e-koncept.ru/2014/64095.htm (дата обращения: 22.06.2023).

337. *Шуликов А.О.* Региональная элита в российском актуальном политическом процессе (на материалах Камчатского края): дисс. … к. полит. н. – Петропавловск-Камчатский. − 2018. − 246 с.

338. Элиты Северного Кавказа: опыт польско-российского сотрудничества // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 1. – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/elity-severnogo-kavkaza-opyt-polsko-rossiyskogo-sotrudnichestva (дата обращения: 01.08.2023).

339. *Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М.* Римское право в Западной Европе / Образование и право. – 2022. – № 1. – С. 294–298.

340. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г: Экспертный доклад. Научное издание / *Р.И. Абакаров, В.А. Авксентьев, А.З. Адиев* [и др.]. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет. – 2018. – 167 с.

341. Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред.: В.А. Тишков, А.В. Черных. – Пермь: Изд-во «Маматов». − 2024. − 456 с.

342. *Эфендиева Д.А.* Социально-экономические проблемы как фактор нестабильности на Северном Кавказе//Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2004. – № 3. – С. 34–37.

343. *Юрченко В.М.* Политика как фактор региональной конфликтности: автореферат дисс. … д. полит. н. − Краснодар. – 1998. − 37 с.

344. *Юсупова Г.И.* Влияние вызовов модернизации на императивы инновационного развития элит Северного Кавказа // Общество: политика, экономика, право. − 2016. − № 9. – С. 13-15.

345. *Юсупова Г.И.* Региональная элита как политический актор современной национальной политики на Северном Кавказе // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-elita-kak-politicheskiy-aktor-sovremennoy-natsionalnoy-politiki-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 22.07.2023).

346. *Якимов В.А.* Российское казачество в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве. дис. канд. ист. наук. – СПб. − 2017. − 250 с.

347. *Altınsoy Z.D., Değer F., Açıkgöz A.* The impact of the instability and impunity problem associated with ethnic diversity on regional security: the case of Dagestan//MANAS Journal of Social Studies. – 2023. – Vol. 12. – № 2. – Pp. 834–848.

348. *Bass B.M., Bass Bernard M*. Leadership and performance beyond expectations. – New York: Free Press. − 1985. – 256 p.

349. *Bentley A.* The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Chicago: The University of Chicago Press. – 1908. − 501 p.

350. *Bevir M., Rhodes R.A. W., Weller P.* Traditions of Governance: Interpreting the Changing Role of the Public Sector // Public Administration. – 2003. – Vol. 81. –No. – 1. Pp. 1–17.

351. *Bourdieu P.* Choses dites. – Paris: Minuit. – 1987. – P. 113.

352. Bourdieu P. et al. A social critique of the judgement of taste // Traducido del francés por R. Nice. – Londres. – Routledge. −1984. – 613 с.

353. *Collins R.* Weberian sociological theory. – Cambridge University Press. − 1986. − 356 p.

354. *Conger J.A., Kanungo R.N.* Charismatic leadership in organizations. – Sage Publications. − 1998. − 228 p.

355. *Connerton P.* How Societies Remember [Электронный ресурс]. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1989. – 121 p. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/how-societies-remember/6CC86C87803676EB0559C10E0E228CC4 (дата обращения: 02.05.2025).

356. Dagestan’s Threat: Tension Along Ethnic and Religious Lines [Электронный ресурс] // Robert Lansing Institute. – 06.03.2025. – URL: https://lansinginstitute.org/2025/03/06/12952/ (дата обращения: 01.04.2025).

357. *Dahl R.* Pluralist Democracy in the United States: Conflict and Consent. – Chicago. − 1967. – 471 p.

358. Ethnic conflicts in Chechnya and Dagestan: event summary [Электронный ресурс] // Belfer Center. – URL: https://www.belfercenter.org/publication/ethnic-conflicts-chechnya-and-dagestan-event-summary#:~:text=The%20first%20Chechen%20war%20began%2C,nevertheless%2C%20he%20stated%20that%20the (дата обращения: 02.01.2025).

359. Ethno-political profile of Dagestan [Электронный ресурс] // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 2024. URL: https://besacenter.org/ethno-political-profile-of-dagestan/ (дата обращения: 05.09.2024).

360. *Evseev A.Yu.* Dynamics of the Media Image of the Head of the Chechen Republic Ramzan Kadyrov in the Context of Political Media Communication in Russia // Administrative Consulting. − 2023. − No.1. − Pp. 91–99.

361. *Kazakov V.O.* Conservative traditions of modern Eurasian political elites // Власть и элиты. – 2024. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/conservative-traditions-of-modern-eurasian-political-elites (дата обращения: 20.02.2025).

362. *Khanin D.* Contrasting Burns and Bass: Does the transactional-transformational paradigm live up to Burns' philosophy of transforming leadership? // Journal of leadership studies. – 2007. – Т. 1. – № 3. – Pp. 7–25.

363. *Klyachkina S.* Governance under Polycentric Rule: Goods Provision, Dispute Resolution, and Symbolic Practices in Dagestan [Электронный ресурс] // Association for the Study of Nationalities. – 2019. – URL: https://nationalities.org/custom-content/uploads/2022/02/ASN19-K2-Klyachkina.pdf (дата обращения: 22.06.2023).

364. *Koehler J., Gunya A., Shogenov M., Tumov A*. Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria // Perspectives on Terrorism. – 2020. – Vol. 14. – № 2. – Pp. 93–111. – URL: https://www.jstor.org/stable/26910410 (дата обращения: 02.01.2025).

365. *Kravtsova F.G., Rumyanskaya N.S., Blagorodov A.A., Prokhorov V.T., Volkova G.Yu.* What prevents you from trusting the North Caucasus regional elites to perceive people from the republics of the turbulent region as fellow citizens and not strangers? // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2024. – № 1 (129). – С. 101–116.

366. *Kryshtanovskaya O*. The legacy of tandemocracy: Russia's political elite during Putin's third presidency // Baltic Worlds. – 2014. – Т. 7. – № 2-3. – Pp. 14–21.

367. *Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N*. Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. – Vol. 9. – № 1. – Pp. 57–73. URL: https://psychologyinrussia.com/volumes/?article=4627&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 02.08.2024).

368. *Macey D.* The Penguin Dictionary of Critical Theory. – Penguin Books. − 2000. – 490 p.

369. *Malakhov V., Osipov A.* Managing Ethnic Diversity in Post-Soviet Context: The Cases of Russia, Ukraine, and Kazakhstan // Problems of Post-Communism. – 2023. – Vol.71. – No.5. – Pp. 405–415.

370. *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. − New York: Hearst's International Library Co. − 1915. − 416 p.

371. *Mosca G.* The Ruling Class. – New York: McGraw-Hill Book Company. – 1939. − 514 p.

372. North Caucasus – Dagestan: People, Politics and Power [Электронный ресурс] / PPP Project. [б. м.], [б. г.]. PDF-файл. – URL: file:///C:/Users/user/Downloads/PPP%20-%20North%20Caucasus%20-%20Dagestan%20EN%20(1).pdf (дата обращения: 23.02.2025).

373. *Panov P., Ross C.* Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime // Europe-Asia Studies. – 2019. – Vol. 71. – № 2. – С. 268–289.

374. *Pareto V.* Mind and Society. – New York: Harcourt, Brace and Company. – 1935. – 600 p.

375. Pareto V. The Rise and the Fall of the Elite: An Application of the Theoretical Sociology. – N.Y.: Bedminster Press. – 1968 – 120 p.

376. *Pavlenishvili N.* Central State vs Regional Autonomy – Political Elite's Action Strategy. 2024. – Paris. International Conference on Interdisciplinary Research in Social Sciences, 11-12 January. Proceedings of Social Science and Humanities Research Association (SSHRA). – 2024. – 05-21.

377. *Piattoni S.* (ed.). Clientelism, Interests, and Democratic Representation: The European Experience in Historical and Comparative Perspective. – Cambridge University Press. − 2001. − 256 p.

378. *Reuter O.J., Remington T.F.* Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // Comparative Political Studies. – 2009. – Vol. 42. – № 4. – Pp. 501–526.

379. *Reuter O.J., Robertson G.B*. Sub-national appointments in authoritarian regimes: evidence from Russian gubernatorial appointments // The Journal of Politics. – 2012. – Vol. 74. – № 4. – Pp. 1023–1037.

380. *Rivera S.W., Rivera D.W.* The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? Post-Soviet Affairs. – 2006. – No. 22:2. – Pp. 125–144.

381. *Russell J.* Chechen Elites: Control, Cooption or Substitution? // Elites and Identities in Post-Soviet Space. – London: Routledge. – 2013. – Pp. 149–163.

382. Russia. Regional Elites in the Era of the "Special Military Operation" [Электронный ресурс] // Re: Russia: Reinventing Russia Expertise. – 2023. – URL: https://re-russia.net/en/expertise/0224/ (дата обращения: 02.01.2025).

383. *Safronova K.V.* Views of Political and Administrative Elite of the Region about Its Sociocultural Dynamics // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2016. – Vol. 9. – No. 9. – Pp. 2260–2268.

384. *Salgiriev A.R., Osmaev A.D., Betilmerzaeva M.M*. [et al.] Structuring political elites // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Grozny, 01-03 ноября 2018 года. Future Academy: Published by the Future Academy. – 2019. – Pp. 2605–2610.

385. *Sanghi A., Freije Rodriguez S., Posarac A*. Stemming Russia's Informality: Unearthing Causes and Developing Solutions [Электронный ресурс] / A. Sanghi, S. Freije Rodriguez, A. Posarac. – Washington (DC): World Bank. – 2019. Режим доступа: https://coilink.org/20.500.12592/25jpss (дата обращения: 07.11.2024).

386. *Savin I.* Challenges to Russia's Civil Unity and Internal Stability from Religious, Ethnic and Regional Extremism // Politics and Religion Journal. – 2024. – Vol. 18. – № 2. – Pp. 379–402.

387. *Schmoller J., Laruelle M.* What Does the Mufti Say? Internal and Public Debates about Islam in Russia // Problems of Post-Communism. − 2025. − Vol.72. − No.2. − Pp. 113–118.

388. *Shakhbanova M.M*. Religiosity of Dagestan Youth // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. – 2024. – № 3. – Pp. 191–210.

389. The Kremlin's balancing act: the war's impact on regional power dynamics [Электронный ресурс] // Foreign Policy Research Institute. 28.02.2025. – URL: https://www.fpri.org/article/2025/02/the-kremlins-balancing-act-the-wars-impact-on-regional-power-dynamics/ (дата обращения: 01.03.2025).

390. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. New York: Free Press; Simon & Schuster. − 2009. − 448 p.

391. *Zdravomyslov A.G., Tsutsiev A.A.* Ethnic and cultural aspects of poverty // Poverty and Social Exclusion in the New Russia. London. − 2017. − Pp. 149–173.